

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

№ 2 • 2021

ISSN: 2310–8681
Издается с 2013 г.

Учредители:

Машкевич И.М., Орлов В.Н., Антопян Е.А., Зайцев О.А.

Издатель:

Издательство «Прспект»

Главный редактор:

Машкевич Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора:

Овчинский Владимир Семенович, доктор юридических наук, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Эминов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Зайцев Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Звягинцев Александр Григорьевич, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Редакционный совет:

Асташинов Виктор Викторович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российской криминологической ассоциации (Россия, г. Москва)

Блажеев Виктор Владимирович, кандидат юридических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Буянов Владимир Петрович, доктор экономических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Гордиенко Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Клемешев Андрей Павлович, доктор политических наук, президент ФГАОВ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Калининград)

Саренбаев Талгат Есиналиевич, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Республика Казахстан, г. Астана)

Редакционная коллегия:

Абшилова Георгий Валерьянович, доктор юридических наук, профессор, адвокат, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Уральскому федеральному округу, почетный адвокат Российской Федерации (Россия, г. Екатеринбург)

Аветисян Сергей Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор Российско-Армянского (Славянского) университета, председатель Палаты по уголовным и военным делам Кассационного суда Республики Армения, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Армения (Армения, г. Ереван)

Антопян Елена Александровна, доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Нижний Новгород)

Барков Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Россия, г. Москва)

Бодров Николай Филиппович, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Велиев Исахан Вейсал-оглы, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Азербайджане (Азербайджанская Республика, г. Баку)

Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Центральному федеральному округу (Россия, г. Рязань)

Жалаири Омрли Шакарпулы, доктор юридических наук, профессор, ректор Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева, академик высшей школы Казахстана, заслуженный деятель Казахстана, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Казахстан (Республика Казахстан, г. Алматы)

Ильашенко Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Южному федеральному округу (Россия, г. Краснодар)

Кадников Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Московский университет МВД имени В.Я. Кикотя» (Россия, г. Москва)

Казак Бронислав Брониславович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой организации правоохранительной и правозащитной деятельности ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Северо-Западному федеральному округу (Россия, г. Псков)

Лукьянов Владимир Викторович, кандидат юридических наук, доцент, советник ректора ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени

А.И. Герцена», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Санкт-Петербургу (Россия, г. Санкт-Петербург)

Маркрян Рубен Валерьевич, кандидат юридических наук, профессор НОУ ВПО «Российская академия адвокатуры и нотариата», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Москве (Россия, г. Москва)

Мельников Николай Николаевич, доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» (Россия, г. Орел)

Номоконов Виталий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОВ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (Россия, г. Владивосток)

Петрашин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Нижнем Новгороде (Россия, г. Нижний Новгород)

Рарог Алексей Иванович, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Редникова Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права, научный сотрудник ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Россинская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Саламова Себила Якубовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Селиверстов Вячеслав Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Скуратов Юрий Ильич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, президент Фонда «Правовые технологии XXI века» (Россия, г. Москва)

Тунавический Никола, доктор юридических наук, профессор, руководитель магистерской программы кафедры уголовного права юридического факультета «Iustinianus Primus» Университета Святых Кирилла и Мефодия (Республика Македония, г. Скопье)

Устюгова Валентина Владимировна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Халилов Рафик Нурулович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ФГАОВ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Приволжскому федеральному округу, почетный работник МВД России (Россия, г. Казань)

Хельмани Уве, dr. jur. habil., профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия, г. Потсдам)

Хуньянь Лю, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором экологического права Института права Китайской академии общественных наук (Китай, г. Пекин)

Шамурзаев Таалайбек Туреунович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминологии Кыргызско-Российского Славянского университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Кыргызской Республике (Кыргызская Республика, г. Бишкек)

Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-западный государственный университет», руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Курске (Россия, г. Курск)

Шидловский Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск)

Ширяев Юрий Егорович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина (Россия, г. Москва)

Шнико Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ФГАОВ ВО «Сибирский федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Научный редактор:

Редникова Татьяна Владимировна

Помощники выпускающего редактора:

Приходько Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры подготовки руководящего состава органов внутренних дел Филиала Академии управления МВД России «Болшево», член Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Овчинникова Елизавета Олеговна, редактор-переводчик (Россия, г. Москва)

Почта журнала

skk_ykk@mail.ru

Адрес: 105005, г. Москва, Лефортовский пер, д. 12/50, корп. 1

Тел.: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

http://crimescience.ru; http://criminology.ru

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. — 2021. — № 2.

М.: ООО «Издательство Проспект», 2021. — 208 с.

Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЕЛИ № ФИ77-72228 от 1 февраля 2018 г.

Подписано в печать 15.06.2021. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. 26 п. л. Тираж 500. Цена свободная.

Journal DOI 10.31085/2310–8681 Issue DOI 10.31085/2310–8681–2021–2–208

VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

№ 2 • 2021

ISSN: 2310–8681
Wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:

Matskevich I.M., Orlov V.N., Antonyan E.A., Zaytsev O.E.

Verleger:

Prospekt

Der Chefredakteur:

Matskevich Igor Mikhailovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Präsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Stellvertreter des Chefredakteurs:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Eminov Vladimir Evgenevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Anwalt der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zyagintsev Aleksand Grigorievich, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Redaktionsbeirat:

Astanin Viktor Viktorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident der Russischen Vereinigung für Kriminologie (Moskau, Russland)

Blazhev Viktor Vladimirovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doktor der Wirtschaftswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Gordienko Vladimir Vasilievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Doktor der Politikwissenschaften, Präsident der Baltischen Föderalen Immanuel-Kant-Universität, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Kaliningrad, Russland)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Almaty, Republik Kasachstan)

Redaktionskollegium:

Abshilava Georgiy Valerianovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Rechtsanwalt, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Föderalen Bezirk Ural Russlands, Vereidigter Rechtsanwalt der Russischen Föderation (Jekaterinburg, Russland)

Avetisyan Sergik Sergeevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Russisch-Armenischen (Slawischen) Staatlichen Universität, Vorsitzender der Kammer für Kriminelle und Militärische Fälle von Armenien Kassationsgericht, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Armenien (Jerewan, Republik Armenien)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor an der Nyzhnyy Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Nyzhnyy Novgorod, Russland)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Abteilung für Gesetzliche Regulierung der Wirtschaftstätigkeit der Finanzuniversität der Regierung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Bodrov Nikolai Filipovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Forensische Untersuchung der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Veliev Isakhan Yveysale-ogly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Akademie für Öffentliche Verwaltung unter dem Präsidenten der Republik Aserbaidschan, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Aserbaidschan (Baku, Republik Aserbaidschan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Zentral Föderalen Bezirk Russlands (Rjasan, Russland)

Jalairi Omrali Shakarapuly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Eurasischen Kunaev Akademie für Jurisprudenz, Akademiemitglied der Kasachischen Oberschule, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kasachstan, Verdienter Arbeiter Kasachstans (Almaty, Republik Kasachstan)

Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor, Lehrstuhlinhaber für Straf- und Wirtschaftsrecht an der Fakultät für Jura der Universität Potsdam (Potsdam, Bundesrepublik Deutschland)

Hongyan Liu, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Bereichs Umweltrecht des Instituts für Recht der Chinesischen Akademie der Sozialwissenschaften (Peking, Volksrepublik China)

Iyashenko Aleksey Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Staatlichen Kuban-Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Südlichen Föderalen Bezirk Russlands (Krasnodar, Russland)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter der Organisation der Strafverfolgung und der Menschenrechtsaktivitäten, Vorsitzender der Pskover Staatlichen Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Nordwestlichen Föderalen Bezirk Russlands (Pskov, Russland)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Berater des Rektors der Staatlichen Pädagogischen A.I. Herzen Universität St. Petersburg, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russland)

Markarjan Ruben Valerievich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor an der Russischen Akademie für Anwaltschaft und Notariat, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Moskau (Moskau, Russland)

Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Lehrstuhlinhaber für Zivilrecht und Zivilprozess am Institut für Recht der Orel Staatlichen I.S. Turgenev Universität (Orel, Russland)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Fernöstlichen Föderalen Universität (Wladivostok, Russland)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Professor am Lehrstuhl für Straf- und Strafvollzugsrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität der Russischen Föderation, Leiter der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Nyzhnyy Novgorod (Nyzhnyy Novgorod, Russland)

Rarog Alexey Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Wissenschaftlicher Berater am Lehrstuhl für Strafrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Leitende Wissenschaftliche Mitarbeiterin im Bereich Umwelt-, Land- und Agrarrecht, Forscherin am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Lehrstuhlinhaberin für Gerichtsgutachten der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Salamova Sebila Jakubovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Moskauer Staatlichen Lomonossov Universität, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Skuratov Yury Ilyich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Verfassungs- und Völkerrecht der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas, Präsident der Stiftung "Förderung der Rechtstechnologien XXI. Jahrhunderts" (Moskau, Russland)

Tupancevski Nikola, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Masterstudiengangs des Lehrstuhls für Strafrecht der Juristischen Fakultät "Justinianus Primus" der Universität St. Cyril und Methodius (Skopje, Republik Mazedonien)

Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Wissenschaftliche Hauptmitarbeiterin im Bereich der Umwelt-, Land- und Agrarrecht am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Khalilov Rafik Nurulovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht der Kasaner Föderalen Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Privolgsjy Föderalen Bezirk Russlands, Verdienter Arbeiter des Ministeriums für Innere Angelegenheiten der Russischen Föderation (Kasan, Russland)

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlinhaber für Strafverfahren und Kriminologie an der Kirgisisch-Russischen (Slawischen) Universität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Kirgisischen Republik (Bischkek, Kirgisische Republik)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Dekanin der Juristischen Fakultät der Süd-West-Universität Kursk, Leiterin der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kursk (Kursk, Russland)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Prodekan der Rechtsfakultät der Belorussischen Staatsuniversität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Belarus (Minsk, Republik Belarus)

Shiryayev Yury Yegorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Verfassungs- und Völkerrecht der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas (Moskau, Russland)

Shishko Irina Victorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Direktorin des Instituts für Rechtswissenschaften der Sibirischen Föderalen Universität, Leiterin des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Sibirischen Föderalen Bezirk Russlands, Verdienter Arbeiterin der Hochschulausbildung der Russischen Föderation (Krasnojarsk, Russland)

Wissenschaftlicher Redakteur:

Rednikova Tatiana Vladimirovna

Redakteur Assistenten:

Prikhodko Natalia Yuryevna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Leitende Lehrerin am Lehrstuhl für die Ausbildung der Leitung der Organe für Inneren Angelegenheiten in der Filiale der Akademie des Innenministeriums Russlands "Bolsho"vo", Mitglied des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Ovchinnikova Elizaveta Olegovna, Redakteurin-Übersetzerin (Moskau, Russland)

E-mail

skk_ykk@mail.ru

Adresse: 105005, Russland, Moskau, Lefortovskij Pereulok, 12/50, Gebäude 1.

Telefon: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

Verband der Kriminalisten und Kriminologen: periodischen Druckschrift, Zeitschrift. — 2021. — Nr. 2
Moskau: Gmbh "Verlag Prospekt", 2021. — 208 Seiten.

Es werden Arbeiten auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.

die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation,

Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskomnadsor)

registriert. Eintragungsbekanntmachung der Massenmedien PI Nr. FS77-72228 vom 1. Februar 2018.

Am 15.06.2021 in Druck gegeben, Format 60×90 1/8. Offsetdruck Papier. Druckliste 26. Auflage 500 Exemplare. Der Preis ist frei.

Journal DOI 10.31085/2310–8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2021-2-208

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

№ 2 • 2021

ISSN: 2310–8681
Published since 2013

Founders:

Matskevich I.M., Orlov V.N., Antonian E.A., Zaitsev O.E.

Publisher:

Prospekt

The Editor-in-Chief:

Matskevich Igor Mikhailovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Executive Editors-in-Chief:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doctor of Legal Sciences, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Eminov Vladimir Evgenievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zvyagintsev Aleksand Grigorievich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Editorial Collegium:

Astanin Viktor Viktorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Russian Association for Criminology (Moscow, Russia)

Blazhev Viktor Vladimirovich, Candidate of Legal Sciences, Professor, Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Gordienko Vladimir Vasilievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Doctor of Political Sciences, President of Immanuel Kant Baltic Federal University, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Kaliningrad, Russia)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Editorial Board:

Abshilava Georgiy Valerianovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Attorney, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Ural Federal District of Russia, Honored Attorney of Russia (Ekaterinburg, Russia)

Avetisyan Sergik Sergeevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of Russian-Armenian (Slavonic) University, Chairman of the Chamber for Criminal and Military Cases of Armenia Cassation Court, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Armenia (Yerevan, Republic of Armenia)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Doctor of Legal Sciences, Professor of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Doctor of Legal Sciences, Professor of Nyzhnyy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation (Nyzhnyy Novgorod, Russia)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Legal Regulation of Economic Activity at the Financial University under the Russian Federation Government (Moscow, Russia)

Bodrov Nikolai Filipovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Veliev Isakhan Veysale-ogly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Azerbaijan (Baku, Republic of Azerbaijan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Central Federal District of Russia (Ryazan, Russia)

Jalalir Omrali Shakarapuly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Rector of Kunaev Eurasian Law Academy, Academician of the Higher School of Kazakhstan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Kazakhstan, Honored Worker of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor, Head of the Chair of Criminal and Economic Criminal Law at the Faculty of Law of the University of Potsdam (Potsdam, Federal Republic of Germany)

Hongyan Liu, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Sector of Environmental Law of the Institute of Law of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, People's Republic of China)

Iyashenko Aleksey Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kuban State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Southern Federal District of Russia (Krasnodar, Russia)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Organization of Law Enforcement and Human Rights Activities at Pskov State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the North-Western Federal District of Russia (Pskov, Russia)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Advisor to the Rector of Herzen State Pedagogical University of Russia, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russia)

Markarjan Ruben Valerievich, Candidate of Legal Sciences, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Moscow (Moscow, Russia)

Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Head of the Chair of Civil Law and Procedure of the Institute of Law at Orel State I.S. Turgenev University (Orel, Russia)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Far-Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Professor of the Chair of Criminal and Criminal Executive Law at Nyzhnyy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Nyzhnyy Novgorod (Nyzhnyy Novgorod, Russia)

Rarog Alexey Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Research Supervisor of the Chair of Criminal Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Salamova Sebilja Jakubovna, Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Skuratov Yury Ilyich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and International Law at the National University of Oil and Gas "Gubkin University", President of the "Legal Technologies of the XXI Century" Fund (Moscow, Russia)

Tupancevski Nikola, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Master's Program of the Chair of Criminal Law at the Faculty of Law "Iustinianus Primus" of the University of Saints Cyril and Methodius (Skopje, Republic of Macedonia)

Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Khalilov Rafik Nurulovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law at Kazan Federal University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Privolzhsky Federal District of Russia, Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Kazan, Russia)

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure and Criminology at Kyrgyz-Russian Slavic University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Dean of the Faculty of Law of the Southwest State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Kursk (Kursk, Russia)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Vice-Dean of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belorussia)

Shiryayev Yury Yegorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and International Law at the National University of Oil and Gas "Gubkin University" (Moscow, Russia)

Shishko Irina Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Director of Siberian Federal University Law Institute, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Siberian Federal District of Russia, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russia)

Scientific Editor:

Rednikova Tatiana Vladimirovna

Editor's Assistants:

Prikhodko Natalia Yuryevna, Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Chair of Training the Management Staff of Internal Affairs Bodies in the Branch of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia "Bolshevo", Member of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Ovchinnikova Elizaveta Olegovna, Editor-Translator (Moscow, Russia)

E-mail

skk_vkk@mail.ru

Address: Building 1, Lefortovskiy Pereulok, Moscow, 105005, Russia

Telephone: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. — 2021. — No. 2.

Moscow: LLC "Publisher Prospekt", 2021. — 208 p.

The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass Media (Roscomnadzor).

Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77-72228 issued on February 1, 2018.

Works in Sphere of criminal sciences and criminal politics art; published.

Signed for publishing 15.06.2021. Format 60×90 1/8. Offset paper. Pr. Sheets 26. Circulation 500. Openprice.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2021-2-208

СОДЕРЖАНИЕ

КРИМИНОЛОГИЯ

Клебанов Лев Романович

Технические меры предупреждения преступности: понятие, виды и субъекты применения..... 7

Дегтерев Андрей Александрович

Криминализация преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина с учетом распространенности деяния 21

Кадников Николай Григорьевич

К вопросу об инициативе Верховного Суда РФ по введению в УК РФ категории уголовных проступков 29

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Зайцев Олег Александрович

Новые уголовно-процессуальные механизмы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности..... 33

Трибуна ВУЗА

ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Альханов Насрудин Магомедович

Современные тенденции формирования международного терроризма 39

Айсханова Екатерина Султановна

Современные подходы определения международного терроризма 43

Бидова Бэла Бертовна

Роль права в формировании системы правового обеспечения национальных интересов 49

Ганаева Есита Эминовна

Основные детерминанты преступлений экстремистской направленности 54

Мусаев Сайд-Магомед Исламович

Организационно-правовые основания национальной безопасности современной России..... 58

Ярычев Насруди Увайсович, Саидов Заурбек Асланбекович

Вопросы национальной безопасности России в аспекте решения миграционных проблем 63

Яхьяева Мархат Увайсовна

Основные факторы, детерминирующие легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества 67

КРИМИНАЛИСТИКА

Асаенок Борис Валерьевич

Научно-теоретические основы криминалистического образования для обеспечения ведения административного процесса в Республике Беларусь..... 73

Кучин Олег Стасьевич, Кучина Ярослава Олеговна

Ретроспективно-перспективный анализ дефиниции «цифровая криминалистика» 84

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Саргсян Аделина Арменовна

Некоторые проблемы законодательной регламентации состояния опьянения в системе норм Общей и Особенной частей УК Российской Федерации и Республики Армения..... 102

Жилкин Максим Геннадьевич

К вопросу об уголовной ответственности за неоконченное незаконное предпринимательство 110

Лебедев Максим Владимирович,

Серебренникова Анна Валерьевна

Искусственный интеллект: проблемы регулирования в уголовном законодательстве Российской Федерации 116

ЛЕТНЯЯ ПРАВОВАЯ ШКОЛА ПОТСДАМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Кнайш Лоннеке

Медицинская эвтаназия..... 121

Корнблум Оливер

Нарушение запрета о разглашении врачебной тайны..... 126

Рюе Лука Софи

Коррупция в сфере здравоохранения: возможно ли эффективно противодействовать коррупции в сфере здравоохранения средствами уголовного уложения ФРГ..... 131

Торак Ирина

Неоказание медицинской помощи: «подлинный» и «ненастоящий» деликт, совершаемый путем преступного бездействия 137

Ведемунд Кора

Уголовно-правовые проблемы, связанные с трансплантацией органов..... 142

Циглер Хелене

Медицинское (лечебное) вмешательство как нанесение телесных повреждений..... 148

Цимборски Зара

Мошенничество при осуществлении расчетов в сфере здравоохранения..... 154

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

Горюнов Виталий Сергеевич, Котова Ксения Александровна,

Лебедева Елена Максимовна, Минюшкина Анастасия

Руслановна

Группировки как вид подростково-молодежных деструктивных сообществ 159

ИНТЕРВЬЮ

Саламова Себила Якубовна, Белова Валерия Александровна,

Горбунов Станислав Валерьевич, Тихонов Роман Игоревич

Интервью профессора кафедры криминологии

и уголовно-исполнительного права Московского

государственного юридического университета имени

О.Е. Кутафина, доктора юридических наук, профессора

Геннадия Владимировича Дашкова..... 165

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 175

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN 177

ABOUT THE AUTHORS..... 179

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER..... 181

ANNOTATIONS AND KEYWORDS..... 194

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»..... 206

INHALT

KRIMINOLOGIE

- Klebanov L.R.*
Technische Maßnahmen zur Verhütung des Verbrechens:
ein Konzept, Arte und Subjekte der Verwendung 7
- Degterev A.A.*
Kriminalisierung von Verbrechen gegen die
verfassungsmäßigen Menschenrechte und Bürgerrechte
und -freiheiten unter Berücksichtigung der Verbreitung
des Gesetzes 21
- Kadnikov N.G.*
Zur Frage der Initiative des Obersten Gerichtshofs der
Russischen Föderation zur Einführung der Kategorie von
strafrechtlichen Vergehen in das Strafgesetzbuch der
Russischen Föderation 29

STRAFPROZESSRECHT

- Zaytsev O.A.*
Neue Strafprozessmechanismen im Bereich der
unternehmerischen und anderen wirtschaftlichen
Aktivitäten 33

TRIBÜNE DER UNIVERSITÄT DER STAATLICHEN CHECHEN -UNIVERSITÄT

- Al'hanov N.M.*
Moderne Tendenzen der Bildung des internationalen
Terrorismus 39
- Aiskhanova E.S.*
Moderne Ansätze zur Definition des internationalen
Terrorismus 43
- Bidova B.B.*
Die Rolle des Rechts bei der Bildung des Systems der
Rechtssicherung der nationalen Interessen 49
- Ganaeva E.E.*
Die wichtigsten Determinanten der extremistischen
Verbrechen 54
- Musaev S.-M.I.*
Organisatorische und rechtliche Grundlagen der
nationalen Sicherheit des modernen Russland 58
- Yarychev N.U., Saidov S.A.*
Die Fragen der nationalen Sicherheit Russlands in den
Aspekten der Lösung der Migrationsprobleme 63
- Yakhyayeva M.U.*
Die wichtigsten Faktoren, die die Legalisierung
(Geldwäsche) von Geldmitteln oder anderen
Vermögenswerten determinieren 67

KRIMINALISTIK

- Asayonok B.V.*
Wissenschaftliche und theoretische Grundlagen der
forensischen Ausbildung, um den Verwaltungsprozess in
der Republik Belarus zu sichern 73
- Kuchin O.S., Kuchina Ya.O.*
Retrospektiv-perspektivische Analyse über die Definition
„digitale Forensik“ 84

STRAFRECHT

- Sargsyan A.A.*
Einige Probleme der gesetzlichen Regelung des
betrunkenen Zustandes im System der Normen der
Allgemeinen und Speziellen Teile des Strafgesetzbuches
der Russischen Föderation und der Republik Armenien 102
- Zhilkin M.G.*
Zur Frage der strafrechtlichen Verantwortlichkeit fürs
unvollendete illegale Unternehmertum 110
- Lebedev M.V., Serebrennikova A.V.*
Künstliche Intelligenz: Regulierungsprobleme im
Strafrecht der Russischen Föderation 116

RECHTLICHE SOMMERSCHULE DER UNIVERSITÄT POTSDAM

- Knaisch L.*
Ärztliche Sterbehilfe 121
- Kornblum O.*
Verletzung der ärztlichen Schweigepflicht 126
- Rühe L.S.*
Korruptionen im Gesundheitswesen –
kann der Korruption im Gesundheitswesen effektiv
mit den Mitteln des Strafgesetzbuches entgegengewirkt
werden? 131
- Torak I.*
Verweigerung der Behandlung: Echtes
Unterlassungsdelikt und unechtes Unterlassungsdelikt 137
- Wegemund C.*
Strafrechtliche Probleme im Zusammenhang mit der
Organtransplantation 142
- Ziegler H.*
Der ärztliche (Heil-)Eingriff als Körperverletzung 148
- Zimborski S.*
Abrechnungsbetrug im Gesundheitswesen 154

MOSKAUER KRIMINOLOGISCHE PRAXIS

- Goryunov V.S., Kotova K.A., Lebedkina A.M., Minyushkina A.R.*
Gruppierungen als eine Art von jugendlichen
destruktiven Gemeinschaften 159

INTERVIEW

- Salamova S.Ya., Belova V.A., Gorbunov S.V., Tikhonov R.I.*
Interview mit Gennadiy Vladimirovich Dashkov,
Doktor der Rechtswissenschaften, Professor,
Professor am Lehrstuhl für Kriminologie und
Strafvollzugsrecht der Moskauer Staatlichen
Juristischen O.E. Kutafin Universität 165

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN 177

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER 181

- EINLEITUNG FÜR DIE GESTALTUNG
VON WISSENSCHAFTLICHEN ARTIKELN
UND MATERIALIEN FÜR DIE ZEITSCHRIFT
VERBAND DER KRIMINALISTEN
UND KRIMINOLOGEN 206

CONTENTS

CRIMINOLOGY

- Klebanov L.R.*
Technical measures of preventing the crime: concept, types and agents of using7
- Degterev A.A.*
Criminalization of offences against constitutional human and civil rights and freedoms, taking into account the prevalence of the act.....21
- Kadnikov N.G.*
On the initiative of the Supreme Court of the Russian Federation to introduce the category of criminal misdemeanors to the Criminal Code of the Russian Federation29

CRIMINAL PROCEDURAL LAW

- Zaitsev O.A.*
New criminal procedure mechanisms in the field of entrepreneurial and other economic activities.....33

PRESENTATION OF THE UNIVERSITY CHECHEN STATE UNIVERSITY

- A'lhanov N.M.*
Modern trends in the formation of international terrorism39
- Aiskhanova E.S.*
Modern approaches to the definition of international terrorism43
- Bidova B.B.*
The role of law in the formation of a system of legal support of national interests.....49
- Ganaeva E.E.*
The main determinants of extremist crimes.....54
- Musaev S.-M.I.*
Organizational and legal bases of national security in modern Russia58
- Yarychev N.U., Saidov Z.A.*
Issues of national security of Russia in the aspects of solving migration problems.....63
- Yakhyayeva M.U.*
The main factors that determine money or other property legalization (laundering)67

CRIMINALISTIC

- Asayonok B.V.*
Scientific and theoretical bases of criminalistic education to ensure the administrative process in the Republic of Belarus.....73
- Kuchin O.S., Kuchina Ya.O.*
Retrospective and prospective analysis of the definition of "digital forensics"84

CRIMINAL LAW

- Sargsyan A.A.*
Some problems of legislative regulation of the state of intoxication in the system of norms of the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation and the Republic of Armenia102
- Zhilkin M.G.*
On the question of criminal liability for unfinished illegal entrepreneurship110
- Lebedev M.V., Serebrennikova A.V.*
Artificial Intelligence: regulation problems in the criminal legislation of the Russian Federation.....116

SUMMER LAW SCHOOL AT THE UNIVERSITY OF POTSDAM

- Knaisch L.*
Medical euthanasia.....121
- Kornblum O.*
Breach of patient confidentiality.....126
- Rühe L.S.*
Corruption in the healthcare system – is the German Criminal Code an effective measure to combat corruption in the healthcare system?131
- Torak I.*
Refusal of treatment: genuine omission and false omission?.....137
- Wegemund C.*
Criminal liability and organ transplantation142
- Ziegler H.*
Medical treatment as physical injury148
- Zimborski S.*
Accounting fraud in the health care system154

MOSCOW CRIMINOLOGICAL PRACTICE

- Goryunov V.S., Kotova K.A., Lebedkina A.M., Minyushkina A.R.*
Gangs as a type of teenage and youth destructive communities.....159

INTERVIEW

- Salamova S.Ya., Belova V.A., Gorbunov S.V., Tikhonov R.I.*
Interview with Gennadiy Vladimirovich Dashkov, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminology and Executive Law at Kutafin Moscow State Law University165

ABOUT THE AUTHORS 179

ANNOTATIONS AND KEYWORDS 194

- GUIDELINES FOR PRESENTING THE SCIENTIFIC ARTICLES AND MATERIALS FOR PUBLISHING IN THE MAGAZINE "THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS".....206

КРИМИНОЛОГИЯ

ТЕХНИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И СУБЪЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Клебанов Лев Романович

Цель: продемонстрировать, что эффективное предупреждение преступности возможно только на основе комплексного интегрированного подхода. По такому критерию, как содержание предупредительной деятельности, меры предупреждения преступности классифицируют на правовые, идеологические, экономические, организационные и т.д. Особо следует выделить технические меры предупреждения преступности, которым, к сожалению, уделяется очень мало внимания в криминологической литературе. Технические меры предупреждения являются весьма эффективным средством противодействия преступности, что уже было многократно доказано. Особенно эта проблема актуальна в свете виктимологической профилактики преступлений, учитывая, что группы криминального риска составляют, прежде всего, несовершеннолетние, пожилые и женщины. Именно технические меры предупреждения способны предотвратить те преступления, последствия которых будут непоправимы. В статье дается авторская классификация технических мер предупреждения, характеризуются конкретные виды этих мер, а также затрагиваются некоторые актуальные проблемы совершенствования технических мер предупреждения преступности. В статье отражается необходимость междисциплинарного подхода к применению технических средств предупреждения преступности на основе объединения технических, правовых, медицинских и прочих знаний.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. В настоящее время, когда преступный мир берет на вооружение все актуальные достижения человечества, техническое противодействие преступности является зачастую решающим. Необходимыми знаниями о технических мерах противодействия преступности, аппаратах, механизмах и технологиях, которые используются для предупреждения преступности, должны обладать все специалисты, вовлеченные в процесс борьбы с преступностью в целом и отдельными группами преступлений. Достижения технических и естественных наук необходимо использовать в сфере предупреждения преступности.

Научная и практическая значимость. Результаты исследования могут быть полезны как ученым-криминологам, студентам, аспирантам и преподавателям юридических вузов и факультетов, так и специалистам-практикам правоохранительных органов, служб безопасности и контроля коммерческих организаций, а также гражданам из т.н. виктимных групп. Результаты настоящего исследования могут быть использованы для создания спецкурса «Технические меры предупреждения преступности», а также для проведения дальнейших междисциплинарных (например, криминолого-криминалистических) исследований по данной проблеме.

Ключевые слова: преступность, предупреждение преступности, технические меры, база данных, пресечение преступлений, виктимная группа, наказание, средства надзора, средства контроля, субъекты профилактики.

I. Технические меры в общей системе мер предупреждения преступности

Термины «предупреждение преступности», «пресечение преступности», «профилактика преступности», «превенция» в одних случаях ото-

ждествляют, в других — различают, выделяя их специфические признаки [1, с. 10].

По нашему мнению, *предупреждение преступности* (в зависимости от его этапов) можно рассматривать в виде следующего триединства:

- *предотвращение преступлений*: недопущение преступления на стадии обнаружения умысла, когда преступления de-jure еще не существует [1, с. 11].
- *пресечение преступлений*: недопущение преступления на стадиях приготовления, покушения, т.е. на отрезке времени от деяния до его последствий, от одного преступления до другого и т.д. [1, с. 11];
- *удержание от возврата на преступный путь*: этот этап имеет место во время отбывания лицом наказания, за совершенное преступление, а также после его отбытия либо во время испытательного срока при условном осуждении, после освобождения от наказания, в период ресоциализации и т.д.

В этой связи хотелось бы обратиться к трудам В.В. Лунеева, который, выделяя специально-криминологические меры предупреждения, делил последние на три вида в зависимости от времени применения (ранняя и непосредственная профилактика, пресечение преступлений, предупреждение рецидива) [2, с. 928, 946–947].

Среди всего многообразия мер предупреждения преступности особо хотелось бы остановиться на *технических мерах предупреждения*. Этот вид предупредительных мер выделяется на основании такого классификационного критерия, как «содержание предупредительной деятельности». Исходя из этого критерия, меры предупреждения преступности, помимо технических, включают в себя экономические, социально-политические, идеологические, культурно-воспитательные, организационно-управленческие и правовые меры [3, с. 127].

В то же время следует особо подчеркнуть, что изучению технических мер предупреждения в криминологической литературе внимания, практически, не уделяется. В лучшем случае можно найти один-два абзаца, где будут перечислены некоторые из этих мер, а в худшем — лишь упоминание о том, что такие меры существуют. На наш взгляд, такое положение дел просто недопустимо — именно технические меры вносят неопределимый (а зачастую, решающий) вклад в делопреупреждения тех или иных групп преступлений. На фоне стремительно теряющего свой превентивный потенциал уголовного закона, кризиса системы уголовной юстиции и иных негативных факторов, значимость технических мер предупреждения преступности возрастает в геометрической прогрессии.

Эти меры играют крайне важную роль в деле виктимологической профилактики преступлений — известный лозунг о том, что спасение утопающих есть дело рук самих утопающих, сегодня,

как это ни горько, стал руководством к действию. Граждане и юридические лица, наблюдая неспособность или нежелание правоохранительной системы эффективно защищать их, вынуждены защищаться сами. Актуальность технических мер предупреждения преступности объясняется и той научно-технической и технологической революцией, которую сейчас переживает человечество. Многие устройства и технологии, еще несколько десятилетий назад казавшиеся вымыслом писателей-фантастов, стали сегодня обыденной реальностью. Учитывая техническую «продвинутость» большей части российской молодежи, ее вовлеченность в глобальные информационные процессы, растущий спрос на выпускников технических вузов, междисциплинарность криминологических исследований, полагаем, что институт технических мер предупреждения преступности представляет особый интерес не только для узких специалистов соответствующих учреждений и организаций, но и для всех исследователей в области комплексного противодействия преступности. Это тем более актуально, учитывая тот факт, что преступный мир сегодня использует все технические и технологические достижения для обеспечения своей общественно опасной деятельности.

II. Классификация и виды технических мер предупреждения преступности

Исходя из анализа всевозможных источников информации (правовой, технической, доктринальной, эмпирической), мы можем сгруппировать технические меры предупреждения преступности по следующим основаниям:

- *по группам и видам преступлений* (меры противодействия преступлениям против жизни, против половой свободы и половой неприкосновенности, против собственности, экономическим преступлениям, террористическим преступлениям, компьютерным преступлениям и т.д., либо меры противодействия отдельным преступлениям);
- *по виктимной группе* (пожилые, женщины, дети, собственники имущества);
- *по этапу предупреждения преступности* (меры предотвращения преступлений, меры пресечения преступлений, меры удержания от возврата на преступный путь);
- *по виду мер уголовно-правового характера* (соединенные с исполнением наказания; соединенные с принудительными мерами медицинского характера; соединенные с мерами безопасности);

— по субъекту применения: специально уполномоченные субъекты и иные субъекты.

По группам и видам преступлений (насильственная, корыстно-насильственная, террористическая, компьютерная, информационная, наркотическая, экономическая и т.д.)

Одной из глобальных криминальных проблем сегодня является *сексуальная преступность против детей (криминальная педофилия)*. Технические и информационно-технические меры противодействия криминальной педофилии очень широко используются в западных странах (например, в США), в том числе, на основе специализированных «антипедофильских» законов — Закон Меган (Megan's Law), Закон Джессики (Jessica Lunsford Act) и др.

Американские девочки Меган Канка (7 лет) и Джессика Лансфорд (9 лет), проживавшие, соответственно, в штатах Нью-Джерси и Флорида, были изнасилованы и убиты лицами, ранее судимыми за половые преступления (Джесси Тимендекасом и Джоном Коуи).

Такие специализированные Законы приняли у себя более десятка штатов (*Фартушина А. GPS-страж для педофила // URL: <http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/theory/522/> (дата обращения: 10.09.2020)*), а Megan's Law стали общенациональными законами (*См.: Megan's Law — Definition, Examples, Cases, Processes // URL: <https://legaldictionary.net/megans-law> (дата обращения: 10.09.2020)*)

Согласно данным актам, освобожденный из мест лишения свободы преступник-педофил, подлежит пожизненному наблюдению через глобальную систему GPS — это обеспечивается посредством ношения «электронного браслета» с электронным микрочипом, позволяющим отслеживать местонахождение такого лица. Несмотря на многие сложности, сопряженные с исполнением предписаний таких законов, их можно считать эффективным средством противодействия криминальной педофилии, а технические средства обеспечения играют крайне важную роль — в американской юриспруденции сексуальных преступников, посягающих на половую неприкосновенность детей, называют «predators» («хищники») (*См.: Фартушина А. GPS-страж для педофила // URL: <http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/theory/522/> (дата обращения: 10.09.2020)*). И если так, то технические «капканы» и «загоны» для таких хищников — дело первой необходимости.

В 2007 году появилась специальная компьютерная программа V-Soft, разработанная компанией Raptor Technologies, и установленная на

тысячах проходных в школах США. Программа сверяет удостоверения личности взрослых посетителей школы с базой данных на сексуальных преступников, насчитывающей более 460 тыс. человек. Если оказывается, что посетитель числится в этой базе, то об этом немедленно оповещают администрацию. «Задержанного» могут все же пропустить на школьную территорию, но в этом случае ему выделяют сопровождающих, которые будут следить за каждым его шагом. Президент Raptor Technologies Аллан Мисом говорит, что программа V-Soft каждый день задерживает около двадцати пяти человек по всей стране (*См.: Фартушина А. GPS-страж для педофила // URL: <http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/theory/522/> (дата обращения: 10.09.2020)*).

В западной прессе, в свое время, появились сообщения о том, что в Великобритании ведутся работы над созданием специального силиконового чипа, который будет хирургическим путем под местной анестезией «вживляться» под кожу лиц, совершивших преступления сексуального характера против детей. Данное устройство должно не только отслеживать местоположение такого лица, но и фиксировать изменение частоты его сердцебиения и кровяного давления в состоянии нервозности и страха (*См.: Martin Bright Surgical tags plan for sex offenders // URL: <https://www.theguardian.com/society/2002/nov/17/childrenservices.crime> (дата обращения: 10.11.2020)*).

Учитывая тот факт, что педофилы очень часто находят своих жертв через Интернет, на компьютеры осужденных лиц, находящихся на пробации, устанавливается специальная компьютерная программа Cyber Sentinel («Кибер-страж». — Л.К.), которая позволяет отслеживать их «подозрительные» действия в сети. Данное ПО считывает всю текстовую информацию с экрана и сопоставляет текст сообщений со словами и выражениями сексуального содержания («database of sexually oriented sites and phrases»): «тебе нравятся мужчины старше тебя», «а еще кто-нибудь пользуется твоим компьютером», «я не хочу причинить тебе вред». Если программа считает какое-либо подобное слово или выражение, то она тут же отправляет тревожный сигнал («warning message») офицеру службы пробации. Такая технология контроля и надзора уже применяется в США (*См.: John Schwartz. Internet Leash Can Monitor Sex Offenders // URL: <https://www.nytimes.com/2001/12/31/business/internet-leash-can-monitor-sex-offenders.html> (дата обращения: 10.11.2020)*).

Еще одним информационно-техническим решением в борьбе с педофильской преступно-

стью называют создание специального информационного ресурса – доступной базы данных лиц, осужденных за преступления сексуального характера против детей. Например, согласно Законам Меган и аналогичным законам штатов, лица, совершившие определенные сексуальные преступления в отношении детей, подлежат обязательной регистрации в базе данных сексуальных преступников, осужденных в США. Каждый штат имеет свою отдельную систему регистрации, которая используется для мониторинга активности этих лиц, проживающих в том или ином населенном пункте. Записи из этих баз общедоступны, хотя каждый штат предоставляет в публичный доступ ту информацию, которую посчитает нужной. В то же время Министерство юстиции США ведет Национальную базу данных лиц, совершивших преступления на сексуальной почве. Она позволяет осуществить поиск и по имени лица, и по месту его нахождения, а также дает возможность оповещать правоохранительные органы, работодателей, иных граждан, если состоящее на учете лицо переезжает из одного штата в другой. Формируется эта общенациональная база на основе баз данных штатов (См.: *Martin Bright Surgical tags plan for sex offenders* // URL: <https://www.theguardian.com/society/2002/nov/17/childrensservices.crime> (дата обращения: 10.11.2020)).

О необходимости создания такого информационного ресурса давно говорят и в России (См.: *Овчинский В. Россия под властью педофилов // Московский комсомолец. 30.05.2011*). Так на одном из заседаний нижней палаты российского парламента депутат И. Яровая предложила создать межведомственную базу данных лиц, совершивших преступления сексуального характера против детей. Подобная база данных, по словам И. Яровой, не позволит таким лицам получить работу, связанную с детьми (См.: *Яровая предложила создать базу данных педофилов* // URL: <https://ria.ru/20170203/1487113526.html> (дата обращения: 10.11.2020)).

В то же время такой информационный ресурс был бы прежде всего востребован для целей виктимологической профилактики, ведь для устройства на работу в различные детские учреждения соискатель, в любом случае, должен представить справку из ГИАЦ МВД России об отсутствии судимости. Российская судебная практика изобилует примерами, когда преступления против детей на сексуальной почве совершают лица, ранее совершившие подобные преступления, либо ранее совершавшие особо тяжкие преступления против жизни (См.: *Кошеленко А.*

Отсидевший 15 лет маньяк расчленил школьницу топором на Селигере // URL: <https://www.mk.ru/incident/2018/08/22/otsidevshiy-15-let-manyak-raschlenil-shkolnicu-toporom-na-seligere.html> (дата обращения: 10.11.2020)).

Все больше актуализируется в последнее время вопрос предупреждения *преступлений и общественно опасных деяний лиц, страдающих психическими расстройствами*. В специальной литературе этой теме уделяется пристальное внимание [4, с. 791–802].

В частности, рекомендуется создать единую базу психически больных, что будет являться мерой профилактики такого рода общественно опасных деяний [5, с. 162–164]. Импульсом к этому послужило жестокое убийство в Нижнем Новгороде, когда от руки некоего Белова, состоящего на психиатрическом учете, погибли его жена, собственная мать и шестеро детей. Экспертиза подтвердила наличие у Белова психического расстройства, однако это расстройство не исключало его вменяемости в момент совершения преступления. Убийца был осужден к пожизненному лишению свободы, а также ему были назначены принудительные меры медицинского характера (См.: *Бурухина Н. Пожизненный срок. Олега Белова осудили за убийство жены, матери и детей* // URL: https://nn.aif.ru/incidents/courthouse/pozhiznennyy_srok_nizhegorodca_osudili_za_ubiystvo_zheny_materi_i_detey (дата обращения: 10.09.2020)).

Как отмечают в этой связи Т.Г. Погодина и Д.Е. Борисов, создание такой единой базы данных целесообразно только в том случае, если она объединит информацию о лицах, состоящих на активном диспансерном наблюдении и принудительном лечении. Это поможет в работе полиции, а также в случаях принудительного освидетельствования и госпитализации, когда психическое состояние таких лиц усугубится [2, с. 162–163].

В то же время повсеместный учет лиц, страдающих психическими расстройствами и представляющих общественную опасность, уже ведется. В психоневрологических диспансерах существуют картотеки на таких лиц, а надзор за ними осуществляется, в том числе сотрудниками полиции, в обязанности которых входит информирование участкового психиатра об изменении состояния больного, агрессивном поведении, алкогольных эксцессах и т.д. Специальному учету у психиатров подлежат те лица, страдающие психическими расстройствами, которые ранее уже привлекались к уголовной ответственности и подвергались принудительному лечению в связи с общественно опасными действиями, подвергались ранее неот-

ложной госпитализации в связи с общественно опасным поведением и т.д. [2, с. 163]. Сведения о них направляют в орган внутренних дел по месту жительства (См.: Приказ Минздрава РФ, МВД РФ от 30 апреля 1997 г. № 133/269 «О мерах по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами» // Система «Гарант»)

Технические меры играют весьма важную роль в деле борьбы с преступностью, посягающей на культурные ценности, культурное наследие (*art crimes*). К этой преступности относится достаточно большая группа деяний, но, прежде всего, хищения ценностей, мошеннические операции с поддельными предметами искусства, контрабанда, уголовно-наказуемые археологические раскопки и т.д. [6, с. 96–108]. Участники арт-рынка (прежде всего, покупатели и продавцы предметов искусства) должны соблюдать процедуру *due diligence* (процедуру должной предосторожности) с тем, чтобы исключить попадание на рынок арт-предметов, добытых преступным путем, фальшивок, предметов сомнительного происхождения и т.д. [7, с. 388].

Такая процедура на арт-рынке может осуществляться в различных формах, однако нас, в контексте настоящей статьи, будут интересовать следующие:

а) обращение к специализированным базам данных похищенных, утерянных, пропавших ценностей;

б) получение результатов криминалистических методов исследования предметов искусства, находящихся в рыночном обороте.

Наиболее значимыми являются специализированные базы данных компании Art Loss Register, компании Art Recovery Group (См.: Герлиц М. Как зарабатывают на базах краденого искусства // URL: <http://www.theartnewspaper.ru/posts/2742/> (дата обращения: 10.09.2020)), база данных Интерпола по похищенным культурным ценностям (*stolen cultural property*) (См.: *Interpol creates online access to global stolen works of art database to reduce illicit trade* // URL: <http://www.interpol.int/Public/ICPC/PressReleases/PR2009/pr200978.asp> (дата обращения: 10.09.2020)); *Access to Interpol's Work of Art Database* // URL: <http://www.interpol.int/Public/WorkOfArt/dbaccess.asp> (дата обращения: 10.09.2020)), база данных сайта Larryslist.com, электронный сервис The Clarion List (www.clarionlist.com) и т.д.

Помимо этого, есть специализированные учеты, которые ведутся правоохранительными органами: так база данных Скотланд Ярда насчитывает

сведения о 57 тысячах ценностей, база данных Федерального бюро расследований США – о 8 тысячах (См.: *By Kate Taylor and Lorne Manly "Tracking Stolen Art, for Profit, and Blurring a Few Lines"* // URL: <https://www.nytimes.com/2013/09/21/arts/design/tracking-stolen-art-for-profit-and-blurring-a-few-lines.html> (дата обращения: 08.08.2020))

В Российской Федерации к таким базам относятся, прежде всего, ЭРПАС (Электронная регистрационно-поисковая система регистрации похищенных и утраченных культурных ценностей, которую ведет Министерство культуры РФ), автоматизированная информационно-поисковая система (АИПС) «Антиквариат» МВД РФ. Например, разрешение на вывоз культурной ценности из России (временный или постоянный) не выдается, если информация о представленном к вывозу предмете содержится в ЭРПАС (См.: *Письмо Минкультуры России от 11 января 2016 г. № 1-01-39-ВА* // СПС «КонсультантПлюс»).

Современный арт-рынок все чаще использует высокотехнологичные методы проверки подлинности работ, заимствованные из криминалистики, пример чему является деятельность отдела научных исследований в составе всемирно известного аукционного дома Sotheby's. Этот отдел был создан на основе фирмы Orion Analytical. Фирма использовала своей работе методы криминалистических исследований, и это позволяет сократить различные риски реализации подделок или же минимизировать негативные последствия такой реализации (См.: *Гальперин Дж., Герлиц М. Аукционные дома рассчитывают на криминалистов* // URL: <http://www.theartnewspaper.ru/posts/4217/> (дата обращения: 08.08.2020)); *Noce V. Sotheby's declares "Parmigianino" a forgery* // URL: <http://theartnewspaper.com/market/art-market-news/sotheby-s-declares-parmigianino-a-forgery/> (дата обращения: 08.08.2020))

Еще одним высокотехнологичным способом предупреждения мошенничеств на арт-рынке является ДНК-маркировка произведений ныне живущих художников – ДНК-ярлык. Всемирный центр инновации стандартов i2M при Университете Олбани в штате Нью-Йорк уже объявил о разработке новых стандартов аутентификации, основанной на информации, зашифрованной в макромолекуле искусственно созданной ДНК (См.: *Герлиц М. Искусство защитят с помощью ДНК* // URL: <http://www.theartnewspaper.ru/posts/3191/> (дата обращения: 08.08.2020))

В числе арт-преступлений особняком стоят уголовно-наказуемые археологические раскопки (*black archeological looting*). В условиях, когда

большинство стран, богатых археологическим наследием, не относятся к числу «зажиточных» и не могут позволить себе содержать большой штат правоохранителей, на помощь приходят беспилотные летательные аппараты-дроны. Это тем более важно, учитывая, что места археологического наследия, как правило, являются труднодоступными и удаленными. Дроны смогут отслеживать те места, где произошли новые «грабительские» раскопки, давая властям возможность задерживать «черных копателей» или отслеживать «путь» незаконно изъятых ценностей, не допустив их продажу (См.: *Steve Schlackman Using Drones to Combat Archeological Looting* // URL: https://alj.artpreneur.com/using-drones-to-combat-archaeological-looting/?__cf_chl_captcha_tk (дата обращения: 08.08.2020)).

Само собой разумеется, что особую важность имеют технические меры предупреждения преступлений, совершаемых в музеях, библиотеках, хранилищах культурных ценностей и иных объектах культурного наследия (См.: *Портнов Д. Системы безопасности и видеонаблюдения в музейных комплексах и объектах культурного наследия* // *Директор по безопасности. Август. 2015. С. 58–63*).

Нет нужды говорить о том жизненно важном значении, которое имеют технические меры борьбы с *террористической преступностью*. «Чума XXI века» заставила человечество искать эффективные средства технического противодействия терроризму и террористам. Совершенно очевидно, что такие меры борьбы представляют тему для отдельного масштабного и многопланового исследования. В рамках настоящей статьи лишь упомянем об одном оригинальном техническом решении, которое применил Израиль для пресечения террористических актов на своей территории, совершаемых боевиками ХАМАСа. Эта группировка широко использовала возможности тайно прорытых подземных тоннелей с территории сектора Газа на израильскую территорию. Некоторые из таких подземных ходов вели одновременно и на территорию Египта. По этим тоннелям боевики проникали в Израиль, совершая там теракты и нападения на израильских граждан, переправляли самодельные ракеты и т.д. Армия обороны Израиля и спецслужбы этой страны получили задачу разработать эффективную систему поиска, обнаружения и уничтожения тоннелей. В итоге, потратив 10 лет и несколько миллиардов шекелей, такую систему создали — ее назвали «Волшебный купол» (по аналогии с израильской системой ПРО «Железный купол»). Она позволяет обнаружить тоннель еще на этапе строительства, следить за его ходом, прогнозировать маршрут и уничтожать без возможности вос-

становления. Взорванные полости подземных ходов заполняются бетоном. Применяв эту систему, израильтяне уничтожили тоннели, прорытые ХАМАСом, лишив группировку возможности проникать под землей на территорию Израиля (См.: *Бейдер В. «Волшебный купол» защитит Израиль под землей* // URL: <https://www.rosbalt.ru/blogs/2018/01/20/1675079.html> (дата обращения: 08.10.2019))

По виктимной группе (пожилые, женщины, дети, собственники имущества)

Одной из наиболее виктимных групп, в зависимости от тех или иных факторов, являются женщины, которые становятся потерпевшими от различных уголовно наказуемых деяний. Наиболее распространенные и опасные из них — изнасилования и иные сексуальные насильственные преступления.

Преступления этой группы, зачастую, совершаемые с особой жестокостью, стали настоящим бедствием в некоторых странах, например в Индии. Участились, как известно, случаи сексуального насилия в тех европейских странах, которые столкнулись с наплывом нелегальных мигрантов. Череда жестоких и резонансных изнасилований способствовала совершенствованию средств индивидуальной защиты женщин, которые подвергаются риску сексуального насилия. В стороне не осталась даже фэшн-индустрия. Например, в Германии было разработано женское нижнее белье, которое выполнено из особо прочных материалов. Его невозможно разорвать и даже разрезать ножницами. Белье снабжено шифро-замком и сигнализационным устройством, способным издавать громкий звук (*Chris summers German inventor creates “anti-rape underwear” following a spate of sex attacks* // [Электронный ресурс] URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-4132784/German-inventor-creates-anti-rape-underwear.html> (дата обращения: 08.10.2020)).

Аналогичную модель нижнего белья разработала 23-летняя Маниша Мохан из Индии вместе со своими друзьями. Эта изделие снабжено устройством GPS и подобием электрошокера с мощностью разряда до 3800 киловольт (См.: *Rutu Ladage Anti-Rape Garments Invented for Women* // URL: <https://www.indiatimes.com/technology/gadgets/students-devise-antirape-gadget-clothing-for-women-73641.html> (дата обращения: 08.10.2020)). Еще одна модель одежды, также разработанная девушками из Индии — специальный жакет (anti-molestation jacket). Жакет выглядит совершенно обычно, за исключением того, что и он снабжен тайным устройством для электрического заряда (*Rutu Ladage Anti-Rape*

Garments Invented for Women // URL: <https://www.indiatimes.com/technology/gadgets/students-devise-antirape-gadget-clothing-for-women-73641.html> (дата обращения: 08.10.2020)). Наиболее «ходовые» средства поражения насильников – перцовые спреи – стали камуфлироваться под губную помаду и браслеты (*Top 10 Best Pepper Sprays in 2020 // URL: <https://www.topreviewpro.com/top-10-best-pepper-sprays/>; URL: <https://www.selfdefensegearco.com/viper.htm> (дата обращения: 08.10.2020)).*

По этапу предупреждения преступности

В данном случае необходимо затронуть проблему предупреждения преступности именно на этапе пресечения преступлений. Особую опасность представляет такое преступление как *массовые беспорядки*. Они являются особой формой самодетерминации преступности: в ходе этих беспорядков совершаются всевозможные преступления против личности, собственности, половой свободы и половой неприкосновенности, против порядка управления, против общественной безопасности и т.д. Кроме того, как показывает практика ряда стран ближнего и дальнего зарубежья, массовые беспорядки являются стержнем, основой т.н. «цветных революций».

Технические средства, направленные на противодействие массовым беспорядкам (riot control tools) можно разделить на следующие виды: 1) специальные транспортные средства и механизмы, противодействующие массовым беспорядкам (riot control vehicles); 2) стационарные средства рассеивания толпы, не причиняющие смерть (platformed non-lethal solutions); 3) специальное оружие против массовых беспорядков (anti-riot weapons), снабженное особыми боеприпасами временного поражения (less lethal ammunition); 4) специальные аэрозольные устройства, в т.ч. распыляющие слезоточивый газ (spray devices); 5) электрошокеры (electric shock gun); 6) иные технические приспособления, устройства, решения (включая защитную амуницию силовиков): например, резиновые и прочие дубинки; светошумовые гранаты; наручники; защитные маски полицейских, распыляющих слезоточивый газ; специальная система, подающая кислород и соединенная с защитной маской (*Law Enforcement // URL: <https://www.tarideal.com> (дата обращения: 08.10.2020)*); средства принудительной остановки транспорта (автозаградители, spike road block).

Среди технических средств и решений, противодействующих массовым беспорядкам, есть как «привычные», знакомые широкому читателю (водометы, гранаты со слезоточивым газом),

так и «экзотические», которые еще не так известны. К последним можно отнести тепловые лучи (*Heat Rays*), звуковой генератор (*The Sonic Laser*), система для рассеивания толпы TASERs (*Crowd Control TASERs*), зловонные заряды (*Stink Bombs, Skunk*) (*David Griffith 21st Century Riot Control Tools // URL: <https://www.policemag.com/340436/21st-century-riot-control-tools> (дата обращения: 08.10.2020)*).

Например, тепловые лучи (*Heat Rays*), имеющие официальное наименование *Active Denial System (ADS)*, используют энергию микроволн с тем, чтобы создать ощущение жжения на коже, не причиняя при этом «пожизненного» следа. Как только человек отступает назад (от «луча»), жжение прекращается. Это устройство было разработано для пресечения незаконного проникновения в оружейные арсеналы, армейские склады, военные базы и было использовано в Афганистане. Существует две версии этого устройства: военная и полицейская (*David Griffith 21st Century Riot Control Tools // URL: <https://www.policemag.com/340436/21st-century-riot-control-tools> (дата обращения: 08.10.2020)*).

Звуковой генератор (*The Sonic Laser*) по своему предназначению не является новым устройством – одной из наиболее серьезных проблем, с которым сталкиваются правоохранители во время массовых беспорядков, является проблема коммуникации в условиях очень сильного шума толпы. Сегодня полицейские силы всех стран мира применяют специальные акустические системы (*non-lethal hailing system*). Они предназначены для массовых оповещений и связи во время массовых эвакуаций, спасательных операций, переговоров при освобождении заложников и т.д. (*Law Enforcement // URL: <https://www.tarideal.com> (дата обращения: 08.10.2020)*). Звуковой генератор *The Sonic Laser* позволяет передавать неискаженные звуковые сообщения на расстоянии более одной мили. При этом полицейские могут передавать «сообщения обычной громкости» (*in a normal speaking voice*) и будут услышаны вне зависимости от степени шума, который генерируют участники беспорядков. Но основная особенность этого устройства состоит в том, что оно может быть использовано в качестве «нелетального звукового оружия» (*less-lethal sound weapon*). Некоторые звуки, переданные через такую систему, могут причинить боль и определенный дискомфорт. Размеры такой системы, также, весьма вариативны: от портативных (для индивидуального пользования) до стационарных (крепящихся на автоплатформах) (*См.: David Griffith 21st Century Riot Control Tools // URL: <https://www.policemag.com/340436/21st-century-riot-control-tools>*).

www.policemag.com/340436/21st-century-riot-control-tools (дата обращения: 08.10.2020)).

Систему для рассеивания толпы TASERs (Crowd Control TASERs) также нельзя назвать совершенно новой – например, в конце 2018 года российская пресса сообщила о том, что МВД России закупит 8000 единиц тейзеров (полицейских электрических пистолетов, стреляющих металлическими стрелами. – Л.К.), которые позволят нейтрализовать преступников с расстояния нескольких метров (См.: *Russian Police Order 8,000 Long-Range Taser Guns for Crowd Control, Media Reports, dec. 12, 2018* // URL: <https://www.themoscowtimes.com/2018/12/12/russian-police-order-8000-long-range-taser-guns-for-crowd-control-media-reports-a63792> (дата обращения: 08.10.2020)). Месяцем ранее появилось сообщение о том, что Росгвардия уже закупила два специализированных транспортных средства (на платформе «Газель»), оснащенных лазерными излучателями, способными ослепить или оглушить участников беспорядков (См.: *Дергачева А. Росгвардия закупила Газели с лазерным оружием. Система сможет оглушить или ослепить участников митингов* // URL: <https://www.the-village.ru/city/news-city/332535-gazeli> (дата обращения: 08.10.2020)).

Однако в данном случае мы говорим о системе TASERs Shockwave. Эта система снабжена «противопехотными зарядами» (anti-personnel mines) и состоит из трех рядов, каждый из которых содержит шесть гильз (картриджей) для зарядов. Заряд представляет собой зонд в виде тонкого шнура с наконечником (дротиком), который выстреливается в атакующих. После каждого залпа зонды возвращаются обратно в картриджи. Оператор системы управляет ей при помощи проводного пульта, и если он нажимает на кнопку пульта один раз, то происходит первый залп – один ряд выстреливает шесть зарядов. После чего у участников беспорядков есть 30 секунд, чтобы убежать. Второе нажатие – и второй ряд дает залп по атакующим. Третье нажатие дает третий залп. В конечном итоге, стрелять можно всеми 18 зарядами, при этом оператор может находиться на расстоянии до 100 метров от самого «орудия» (См.: *David Griffith 21st Century Riot Control Tools* // URL: <https://www.policemag.com/340436/21st-century-riot-control-tools> (дата обращения: 08.10.2020)).

Зловонные заряды (Stink Bombs, Skunk) называют одним из наиболее экзотических средств борьбы с массовыми беспорядками. Эти технические устройства предназначены для ненасильственного, нелетального и быстрого рассеивания толпы – запах от этого заряда невыносимый (напоминает смесь гнилого мяса и отходов канали-

зации). Распылять заряды можно из водометных пушек или с помощью пейнтбольных устройств. Изобретателями технологии Skunk называют израильских специалистов (См.: *David Griffith 21st Century Riot Control Tools* // URL: <https://www.policemag.com/340436/21st-century-riot-control-tools> (дата обращения: 08.10.2020)).

По виду мер уголовно-правового характера

Меры уголовно-правового характера, предусмотренные уголовным законодательством (не только российским), могут включать в себя само уголовное наказание, иные меры уголовно-правового характера и меры безопасности. Все три вида этих мер могут сопровождаться применением соответствующих технических средств, которые обеспечивают контроль и надзор за лицами, в отношении которых такие меры реализуются. Эти технические средства, одновременно, олицетворяют собой принудительный характер таких мер, исполняемых вне зависимости от желания соответствующего контингента.

Само собой разумеется, что «наиболее оснащенным» технически является процесс исполнения и отбывания ряда видов уголовного наказания (это касается, прежде всего тех наказаний, что сопряжены с лишением или ограничением свободы).

Согласно уголовно-исполнительному праву, режим в исправительных учреждениях (учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы) обеспечивается, среди прочего, с помощью технических средств надзора и контроля. В соответствии со статьей 83 Уголовно-исполнительного кодекса РФ «Технические средства надзора и контроля» администрация исправительных учреждений вправе использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля для предупреждения побегов и других преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказания и в целях получения необходимой информации о поведении осужденных. Общественные отношения, связанные с применением и эксплуатацией таких средств, регулируются актами Министерства юстиции Российской Федерации (См.: *Приказ Минюста РФ от 11 июня 1999 г. № 193 «Об утверждении норм положенности и нормативных сроков эксплуатации инженерно-технических средств охраны и надзора, электротехнического оборудования и средств защиты для территориальных органов, учреждений и подразделений уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации»* // «Ведомости уголовно-исполнительной системы»,

№ 3, 2000; Приказ Минюста РФ от 25 июня 2004 г. № 149 «Об утверждении Руководства по определению категорий оборудования комплексом инженерно-технических средств охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации» // «Ведомости уголовно-исполнительной системы», № 8, 2004).

Например, согласно Приказу Минюста России от 11 июня 1999 г. № 193, к инженерным средствам охраны и надзора относятся, в частности, ограждение для коммуникаций типа «Крапива-1», противотаранная платформа, спираль из колючей ленты и т.д. К техническим средствам охраны и надзора относится, в частности, противоподкопная система типа «Цикорий», система (комплекс) технических средств охраны типа «Ночь-12», «Сова», «Вьюн-М», «Хмель», противоподкопный датчик типа «Крот», система охранного телевидения.

Во всех учреждениях ФСИН России оборудованы посты системы охранного телевидения для контроля спецконтингента и работы персонала, на территории учреждений оптимально располагаются видеокамеры для перекрытия побегоопасных направлений. Также все контрольно-пропускные пункты в учреждениях ФСИН России оборудованы системой контроля и управления доступом (СКУД). Повсеместно используются новые технические средства досмотра транспорта и приборы обнаружения при въезде на территорию охраняемого объекта. В таких учреждениях внедряются системы распознавания личности по биометрическим параметрам (отпечаток пальца), предназначенные для работы в составе автоматизированных СКУД [8, с. 472–474].

В силу того, что в тюрьмах и исправительных учреждениях многих стран мира настоящим бедствием стало незаконное использование осужденными мобильных телефонов и прочих средств связи, существует ряд технических систем, позволяющих отслеживать нахождение этих телефонов и пресекать незаконное сношение с внешним миром. Например, к таким средствам относится специальное устройство по обнаружению средств сотовой связи (cellular device locator) – оно способно обнаруживать мобильные телефоны, прерывать телефонные переговоры и отслеживать перемещение владельцев телефонов как внутри здания, так и вне его. Устройство портативно и способно к ручной переноске. К этой же группе относятся системы создания помех связи (системы глушения), разработанные специально для тюрем (smart cellular jamming for prisons). Эти системы позволяют подавлять связь по всему периметру

тюрьмы и направлены, среди прочего, на защиту граждан, находящихся за пределами исправительных учреждений, от угроз и шантажа со стороны осужденных (См.: *Law Enforcement* // URL: <https://www.tarideal.com> (дата обращения: 08.10.2020)). Технические средства надзора и контроля являются среди прочего важной мерой предупреждения пенитенциарной преступности [9, с. 406–448].

Само собой разумеется, что технические и инженерно-технические средства контроля, надзора и охраны, которые используются учреждениями уголовно-исполнительной системы, а также порядок их использования, эксплуатации, ремонта и утилизации образуют самостоятельную междисциплинарную отрасль знаний и требуют соответствующих глубоких профессиональных навыков и компетенций [10, 11]. В настоящей статье автор, по вполне понятным причинам, лишь называет некоторые из этих средств.

Добавим, что в мире, зачастую, принимают весьма оригинальные решения для охраны тюрем и предотвращения трафика запрещенных предметов в исправительные учреждения. Так, в государственной тюрьме в Рио-Гранде (Бразилия) безопасность учреждения, наряду с персоналом тюрьмы и техническими средствами надзора и контроля, обеспечивают гуси. Задача этого «патруля» – обнаружение какого-либо подозрительного движения или шума посредством громкого гоготания. Птицы (всего их семь) располагаются в той точке, где фиксировалось наибольшее количество «забросов» запрещенных предметов на территорию тюрьмы. Результаты деятельности «пернатых стражей»: в 2018 году было изъято при попытке забросов свыше 35 кг марихуаны, 1,799 кг кокаина, 2,680 кг крэка, 78 мобильных телефонов (См.: *Yéssica Lopes. Gansos reforçam a segurança na Penitenciária Estadual de Rio Grande* // URL: <https://g1.globo.com/rs/rio-grande-do-sul/noticia/2019/01/25/gansos-reforcam-a-seguranca-na-penitenciaria-estadual-de-rio-grande.ghtml> (дата обращения: 11.11.2020)).

Поскольку преступный мир широко использует дроны-беспилотники в своих целях, включая доставку запрещенных предметов в тюрьмы (в Великобритании даже было создано специальное полицейское управление для борьбы с этой «контрабандой по воздуху») (См.: *In Depths: Drones and organized crime* // URL: <https://eu-ocs.com/depth-drones-organized-crime> (дата обращения: 11.11.2020)), правоохранители изыскивают возможности для борьбы с такими летательными аппаратами. И вновь были использованы птицы, но на этот раз, уже хищные. Так, в полиции

Голландии прошли успешные тренировки «летающей гвардии» — орлов, которых натренировали перехватывать парящие дроны (См.: *Dutch police fight drones with eagles* // URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-37342695#:~:text=Dutch%20police%20are%20employing%20eagles,police%20spokesman%20Dennis%20Janus%20said>. (дата обращения: 11.11.2020)).

В России доставка запрещенных предметов в исправительные учреждения с помощью беспилотных летательных аппаратов также стала весьма распространенной. По данным ФСИН России, в 2017–2018 гг. предотвращена доставка в места лишения свободы 262 телефонов, которые пытались переправить с помощью дронов. В 2018 г. предотвращено 27 попыток подобной доставки запрещенных предметов, перехвачено 130 средств мобильной связи, в 2017 г. — 38 попыток и 132 мобильных телефона соответственно [12, с. 137]. В этой связи ФСИН России предпринимает активные меры технического противодействия проникновению беспилотников на территорию режимных учреждений уголовно-исполнительной системы. Уже разработаны и поставлены на дежурство специальные комплексы, которые позволяют еще на подлете засечь дрон, считать его уникальный идентификационный номер, перехватить управление над ним и приземлить в нужной точке [12, с. 137–138].

Как известно, принудительные меры медицинского характера, согласно российскому УК, делятся на четыре вида, три из которых сопряжены с принудительным лечением в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях (общего типа, специализированного типа, специализированного типа с интенсивным наблюдением). По понятным причинам исполнение принудительных мер медицинского характера в специализированных стационарах невозможно без технических средств надзора, контроля и охраны (наличие контрольно-пропускной системы, средств тревожной сигнализации, средств ограничения доступа, применение инженерно-технических средств охраны и контроля при участии сотрудников уголовно-исполнительной системы) [4, с. 797–798].

По субъекту применения

Для начала определимся с терминологией. Согласно действующему Федеральному закону от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», различают субъектов профилактики правонарушений и лиц, участвующих в профи-

лактике правонарушений. К последним данный Федеральный закон относит *граждан, общественные объединения и иные организации, оказывающие помощь (содействие) субъектам профилактики правонарушений в рамках реализации своих прав в сфере профилактики правонарушений* (курсив мой. — Л.К.) (См.: «Российская газета», № 139, 28.06.2016)

Если исходить из буквального толкования этого положения, то речь в данном случае идет о лицах, чья деятельность направлена на именно содействие субъектам профилактики. В таких случаях мы не можем к этой группе лиц отнести, например, коммерческие организации, которые защищают свои кадровые, финансовые, материальные ресурсы от преступных посягательств, совершаемых, в том числе внутри самой организации. Тем не менее такая деятельность все равно будет являться, по сути своей, предупреждением преступности.

Многие компании (как в России, так и в других странах) сталкиваются с противоправными действиями так называемых *проблемных сотрудников* — игроманов, наркоманов, алкоголиков, лиц, имеющих связи с криминальным миром. Так, в одной компании, занимавшейся производством алкогольных и безалкогольных напитков, ведущий финансист оказалась ярким игроком — все свое свободное время и даже перерывы в офисе она тратила на онлайн-покер, рулетку и другие подобные развлечения. Служба безопасности компании с помощью DLP-системы (Data Leak Prevention — система предотвращения утечек информации) узнала о том, что ежегодный игровой оборот сотрудницы составлял 2,5 млн рублей и не было никаких гарантий, что в один «прекрасный день» эти деньги она не возьмет со счета компании. С финансистом пришлось расстаться, поскольку трудовым договором такие «увлечения» были запрещены (См.: *Матвеев Л. Контроль необыкновенных: чем сотрудники с «проблемами» угрожают бизнесу* // URL: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/339589-kontrol-neobyknovennyh-chem-sotrudniki-s-problemami-ugrozhayut-biznesu> (дата обращения: 14.05.2019)). Под DLP-системой, кстати, понимают программный комплекс, который анализирует потоки информации, «пересекающие» периметр защищаемой системы, и предотвращает утечки конфиденциальной информации из нее [14, с. 57].

Задачу выявить «проблемных» сотрудников и минимизировать риски от их опасных «хобби» выполняет служба безопасности компании, и, само собой разумеется, что выполнить эту за-

дачу можно только с использованием технических и программных средств, информационных технологий и т.д. В группы риска, которые формируют «безопасники» и которые подлежат проверке, входят игроманы, наркоманы, алкоголики, лица, с экстремистскими взглядами, с криминальным прошлым и т.д. (См.: Матвеев Л. *Контроль необыкновенных: чем сотрудники с «проблемами» угрожают бизнесу* // URL: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/339589-kontrol-neobyknovennyh-chem-sotrudniki-s-problemami-ugrozhayut-biznesu> (дата обращения: 14.05.2019)).

В таких случаях сотрудники служб безопасности компаний могут отслеживать угрозы на трех уровнях: а) контроль сайтов, ресурсов, которые посещают сотрудники, а также анализ их поисковых запросов работника; б) контроль общения и обсуждений в рабочих чатах; в) контроль деятельности сотрудника (отправляемые «во внешний мир» мир файлы — в облачные хранилища, на некорпоративные электронные адреса, социальные сети, отправка документов на печать, передача конфиденциальной информации внутри корпоративной сети и т.д.) (См.: Матвеев Л. *Контроль необыкновенных: чем сотрудники с «проблемами» угрожают бизнесу* // URL: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/339589-kontrol-neobyknovennyh-chem-sotrudniki-s-problemami-ugrozhayut-biznesu> (дата обращения: 14.05.2019)).

Достаточно распространенным преступлением сегодня в коммерческих организациях, оказывающих транспортные услуги, является хищение водителями «служебного» топлива с последующей реализацией его «на стороне». Такая порочная практика в итоге приводит к тому, что половина затрат компании на топливо может оседать в карманах недобросовестных сотрудников. Так, на одном из предприятий сотрудники «сливали» топливо на 500 тыс. рублей ежемесячно. Руководство решило внедрить специальную техническую систему контроля, чтобы пресечь эти хищения (См.: Вальна М. *Как бороться с воровством на предприятии* // URL: <https://www.e-executive.ru/management/practices/1988370-kak-borotsya-s-vorovstvom-na-predpriyatii> (дата обращения: 10.10.2020)). Был установлен программно-аппаратный комплекс «АвтоГРАФ» — уникальная система мониторинга транспорта, разработанная в Челябинске специалистами группы компаний «ТехноКом». Он позволяет, в частности, отслеживать работу техники из самых различных отраслей, навесных и прицепных агрегатов, стационарных объектов и персонала, а главное,

осуществляет полный контроль и учет расхода топлива (См.: Автограф — надежный и эффективный мониторинг транспорта // URL: <https://glonassgps.com> (дата обращения: 11.12.2020)). В итоге за счет ликвидации воровства и повышения дисциплины персонала удалось сократить топливные расходы компании на 50 процентов (См.: Вальна М. *Как бороться с воровством на предприятии* // URL: <https://www.e-executive.ru/management/practices/1988370-kak-borotsya-s-vorovstvom-na-predpriyatii> (дата обращения: 10.10.2020)).

Коммерческие организации, с целью предупреждения посягательств на свои имущественные и информационные ресурсы со стороны своих сотрудников, используют тестирование последних на полиграфе. Таким проверкам также подвергаются кандидаты на службу в органы ФСБ России и МВД РФ — существуют специальные ведомственные инструкции, регламентирующие процесс таких проверок [13, с. 7–13]. В практике предупреждения преступности есть немало примеров, когда использование полиграфа помогло избежать криминального рецидива и возвращения на преступный путь [15, с. 102–103].

III. О некоторых проблемах применения технических мер предупреждения преступности

Разумеется, что применение технических мер противодействия преступности актуализирует ряд сопутствующих проблем, которые ждут своего решения. Так, многие законопослушные граждане, желая обезопасить свою жизнь, здоровье, имущество, сами изготавливают те или иные технические устройства, которые, в свою очередь, могут причинить вред (вплоть до лишения жизни) совершенно посторонним людям, что уже рассматривается как уголовно наказуемое деяние. В отечественной судебной практике, как известно, такие дела уже встречались (См.: БВС СССР. 1969. № 1. С. 22).

Современная наука и техника, новые технологии дают современному человеку такие возможности, которые еще несколько десятилетий назад казались просто фантастическими. Речь, в частности, идет о технологиях 3D-печати, которые позволяют создавать широчайший набор предметов: от строительных материалов до внутренних человеческих органов. И нет ничего удивительного, что эту технологию стали осваивать и преступники [16, с. 113–123]. Опасность использования 3D-печати в преступных целях заключается, к примеру, в том, что «напечатанное» на 3D-принтере огнестрельное оружие (или его основные части) нельзя обнаружить с помощью металлодетекторов или рентген-аппаратов [16, с. 115].

С учетом того, что современная наука делает колоссальные успехи в изучении личности, мозга человека, влияния различных процессов на человеческое поведение, эти знания также необходимо воплощать в конкретные меры противодействия преступности, снижения криминальных рисков [17, с. 196]. Например, в современной научной литературе можно встретить немало публикаций о возможностях сканирования мозга (“mind reading”, “brain scanning”, “brain fingerprinting”) в целях изобличения преступника и расследования преступлений (См.: *Lisa Claydon, Paul Catley If a brain can be caught lying, should we admit that evidence to court? Here’s what legal experts think* // URL: <https://theconversation.com/if-a-brain-can-be-caught-lying-should-we-admit-that-evidence-to-court-heres-what-legal-experts-think-80263> (дата обращения: 10.10.2020)); *Better than polygraphs: Brain scanning for evidence* // URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2014/05/140520115701.htm> (дата обращения: 10.10.2020)).

Сохраняются проблемы использования различных технических средств, входящих в систему электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ), которая была введена в эксплуатацию в 2011 году на территории 80 субъектов Российской Федерации. Несмотря на то, что эта система

в целом доказала свою эффективность, остаются серьезные недостатки в ее эксплуатации: несовершенство технических устройств (электронные браслеты, мобильные контрольные устройства, стационарные контрольные устройства), проблемы в программном обеспечении, недоработки в организационных вопросах и вопросах построения системы [18, с. 27–29].

Необходимо отметить, что проблема предупреждения преступности сегодня рассматривается в качестве отраслевой задачи не только уголовным правом, криминологией, уголовно-исполнительным правом, но и криминалистикой. Как отмечает в этой связи Н.В. Чулханов, «криминалистика представляет собой единую систему научных знаний, средств и методов, нацеленных на раскрытие, расследование и *предотвращение преступлений* (курсив мой. – Л.К.)» [19, с. 32]. Еще ранее Л.Д. Самыгин отмечал, что функция расследования преступления имеет право на существование в качестве самостоятельной функции криминалистики, поскольку она не поглощается функцией расследования [20, с. 33]. Арсенал криминалистики в предупредительной сфере весьма велик, притом, что в соответствующей литературе уже дается определение понятию «криминалистическое предупреждение преступлений» [21, с. 63].

Литература

1. *Старков О.В.* Предупреждение преступлений: учеб. пособие. М.: Юристъ, 2005. 283 с.
2. *Лунеев В.В.* Курс мировой и российской криминологии: учебник: в 2 т. Т. I. Общая часть. М.: Юрайт, 2011. 1004 с.
3. *Варыгин А.Н.* Криминология и предупреждение преступлений: учеб. пособие для среднего профессионального образования / А.Н. Варыгин, В.Г. Громов, О.В. Шляпникова; под ред. А.Н. Варыгина. 2-е изд. М.: Юрайт, 2020. 165 с.
4. *Макушина О.А., Полубинская С.В.* Предупреждение общественно опасных деяний, совершаемых лицами с психическими расстройствами: организация, статистические показатели, тенденции развития // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 50. С. 791–802.
5. *Погодина Т.Г., Борисов Д.Е.* О создании единой базы психически больных как меры профилактики общественно опасных действий, совершенных лицами с психическими расстройствами // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2016. № 1. С. 162–164.
6. *Клебанов Л.Р.* Арт-рынок: актуальные проблемы правового регулирования: монография. М.: Норма; Инфра-М, 2020. 232 с.
7. *Богуславский М.М.* Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. М.: Юрист, 2005. 415 с.
8. *Рябых С.Б., Соломатин С.В.* Совершенствование службы охраны в современных условиях развития уголовно-исполнительной системы // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. / ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2019. Ч. 1. С. 472–474.
9. *Шамсунов С.Х.* Глава 10. Пенитенциарная преступность // Противодействие современной преступности. Криминологические, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты: монография / под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2019. 567 с.

10. Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы: сборник материалов Международной научно-практической конференции / ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2018. 580 с.
11. Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. / ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2019. Ч. 1. 597 с.
12. *Серебренникова А.В.* Новые угрозы исполнения наказания в виде лишения свободы: квадрокоптеры // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14 (1–4). № 2. С. 136–139.
13. *Дамаскин О.В., Полубинская С.В.* Правовые аспекты использования полиграфа // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 1. С. 7–13.
14. *Идов Р.* Информационная безопасность для СМБ: первые шаги // Директор по безопасности. 2015.
15. *Ищенко Е.П.* Полиграф Полиграфович. М.: Проспект, 2014. 199 с.
16. *Полубинская С.В., Клебанов Л.Р.* Криминальные угрозы 3D-печати (теневая сторона высоких технологий) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 113–123.
17. *Мацкевич И.М.* Современная криминология: преодоления кризиса // Российский криминологический взгляд. 2011. № 2. С. 192–197.
18. *Кобзистый С.Ю., Ситюгин Р.В., Исаев О.В., Кобзистая М.В.* Анализ проблемных вопросов применения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц ФСИН России // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы: сб. материалов Международной научно-практической конференции / ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2018. С. 27–29.
19. *Чулахов В.Н.* О системе криминалистической техники как раздела криминалистики // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 2. С. 31–37.
20. *Самыгин Л.Д.* Расследование преступлений как система деятельности. М.: Изд-во МГУ, 1989. 182 с.
21. *Махмаев М.Ш.* Теория криминалистического предупреждения преступления. М.: Юрлитинформ, 2015. 176 с.

References

1. *Starkov O.V.* Preduprezhdenie prestuplenij: ucheb. Posobie [Crime prevention: study guide]. Moscow, Jurist# Publ, 2005. 283 p. (In Russian)
2. *Luneev V.V.* Kurs mirovoj i rossijskoj kriminologii: uchebnik [Course of world and Russian criminology]. V 2 t. T. I. Obshhaja chast'. M.: Izdatel'stvo Jurajt. 2011. 1004 p. (In Russian)
3. *Varygin A.N.* Kriminologija i preduprezhdenie prestuplenij: uchebnoe posobie dlja srednego professional'nogo obrazovanija [Criminology and crime prevention: study guide for secondary professional education]. Ed. A.N. Varygin. 2nd edition. Moscow, Jurajt Publ., 2020. 165 p. (In Russian)
4. *Makushina O.A., Polubinskaja S.V.* Preduprezhdenie obshhestvenno opasnyh dejanij, sovershaemyh licami s psihicheskimi rasstrojstvami: organizacija, statisticheskie pokazateli, tendencii razvitija [Preventing the dangerous conducts of people with mental illness: organization, statistics, trends of development]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal [Russian journal of criminology]*, 2019, issue. 13, no. 50, pp. 791–802. (In Russian)
5. *Pogodina T.G., Borisov D.E.* O sozdanii edinoj bazy psichicheski bol'nyh kak mery profilaktiki obshhestvenno opasnyh dejstvij, sovershennyh licami s psihicheskimi rasstrojstvami [Creating the unified database of mental-ill people as measure of preventing the dangerous acts of people suffering from mental disturbance]. *Juridicheskaja nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoj Akademii MVD Rossii. [Juridical science and practice. Review of Ministry of Interiors Affairs Academy of Nizhnij Novgorod]*, 2016, no 1, pp. 162–164. (In Russian)
6. *Klebanov L.R.* Art-rynok: aktual'nye problemy pravovogo regulirovanija: monografija [Art market: actual problems of legal administration: monograph]. Moscow, NORMA: INFRA-M Publ., 2020. 232 p. (In Russian)
7. *Boguslavskij M.M.* Kul'turnye cennosti v mezhdunarodnom oborote: pravovye aspekty [Cultural values in the international turnover: legal aspects]. Moscow, Jurist Publ., 2005. 415 p. (In Russian)
8. *Rjabyh S.B., Solomatin S.V.* Sovershenstvovanie sluzhby ohrany v sovremennyh uslovijah razvitija ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [Improving of security service in the modern conditions of criminal executive system development]. In *Aktual'nye problemy dejatel'nosti podrazdelenij UIS: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskij konferencii: v 2 ch. [Actual problems of criminal executive system units' activity: collection*

of materials from All-Russian scientific practical conference: in 2 parts]. FKOU VO Voronezhskij institut FSIN Rossii. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskij centr Nauchnaja kniga Publ., 2019. part. 1, pp. 472–474. (In Russian)

9. *Shamsunov S.H.* Glava 10. Penitenciarnaja prestupnost. Protivodejstvie sovremennoj prestupnosti. Kriminologicheskie, ugovovno-pravovye i ugovovno-processual'nye aspekty: monografija [Chapter 10. Penitentiary crimes. Combatting modern crimes. Criminological, criminal executive and criminal law aspects]. Ed. A.N. Savenkov. Moscow. "JUNITI-DANA: Zakon i pravo" Publ. 2019. 567 p. (In Russian)

10. In *Tehnika i bezopasnost' ob'ektov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Technical and security of criminal penalty execution system objects: collection of materials from International scientific practical conference]*. FKOU VO Voronezhskij institut FSIN Rossii. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskij centr "Nauchnaja kniga" Publ., 2018. 580 p. (In Russian)

11. In *Aktual'nye problemy dejatel'nosti podrazdelenij UIS: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 2 ch. [Actual problems of criminal executive system units' activity: collection of materials from All-Russian scientific practical conference: in 2 parts]*. FKOU VO Voronezhskij institut FSIN Rossii. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskij centr Nauchnaja kniga», 2019, part 1. 597 p. (In Russian)

12. *Serebrennikova A.V.* Novye ugrozy ispolnenija nakazaniya v vide lishenija svobody: kvadroptery [New challenges of imprisonment: quadcopters]. *Ugovovno-ispolnitel'noe parvo [Criminal Executive Law]*, 2019, issue 14 (1–4), no 2. pp. 136–139. (In Russian, abstract in English)

13. *Damaskin O.V., Polubinskaja S.V.* Pravovye aspekty ispol'zovanija poligrafa [Legal aspects of polygraph usage]. *Sojuz kriminalistov i kriminologov [Union of criminalists and criminologists]*, 2019, no 1. pp. 7–13. (In Russian, abstract in English and German)

14. *Idov R.* Informacionnaja bezopasnost' dlja SMB: pervye shagi [Information security for SMB: first steps]. *Direktor po bezopasnosti [Security Director]*, 2015. (In Russian)

15. *Ishhenko E.P.* Poligraf Poligrafovich [Poligraf Poligrafovich]. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 199 p. (In Russian)

16. *Polubinskaja S.V., Klebanov L.R.* Kriminai' nye ugrozy 3D-pechati (Tenevaja storona vysokih tehnologij) [Criminal threats of 3D-printing (dark side of hi-tech)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo [Tomsk State University Journal of Law]*, 2019, no 34. pp. 113–123. (In Russian, abstract in English)

17. *Mackevich I.M.* Sovremennaja kriminologija: preodolenija krizisa [Modern criminology: overcoming the crisis]. *Rossijskij kriminologicheskij vzgljad [Russian criminological outlook]*, 2011, no 2, pp. 192–197. (In Russian)

18. *Kobzistyj S.Ju., Sitjugin R.V., Isaev O.V., Kobzistaja M.V.* Analiz problemnyh voprosov primenenija sistemy jelektronnogo monitoringa podkontrol'nyh lic FSIN Rossii [Analysis of problematic issues of the electronic monitoring system of controlled persons]. In *Tehnika i bezopasnost' ob'ektov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Technical and security of criminal penalty execution system objects: collection of materials from International scientific practical conference]*. FKOU VO Voronezhskij institut FSIN Rossii. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskij centr "Nauchnaja kniga" Publ., 2018. pp. 27–29. (In Russian)

19. *Chulhanov V.N.* O sisteme kriminalisticheskoy tehniki kak razdela kriminalistiki [On the system of criminalistics technical as a part of criminalistics]. *Sojuz kriminalistov i kriminologov [Union of criminalists and criminologists]*, 2020, no 2, pp. 31–37. (In Russian, abstract in English and German)

20. *Samygin L.D.* Rassledovanie prestuplenij kak sistema dejatel'nosti [Investigation of crimes as a system of activity]. Moscow Izd-vo of Moscow State University Publ., 1989. 182 p. (In Russian)

21. *Mahtaev M.Sh.* Teorija kriminalisticheskogo preduprezhdenija prestuplenija [Theory of crime prevention by means of criminalistics]. Moscow, Jurlitinform Publ., 2015. 176 p. (In Russian)

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА С УЧЕТОМ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ДЕЯНИЯ

Дегтерев Андрей Александрович

Цель: рассмотреть вопросы, непосредственно связанные с основанием криминализации (декриминализации), применительно к нормам, предусматривающим ответственность за нарушение политических, личных и социально-экономических прав человека и гражданина, которым, по мнению большинства ученых, является их общественная опасность. Автором статьи аргументируется позиция, на основании которой распространенность тех или иных преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина не может являться самостоятельным признаком, который учитывается в равной степени с общественной опасностью при криминализации (декриминализации) деяний, а является только факультативным признаком общественной опасности преступных деяний. Каждое отдельно взятое преступление против конституционных прав и свобод человека и гражданина как ее феномена включает в себя определенную степень общественной опасности, чтобы не прибегать к учету его распространенности, характеризующей совокупную опасность подобного рода деяний. На это, в частности, указывают санкции статей, предусматривающие ответственность за указанные деяния, а они, как известно, отражают типовую опасность преступления.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Распространенность деяния применительно к нормам, предусматривающим ответственность за преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина, не может входить в основание криминализации.

Научная и практическая значимость. Распространенность деяния, применительно к нормам, предусматривающим ответственность за нарушение условий легитимности или легитимность власти, не может входить в основание криминализации. С практической точки зрения устранение указанных недостатков должно послужить облегчению надлежащего применения соответствующих норм электоральных преступлений в уголовном праве.

Ключевые слова: социальная обусловленность, криминализация деяний, политическая система, легитимность власти, основание криминализации, условия легитимности, распространенность деяния, общественная опасность, террор власти.

В статье 2 Конституции РФ перечислены основные права и свободы человека в структуре социальных ценностей. Основной обязанностью государства является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. В статье 19 Конституции РФ указано, что всем гарантируется равенство прав и свобод человека и гражданина.

В соответствии с Уголовным кодексом РФ за нарушение политических, личных и социально-экономических прав человека и гражданина установлена уголовная ответственность и наказание за посягательства на человека, его права. Реализуя конституционные принципы, законодатель выделил в отдельную главу УК РФ специальные нормы, которые направлены для защиты гаранти-

рованных прав и свобод человека и гражданина, которые получили международное признание. Выделяя в отдельную главу 19 УК РФ указанные нормы, законодатель не учел, что фактически все нормы Особенной части Уголовного кодекса РФ направлены для защиты интересов человека, ввиду того что безопасность личности, общества и государства неразрывно связаны между собой.

В диспозиции преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина указаны обстоятельства, которые направлены на существенное нарушение прав и свобод любого человека, а именно: граждан Российской Федерации, иностранных граждан, а также лиц без гражданства.

Однако по своему содержанию конституционные права и свободы человека и гражданина не могут быть одинаковыми, все они различны между собой. В связи с чем конституционные права и свободы человека и гражданина целесообразно разграничить их по определенным составам. При этом целесообразно выделить преступления: а) против личных прав и свобод человека и гражданина, куда отнести статьи – 137, 138, 138¹, 139, 140 и 148 УК РФ; б) преступления против политических прав и свобод гражданина: статьи – 141, 141¹, 142, 142¹, 144 и 149 УК РФ; в) преступления против социально-экономических прав и свобод человека и гражданина: статьи – 143, 145, 145¹, 146, 147 УК РФ. Разграничение указанных преступлений будет определяться по непосредственному объекту преступного посягательства.

Согласно ст. 15 УК РФ основная масса преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина относятся к преступлениям небольшой и средней тяжести. При этом только два состава преступления предусматривают назначение наказания в виде лишения свободы сроком до 6 лет. К таким преступлениям согласно действующему уголовному законодательству отнесены: ч. 3 статьи 144 УК РФ «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов при особо отягчающих обстоятельствах» и ч. 3 статьи 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав при особо отягчающих обстоятельствах».

В уголовно-правовой и криминологической науках до настоящего времени не утихают споры о применении распространенности деяния, характеризующую общественную опасность преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина. По мнению автора, действительно достаточно спорным является решение вопроса о признании одним из обстоятельств, включаемых в основание уголовно-правовой нормы, распространенность деяния указанных преступлений.

В качестве основополагающих принципов отнесения деяний к числу уголовно наказуемых все без исключения исследователи в своих трудах указывают и называют достаточную степень их распространенности. Сущность этого критерия криминализации состоит в том, что уголовное право регулирует форму реакции общества и государства на такие общественные поступки индивидов, которые, по крайней мере, являются реально возможными, т.е. представляют собой проявления некоторых общих тенденций и закономерностей, иначе говоря – явления не случайные [1, с. 228].

Любая попытка криминализировать слишком распространенные формы поведения, как отмечал Г.А. Злобин, является дисфункциональной, так как результат вышел бы за пределы фактических возможностей уголовной юстиции, и тем самым была бы возведена в норму безнаказанность деяний, объявленных преступными [2, с. 218].

Именно в советский период развития уголовного права возник непримиримый до сегодняшних дней спор о таком дополняющем критерии общественной опасности, как распространенность деяния.

П.А. Фефелов писал, что «общественная опасность преступного деяния включает в себе специфическую ценностную ориентацию, и поэтому способна служить прецедентом для повторения в будущем как лицом, осуществляющим эту деятельность, так и другими лицами». А.И. Марцев указывал в своих трудах, что целесообразно различать два последствия в деянии: а) первичное, т.е. общественная вредность; б) вторичное, т.е. общественная опасность).

Г.А. Злобин так же указывал в исследованиях, что «возможная повторяемость – необходимое свойство деяния, отнесенного законом к числу преступлений», а «уголовное право регулирует форму реакции общества и государства на такие общественно опасные поступки индивидов, которые по крайней мере являются реально возможными, т.е. представляют собой проявления некоторых общих тенденций и закономерностей, иначе говоря – явления не случайные».

В современной литературе все чаще стали появляться различные мнения и суждения, многие указывают на возникшую проблему, но при этом никто не проводил исследования и не анализировал статистику зарегистрированных преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина в России. Хотя в 2019 году в научно-практическом комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации впервые появилась офи-

Статистические данные

N/N	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
ст. 136	3	4	5	1	3	1	1	2	0	2
ст. 137	6	17	17	21	6	12	14	23	32	75
ст. 138	51	52	78	159	138	101	315	126	183	184
ст. 138.1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
ст. 139	2295	3202	3340	3364	3760	4766	5381	8496	12524	15184
ст. 140	0	0	0	0	0	1	2	0	0	0
ст. 141	13	14	47	30	33	35	40	45	61	35
ст. 141.1	0	0	0	0	0	0	0	1	4	0
ст. 142	46	12	12	34	43	21	41	94	63	53
ст. 142.1	0	0	0	0	0	0	1	10	9	11
ст. 142.2										
ст. 143	679	815	926	1270	1450	1501	1566	1048	1067	991
ст. 144	23	12	4	4	2	2	4	2	3	4
ст. 145	4	4	10	9	6	13	23	21	23	8
ст. 145.1	0	0	836	44	51	80	183	1723	1690	1222
ст. 146	302	607	18	1117	810	949	1229	1917	2924	245
ст. 147	43	18	1	46	45	14	14	12	24	20
ст. 148	4	3	1	5	3	1	1	0	1	1
ст. 149	2	0	12	1	4	0	0	0	0	1
Всего	3471	4760	5307	6105	6354	7497	8815	13520	18608	25036

N/N	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
ст. 136	1	1	0	0	0	0	0	0	2	1
ст. 137	34	45	38	84	75	136	142	120	211	291
ст. 138	166	178	213	284	294	169	88	127	114	115
ст. 138.1	0	0	0	0	0	229	301	376	385	331
ст. 139	12037	11606	11634	10802	10806	10354	10371	11940	12393	12765
ст. 140	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0
ст. 141	36	10	21	23	7	4	0	4	7	3
ст. 141.1	1	2	1	1	2	0	0	2	0	0
ст. 142	20	515	29	24	44	22	8	9	11	15
ст. 142.1	18	6	3	2	15	14	7	6	11	17
ст. 142.2										
ст. 143	758	631	603	558	587	516	517	485	512	551
ст. 144	3	2	2	2	3	1	2	5	7	9
ст. 145	10	9	9	9	4	3	1	3	8	1
ст. 145.1	587	381	833	825	690	624	578	613	914	1679
ст. 146	7874	6885	7211	6118	5033	3580	2584	2084	1781	1294
ст. 147	13	9	7	6	4	5	4	6	2	1
ст. 148	0	0	0	0	0	0	6	2	11	14
ст. 149	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Всего	21559	20281	20604	18738	17564	15658	14609	15782	16369	17087

циальная статистика к главе 19 УК РФ, с 1997 года по 2016 год [3, с. 792–793].

При анализе преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина в РФ профессор А.И. Чучаев делает ссылки на следующих авторов: Н.В. Бердычевскую [4], А.Н. Красикова [5], А.С. Курманова [6], Л.Г. Мачковского [7], Т.Н. Нуркаеву [8], которые проанализировали в своих научных статьях степень общественной опасности преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина в РФ. Но при этом ни один ученый не исследовал и не рассматривал проблему распространенности преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина в РФ.

В сегодняшней реалии распространенность деяния стала обсуждаема и для преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина, что ранее вообще не исследовалась и не являлась предметом обсуждения ученых при анализе принципов криминализации. Свою обоснованную позицию о необходимости рассмотрения распространенности в процессе криминализации деяния высказывают А.И. Коробеев, Н.А. Лопашенко, Ю.А. Митюкова и многие другие ученые. Но в сегодняшней действительности согласиться с этими утверждениями достаточно проблематично. Суть проблемы на первый взгляд очень проста: во-первых, исключить принятие уголовно-правовой нормы «для одного случая», что предполагает учет возможной повторяемости как необходимого свойства криминализируемого деяния; во-вторых, хотя бы в самых общих чертах определить необходимую интенсивность повторяемости, поскольку криминологи утверждают, что чрезмерная распространенность деяния выступает противопоказанием к признанию его преступным. Например, Н.Ф. Кузнецова не без оснований считала, что указанное свойство деяния не может признаваться криминообразующим фактором. Более того, его распространенность скорее оказывается доводом в пользу преследования не в уголовно-правовом, а административном, дисциплинарном порядке и т.д. [9, с. 137].

Но существует и другое видение по этому вопросу. В своих трудах М.Т. Гигинейшвили, Е.В. Епифанов, К.В. Череменский, А.И. Чучаев не считают существование принципа распространенности деяний общественной опасностью. Их выводы сводятся к тому, что если отсутствует правоприменительная практика по тем или иным деяниям, которые запрещены по УК РФ, то и распространенность не может свидетельствовать о необходимости их декриминализации.

В литературе высказана и двоякая точка зрения. Так, Т.А. Плаксина, с одной стороны, полагает, что «распространенность определенного вида деяний не влияет на типовую степень общественной опасности, так как не входит ни в одну из подсистем, результатом взаимодействия которых становится общественная опасность, — ни в объект охраны, ни в элементы деяния как составляющей источника опасности». И в то же время она утверждает, что «...распространенность в числе прочего предопределяет возникновение опасности причинения вреда общественным отношениям, являющейся основанием норм уголовного права третьего уровня, поскольку характеризует источник опасности, понимаемый в одном из аспектов как множественности общественно опасных деяний, совершенных в пределах определенной территории за определенный промежуток времени» [10, с. 30].

Чтобы позиция авторов воспринималась всеми одинаково правильно, следует указать, что распространенность деяния, в отношении которого ставится вопрос о криминализации, не может стоять на одной плоскости с распространенностью в правоприменительной деятельности одного вида преступлений.

Статистические показатели о преступлениях, совершенных против конституционных прав и свобод человека и гражданина, как правило, не свидетельствуют о реальном положении дел в группе политической сферы жизнедеятельности. Они представляют собой «неизведанные миры», большая часть которых неизвестна или только абстрактно нам представляется. На примере электоральной преступности, безусловно можно утверждать, что это явление в определенной степени латентное, а уровень зарегистрированных преступлений невелик. При регистрации электоральных преступлений часто допускается не полный статистический учет, который совершается в условиях избирательных процессов в России. Порой отсутствует регистрация лиц, которые совершают эти преступления. Не учитывается и вред от этих преступлений, особенно политическо-репутационный. А.И. Долгова указывала, что с принятием Уголовного кодекса РФ статистика «приобрела более формальный и менее достоверный характер» [11, с. 66]. Это привело к неправильному восприятию распространенности деяний.

Распространенность преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина рассматривается не как самостоятельный признак, необходимый для решения вопроса о криминализации или декриминализации деяния, а как признак общественной опасности самого деяния.

При его реализации возникают разного рода негативные обстоятельства. По общим правилам определения общественной опасности нужно изначально знать, обладает ли преступное деяние, направленное на нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина высокой степенью общественной опасности. И если обладает, то при криминализации следует учитывать, что оно не должно быть слишком распространенным. Видимо никто не задумывался о том, что степень общественной опасности преступных деяний, направленных против конституционных прав и свобод человека и гражданина в нашей стране, и так достаточно высока. Уголовно-правовой запрет так же регулирует форму реакции общества и государства на такие общественно опасные проявления как преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина. Иными словами, эти проявления должны быть не случайными. Их систематическая повторяемость как правило является достаточным условием совершенного преступления. Само деяние должно быть распространенным в том или ином виде. Само по себе деяние не должно быть широко распространенным, но при этом и не должно быть единичным, так как может повториться в будущем. Криминализация широко распространенного деяния неизбежно может привести к нарушению функционирования всей сложившейся системы уголовной юстиции. Что в свою очередь, не может не сказаться и приведет к нарушению реализации принципов неотвратимости наказания, равенства всех перед законом, справедливости и т.д. Автор статьи считает, что при нарушении конституционных прав и свобод человека и гражданина не обязательно привлекать лицо к уголовной ответственности, так как деяние может быть случайным, ошибочным и не подпадать под общие правила привлечения к уголовной ответственности. Более того, широкое распространение преследования людей в таких случаях исключительно в уголовном порядке может вызвать определенное напряжение как в обществе в целом, так и в межличностных отношениях. Такого рода ситуации неизбежно приведут к неправильному применению закона. Одни лица будут подпадать под действие уголовно-правовой нормы, а другие лица при тех же обстоятельствах не будут подпадать под действие этой же уголовно-правовой нормы. Поэтому при криминализации единичного случая новая норма становится бесперспективной.

Нарушения, которые часто регистрируются на избирательных участках во время голосования тоже можно отнести к деяниям, которые направлены против конституционных прав и свобод челове-

ка и гражданина, легитимности государственной власти. Они имеют большую распространенность в нашей стране, причем, как правило, эти нарушения латентны. Согласно действующих статей УК РФ данные нарушения не обладают высокой степенью общественной опасности, что неизбежно приводит к распространенности деяний.

Привлекать всех нарушителей к уголовной ответственности достаточно сложно, а может и невозможно. Если это делать выборочно, то нарушается принцип справедливости, одних наказывают, других нет. Это явление можно часто наблюдать при реализации избирательной кампании. Тем самым также ослабляется сдерживающая превентивная роль уголовного закона в глазах населения.

Соотношение качественной и количественной характеристик общественной опасности как основания криминализации для каждого деяния является индивидуальным. Приведенная в настоящей статье статистика преступлений, совершаемых против конституционных прав и свобод человека и гражданина, наглядно демонстрирует об относительно небольшом распространении рассматриваемых преступлений в РФ. Анализируя указанную статистику, можно с уверенностью сказать, что количество возбужденных уголовных дел и количество привлеченных лиц, совершивших эти преступления сравнительно невелико. Но при этом стоит отметить, что декриминализация данных деяний только лишь по этому основанию не основательно. Отсутствие зарегистрированных преступлений и, соответственно, статистической информации об их распространенности не может являться аргументом в пользу декриминализации данного деяния либо, наоборот, необоснованности его криминализации. Стоит отметить, что существует и другой подход, согласно которому распространенность преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина, которые не причиняют существенного вреда общественным отношениям, но сами по себе могут создавать угрозу такого нарушения, в том числе массовыми проявлениями и может рассматриваться в качестве достаточного основания для криминализации этих деяний.

В действующем Уголовном кодексе РФ криминализация преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина осуществлена при отсутствии общественной опасности деяния, как основания. При криминализации этих деяний законодатель скорее всего учитывал распространенность самих преступлений и рассматривал этот признак в качестве главного основания криминализации. Поэтому многие ученые и практические работники достоверно считают, что распростра-

ненность тех или иных деяний является факультативной характеристикой общественной опасности. Они, как правило, аргументируют это тем, что в основу криминализации входит опасность причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям. Другими словами, распространенность преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина может выступать в качестве дополнительного, но не определяющего основания в качестве обоснования необходимости криминализации (декриминализации) тех или иных деяний, нарушающих конституционные права и свободы человека и гражданина.

Важно подчеркнуть, что если распространенность деяния признать обстоятельством, являющимся главным для создания уголовно-правовой нормы, то это приведет к выводу о том, что нормы, обеспечивающие безопасность власти, не являются социально обусловленными, и не отвечают общим и специальным потребностям общества и государства. Все дело в том, что преступления против власти по объективным причинам не могут быть хоть сколько-нибудь распространенными. Во-первых, это вытекает из сути самих посягательств, поэтому реакция власти на подобного рода действия, посягающие на само ее существование, является прогнозируемой; во-вторых, это находит подтверждение в статистике, причем не только постсоветского периода, но и более ранних периодов. Распространенность этих деяний, как показывает история, может быть в двух случаях: нелегитимности власти или террора власти против собственного народа.

Таким образом, по нашему мнению, распространенность деяния, по крайней мере, применительно к нормам, предусматривающим ответственность за нарушение условий легитимности или легитимность власти, не может входить в основание криминализации. Каждое отдельно взятое преступление против политической системы страны и ее государственной власти, как ее центрального элемента, обладает достаточной общественной опасностью, чтобы, криминализируя соответствующее деяние, не надо было бы прибегать к учету его распространенности, как фактору, характеризующему его общественную опасность. Об этом, в частности, свидетельствуют санкции статей, предусматривающих ответственность за

указанные деяния, а они, как известно, отражают общее представление, в том числе представителей власти, о типовой опасности преступления.

В последние годы специалисты предпринимают усилия по оптимизации процесса криминализации, которые, по их мнению, снизят риски нормотворческой деятельности, исключат случаи принятия норм, не отвечающих требованиям их социальной обусловленности. В частности, даже предлагается УК РФ дополнить ст. 11 «Основания криминализации и декриминализации общественно опасных деяний», в ч. 1 которой говорится: «Криминализация общественно опасных деяний, то есть включение таковых в Уголовный кодекс в качестве преступных и уголовно наказуемых, осуществляется при наличии достаточной их общественной опасности и распространенности, с учетом целесообразности, а также процессуальной и криминалистической возможности уголовного преследования» [12, с. 9].

Это предложение подверглось, на наш взгляд, обоснованной критике. Указывалось, что подобного рода предложения об изменении уголовного законодательства, причем влекущих изменения его базовых принципов, не согласуются с целевым назначением Уголовного кодекса России; обращалось внимание на произвольно выбранный набор оснований и условий, наличие оценочных понятий и т.д. [13, с. 16].

На основании изложенного, можно утверждать, что уголовно-правовой запрет имеет одно основание, которое охватывает ряд факторов, детерминирующих необходимость его появления. Кроме того, в основание уголовно-правовых норм о преступлениях, посягающих на государственную власть, входят несколько обстоятельств: общественная опасность деяния, международные обязательства России по ратифицированным международным договорам; нормативная предопределенность функционирования политической системы и ее отдельных структурных элементов [14, с. 34].

По нашему мнению, возникшие споры еще долгое время будут привлекать внимание ученых, законодателей и практиков к определению криминализации преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина с учетом распространенности деяния.

Литература

1. Прокументов Л.М. Распространенность деяний как факультативный признак их общественной опасности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 227–230.
2. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М., 1982. 303 с.

3. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Чучаева. М., 2018. 1860 с.
4. Бердычевская Н.В. Ответственность за совершение преступлений, посягающих на конституционные права граждан в сфере трудовых отношений (уголовно-правовой и криминологический аспекты). М., 2011. 184 с.
5. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана политических, гражданских и иных конституционных прав и свобод человека и гражданина в России. Саратов, 2000. 104 с.
6. Курманов А.С. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина: сравнительно-правовое исследование. Челябинск, 2007. 264 с.
7. Мачковский Л.Г. Уголовная ответственность за нарушение равноправия, личных, политических и социально-экономических прав. М., 2005. 468 с.
8. Нуркаева Т.Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики. М., 2017. 254 с.
9. Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999. 624 с.
10. Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. 481 с.
11. Долгова А.И. Изменение преступности в реформируемой России и борьба с преступностью // Уголовное право. 1999. № 3. С. 408.
12. Недотко Ю.В. Тенденции российской уголовно-правовой политики постсоветского периода: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 25 с.
13. Агузаров Т.К., Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Охрана власти в уголовном праве России. М., 2016. 126 с.
14. Дегтерев А.А. Политическая система России: общие и специальные вопросы социальной обусловленности уголовно-правовой охраны власти и информационной подсистемы // Юридическое образование и наука. 2019. Ноябрь. № 11. С. 29–37.

References

1. Prozumentov L.M. Rasprostranennost' dejanij, kak fakul'tativnyj priznak ih obshhestvennoj opasnosti [The prevalence of acts as an optional sign of their public danger]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 2018, no. 429, pp. 227–230. (In Russian, abstract in English)
2. Osnovaniya ugovolno-pravovogo zapreta. Kriminalizacija i dekriminalizacija [Grounds of the criminal law prohibition. Criminalization and decriminalization]. Edited by V.N. Kudryavtsev, A.M. Yakovlev. Moscow, 1982. 303 p. (In Russian)
3. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii [Scientific and practical commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Edited by A.I. Chuchaev. Moscow, 2018. 1860 p. (In Russian)
4. Berdychevskaya N.V. Otvetstvennost' za sovershenie prestuplenij, posjagajushhh na konstitucionnye prava grazhdan v sfere trudovyh otnoshenij (ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty) [Responsibility for committing crimes that infringe on the constitutional rights of citizens in the field of labor relations (criminal-legal and criminological aspects)]. Moscow, 2011. 184 p. (In Russian)
5. Krasikov A.N. Ugolovno-pravovaja ohrana politicheskikh, grazhdanskih i inyh konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii [Criminal-legal protection of political, civil and other constitutional rights and freedoms of a person and a citizen in Russia]. Saratov, 2000. 104 p. (In Russian)
6. Kurmanov A.S. Prestuplenija protiv konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen: comparative legal research]. Chelyabinsk, 2007. 264 p. (In Russian)
7. Mackowski L.G. Ugolovnaja otvetstvennost' za narushenie ravnopravija, lichnyh, politicheskikh i social'no-jekonomicheskikh prav [Criminal liability for the violation of equal rights, personal, political and socio-economic rights]. Moscow, 2005. 468 p. (In Russian)
8. Nurkaeva T.N. Ugolovno-pravovaja ohrana lichnosti, ee prav i svobod: voprosy teorii i praktiki [Criminal legal protection of personality rights and freedoms: issues of theory and practice]. Moscow, 2017. 254 p. (In Russian)

9. Kurs ugovornogo prava: v 5 t. T. 1: Uchenie o prestuplenii [Criminal law course: in 5 vols. Vol. 1: Doctrine of the crime]. Edited by F. Kuznetsova, I. M. Tikovoi. Moscow, 1999. 624 p. (In Russian)
10. *Plaksina T.A.* Social'nye osnovanija kvalificirujushhih ubijstvo obstoitel'stv i ih juridicheskoe vyrazhenie v priznakah sostava prestuplenija [Social bases of circumstances qualifying murder and their legal expression in signs of corpus delicti]. Diss. na soisk. uch. st. doktora jur. nauk. Tomsk, 2006. 481 p. (In Russian)
11. *Dolgova A.I.* Izmenenie prestupnosti v reformiruemoj Rossii i bor'ba s prestupnost'ju [Change in crime in reformed Russia and the fight against crime]. *Ugovnoe pravo [Criminal Law]*, 1999, no. 3, p. 408. (In Russian)
12. *Nedotko Yu.V.* Tendencii rossijskoj ugovolno-pravovoj politiki postsovetskogo perioda [Trends in the Russian criminal law policy of the post-Soviet period]. Avtoref. diss. ... cand. jur. nauk. Chelyabinsk, 2005. 25 p. (In Russian)
13. *Aguzarov T.K., Gracheva Yu.V., Chuchaev A.I.* Ohrana vlasti v ugovolnom prave Rossii [Protection of power in the criminal law of Russia]. Moscow, 2016. 126 p. (In Russian)
14. *Degterev A.A.* Politicheskaja sistema Rossii: obshhie i special'nye voprosy social'noj obuslovlennosti ugovolno-pravovoj ohrany vlasti i informacionnoj podsistemy [Political system of Russia: general and special issues of social conditionality of the criminal law protection of the authorities and the information subsystem]. *Juridicheskoe obrazovanie i nauka [Legal education and Science]*, 2019 (November), no. 11, pp. 29–37. (In Russian)

К ВОПРОСУ ОБ ИНИЦИАТИВЕ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ПО ВВЕДЕНИЮ В УК РФ КАТЕГОРИИ УГОЛОВНЫХ ПРОСТУПКОВ

Кадников Николай Григорьевич

***Цель:** проанализировать проект закона, направленный в Государственную Думу РФ Верховным Судом РФ, о введении в УК РФ категории уголовных проступков, определить значимость подобных деяний для осуществления современной уголовной политики.*

***Методология:** диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований, сравнительно-правовой метод.*

***Выводы.** Предложения Верховного Суда РФ имеют важное значение для современной уголовной политики, так как введение категории уголовных проступков позволит говорить о продолжении гуманизации уголовного законодательства. Данное предложение Верховный Суд РФ делает уже не в первый раз, но оно не поддерживается правительством. Тем не менее есть положительный опыт подобного изменения уголовного законодательства, который связан с принятием в 2014 г., в Республике Казахстан нового УК, где в институте категоризации преступлений категория уголовных проступков имеет большое значение. Введение категории уголовных проступков имеет важное значение, особенно в период, когда государство должно предложить обществу, гражданам наряду с суровыми мерами против групповых нарушений и массовых беспорядков, гуманистические начала уголовной политики в отношении лиц, виновных в преступлениях небольшой и средней тяжести. Следует согласиться с авторами законопроекта в том, что уголовный проступок, с одной стороны, содержит все признаки преступления, в том числе является общественно опасным, а с другой стороны, отличается тем, что его опасность для общества является минимальной, равно как и опасность лица, его совершившего, что позволяет применить к нему иные меры уголовно-правового характера, не являющиеся уголовным наказанием.*

***Научная и практическая значимость.** Значимость научной статьи заключается в необходимости подчеркнуть положительную роль Верховного Суда РФ в осуществлении более точной дифференциации уголовной ответственности на законодательном уровне.*

***Ключевые слова:** категоризация преступлений, уголовный проступок, проект закона, подготовленный Верховным Судом РФ, гуманизация уголовной ответственности.*

О необходимости реформы уголовного законодательства говорят многие теоретики и практики. Вместе с тем, высказаны разные мнения на цель и формы подобного реформирования: либо принятие нового кодифицированного акта либо отдельных уголовных законов по разным сферам (экономические преступления, миграционные преступления, экологические преступления и т.д.). Однако нет той единой позиции, которая в свое время позволила ведущим ученым СССР

представить фундаментальный труд, ставший основой нового уголовного закона. Речь идет о монографической работе «Уголовный закон опыт теоретического моделирования» 1987 г. [1]. Тогда это был действительно научный прорыв, давший возможность принятия правовых основ будущего демократического государства.

Не следует забывать и Модельный кодекс стран СНГ, который также имел важное значение, и с точки зрения научной доктрины и практиче-

ского применения был достоин для восприятия странами-участниками (См.: «Модельный уголовный кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт» (Принят в г. Санкт-Петербурге 17 февраля 1996 г. постановлением 7–5 на 7-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ) // СПС «КонсультантПлюс»).

Эти исторические документы, а затем уже и УК РФ 1996 г. одним из важнейших институтов обновленного уголовного законодательства признали институт категоризации преступлений в зависимости от их тяжести. С позиций истории развития российского государства это было оправданно и абсолютно необходимо.

Основанием уголовной ответственности признавалось деяние, содержащее признаки состава преступления, определенные в уголовном законе. Деяние, а не опасное состояние личности определяло основание ответственности [2, с. 50–55]. Но не деяние в общем смысле, а деяния, имеющие различную степень тяжести, что отражает один из важнейших принципов уголовного права (это следовало бы отразить в уголовном законе) — дифференциация уголовной ответственности на законодательном уровне.

Категоризация преступлений оказала влияние на развитие и других смежных отраслей законодательства. Большое влияние она также оказала и на статистическую отчетность о преступности, которая стала более прозрачной и достоверной.

Вместе с тем не была реализована идея разграничения всех преступных деяний на преступления и уголовные проступки, о которой неоднократно высказывались ведущие ученые и которая фактически была осуществлена в дореволюционном законодательстве России. Подобная дифференциация ответственности с выделением преступлений и проступков позволила бы более объективно взглянуть на карту преступности, определить необходимые ресурсы для противодействия ее наиболее опасным формам.

Поэтому попытки Верховного суда РФ представить в Государственную Думу РФ проект закона о введении уголовного проступка, как важной составляющей категоризации преступных деяний, следует одобрить и поддержать. Жаль только, что проект никак не обретет статус закона. Но положительный опыт решения подобного вопроса уже есть. Так, в УК Республики Казахстан, принятом в 2014 г. и введенном в действие с 1 января 2015 г. (с доп. от 2016 г.) институт категоризации преступлений включает уголовный проступок (См.:

Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК «Уголовный Кодекс Республики Казахстан» // СПС «КонсультантПлюс»). Отрицательных отзывов по поводу введения понятия уголовного проступка не поступало. Но при обсуждении проекта нового УК РК были высказаны и иные точки зрения. Когда автор в составе делегации членов Союза криминалистов и криминологов РФ был в Республике Казахстан в мае 2013 г., то принимал участие в заседании 3-го международного круглого стола Союза криминалистов и криминологов по темам: «Проблемы борьбы с преступностью в странах СНГ», «Современное уголовное законодательство: проблемы, тенденции и пути модернизации», где проходили жаркие дискуссии среди ученых и практиков по поводу целесообразности включения категории уголовных проступков в готовящейся к принятию УК РК [3, с. 19–22]. В рамках дискуссии высказывались разные научные позиции, в том числе и несогласие с введением в закон понятия уголовного проступка. Но закон был принят и действует, на мой взгляд, в духе времени, т.е. наши коллеги идут в правильном направлении.

Полагаю, что введение категории уголовных проступков имеет важное значение, особенно в период, когда государство должно предложить обществу, гражданам наряду с суровыми мерами против групповых нарушений и массовых беспорядков, гуманистические начала уголовной политики в отношении лиц, виновных в преступлениях небольшой и средней тяжести. Следует согласиться с авторами законопроекта в том, что уголовный проступок, с одной стороны, содержит все признаки преступления, в том числе является общественно опасным, а с другой стороны, отличается тем, что его опасность для общества является минимальной, равно как и опасность лица, его совершившего, что позволяет применить к нему иные меры уголовно-правового характера, не являющиеся уголовным наказанием.

Многие ученые высказываются в пользу уголовного проступка, но предлагают начать введение такой категории преступных деяний в отношении преступлений, совершаемых несовершеннолетними, а также в отношении лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности [4, с. 59–61]. Но есть и иные мнения, авторы которых указывают, что понятие проступка не соответствует существующей доктрине уголовного права и не учитывает такие понятия, как преступление, малозначительность деяния. Озабочены ученые в области уголовного судопроизводства, которые полагают, что УПК РФ при введении

уголовного проступка потребует серьезных изменений [5, с. 127–134].

Действительно не следует ждать в скором времени радикальных изменений в уголовной политике. Потребуется годы для привыкания к подобной новелле уголовного закона. Но главное не в том, чтобы сразу наступили «сладкие денечки». Нужен какой-то толчок, сдвиг в сознании того, что не все граждане преступники, а то и враги, и должна появиться возможность больше уделять внимание личности оступившегося человека, необходимо пытаться решать проблемы не только путем ужесточения наказания, но и по возможности представлять совершившему проступок возможность не проходить школу преступности в колонии. Возникнет реальная потребность реформирования в сторону гуманизации иных институтов уголовного права и иных отраслей законодательства. Несомненно, что такие нововведения не должны ухудшать права потерпевших от преступного посягательства.

Однако, необходимо повторить, что попытки введения уголовного проступка не находят сторонников во властных коридорах. Верховный суд РФ уже направлял подобный проект, но его не поддержало Правительство РФ, и проект был отозван.

Полагаю, что следует поддержать настойчивость Верховного суда РФ по продвижению проекта в органы законодательной власти. Крайний проект направлен в Государственную Думу РФ 13 октября 2020 г. (См.: *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»*).

Данный законопроект нельзя, на наш взгляд, назвать всеобъемлющим, революционным. Деяние признается уголовным проступком при условии, что оно совершено лицом впервые, то есть, если на момент его совершения лицо не имело неснятую или непогашенную судимость и не освобождалось от уголовной ответственности за уголовный проступок в течение одного года, предшествовавшего дню совершения этого преступления.

Однако есть и проблемы, связанные с предлагаемой новеллой. Во-первых, необходимо отметить громоздкость предлагаемого понятия уголовного проступка, наличие нескольких, в том числе и разнопорядковых критериев, включающих категорию преступного деяния (небольшой и в определенных

случаях средней тяжести), санкцию в виде лишения свободы, перечни преступлений, что весьма сложно для правоприменительных органов. Во-вторых, фактически речь идет о трех видах уголовных проступках, которые также дифференцированы в зависимости от категории преступного деяния и лица, его совершившего, и к которым по-разному применяются нормы об освобождении от уголовной ответственности.

Пока, как представляется, понятие уголовного проступка вводится для решения очень ограниченных задач, связанных в основном с освобождением от уголовной ответственности в порядке ст. 76² УК РФ (лиц, совершивших преступления в сфере экономики) и ст. 90 УК РФ (в отношении несовершеннолетних). При освобождении, в соответствии с законопроектом, наряду с судебным штрафом предлагаются и новые меры уголовно-правового характера, которые прежде были неведомы уголовному закону (общественные работы и ограниченно оплачиваемые работы). В Верховном Суде РФ креативно мыслят, изобретая новые и новые варианты гуманизации уголовной ответственности. Таким образом, мы видим желание сократить применение уголовного наказания к лицам, виновным в совершении уголовных проступков.

Вместе с тем в проекте не нашлось места иным последствиям, применяемым к лицам, совершившим такие деяния. Не решены вопросы с судимостью, ответственностью за покушение, совершением проступка в соучастии, применением к лицам, совершившим уголовный проступок, иных видов освобождения от уголовной ответственности. Проект сразу содержит исключения: немалое число преступлений, формально подпадающих под понятие уголовного проступка, в проекте предлагается не считать таковыми.

Тем не менее следует поддержать тренд нашего правосудия, его попытки либерализовать уголовный закон, уменьшить количество санкций в виде лишения свободы, соответственно уменьшить количество осужденных, в том числе находящихся в местах лишения свободы, выделить категорию уголовных проступков, т.е. уменьшив их криминальную направленность. Человек может преступить закон, но может и оступиться, поэтому ему следует помочь, не ломать его судьбу, а дать еще один шанс.

Данные меры, на наш взгляд, не сразу, но должны оказать положительное влияние на результаты противодействия преступности (это сокращение рецидива преступлений, наказания в виде лишения свободы, сокращение количества

осужденных, находящихся в колониях, отделение лиц, совершивших уголовные проступки, от осужденных за умышленные насильственные тяжкие и особо тяжкие преступления и т.п.).

Тем не менее проект о введении уголовных проступков учитывает и негативное поведение лица, освобожденного в связи с совершением подобного деяния от уголовной ответственности с назначением ему соответствующей меры уголовно-правового ха-

рактера. Если лицо не осознает проявленную к нему гуманность и будет уклоняться от назначенной ему судом иной меры уголовно-правового характера, она может быть заменена ему на реальное уголовное наказание. Наряду с этим авторы законопроекта предусмотрели возможность приостановления течение срока давности уголовной ответственности для лиц, допускающих уклонение от назначенной иной меры уголовно-правового характера.

Литература

1. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. С.Г. Келина, В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1987. 276 с.
2. *Кадников Н.Г.* Опасное состояние личности как основание уголовной ответственности // *Союз криминалистов и криминологов*. 2020. № 1. С. 50–55.
3. *Мацкевич И.М., Орлов В.Н.* Третий международный круглый стол Союза криминалистов и криминологов по темам: «Проблемы борьбы с преступностью в странах СНГ», «Современное уголовное законодательство: проблемы, тенденции и пути модернизации» (Республика Казахстан, г. Астана, г. Алматы, 1–6 мая 2013 г.) // *Союз криминалистов и криминологов*. 2013. № 1. С. 19–22.
4. *Кадников Н.Г.* Категоризация преступлений в зависимости от их тяжести как основа построения многих институтов Общей части уголовного права // *Уголовное право*. 2017. № 4. С. 59–61.
5. *Головко Л.В.* Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека // *Закон*. 2018. № 1. С. 127–136.

References

1. *Ugolovnyi zakon. Opyt teoreticheskogo modelirovaniya*. Anashkin G.Z., Borodin S.V., Gal'perin I.M., Zagorodnikov N.I. Ed. Kelina S.G., Kudryavtsev V.N. Moscow, Nauka Publ., 1987. 276 p. (In Russian)
2. *Kadnikov N.G.* Opasnoe sostoyanie lichnosti kak osnovanie ugolovnoi ot-vestvennosti [Dangerous state of personality as the basis of criminal responsibility]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of Criminalists and Criminologists]*, 2020, no. 1. 2020, pp. 50–55. (In Russian, abstract in English and in German)
3. *Matskevich I.M., Orlov V.N.* Tretii mezhdunarodnyi kruglyi stol Soyuz kriminalistov i kriminologov po temam: “Problemy bor’by s prestupnost’yu v stranakh SNG”, “Sovremennoe ugolovnoe zakonodatel’stvo: problemy, tendentsii i puti modernizatsii” (Respublika Kazakhstan, g. Astana, g. Almaty, 1–6 maya 2013 g.) [The Third International Round-Table Discussion of the Union of Criminalists and Criminologists on the topics “Problems of Criminality Counteraction in the CIS”, “Contemporary Criminal Legislation: Problems, Tendencies and Ways of Modernization” (Astana, Almaty, Kazakhstan Republic, May 1–6, 2013)]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of Criminalists and Criminologists]*, 2013. № 1, pp. 19–22. (In Russian, abstract in English and in German)
4. *Kadnikov N.G.* Kategorizatsiya prestuplenii v zavisimosti ot ikh tyazhesti kak osnova postroeniya mnogikh institutov Obshchei chasti ugolovnogo prava [Categorization of crimes depending on their severity as the basis for building many institutions of the General part of criminal law]. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*, 2017, no. 4, pp. 59–61. (In Russian)
5. *Golovko L.V.* Zakonoproekt ob ugolovnom prostupke: mnimye smysly i real’naya podopleka [Bill on criminal misdemeanor: imaginary meanings and real background]. *Zakon [Law]*, 2018, no. 1, pp. 127–136. (In Russian)

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

НОВЫЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Зайцев Олег Александрович

Цель: а) выявить особую роль уголовно-процессуальных механизмов в обеспечении прав и законных интересов предпринимателей, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства; б) определить особенности уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего отдельные правила, применяемые при расследовании и судебном разбирательстве дел в отношении представителей бизнеса; в) отразить позиции исследователей относительно новой уголовно-процессуальной политики в сфере предпринимательства; г) обосновать рекомендации по дальнейшему развитию уголовно-процессуальных механизмов, применяемых по делам рассматриваемой категории преступлений.

Методология: диалектический метод познания, общенаучные методы абстрагирования, анализа и синтеза, а также специально-юридические методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, логико-юридический и др.

Выводы. Необходим единый подход к разработке уголовно-правовых средств и уголовно-процессуальных механизмов, направленных на защиту прав и свобод предпринимателей в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел об экономических преступлениях. Нуждается в дальнейшем совершенствовании законодательство с учетом опыта зарубежных государств, связанного с обеспечением законных интересов субъектов предпринимательской деятельности.

Научная и практическая значимость. Показаны перспективы развития уголовно-процессуального законодательства, предусматривающего особый порядок судопроизводства в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. С практической точки зрения совершенствование уголовно-процессуальных механизмов должно послужить обеспечению прав и законных интересов представителей бизнес-сообщества, исключению возможности решения возникших споров между хозяйствующими субъектами и давления на предпринимательские структуры.

Ключевые слова: уголовная политика, экономическая безопасность, уголовно-процессуальное законодательство, уголовно-процессуальные механизмы, предпринимательская деятельность, уголовное преследование предпринимателей.

Одним из направлений современной уголовной политики Российской Федерации является гуманизация уголовно-правовых средств и уголовно-процессуальных механизмов, применяемых в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел о преступлениях, которые совершаются в рамках предпринимательской и иной экономической деятельности [2, 7, 10, 19].

Это связано, в первую очередь, с тем, что экономическая преступность предпринимает достаточно активные действия на важные институты

нашего общества, что существенным образом ведет к нарушению установленного порядка реализации происходящих процессов в экономике, причинению значительного ущерба. Так, только доля латентных противоправных деяний в виде мошенничества, присвоения и растраты, мошенничества составляет примерно 80–90% всех экономических преступлений [12, с. 273].

На страницах юридической литературы обращается внимание на наличие угроз экономической безопасности страны со стороны транснациональ-

ной организованной преступности, использующей современные информационные и коммуникационные технологии. Особое беспокойство вызывает прямое хищение государственных денежных средств и их легализация. Отмечается слабая защищенность национальной финансовой системы, которая подвергается незаконному воздействию со стороны нерезидентов и спекулятивного иностранного капитала. Сохраняется значительная доля теневой и криминальной экономики; создаются условия, способствующие распространению коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений [1, 13].

В сложившейся ситуации государственные органы уделяют особое внимание реальному изменению структуры экономики, поддержке бизнеса и улучшению делового климата в предпринимательской среде. В последнее десятилетие формируется нормативно-правовая база, направленная на повышение стабильности регулирования общественных отношений, обеспечение благоприятного ведения экономической деятельности [11].

Акцент также делается на разработке документов стратегического среднесрочного и долгосрочного планирования, определяющих основные направления дальнейшего развития отечественной экономической системы. Во-первых, необходимо создать необходимые условия, позволяющие исключить факты объединения противоправных интересов должностных лиц правоохранительных органов и бизнес-структур, а также блокировать коррупционные схемы их взаимодействия. Во-вторых, сформировать надежные механизмы, направленные на противодействие рейдерским захватам и иным преступным действиям в хозяйственно-финансовой сфере. В-третьих, понизить риски осуществления предпринимательской деятельности, позволяющие применять формальные поводы для ее приостановлению, использовать избирательный подход к правоприменению в отношении представителей бизнес-структур (См.: Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»).

Несмотря на это, отмечается рост количества лиц, считающих, что ведение бизнеса не является безопасной деятельностью. Так, по результатам социологического опроса экспертов, специалистов и предпринимателей, проведенном Службой специальной связи и информации ФСО России в феврале 2020 г. в 36 субъектах Российской Федерации, их доля в 2017 г. составила 57,1%, в 2018 — 67,2%, в 2019 — 69,2%, в 200 — 74,3%. При этом доля респондентов, полагающих, что отечествен-

ное законодательство не содержит надлежащих гарантий для защиты бизнеса от необоснованного уголовного преследования, практически не изменилась (в 2018 г. — 70,5%, в 2019 г. — 70,7%, в 2020 г. — 71,1%) (См.: Доклад Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей «Уголовное преследование предпринимателей: проблемы и предложения: результаты социологического опроса «Мнение экспертов о защите прав предпринимателей» в 2020 г. // URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2020.html (дата обращения: 30.03.2021)).

Таким образом, необходимо создавать надлежащую защиту прав и свобод предпринимателей, а также минимизировать уровень социальной напряженности в обществе за счет эффективного урегулирования юридических конфликтов в ходе осуществления уголовно-юрисдикционной деятельности [9, 18].

Ряд опубликованных в последнее время научных работ посвящен исследованию уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности [6]. И это не случайно, так как действующее уголовное законодательство подверглось существенным дополнениям и изменениям, направленным на устранение чрезмерного административного давления на субъекты предпринимательства. Не ставя целью подробный анализ данных уголовно-правовых средств, в рамках данной статьи более подробно остановимся на некоторых новых уголовно-процессуальных механизмах, которые получили различные определения и оценки среди ученых-исследователей [8, 14, 15, 17], а также коснемся вопроса перспектив их развития.

Среди новелл уголовно-процессуального законодательства можно выделить новеллы, касающиеся особенностей возбуждения уголовного дела, применения мер уголовно-процессуального принуждения, проведения следственных действий с электронными носителями информации и иными предметами (документами), освобождения от уголовной ответственности [5, 17].

К примеру, законодатель закрепил новый порядок возбуждения по определенному кругу уголовных дел об экономических преступлениях. Так, расширен перечень дел об общественно опасных деяниях, возбуждаемых только по заявлению потерпевшего (См.: Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ

«О внесении изменений в статьи 76¹ и 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»).

Также новыми являются инициативы законодателя относительно порядка возбуждения уголовных дел в отношении преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов, усилив роль и значимость налоговых органов на данной стадии процесса (См.: *Федеральный закон от 22 октября 2014 г. № 308-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»*).

Изменились процедуры рассмотрения сообщений о противоправных деяниях, совершаемых в сфере обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (См.: *Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды»*).

Но наибольшую трансформацию претерпели нормы, касающиеся применения мер уголовно-процессуального принуждения [16]. Так на законодательном уровне при соблюдении определенных условий закреплен прямой запрет на заключение под стражу предпринимателей при совершении ими целого ряда экономических преступлений. Внесены изменения в статьи УПК РФ, регламентирующие применение залога и домашнего ареста (См.: *Федеральный закон от 11 февраля 2013 г. № 7-ФЗ «О внесении изменения в статью 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»*; *Федеральный закон от 4 июня 2014 г. № 141-ФЗ «О внесении изменения в статью 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и др.*).

Не возникло сомнений и в назначении правового механизма, предусмотренного ст. 76¹ УК РФ и ст. 28¹ УПК РФ, который с момента своего возникновения многократно корректировался законодателем. Смысл данного механизма заключается в том, что он позволяет судебно-следственным органам прекращать уголовное дело или уголовное преследование в случае возмещения обвиняемым причиненного ущерба [20].

В рамках настоящей работы нет возможности более подробно рассмотреть вышеуказанные и иные уголовно-процессуальные механизмы, применяемые в ходе производства по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В силу того, что они «разбросаны»

по всему тексту УПК РФ, высказываются предложения об их концентрации в отдельной главе Кодекса, как это сделано в отношении производства дел в отношении отдельных категорий лиц, а также применительно к несовершеннолетним [15, с. 261].

Независимо от того, будут ли восприняты подобные инициативы законодателем, важно отметить, что существующие правовые механизмы влияют на весь процесс разбирательства дела, являются значимым средством защиты общественных отношений в сфере предпринимательской деятельности.

В современный период времени процесс совершенствования уголовно-правовых средств и уголовно-процессуальных механизмов, а также практики его применения, направленных на исключение излишнего административного давления на субъекты предпринимательской деятельности, не потерял своей актуальности [4, 19].

В частности, в конце прошлого года Съезд Российского союза промышленников и предпринимателей принял целый пакет предложений по совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства, в том числе:

- введение обязательного согласия прокурора на избрание домашнего ареста и заключения под стражу по делам рассматриваемой категории;
- отнесение к компетенции вышестоящего суда рассмотрения ходатайства следователя о повторном продлении срока содержания под стражей или домашнего ареста;
- закрепление в качестве одного из оснований отказа в продлении меры пресечения в виде заключения под стражу наличия необоснованной задержки в осуществлении следственных действий по уголовному делу;
- введение обязательного проведения налоговой проверки перед передачей в суд уголовного дела в отношении преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов и др.

В заключение отметим, что следует и далее на законодательном уровне совершенствовать уголовно-процессуальные механизмы, направленные на защищенность предпринимателей в ходе производства дел о преступлениях, совершаемых в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. При этом следует учитывать опыт модернизации уголовно-процессуального законодательства зарубежных государств, связанной с защитой субъектов предпринимательской деятельности.

Литература

1. *Авдеев В.А., Авдеева О.А.* Правовая политика РФ в сфере противодействия преступлениям экономической направленности // Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт: сб. материалов IX Российско-германского круглого стола. М.: РГ-Пресс. 2018. С. 5–12.
2. *Александров А.С., Александрова И.А.* Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 1 (6). С. 5–20.
3. *Александров А.С., Александрова И.А.* Особый порядок привлечения к уголовной ответственности предпринимателей и освобождения от нее // Уголовный процесс. 2017. № 6. С. 56–65.
4. *Власова С.В.* Теоретическая концепция правовой (уголовно-процессуальной) организации противодействия преступности в сфере экономики: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 438 с.
5. *Гришин А.В.* Проблемные аспекты осуществления уголовного преследования за совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности // Юристы-Правоведь. 2017. № 3. С. 61–66.
6. *Жилкин М.Г.* Уголовная политика в сфере предпринимательства: новый взгляд // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 4. С. 66–73.
7. *Зайцев О.А.* Основные направления уголовной политики в области защиты экономических интересов и прав предпринимателей // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 1. С. 45–49.
8. *Зайцев О.А.* Уголовно-процессуальные механизмы обеспечения экономической безопасности // Вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 2. С. 44–50.
9. *Зайцев О.А.* Защита прав и законных интересов предпринимателей по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Российское правосудие. 2021. № 3. С. 92–98.
10. *Зайцев О.А., Кашенов В.П., Нудель С.Л.* Уголовная политика в отношении преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности (исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20011-00500) // Вестник Томского государственного университета. Серия «Право». 2020. № 37. С. 40–56.
11. *Зяблина М.Н.* Новеллы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, направленные на защиту прав и законных интересов предпринимателей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 1. С. 90–94.
12. *Кашенов В.П.* Обновление законодательства об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Государство и бизнес в системе правовых координат: монография / А.В. Габов, В.Н. Литовкин, О.В. Гутников и др.; отв. ред. А.В. Габов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2014. С. 272–279.
13. *Нудель С.Л.* Уголовно-правовая охрана финансовых отношений: монография / под ред. Г.Ю. Лесникова. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2016. 328 с.
14. *Панфилов П.О.* Особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 279 с.
15. *Попова Л.В.* Особенности уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2019. 278 с.
16. *Рудич В.В.* Проблемы расширения прав обвиняемого, к которому в ходе производства по уголовному делу о преступлении в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности применяются меры пресечения // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 24. С. 86–91.
17. *Сычев П.Г.* Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности. М.: Юрлитинформ, 2020. 278 с.
18. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография / Н.А. Голованова, А.А. Гравина, О.А. Зайцев и др. М., 2019. 212 с.
19. Уголовный закон и экономическая деятельность (соотношение частных и публичных интересов): научно-практическое пособие / В.Ю. Артемов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина и др.; отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2020. 392 с.
20. *Шерстнев В.Б.* Прекращение уголовного преследования в связи с полным возмещением ущерба // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 136–143.

References

1. Avdeev V.A., Avdeeva O.A. Pravovaya politika RF v sfere protivodeistviya prestupleniyam ekonomicheskoi napravlenosti [Legal policy of the Russian Federation in the sphere of countering economic crimes]. In *Prestupleniya v sfere ekonomiki: rossiiskii i evropeiskii opyt: sb. materialov IX Rossiisko-germanskogo kruglogo stola [Crimes in the sphere of economy: Russian and European Experience: collection of materials of the IX Russian-German Round table]*, 2018, pp. 5–12. (In Russian)
2. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Novaya ugolovnaya politika v sfere protivodeistviya ekonomicheskoi i nalogovoi prestupnosti: est' voprosy [New criminal policy in the field of combating economic and tax crime: any questions]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal [Criminalist's library. Scientific journal]*, 2013, no. 1 (6), pp. 5–20. (In Russian)
3. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Osobyi poryadok privlecheniya k ugolovnoi otvetstvennosti predprinimatelei i osvobozhdeniya ot nee [Special procedure for bringing entrepreneurs to criminal responsibility and releasing them from it]. *Ugolovnyi protsess [Criminal proceedings]*, 2017, no. 6, pp. 56–65. (In Russian)
4. Vlasova S.V. Teoreticheskaya kontseptsiya pravovoi (ugolovno-protsessual'noi) organizatsii protivodeistviya prestupnosti v sfere ekonomiki: monografiya [Theoretical concept of the legal (criminal procedure) organization of combating crime in the field of economics: monograph]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2020. 438 p. (In Russian)
5. Grishin A.V. Problemnye aspekty osushchestvleniya ugolovnogo presledovaniya za sovershenie prestuplenii v sfere predprinimatel'skoi deyatel'nosti [Problematics aspects of criminal prosecution for offences in the sphere of entrepreneurial activities]. "Yurist-Pravoved" [Lawyer Legal Scholar], 2017, no. 3, pp. 61–66. (In Russian, abstract in English)
6. Zhilkin M.G. Ugolovnaya politika v sfere predprinimatel'stva: novyi vzglyad [Criminal policy in the field of entrepreneurship: a new perspective]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of Criminalists and Criminologists]*, 2019, no. 4, pp. 66–73. (In Russian, abstract in English and in German)
7. Zaytsev O.A. Osnovnye napravleniya ugolovnoi politiki v oblasti zashchity ekonomicheskikh interesov i prav predprinimatelei [The main directions of criminal policy in the field of protection of economic interests and the rights of entrepreneurs]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of Criminalists and Criminologists]*, 2020, no. 1, pp. 45–49. (In Russian, abstract in English and in German)
8. Zaytsev O.A. Ugolovno-protsessual'nye mekhanizmy obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti [Criminal procedure mechanisms for ensuring economic security]. *Vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta [Legal Bulletin of the Kuban State University]*, 2020, no. 2, pp. 44–50. (In Russian)
9. Zaytsev O.A. Zashchita prav i zakonnykh interesov predprinimatelei po delam o prestupleniyakh v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti [Protection of the rights and legitimate interests of entrepreneurs in cases of crimes in the field of economic activity]. *Rossiiskoe pravosudie [Russian Justice]*, 2021, no. 3, pp. 92–98. (In Russian)
10. Zaytsev O.A., Kashepov V.P., Nudel' S.L. Ugolovnaya politika v otnoshenii prestuplenii, sovershaemykh v sfere predprinimatel'skoi deyatel'nosti (issledovanie vypolneno pri finansovoi podderzhke RFFI v ramkakh nauchnogo proekta № 20011-00500) [Criminal policy in relation to crimes committed in the field of business activity (the study was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of the scientific project No. 20011-00500)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pravo" [Tomsk State University Journal. Series "Law"]*, 2020, no. 37, pp. 40–56. (In Russian)
11. Zyablina M.N. Novelty ugolovnogo i ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva, napravlennye na zashchitu prav i zakonnykh interesov predprinimatelei [Novelties of criminal and Criminal procedure Legislation aimed at Protecting the rights and legitimate interests of entrepreneurs]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice]*, 2018, no. 1, pp. 90–94. (In Russian)
12. Kashepov V.P. Obnovlenie zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za prestupleniya v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti [Updating the legislation on liability for crimes in the sphere of economic activity]. In *Gosudarstvo i biznes v sisteme pravovykh koordinat: monografiya [State and business in the system of legal coordinates: monography]*. A.V. Gabov, V.N. Litovkin, O.V. Gutnikov. Ed. A.V. Gabov. Moscow, INFRA-M Publ., 2014, pp. 272–279. (In Russian)
13. Nudel' S.L. Ugolovno-pravovaya okhrana finansovykh otnoshenii: monografiya [Criminal law protection of financial relations: monography]. Ed. G.Yu. Lesnikova. Moscow, FGKU "VNII MVD Rossii" Publ., 2016. 328 p. (In Russian)

14. *Panfilov P.O.* Osobennosti proizvodstva po ugovolnym delam o prestupleniyakh v sfere ekonomicheskoi i predprinimatel'skoi deyatel'nosti [Features of criminal proceedings on crimes in the field of economic and entrepreneurial activity]. Dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2019. 279 p.

15. *Popova L.V.* Osobennosti ugovolno-protsessual'nogo regulirovaniya dosudebnogo proizvodstva po ugovolnym delam ob ekonomicheskikh prestupleniyakh, sovershennykh v sfere predprinimatel'skoi deyatel'nosti [Features of the criminal procedure regulation of pre-trial proceedings in criminal cases on economic crimes committed in the field of entrepreneurial activity]. Dis. ...kand. jurid. nauk. Volgograd, 2019. 278 p. (In Russian)

16. *Rudich V.V.* Problemy rasshireniya prav obvinyаемого, k kotoromu v khode proizvodstva po ugovolnomu delu o prestuplenii v sfere predprinimatel'skoi i inoi ekonomicheskoi deyatel'nosti primenyayutsya mery presecheniya [Problems of expanding the rights of the accused, to whom preventive measures are applied in the course of criminal proceedings on a crime in the field of business and other economic activities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 2017, no. 24, pp. 86–91. (In Russian)

17. *Sychev P.G.* Proizvodstvo po ugovolnym delam o prestupleniyakh v sfere ekonomicheskoi i predprinimatel'skoi deyatel'nosti [Criminal proceedings on crimes in the sphere of economic and entrepreneurial activity]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020. 278 p. (In Russian)

18. Ugolovno-yurisdiktsionnaya deyatel'nost' v usloviyakh tsifrovizatsii: monografiya [Criminal-jurisdictional activity in the context of digitalization: monography]. N.A. Golovanova, A.A. Gravina, O.A. Zaitsev. Moscow, Yuridicheskaya firma Kontrakt Publ., 2019. 212 p.

19. Ugolovnyi zakon i ekonomicheskaya deyatel'nost' (sootnoshenie chastnykh i publichnykh interesov): nauchno-prakticheskoe posobie [Criminal law and economic activity (correlation of private and public interests): scientific practical guidebook]. V.Yu. Artemov, N.A. Golovanova, A.A. Gravina. Ed. I.I. Kucherov, O.A. Zaitsev, S.L. Nudel'. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii Publ., 2020. 392 p. (In Russian)

20. *Sherstnev V.B.* Prekrashchenie ugovolnogo presledovaniya v svyazi s polnym vozmeshcheniem ushcherba [Termination of criminal prosecution for full reparation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2020, no. 1 (85), pp. 136–143. (In Russian, abstract in English)

Трибуна вуза. Чеченский государственный университет

Современные тенденции формирования международного терроризма

Альханов Насрудин Магомедович

Цель: процесс мировой глобализации стирает границы между внешней и внутренней политикой государств, между мировой и национальной культурой, приводит к общим вызовам, одним из которых является террористическая угроза. Терроризм сегодня стал опасным, глобальным явлением, препятствующим нормальному развитию международных отношений, дестабилизирующим безопасность многих регионов и целых стран. Один из ключевых факторов, способствующих выработке эффективных механизмов противодействия международному терроризму, — это выяснение современных тенденций его формирования в современном мире, во многом определяющихся глобальными явлениями и особенностями развития современной цивилизации. Международный терроризм — это асимметричный ответ на вызовы глобализации, реакция возникающей постмодернистской «сетевой» организации мира на давление со стороны традиционных «иерархических» структур управления мировыми процессами.

Методология: учитывая сложный многоплановый характер темы исследования, оно требует комплексного подхода с использованием знаний, накопленных, прежде всего, юридической, исторической, политологической науками. Поэтому важная роль в работе отводится историческому и историко-правовому анализу. Однако основную роль играют методы индуктивного обобщения, сравнительного правового анализа (преимущественно в его функциональном варианте), формально-юридического анализа.

Выводы. Сделаны выводы о том, что наполнение термина «терроризм» конкретным юридическим содержанием будет способствовать единообразию в определении сущностных черт терроризма, созданию теоретической основы для выработки эффективных механизмов искоренения причин и условий, порождающих терроризм, выработке оптимальной универсальной правовой модели борьбы с известными проявлениями терроризма. Обосновывается наличие консенсуса в отношении его основных правовых признаков, несмотря на имеющиеся дефинитивные разногласия. Сформулированы признаки терроризма как особого политико-правового феномена.

Научная и практическая значимость заключается в том, что предпринята попытка изучения международно-правовой проблематики противодействия терроризму и сделаны взвешенные и юридически обоснованные выводы об особенностях международно-правовой борьбы с терроризмом и тенденциях ее развития. Показаны теоретические особенности комплекса международно-правовых норм, управляющих сферой борьбы с терроризмом (относительная устойчивость и стабильность внутренней организации, наличие собственных источников права, наличие общих юридических конструкций, способность системного разностороннего управления международными отношениями, связанными с борьбой с терроризмом).

Ключевые слова: глобализация, терроризм, современный терроризм, основные тенденции, террористические организации, мировое сообщество, борьба, транснациональный терроризм.

В настоящее время терроризм представляет собой повышенную опасность для всей мировой общественности, препятствует естественному течению межгосударственного взаимодействия, делает небезопасной жизнь в ряде территорий земли и даже в целых государствах.

Помочь созданию действенных механизмов и инструментов борьбы с транснациональным терроризмом может, среди прочего, определение актуальных на данный момент трендов его зарождения и развития.

В нынешних условиях такие тенденции предопределены в основной своей массе событиями всепланетарного значения и закономерностями происходящих изменений внутри нашей цивилизации.

Все большее число экспертов приходит к выводу, что транснациональный терроризм является ничем иным как нестандартной с точки зрения общепризнанных явлений реакцией на проблемы, порождаемые глобализмом, ответом появляющегося постсовременного «сетевое» устройства мироздания на натиск со стороны классических «субординационных» систем координирования процессов мирового уровня. Новым разновидностям борьбы в пределах межгосударственных отношений были даны следующие формулировки: «асимметричный конфликт» [1, с. 56], «диверсионно-террористические войны» [2, с. 197], «интервенции возмездия» [3, с. 225], «постмодернистские военные операции» [4, с. 100]. Ряд исследователей полагает, что «в терроризм вошли в высококонцентрированной форме почти все в какой-либо мере различные параномии сегодняшней реальности» [5, с. 211].

Сейчас многие авторы видят в противостоянии мирового сообщества и терроризма не что иное, как очередную войну мирового масштаба. «Она неразрывно связана с установлением глобализма на нашей планете, ибо во многом является одним из выражений коллапса индустриального периода развития. При этом воюющими сторонами в ней есть не сами государства, а перспективные проекты всепланетарного значения. Речь идет о проектах (таких себе миницивилизациях), которые может предложить миру Китай, США, Япония, Россия, Европа, Германия, арабский мир. «Переходить дорогу» друг другу в будущем они смогут в основном в геокультурной и геоэкономической плоскости. Однако не исключены и вооруженные конфликты, в ходе которых наиболее употребительным методом станет террористический» [6, с. 29]. Террор нередко рассматривается в качестве имеющих под собой основания насильственных мер, реализованных с целью разрешения задач политического свойства.

Произошедшие в США, в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. террористические акты, кото-

рые по официальной версии провела мусульманская организация «Аль-Каида» (сформированная в 1990 г.), воспринимаются многими как исходная точка мировой войны (четвертой), в ходе которой применяются террористические методы [7, с. 139].

Терроризм транснационального масштаба может привести к столкновению цивилизаций и неутешительным его результатам. То, что выразители идей какой-либо одной цивилизации не воспринимают аксиологическую систему (рассматриваемую ими как антиценность) иной цивилизации, может привести к роковым последствиям. Даже если уничтожить все тренировочные террористические базы, но при этом не делать никаких шагов в сторону устранения постоянно восполняемого первоисточника терроризма – ужасающего социального неравенства, отсутствия жалости к попавшим в беду людям, существующего по факту неравенства при официально декларируемом равенстве, то «компетентность штурмовиков при нанесении ими авиационных ударов по территории государства Афганистан будет иметь меньшее значение, чем фанатические настроения, подобные тем, которые проявились в ходе разрушения башен-близнецов» [8, с. 118].

Небезосновательным считаем суждение о том, что современный терроризм существенно видоизменился. Наблюдается рост материальной и технологической обеспеченности террористических организаций. Очагом терроризма последние годы становятся уже не латиноамериканские страны, а европейские, североамериканские, Турция, Япония [9, с. 167].

Проблема транснационального терроризма по большей части обострилась из-за того, что его перестали ограничивать внешние игроки. В бытность негласного противодействия двух сверхдержав (СССР и США) происходил помимо «тихой» ресурсной подпитки идеологически близких себе террористов еще и надзор за их действиями в плане ограждения их от перехода за рамки неписаных законов «холодной войны». Теперь террористические группировки обрели независимость и заявляют о том, что могут использовать любые средства, даже оружие большой поражающей способности.

Необходимо помнить, что к транснациональному терроризму нередко прибегают государства-потерпевшие как к несомненному или надуманному обоснованию для достижения более серьезных целей внешней политики – усиления своего авторитета, оказания нажима в области дипломатии и военного дела, извлечения материальной пользы из своего положения.

Предлог угрозы «терроризма» широко используется во внешней политике и обороне и другими

странами, играющими заметную роль в своих регионах. В качестве примера можно привести действия Израиля в ближневосточном регионе или Эфиопии на полуострове на востоке Африканского континента. Применение стратегии упреждающих ударов относительно терроризма в Индии и Пакистане может привести к столкновению двух государств, имеющих атомное оружие, что чревато длительными по своей силе и серьезными мировыми последствиями. В силу этого Российской Федерации, как правило, пропагандирующей исключительно законное применение силы в межгосударственных отношениях (лишь с разрешения Совета Безопасности ООН) и выступающей за обеспечение сохранности международного права, приходится мало-помалу корректировать свое отношение к данной проблеме. Причем она акцентирует внимание на том, что если и дальше в международной среде будет укрепляться позиция упреждающего использования силы, то она будет считать себя вправе поступать так же в случаях необходимости защиты своих общенациональных интересов.

Также в не меньшей мере проникнутым утилитаризмом сейчас есть терроризм и в решении задач внутренней политики — усиления существующего строя, наделения новыми возможностями властных органов, сужения прав и свобод населения и устранения оппозиционеров. Стоит обратить внимание на такой элемент терроризма, собственно, и сделавшей его таким «необходимым» для различных политических сил, как агитационное следствие устрашения народных масс.

Транснациональный терроризм сегодня, располагая инновационными информационными средствами осуществления военных действий, насаждает нациям свою идеологию и свое видение обстановки, всячески привлекает в свои структуры молодое поколение, а наемных военных спецов и подавно. Группировки, состоящие из террористов, взаимодействуют между собой, и это взаимодействие базируется на общности их вероисповедания, идеологии,

на военных отношениях и торговле. Между террористами из разных организаций, в особенности между главарями этих организаций, в большинстве случаев налажено взаимодействие в части поставок оружия, взаимовыручки в вопросах защиты от преследования, разделения ролей и целей в ходе реализации крупных операций (пример — афганский или ливанский вариант). В транснациональной террористической среде члены террористических группировок поднаторели в лавировании имеющимися силами и средствами, использовании контрабандных путей для переброски огромного количества вооруженно-оснащения и наемников.

В наше время терроризм представляет собой внушительные по силе и размеру структуры, в руках которых сосредоточено соответствующее им оружие, средства и технологии. Терроризм широкого действия с применением инновационных средств нуждается в больших инвестициях. Во второй половине прошлого века процесс финансирования террористической деятельности сильно изменился. Особенностью сегодняшнего терроризма можно назвать еще тенденционные намерения к значительному расширению источников финансирования посредством инкорпорирования со стремительно развивающимися (нередко высоко прибыльными и глобальными) преступными видами бизнеса (наркоторговля, контрабанда природных ресурсов и пр.).

Чтобы полностью изменить сложившееся положение вещей, касающееся распространения транснационального терроризма, необходимо пересмотреть применяемые методы разрешения скопившихся проблем, базирующихся на неадекватном понимании, недооценке всей многоаспектности и разноречивости процессов его развития, их взаимосвязь с международной миграцией и общественно-экономической организацией социума. Принимая во внимание все эти факторы, следует выработать результативную политику и механизмы осуществления противодействия международному терроризму.

Литература

1. Ланцев С.А. Террор и террористы. СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. 184 с.
2. Бидова Б.Б., Басаев В.А. Законодательство зарубежных стран о борьбе с религиозным экстремизмом: конституционно-правовой анализ // Инновации и инвестиции. 2014. № 4. С. 196–198.
3. Капитонов К.А. Война без правил. Израильско-палестинское противостояние. Москва: АСТ, 2006. 525 с.
4. Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право. М.: Спарк, 1999. 287 с.
5. Костенко Н.И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития. М.: РКонсульт, 2002. 448 с.
6. Наумов А.В. Терроризм: психологические корни и правовые оценки // Государство и право. 1995. № 4. С. 20–42.

7. *Бидова Б.Б.* Философско-идейный фундамент экстремизма // Вестник Чеченского государственного университета. 2017. № 3 (27). С. 138–144.
8. *Антонян Ю.М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит-М., 1998. 305 с.
9. *Емельянов В.П.* Терроризм и преступления с признаками терроризирования. М.: Nota Bene, 2000. 320 с.

References

1. *Lancev S.A.* Terror i terroristy [Terror and terrorists]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2004. 184 p. (In Russian)
2. *Bidova B.B., Basaev V.A.* Zakonodatel'stvo zarubezhnyh stran o bor'be s religioznym ekstremizmom: konstitucionno-pravovoj analiz [Foreign countries legislation on combatting religious extremism]. *Innovacii i investicii [Innovations and Investments]*, 2014. no. 4. pp. 196–198. (In Russian)
3. *Kapitonov K.A.* Vojna bez pravil. Izrail'sko-palestinskoe protivostoyanie. [War without rules. The Israeli-Palestinian confrontation]. Moscow: AST, 2006. 525 p. (In Russian)
4. *Lukashuk I.I., Naumov A.V.* Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo [International criminal law]. Moscow: Spark Publ., 1999. 287 p. (In Russian)
5. *Kostenko N.I.* Mezhdunarodnaya ugovolnaya yusticiya. Problemy razvitiya. [International criminal justice]. Moscow: RKonsul't Publ., 2002. 448 p. (In Russian)
6. *Naumov A.V.* Terrorizm: psihologicheskie korni i pravovye ocenki [Terrorism: psychological roots and legal assessments]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*, 1995, no. 4, pp. 20–42. (In Russian)
7. *Bidova B.B.* Filozofsko-ideyniy fundament ekstremizma [The philosophical and ideological foundation of extremism]. *Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chechen State University]*, 2017, no. 3 (27), pp. 138–144. (In Russian, abstract in English)
8. *Antonyan Yu.M.* Terrorizm. Kriminologicheskoe i ugovolno-pravovoe issledovanie [Terrorism. Criminological and criminal law research]. Moscow: Schild-M Publ., 1998. 305 p. (In Russian)
9. *Emel'yanov V.P.* Terrorizm i prestupleniya s priznakami terrorizirovaniya [Terrorism and crimes with the indicia of terrorization]. Moscow: Nota Bene Publ., 2000. 320 p. (In Russian)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Айсханова Екатерина Султановна

Цель: в наше время с учетом существующих параметров международного терроризма ему стал свойственен долговременный и устойчивый характер. Процессы дальнейшего развития международного терроризма и постоянное возрастание степени его общественной опасности для всего человечества во многом будут находиться в зависимости от возможности сохранения и интенсивности воздействия его существующих особенностей, а также от позитивного потенциала мирового сообщества, направленного на их минимизацию. В данной статье указано, что словосочетание «международный терроризм» будет употребляться в его общем значении как явление вообще и для отражения такого понятия, как отдельный террористический акт. Автор попытался сформулировать определение этого понятия, так как явление «терроризм» весьма разнолико и проявляется различным образом. Целью данной работы является определение международного терроризма.

Методология: в качестве базовых методов были использованы следующие: метод систематизации, который помог рассмотреть терроризм как феномен; сравнительно-исторический метод, позволяющий проанализировать феномен терроризма, учитывая исторический контекст; компаративный метод, который заключается в сравнении и противопоставлении различных точек зрения на исследуемую проблему; контент-анализ публикаций по теме; ситуационный анализ. Также применялись общенаучные теоретические методы: метод отбора, обобщения, синтеза, анализа и оценки научного материала.

Выводы. Международный терроризм является вынуждением отдельных лиц или коллективов действовать так, чтобы обеспечить политику террористического насилия. Такое вынуждение характеризуется тем, что включает в себя международный фактор или нацелено против объектов, находящихся под международной защитой; а также тем, что осуществляется с целью получения определенного эффекта посредством силы. Подобный алгоритм действий имеет в своей структуре международную компоненту в том случае, если: террорист или его жертва – граждане разных стран или полное (частичное) выполнение террористических актов происходит не в одной, а в более чем одной стране. По нашему мнению, данная дефиниция отражает лишь ограниченный круг преступных террористических деяний. К примеру, в довольно расплывчатом и избирательном виде показаны объекты, которые находятся под международной защитой. Данная дефиниция не передает смысла терроризма в той части его характеристики, которая связана с созданием атмосферы страха для того, чтобы достичь преступной цели. Помимо этого, в определении используется словосочетание «политика терроризма», интерпретация которого отсутствует по причине отсутствия интерпретации самого слова «терроризм». Но все же необходимо сказать, что данное определение имеет и свои положительные стороны. В нем в довольно сжатом виде удалось показать такие серьезные составляющие международного терроризма, как сущность преступных деяний (вынуждение действовать определенным образом), объект посягательства (объекты, подпадающие под международную защиту), цель преступного поведения (трансформация или укрепление систем политического, социального, экономического характера или стратегии страны (определенной территории)).

В рамках формирования теоретических предпосылок борьбы с международным терроризмом актуальным является сосредоточение внимания на оценке того, насколько политика и стратегия борьбы

с терроризмом в системе международных отношений способны выявить оперативные и стратегические возможности террористов.

Научная и практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы для решения теоретических и практических проблем в области борьбы с международным терроризмом как преступным деянием, а также в целях формирования юридического определения международного терроризма и его состава как международного преступления, что является особенно актуальным в свете разработки Всеобщей конвенции о международном терроризме.

Ключевые слова: международное преступление, терроризм, террористический акт, международный терроризм, политическое насилие.

Словосочетание «международное преступление» не является единственным, применяющимся для отображения предмета международного уголовного права, являющегося отраслью международного права. В юридической литературе преступные деяния международного значения именуются разными словами. По нашей оценке, наиболее точно определили содержание именно термина «международное преступление» И.И. Лукашук и А.В. Наумов: «виновное нарушение человеком нормы международного уголовного права. Чтобы признать данное нарушение международным, в нем должна присутствовать международная компонента. Такого рода компонента может состоять в самой форме преступного поступка, в объекте или достигнутом эффекте» [1, с. 69].

При этом, применяя словосочетание «международное преступление», необходимо принимать во внимание то, что международные преступления в зависимости от присущих им особенностей, делятся на две группы: непосредственно международные преступления и преступления международного свойства. Говоря о международных преступлениях, мы понимаем, что угроза наказания следует за нарушением правовых запретов, которые закреплены общим международным правом, а в случае преступления международного характера ответственность образуется из международных конвенций, иначе говоря, обязательств стран, возникших вследствие определенной договоренности.

В нашей работе слово «международный терроризм» будет употребляться в его общем значении, как явлению вообще, и для отражения такого понятия, как отдельный террористический акт.

Среди существующих актов преступного поведения транснационального уровня международный терроризм занимает лидирующие позиции по своей значимости, заслуживает наибольшего внимания со стороны всей мировой общественности. Это архисерьезное явление, в основном причисляющееся к конвенционным преступным деяниям, то есть преступлениям, ответственность за которые вытекает не из общего международного пра-

ва, как в случае совершения иных преступлений, а формируется исходя из договорных обязательств стран, иначе говоря, тех стран, которые принимают участие в конвенциях. Это значит, что они находятся в сфере юрисдикции стран, участвующих в международных конвенциях, и их составы должны быть отражены в сообразных нормах внутригосударственного уголовного права этих стран. Из этого следует, что приговор по ним может быть вынесен только на основании соответствующего внутригосударственного уголовного права. Нами позже будут сделаны попытки обосновать необходимость отнесения такого рода преступных деяний в сферу юрисдикции общего международного права, на основании наличия у них характерных признаков.

Существует и другая серьезная преграда для рассмотрения этого явления по общему международному праву. Речь идет о том, что на данный момент еще не разработана единая правовая дефиниция категории «транснациональный терроризм» с точки зрения признания ее преступным транснациональным деянием.

Термин «терроризм» вошел в социально-политический оборот в XIX в., и с того времени его содержательный смысл менялся неоднократно. В наши дни это понятие рассматривается как деятельность (действия) отдельных индивидов или сообществ, которые не уполномочены тем или иным государством. Причем данное явление приобрело международный характер, затрагивает интересы более чем одного государства. Примером может служить наличие у преступника или его жертвы иностранного гражданства при совершении преступления в другой стране. Еще один пример: преступник покинул пределы страны, в которой им был произведен преступный акт поведения.

Международный терроризм, являясь транснациональным преступлением, требует своего правового оформления.

Лига Наций в 1937 г. приняла Конвенцию о предупреждении терроризма и наказании за него. В ст. 1 этого соглашения была дана следующая

щая формулировка этого понятия: «действия преступного свойства, нацеленные против государств, осуществленные с целью вселения страха в конкретных людях или во всем населении» [2, с. 272]. В перечень такого рода преступлений были внесены следующие действия: акты, которые можно квалифицировать как угрозу убийством или причинением вреда здоровью и лишением свободы руководителей государств, людей, которые пользуются расположением руководителей государств, их правопреемников; близких родственников указанных лиц; высокопоставленных чиновников, в случаях совершения этих действий по причине выполнения ими их должностных обязанностей. Помимо этого, преступными в этом отношении признаются действия, связанные с разрушением или порчей объектов публичной собственности или собственности иного государства; стремлением совершить убийство людей через формирование всеобщей опасности; производством, покупкой, хранением или продажей оружия, взрывчатки или вредоносных веществ для совершения данных деяний. Из чего явствует, что уже на самой заре возникновения проблемы мировое сообщество пыталось сформулировать суть рассматриваемого явления.

Тем не менее до сих пор отсутствует единая, признанная всем международным сообществом формулировка этого понятия.

Разумеется, среди препятствий включению этого феномена в центральное ядро международного права можно назвать политические факторы, сопряженные с имеющимися у государств проблемами внутреннего свойства, а также с отсутствием консенсуса между содружествами государств. Однако основная причина кроется, в сущности, в том, что как явление, терроризм весьма разнолик и проявляется различным образом. В целом терроризм бывает пяти видов: политический, криминальный, этносепаратистский, воздушный, международный. Мы не станем делать углубленный анализ точности и полноты указанной классификации терроризма. Полагаем, что процесс выработки общей универсальной правовой дефиниции изучаемого явления до сих пор не завершен вследствие того, что это явление (международный терроризм) слишком обширно, противоречиво и неопределенно и дать ему четкое определение, не допускающее иного понимания, практически невозможно, какая бы обстановка не сложилась в мире.

Мы видим, что процесс формулирования категории «терроризм» как правового определения сдерживает множество причин.

Нельзя отрицать тот факт, что международное сообщество предпринимает определенные шаги в деле противодействия транснациональному терроризму. Уже составлено и утверждено множество международных документов, создано немало антитеррористических организаций и органов международного уровня. Однако до сих пор мировое сообщество не пришло к единому мнению о том, какая формулировка рассматриваемого нами понятия должна быть введена в тексты документации международного права, каково содержание и характер этого явления, какой должна быть ответственность за совершение деяния этого рода. Более того, до сих пор на уровне международного права не определен перечень действий, которые бы можно было классифицировать как проявление терроризма международного уровня.

И это при том что всем очевидна тесная связь между эффективностью применения международно-правового инструментария противодействия терроризму и выработкой действительно отображающей реальность и признанной всеми дефиниции интересующего нас понятия.

В настоящее время во всех общественно-политических и научных источниках политика применения силы одной страны против другой именуется агрессией и ничем иным, но допускается, что в такой политике может быть доля терроризма.

В наши дни также ведется работа по установлению как обобщенного, так и детального правового определения терроризма. Например, Н. Мелентьева пытается дать общую формулировку терроризма: «осознанное применение незаконного насилия (нередко с ожиданием его восприятия как зрелища, драмы) какой-либо малочисленной группой, пытающейся таким образом реализовать некие задачи и понимающей, что решить их законным путем невозможно» [3, с. 17]. Данное определение чрезвычайно обобщенное, настолько, что может соответствовать и международному терроризму. Тем не менее оно вовсе не подходит на роль правового определения.

Представить дефиницию интересующего нас явления в более детальном виде пытается криминолог Ю.М. Антонян. А именно: «терроризм является насилием, заключающим в себе угрозу иного, также очень безжалостного насилия, с целью вызывания паники, дестабилизации и даже ликвидации социального и государственного порядка, устрашения, подчинения себе соперника в части принятия им нужного решения, запуска перемен политического и иного свойства. Данный подход к определению терроризма может быть использован по отношению ко всем сферам его от-

ражающим, среди прочего и к верховной власти и межгосударственным отношениям. Применяя такое понимание явления к международным отношениям, можно квалифицировать терроризм как международное преступление, противодействие которому осуществляется путем использования внутригосударственного и международного права» [4, с. 11].

Необходимо подчеркнуть, что в этой дефиниции имеется определенная доля «государственного терроризма», что смотрится сейчас как архаизм. Все вышеуказанные дефиниции (а их на самом деле существует намного больше) точно раскрывают какие-то определенные признаки терроризма, однако во всех них содержится политический или криминологический элемент, но при этом нет правовой характеристики. То есть, в них не обозначен объект и субъект преступного деяния, отсутствуют характерные только для международного терроризма черты, позволяющие вычленив преступление из сонма других преступных деяний международного уровня. Также в приведенных определениях не указаны цели, имеющие значение с международной точки зрения, во имя которых совершается насилие. Разумеется, эти дефиниции могут помочь процессу разработки признаваемого всеми определения категории «международный терроризм», но они не содержат в себе настоятельно необходимого юридического фактажа. Полагаем, что приемлемый вариант подхода к пониманию терроризма должен включать в себя, помимо краткой общей характеристики, еще и главные признаки, определяющие преступление международным.

Среди всех имеющихся на данный момент определений терроризма как энциклопедического феномена, который можно отнести и к области национального, и к области международного права, особняком стоит дефиниция, предложенная В.П. Емельяновым. Этот автор заявил о существовании четырех главных характерных признаков терроризма, представляющего в форме деяния:

1) создание общей опасности, появляющейся из-за общеопасных деяний или угрозы их совершения;

2) публичность действия. Если осуществляемое насилие не получило огласку, если требования не предъявлены публично, то оно не может быть квалифицировано, как террористический акт;

3) преднамеренное влияние на людей с элементами устрашения, содержания в напряженном и подавленном состоянии. Это наиболее существенный отличительный признак терроризма. Но, несмотря на то что все эти проявления от-

ражают суть терроризма, служат его выражением, они не являются его высшей целью. Создавая обстановку страха, террорист только оказывает давление на избранный им объект, а целью его есть некие действия этого объекта;

4) общеопасный насильственный акт совершается по отношению к одним людям или имуществу, а влияние психологического свойства для того, чтобы склонить к желаемым действиям, оказывается на других людей. Причем влияние на людей, склоняемых к определенному поведению, может быть, как непосредственным, так и опосредованным.

В.П. Емельянов, беря за основу предложенные им признаки, формирует дефиницию терроризма. А именно: «осуществляемые открытым способом общеопасные деяния или угрозы совершения таковых деяний, нацеленные на создание среди населения или определенных общественных объединений обстановки страха для того, чтобы непосредственно или опосредованно повлиять на принятие того или иного ожидаемого решения или отказ от него в пользу террористов» [5, с. 28].

Автор отмечает, что в его дефиниции содержатся все четыре основных признака терроризма, и они естественным образом объединены. Если при характеристике деяния будет определено, что нет в наличии хотя бы одного из указанных признаков, то считать его террористическим актом будет нельзя, несмотря даже на то, что по ряду других параметров оно очень похоже на терроризм.

Тем не менее, несмотря на довольно грамотную и обоснованно составленную исследователем структуру определения, ее нельзя механически переносить на категорию «международный терроризм». В случае с международным терроризмом в определении должна присутствовать некая отвлеченность преступного деяния, иными словами, отсутствие ограниченности внутригосударственной сферой.

Зарубежные ученые предлагают свои подходы к пониманию международного терроризма. Западные авторы обычно делают упор на политической стороне терроризма.

Чаще всего терроризм по своей сути является политическим актом. Его назначение – внезапное нанесение мирному населению ран, вызывающих смерть, и вообще устрашение мирных жителей для того, чтобы решить какую-то политическую или идеологическую (возможно религиозную) задачу. Террористический акт – это преступление, но по уровню губительных последствий он значительно выше обычного уголовного преступления. Чтобы

разрешить все проблемы, связанные с терроризмом, необходимо разобраться в его политической подноготной, а также разглядеть его главные преступные истоки и уяснить психологическую составляющую. На самом деле международный терроризм невозможен без политической подоплеки. Если во внутригосударственной плоскости воздушный терроризм посредством взятия людей в заложники или угона самолета может быть объясним стремлением достичь своих корыстных целей, то в международном пространстве терроризм всегда имеет политический привкус. То есть обязательным признаком террористической деятельности можно назвать наличие политической мотивации, иначе говоря, политических целей. Суть политической подноготной терроризма заключается в том, что всяческое террористическое действие в той или иной мере имеет отношение к политической системе, которую оно, в итоге, призвано или подорвать, или стабилизировать. Тем не менее политический подтекст террористической деятельности международного уровня не в состоянии прикрыть правовой (международно-уголовный) характер ее определения.

Вынужденное политическое оценивание международного терроризма нельзя назвать правовым фактором поиска путей исследования этого явления. Политическая оценка, осуждение с моральной точки зрения и уголовная ответственность вовсе не являются взаимоисключающими понятиями. Однако они основываются на разных вещах. Определяя терроризм как преступление международного уровня, нельзя отталкиваться от политических и моральных критериев. Мировая общественность должна выяснять природу сразу двух факторов терроризма (не принимая ошибочно один за другой): накладывать санкции на его криминальную и характеризовать его политическую суть.

В этом контексте справедливой является позиция А.В. Наумова, считающего, что «разграничение «уголовного» и «неуголовного» (политического, этнического, религиозного) терроризма возможно только в части его мотивировок, иначе говоря, с точки зрения криминологии и психоло-

гии. С точки зрения же уголовного закона, всяческая террористическая деятельность является уголовной, поскольку нарушает уголовный закон» [6, с. 34]. Такая позиция является правильной не только в отношении внутригосударственного законодательства, но и международных конвенций, рассматривающих терроризм в качестве уголовного преступления [7, с. 197].

Международный терроризм является вынуждением отдельных лиц или коллективов действовать так, чтобы обеспечить политику террористического насилия, включающим в себя международный фактор или нацеленным против объектов, находящихся под международной защитой, осуществляемым с целью получения определенного эффекта посредством силы. Подобный алгоритм действий имеет в своей структуре международную компоненту в том случае, если террорист или его жертва – граждане разных стран или полное (частичное) выполнение террористических актов происходит не в одной, а в более чем одной стране. По нашему мнению, данная дефиниция отражает лишь ограниченный круг преступных террористических деяний. К примеру, в довольно расплывчатом и избирательном виде показаны объекты, которые находятся под международной защитой. Данная дефиниция не передает смысла терроризма в той части его характеристики, которая связана с созданием атмосферы страха для того, чтобы достичь преступной цели. Помимо этого, в определении используется слово «политика терроризма», интерпретация которого отсутствует по причине отсутствия интерпретации самого слова «терроризм». Но все же необходимо сказать, что данное определение имеет и свои положительные стороны. В нем в довольно сжатом виде удалось показать такие серьезные составляющие международного терроризма, как сущность преступных деяний (вынуждение действовать определенным образом), объект посягновения (объекты, подпадающие под международную защиту), цель преступного поведения (трансформация или укрепление систем политического, социального, экономического характера или стратегии страны (определенной территории)).

Литература

1. Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право. М.: Спарк, 1999. 287 с.
2. Костенко Н.И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития. М.: РКонсульт, 2002. 448 с.
3. Мелентьева Н.И. Размышления о терроре // Элементы. 1996. №. 7. С. 14–21.
4. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит-М., 1998. 305 с.

5. *Емельянов В.П.* Терроризм и преступления с признаками терроризирования. М.: Nota Bene, 2000. 320 с.
6. *Наумов А.В.* Терроризм: психологические корни и правовые оценки // Государство и право. 1995. №. 4. С. 20–42.
7. *Бидова Б.Б., Басаев В.А.* Законодательство зарубежных стран о борьбе с религиозным экстремизмом: конституционно-правовой анализ // Инновации и инвестиции. 2014. № 4. С. 196–198.

References

1. *Lukashuk I.I., Naumov A.V.* Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo [International criminal law]. Moscow: Spark Publ., 1999. 287 p. (In Russian)
2. *Kostenko N.I.* Mezhdunarodnaya ugovnaya yusticiya. Problemy razvitiya. [International criminal justice]. Moscow: RKonsul't Publ., 2002. 448 p. (In Russian)
3. *Melent'eva N.* Razmyshleniya o terrore [Reflections on terror]. *Elementy [Elements]*, 1996, no. 7, pp. 14–21. (In Russian)
4. *Antonyan Yu.M.* Terrorizm. Kriminologicheskoe i ugovno-pravovoe issledovanie [Terrorism. Criminological and criminal law research]. Moscow: Schild-M Publ., 1998. 305 p. (In Russian)
5. *Emel'yanov V.P.* Terrorizm i prestupleniya s priznakami terrorizirovaniya [Terrorism and crimes with the indicia of terrorization]. Moscow: Nota Bene Publ., 2000. 320 p. (In Russian)
6. *Naumov A.V.* Terrorizm: psihologicheskie korni i pravovye ocenki [Terrorism: psychological roots and legal assessments]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*, 1995, no. 4, pp. 20–42. (In Russian)
7. *Bidova B.B., Basaev V.A.* Zakonodatel'stvo zarubezhnyh stran o bor'be s religioznym ekstremizmom: konstitucionno-pravovoj analiz [Foreign countries legislation on combatting religious extremism]. *Innovacii i investicii [Innovations and Investments]*, 2014. no. 4. pp. 196–198. (In Russian)

РОЛЬ ПРАВА В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Бидова Бэла Бертовна

Цель: анализ сути, специфики и практико-научной важности обеспечения национальных интересов. Обосновывается утверждение о том, что одной из главных функций государства стало осуществление совокупности задач, связанных с разработкой национальных интересов, выбором программ и действий их реализации, а также их правовым закреплением. Более того, эти аспекты деятельности государства имеют огромное значение для профилактики возникновения социальных катаклизмов, способных навредить всему миру.

Методология: при решении поставленных задач автор опирался на современные методы познания, выявленные и разработанные философской наукой и апробированные юридической практикой. Основу исследования составили принципы познания социальных явлений, позволяющие отразить взаимосвязь теории и практики, формы и содержания предмета исследования, процесса развития и качественных изменений рассматриваемых явлений. В ходе исследования приоритет отдавался специально-юридическим методам познания, среди которых следует выделить методы сравнительно-правового анализа, теоретико-правового моделирования, правовой диагностики, интерпретации правовых текстов, юридической статистики.

Выводы. Автор предлагает свою парадигму национальных интересов, определяет ключевые направления их суммирования и детерминации места и роли, а также основных особенностей.

Научная и практическая значимость заключается в том, что последовательный анализ проблем в сфере обеспечения национальных интересов, может существенно повлиять на теоретико-содержательную и технико-юридическую стороны регулятивно-охранительной деятельности, обеспечить более тесную связь между основополагающими элементами правовой системы России, в том числе элементами механизма обеспечения национальной безопасности. Это, в свою очередь, позволит сохранить стабильность российского государства и создаст условия для его прогрессивного развития. Кроме того, комплексный характер предопределяет значимость результатов исследования для философии и социологии права, конституционного, административного, уголовного права, а также ряда других отраслевых и прикладных юридических наук.

Ключевые слова: национальные интересы, теоретико-методологический подход, система правового обеспечения национальных интересов, право, правовые механизмы реализации.

Рассматривая ширь и пределы нынешнего экономико-социального развития, можно спрогнозировать и уже заметить, как положительные, так и отрицательные последствия реализации сценариев четвертой индустриальной революции. В эпоху течения глобализационных процессов и осуществления всепоглощающей цифровизации государствам приходится иметь дело с большим количеством разного рода опасных вызовов. Среди таких вызовов особо

важной является угроза потери национальной самобытности и возможности определять место национальных интересов в объединяющемся беспредельном пространстве.

Совершенный технологический рывок обуславливает необходимость приложения совместных усилий в деле создания новой совокупности законов и международных организационных форм управления. Сейчас человечество еще контролирует технологии и не позднее как сегодня

ему необходимо не просто задуматься, а начать разрабатывать систему правовых инструментов, которые бы гарантировали защищенность вообще всех людей на планете и каждого человека (групп людей) в отдельности. По уверениям западных исследователей «единое представление о том, каким должно быть будущее, способствует выработке общего суждения о задачах и определению того, на что следует ориентироваться при принятии решений» [1, с. 35]. Но теоретики актуального результативного управления не поясняют, каким есть это единое представление и как оно соотносится с национальными интересами и, что немаловажно, с интересами индивидуальными.

Ранее мы уже говорили о двойственности глобализационного процесса, предопределяющего взаимную зависимость разных стран и создание глобальной правовой информационной системы, однако при этом усиливающего желание сохранить национальную идентичность [2, с. 105]. Поэтому изучение и подтверждение целесообразности теории национальных интересов имеет как умозрительное, концептуальное, так и прикладное, практическое значение. По меткому замечанию Иеринга, интерес является практической базой права в личностном контексте [3, с. 39].

Изучение национальных интересов в общенаучном аспекте необходимо начинать с рассмотрения сущности интереса. Подход к интересу как к абсолютно объективной категории, тем более в области права, считаем неубедительным, наравне с непризнанием наличия личностного в праве. Полагаем, что в интересе необходимо видеть сложную социально-психологическую категорию, вызванную реальными нуждами и ценностной системой, развившимися в обществе и, в свой черед, генерирующую новые нужды и стремления, как элемент мотивации поведения лиц и групп лиц, природы их осознанной, целенаправленной деятельности.

Интерес как правовая категория, являясь одним из видов социального интереса, имеет свои характерные черты: 1) правовой интерес представляет собой способ реализации намерений, обладающий правовой смысловой нагрузкой и порождающий правовые последствия; 2) правовой интерес реализуется в определенных правовых границах и этот процесс закрепляется законодательно установленным государственным принуждением; 3) правовой интерес объективируется через юридические акты (действия) и с использованием надлежащих правовых инструментов; 4) так или иначе, правовой интерес связан с правовой нормой (либо согласуется с конкретной нормой

или помогает ее закреплению, или изменению, или утрате ее силы); 5) осуществление правовых интересов обуславливает появление правовых отношений и, в свою очередь, потребность в обеспечении соотношения интересов разных субъектов, принимающих в них участие.

Следовательно, объективизация правового интереса происходит через действия субъекта и подразумевает то, что он принимает в расчет интересы иных субъектов и взаимодействует с ними в плане нахождения компромисса. Необходимо уточнить, что специальные государственные органы от лица государства вправе детерминировать преобладающее значение отдельных интересов или групп интересов, ограничивать или даже запрещать осуществление каких-то из них. Частные и публичные интересы могут регулироваться также посредством наделяния лиц определенными полномочиями и соответствующим положением участников правовых отношений, закрепляемым правовой защитой государства.

Государство располагает обширными защитно-охранительными возможностями, обеспечивающими сохранность существующей иерархии правовых интересов, признание подзаконных интересов тех или иных лиц, осуществление интересов и возможность получения судебной и прочей правовой защиты при их нарушении.

Ранее, до того, как наступила четвертая индустриальная революция, приоритеты в области правовых государственных интересов формировались исключительно централизованно. Этот подход рассматривался как наиболее подходящий способ закрепления соотношения индивидуальных и общественных интересов. С появлением современных технологий произошла стремительная смена, как методов осуществления экономической деятельности, так и самой системы правового регулирования, реализуемого государством [4, с. 144].

Во времена ведения экономической и политической деятельности в гибридной форме, наделяния межправительственных структур, мульти национальных компаний обширными полномочиями, законодательной основе государства надлежит быть мягкой, гибкой и либеральной, формируя конкурентную и удобную для существования регуляторную обстановку, и при этом обеспечивать государственный контроль, национальную безопасность и независимость государства.

Исходя из сказанного, можно заключить, что разработка национальных интересов, выбор программ и действий их реализации, а также их правовое закрепление в своей совокупности есть одной из ключевых функций нынешнего госу-

дарства. Этот процесс сложен, поскольку, существующее на данный момент общество является обществом, границ которого не существует, но при этом ему свойственно наибольший уровень индивидуализации отдельных личностей этого социума. Причем отдельные части социума выполняют несколько правовых функций, принимая участие как в существующих в реале, так и виртуальных правовых отношениях, в одно и то же время могут представлять собой множество правовых лиц. Трудности указанного процесса связаны еще и с прерывистостью установившихся, ставших традицией социальных институтов, к примеру, семьи, брака.

Полагаем, что при таких обстоятельствах одной из приоритетных задач государства является сохранение нации, подразумеваемой как исторически сложившееся социальное объединение людей, в качестве общего интереса которого выступает поддержка на его территории государственной власти. Объединяющими нацию средствами могут стать общий язык, общность исторического прошлого, общие взгляды на жизнь, единство культуры, вероисповедных принципов, правовых концепций, аксиологической системы и, разумеется, интересов.

В противовес Г.Ф. Шершеневичу мы видим несходство таких категорий, как нация и народ. Объяснением этому есть то, что внутри одной нации может существовать множество народов. Наряду с этим, считаем правильной позицию Габриэля Феликсовича относительно того, что «осуществляемое в течение многих лет, даже веков единение, реализуемая совместно защита государства, совместное участие в управлении и формировании законодательства» если не полностью ликвидируют, то существенно ослабляют раскалывающее воздействие и со временем преобразуют «государственное население» в единую нацию [5, с. 24]. В соответствии с действующим законодательством, российская нация существует. Также оно свидетельствует о необходимости правового закрепления общности ее интересов (См.: Указ Президента РФ от 26 апреля 2016 г. № 200 «О премии Президента Российской Федерации за вклад в укрепление единства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 18. Ст. 2607). Под национальными правовыми интересами понимается тип публичных интересов, смысловая нагрузка которых устанавливается при помощи разных юридических и неюридических технологий и находится в зависимости от культурного кругозора нации, социального расслоения социума ее образующего и природы внутреннего взаимодействия элементов социальной сферы.

В государствах, устройство и деятельность которых соответствуют принципам демократии, национальные интересы могут формироваться исключительно на базе широчайшего применения на равных правах средств и приемов рассредоточенного взаимодействия общественных и государственных институтов, формирования разных форм государственно-частного сотрудничества, побуждения к социальной активности населения и сообществ граждан. Причем государство является главным регулятором и наряду с этим охранителем национальных правовых интересов, поскольку, прежде всего, государственная структура имеет наивысшее политико-социальное значение и при этом в ходе исторического процесса как раз государство получило основные социальные компетенции среди прочего легализованное принуждение.

Обеспечить национальные интересы правовыми инструментами во время течения глобализационных процессов очень непросто. Рамки нашей исследовательской работы не дают возможности рассмотреть все существующие проблемы. По этой причине будем говорить о наиболее важных.

Существующие приемы правового регулирования базируются на его непосредственной связи с почвой, точнее с земной поверхностью, которая, в соответствии законом, принадлежит той или иной общности людей, раньше всех овладевшей общей территорией и создавшей на ней независимое государство. Не что иное, как территориальный суверенитет государства, включающий на данный момент, как поверхность земли, так и моря, и воздушное пространство, образует базу территориального принципа действия закона. Данный принцип большей частью формулирует направленность международно-правовых отношений, являющихся взаимодействием сформированных на государственном уровне территориальных правовых устоев, обеспеченных законодательными актами, в сущности, международного права.

Из-за технического и технологического совершенствования коммуникаций, если не стираются, то размываются территориальные границы. Это затрудняет использование территориального принципа и меняет понимание государственно-правового пространства. Разумеется, подобные трансформации будут воздействовать на государственное стратегическое управление, используемые государством приемы выработки национальных интересов, реализацию правового внешнего и внутреннего регулирования.

Следовательно, полагаем, что без закрепления национальных интересов невозможно предотвратить социальные катаклизмы, оказывающие влияние на весь мир, поскольку курс на приведение правовой системы в единую надгосударственную форму порушит традиционный устоявшийся порядок межгосударственного взаимодействия. При действенном международном правовом взаимодействии независимых государств, обладающих разными нормативно-правовыми базами, при течении глобализационных процессов и наличии одного общего мирового экономического пространства унификация станет невозможна, поскольку невозможно достичь единообразности правового регулирования похожих социальных отношений, если не осуществить вмешательство в публичное устройство государств. А это идет вразрез с признаваемыми всеми принципами и нормами международного права [6, р. 127]. В результате, вместо приведения правовых систем в единую наднациональную форму возникает уверенность в необходимости приведения права к гармонии, то есть приведение законодательств и политико-социальных институтов разных стран в близкое состояние.

Полагаем, что гармонизация законодательства разных стран подразумевает необходимое и достаточное единство подходов, которые должны иметь мирный согласованный характер и приводить к созданию объемной, пространственной системы правовой регуляции, закрепляющей сохранность самобытных национальных правовых традиций, не мешающих развитию взаимных связей, способствующих продвижению главных качеств и функций культурно-правового влияния на цифровую систему правовой деятельности. По нашему мнению, правовое сосуществование — наи-

более целесообразная и рациональная альтернатива глобальной официально-деловой коммуникации, обусловленной цифровизацией объектов настоящей реальности, преобразующей их в контент. Правовое сосуществование является формой совместного существования разных субъектов права, идущего им на всем на пользу [7, с. 43].

Разработка национальных интересов подразумевает осуществление государственной структурой множества целей государства внутреннего и внешнего свойства. Среди целей внутреннего порядка следует отметить следующие: формирование системы стратегического управления, исследования и прогнозирования, а также соответствующих государственных органов; рассредоточение устройства государственной власти и предоставление широких операционных управленческих функций частным организациям; распределение регуляционных компетенций и ответственности за их реализацию между государственными и негосударственными субъектами; формирование результативного механизма юридического наблюдения с целью получения реальных сведений о сущности воздействия нормативно-правовой базы на социальные отношения и того, что за ними следует; побуждение к формированию разных форм государственно-частного партнерства и бизнесменской инициативности россиян; убирание административных барьеров при реализации экономической и прочей социальной деятельности. Главной внешней целью назовем организацию, согласование и неуклонное осуществление единой государственной стратегии юридической эволюции на глобальном уровне, формирование и развитие межнациональных юридических форм регионального значения.

Литература

1. *Абучарка Р., Хури М.* Эффективное правительство для нового века: реформирование государственного управления в современном мире / пер. с англ. М.: Сбербанк, 2016. 282 с.
2. *Шатковская Т.В.* Модели взаимодействия политических систем, обеспечивающие национальную безопасность государств // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 104–107.
3. *Иеринг Р.* Цель в праве: в 2 т. Т. 1. СПб.: Н.В. Муравьев, 1881. 23 с.
4. *Шатковская Т.В., Епифанова Т.В., Вовченко Н.Г.* Трансформация структуры механизма правового регулирования в условиях цифровой экономики // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 142–146.
5. *Шершеневич Г.Ф.* Избранное: в 6 т. Т. 4: Общая теория права / вступ. слово, сост. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2016. 752 с.
6. Конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам (РИМ, 1980), ст. 16 // Treaty Series. Volume 1605. New York: United Nations, 1997. P. 59–156.
7. *Шатковская Т.В.* Обеспечение национальных интересов в праве цифровой эпохи // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 3. С. 42–45.

References

1. *Abucharka R., Huri M.* Effektivnoe pravitel'stvo dlya novogo veka: reformirovanie gosudarstvennogo upravleniya v sovremennom mire: perevod s anglijskogo [Effective government for the new century: public administration reform in the modern world: translation from English]. Moscow, Sberbank Publ., 2016. 282 p. (In Russian)
2. *Shatkovskaya T.V.* Modeli vzaimodejstviya politicheskikh sistem, obespechivayushchie nacional'nyu bezopasnost' gosudarstv [Models of interaction of political systems that ensure the national security of states]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS [State and municipal management. Scientific notes of SKAGS]*, 2015, no.3, pp. 104–107. (In Russian)
3. *Iering R.* Cel' v prave [Purpose in law]. In 2 vols. Vol. 1. Saint-Peterburg, N.V. Murav'ev Publ., 1881. 23 p. (In Russian)
4. *Shatkovskaya T.V., Epifanova T.V., Vovchenko N.G.* Transformaciya struktury mekhanizma pravovogo regulirovaniya v usloviyah cifrovoj ekonomiki [Transformation of the structure of the mechanism of legal regulation in the digital economy]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki [Problems of Economics and Legal Practice]*, 2018, no. 3, pp. 142–146. (In Russian)
5. *Shershenevich G.F.* Izbrannoe. In 6 vols. Vol. 4 vklyuchaya Obshchuyu teoriyu prava [Selected: General theory of law]. Moscow, Statut Publ., 2016. 752 p. (In Russian)
6. Konvenciya o prave, primenimom k dogovornym obyazatel'stvam (RIM, 1980), st. 16 [Convention on the law applicable to contractual obligations (ROM, 1980), article 16]. In Treaty Series. Volume 1605. NewYork: United Nations, 1997, pp. 59–156. (In Russian)
7. *Shatkovskaya T.V.* Obespechenie nacional'nyh interesov v prave cifrovoj epohi [Ensuring national interests in the law of the digital age]. *Vestnik Yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta. [Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University]*, 2020, vol. 7, no. 3, pp. 42–45. (In Russian)

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Ганаева Есита Эминовна

Цель: анализ феномена «экстремизм» и выработка инструментов его предупреждения с точки зрения достижений современной уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной доктрины в целях формирования эффективных мер противодействия, адекватных его общественной опасности. Анализ криминологической характеристики преступлений экстремистской направленности, определение основных детерминант анализируемой группы преступлений.

Методология: методологическую основу исследования составляет общий метод диалектического познания, дающий возможность объективно и всесторонне рассмотреть проблемы правовой оценки детерминант преступлений экстремистской направленности. В качестве специальных методов исследования использован разнообразный научный инструментарий, включающий в себя методы анализа, синтеза, логико-юридический (догматический), сравнительно-правовой, историко-правовой, конкретно-социологический.

Выводы. Рассмотрев причины современного экстремизма и существующих его форм, необходимо отметить, что выделение его единственной причины объективно невозможно. Основными причинами изучаемого феномена являются не противоречия религий, наций, рас или политических воззрений, которые выступают лишь в качестве предлога или инструмента борьбы, а социальная напряженность общества, возникшая в результате происходящих политических и социально-экономических реформ и кризисов, усиливающаяся специфическим геополитическим положением и полиэтничным составом населения России. Причины всех существующих сегодня разновидностей экстремизма взаимосвязаны и в некоторых случаях усиливают их действие.

Научная и практическая значимость заключается в том, что сформулированные в статье выводы представляют собой результат уголовно-правового и криминологического анализа преступлений экстремистской направленности и ориентированы на создание эффективного механизма противодействия экстремизму в рамках систематизации и унификации современного антиэкстремистского законодательства.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, преступления, детерминанты, предупреждение, деструктивные последствия, экстремистские преступления.

Экстремистская деятельность является прогрессирующим в своем движении (процессе) феноменом, обладающим довольно обширным факторным спектром появления и длительными возможностями функционирования. В определенных обстоятельствах рост экстремизма может обусловить чрезвычайно тяжкие деструктивные последствия в отношении конституционного строя, независимости, целостности территорий, политической устойчивости и социальной безопасности Российского государства. Поэтому исходным пунктом выработки результативных мер по предупреждению и борьбе с преступными деяниями экстремистской

направленности является уяснение происхождения симптомов экстремизма в России.

Экстремистская деятельность — это многоаспектный, абсолютно социальный феномен, поэтому при его оценке необходимо учитывать общественную специфику и происходящие в стране экономические, политические и социальные процессы. Социальный кризис и кризис общественных институтов, безусловно, сказался на сути и устремленности существующих в обществе настроений.

Причины роста экстремистской активности могут быть общими, вызванными обстоятельствами социального, экономического, политического

свойства и особыми, отличительными, имеющими отношение к тем или иным условиям жизни и специфике отдельных общественных групп. Но во многом истоки этого феномена лежат не в аномальности психологического реагирования тех или иных лиц, а в серьезных скрытых и очевидных проблемах социальной, экономической и политической направленности [1, с. 24].

Ключом к воспроизведению экстремистской деятельности стало появление пустоты в духовном и философско-идеологическом пространстве после того, как распался Советский Союз. Мировоззренческая пустота начала стремительно наполняться разного рода тлетворными и губительными для страны и социума доктринами, теориями, идеями и суждениями. Стали появляться своего рода мессии, благовестники новых религиозных течений. Появились и религиозные и политические экстремисты, активность которых повысила уровень общественной опасности и обусловила, в конечном счете, возникновение крупных конфликтов [2, с. 404].

В сложившейся в России обстановке, начиная с последнего десятилетия прошлого века, состоялось переориентирование народа касательно пропорциональности духовно-нравственных и материальных ценностей, связанных с осознанием смысла жизни. К примеру, под воздействием процессов, связанных с переходом хозяйственной жизни на коммерческую основу, становлением рыночных отношений в стране, изменением социальной системы и ростом социальной напряженности, в мыслях и поведении граждан, большей частью молодежи, первое место заняли ценности материального и экономического достатка и процветания, авантюристичности и себялюбия. Нынешнее «потерянное поколение» синонимично таким явлениям, как развращенность, безразличие, двуличие, лукавство. Молодые люди, представляя собой наиболее энергичную часть общества, поглощают разные стереотипные негативные мысли, после чего, ощущая собственную правоту, в некоторой степени претворяют их в жизнь через осуществление правовых нарушений, а позже и преступных деяний. Не признание никаких компромиссных решений, политическая смелость, решительность, неумение терпимо относиться к кому-либо, чему-либо, скептическое отношение ко всему, пренебрежение своей жизнью и готовность принести себя в жертву — квинтэссенция умонастроения молодых экстремистов, делающая их бездушными и безжалостными и возводящая эту социальную категорию в целом в группу риска [3, с. 5]. Европейские ценности превратили нашу молодежь в прагматичных личностей, имеющих склонность к радикализму на пути реализации

стоящих перед ними задач, пошатнули одну из основных общечеловеческих ценностей — уважительное отношение к старшим людям. Все эти ценностные ориентиры, так просто впитанные молодыми людьми, по иронии судьбы, превращают их в легкую добычу для экстремистских организаций в ходе их политических кампаний.

Справедливой выглядит точка зрения Б.Б. Бидовой и В.А. Басаева о том, что вовсе не индивидуально-психологические качества не достигших совершеннолетия детей, сопряженные с их юностью или развитием, или их поведенческие реакции являются причиной их втягивания в криминальный мир. Этому способствует не являющаяся благоприятной макросреда, в которой дети находились и росли, недостаток внимания к ним со стороны их родителей. Острое неблагополучие в семейных отношениях и семейном воспитании, зачастую подавление индивидуальности и активности, предпринимчивости малыша, тинэйджера, юноши, девушки как со стороны отца и матери, так и учителей, служат причиной как социальной и культурной незрелости, так и социальной неприспособленности (в ряде случаев косвенно), а также криминальных или экстремистских проявлений. [4, с. 197]

Одним из наиболее серьезных проявлений экстремистского характера в их социокультурном смысле является отсутствие толерантности (нетерпимость). Экстремисты агрессивно интолерантно относятся к представителям тех социальных групп (категорий), которые в их понимании далеки от них в религиозном, политическом, экономическом, культурном, эстетическом, моральном, расовом или национальном смысле. Зачастую сами политические деятели и общественники руководствуются в своих действиях и высказываниях таким полярным разделением социума. В данном контексте можно считать справедливым мнение В.Ю. Зорина и Т.Я. Хабриевой о том, что, прежде всего, необходимо принять в расчет то обстоятельство в эволюционировании социума, при наличии которого разрешение проблемы улучшения отношений между разными этносами по большей части сопряжено с недостаточно высоким уровнем культуры межэтнического общения. Не что иное, как такая диспозиция создает благоприятную почву для стимулирования ксенофобии, взращения разных предубежденностей, предвзятых мнений, приводит к конфликтам в сфере межнациональных отношений, благоприятствует экстремистским проявлениям [5, с. 30].

Огромную роль в создании условий для развития экстремизма сыграла, так сказать, массовая культура. «Западнизация» культурной сферы и интересов обуславливает то, что созданные образы продолжают в поведении отдельных людей и социальных групп,

отражаются в таких формах общественного поведения, как бесчеловечность, стремление к наживе во вред профессиональному и духовно-нравственному личностному росту. Подавляющее большинство людей испорчено массовой культурой в моральном, духовном и интеллектуальном отношении и потому, во многом, зло, жестоко, лишено высоких целей и интересов, готово к насильственным актам. Эта категория людей, скорее всего, небезопасна, ибо готова применять насилие по отношению к другим людям, среди прочего, и состоя в экстремистских организациях.

Необходимо сказать, что в последнее время идеи экстремизма плотно вошли в веб-пространство и активно в нем действуют. При этом способы, не дающие экстремизму публично проявляться в прессе и на телевидении, оказываются не действенными во Всемирной информационной сети, что позволяет экстремистам эффективно использовать ее в целях популяризации идей экстремизма. Веб-сайты, пропагандирующие радикализм, посещают многие люди, причем не только проживающие в тех местах, откуда, собственно, идет вещание, но и в очень отдаленных от них регионах. Надо сказать, что аудитория довольно многих веб-ресурсов, проповедующих радикальные идеи, по своей численности сравнима с ресурсами официально зарегистрированных молодежных общественных организаций, функционирующих за счет государства. Функционирование сайтов экстремистской направленности – это серьезная движущая сила в деле поощрения скрытых форм экстремизма и инструмент (способ) организации и приведения в активное состояние непосредственно экстремистских действий, а также обеспечения деятельности виртуальных групп экстремистов. Веб-пространство предоставляет возможность получения небывалого уровня свободы в избрании объектов действий экстремистского характера и содействию в развитии объектов нападков.

То, что экстремистские действия остаются безнаказанными, создает ощущение вседозволенности, что, разумеется, приводит к возрастанию количества и разновидностей проявлений экстремизма. Разделение людей на социальные классы, недостаточный уровень правовой защищенности социума, отсутствие контроля над работой СМИ, особенно Всемирной информационной сети, воодушевленно комментирующих и указывающих на коррупционные проявления, среди прочего во властных структурах, также формируют почву для проявления экстремизма в социуме.

Еще одним достаточно серьезным фактором культивирования экстремизма, способствующим превращению людей в религиозных или этниче-

ских экстремистов, можно назвать безработицу, отсутствие возможности обеспечить себя и свою семью, и миграционные тенденции [6, с. 139]. В России продолжается падение производства во всех отраслях. Это влечет за собой нарастание проблем с трудоустройством. Вдобавок открытость государственных границ с государствами-участниками СНГ на фоне неустойчивой ситуации в ряде стран разных регионов мира и другие не менее важные факторы обуславливают массовый и никем не контролируемый въезд в страну иностранных граждан, что усугубляет экономический кризис и существующую в государстве криминогенную обстановку.

Помимо указанных факторов, влияющих на вовлечение россиян в экстремистские группы, есть и другие, в своей сумме вносящие заметную лепту в процесс нарастания проявлений терроризма. Среди них можно назвать, к примеру, то, что до сих пор еще не выработана сбалансированная результативная молодежная политика государства. Отсутствие внимания к тому, как молодежь проводит свое свободное время, насколько полезно для нее же и окружающих, малочисленность не подлежащих оплате родителями детских и юношеских творческих, спортивных и пр. кружков и секций, приводит к тому, что молодые люди свой досуг стараются заполнить сами и нередко путем вовлечения в действия, носящие криминальный, вандалистский, экстремистский характер. К примеру, «Русское национальное единство» вовлекает в свои ряды новобранцев не только обычным способом, но и посредством привлечения юношей и девушек возможностью бесплатного занятия в имеющихся в его распоряжении спортивных секциях и клубах, где молодые люди наряду с получением спортивных навыков, также проникаются идеологией неонацизма [7, с. 25].

Необходимо сказать, что угрозу наиболее существенным интересам человека, социума и государства экстремистские действия представляют во многом в связи с причастностью к ним помимо внутренних, еще и внешних источников экстремизма. Причем внешние источники имеют (и это свойственно нашей стране) чрезвычайно большое значение, которое, правда, меняется во временном пространстве. Корень появления такого рода опасности лежит в имеющейся напряженности в отношениях между Россией и несколькими странами Запада, в острой актуальности прошлых и нынешних противоречий между нашей страной и названными странами, в том, что эти страны пытаются (весьма активно) решить данные противоречия (во вред или за счет интересов России) посредством вмешательства во внутренние дела нашего государства. Применение тезисов о необходимости поддержки

российских народов в их интересе к национальному самоопределению и закреплению демократических устоев в государстве создает политико-идейную базу продолжительной практики инспирирования и содействия некоторыми иноземными силами, настроенными антироссийски, стремлениям к сепаратизму и ряду противостоящих российской власти течений радикалистской и экстремистской направленности в разных регионах России.

Оценивая опасность экстремистских действий как угрозу национальной безопасности нашей страны, следует брать в расчет их взаимосвязь с иными видами угроз для государственной безопасности, наиболее существенных интересов че-

ловека, социума и государства. Среди подобного рода угроз особое внимание необходимо уделять националистическим, сепаратистским проявлениям, организованной преступности, нелегитимным поставкам оружия, наркоторговле, коррупционным проявлениям, разбой и пр. Эти явления тесно взаимосвязаны с экстремизмом, а экстремизм с ними. Почти что все названные преступные явления (разумеется, в неодинаковой степени и форме) есть факторы, или приводящие к экстремизму (в частности, сепаратистские проявления), или во многом содействующие его распространению (в частности, нелегитимные поставки оружия, разбой и пр.), зачастую укрепляя его.

Литература

1. Фридинский С.Н. Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности // Юридический мир. 2008. № 6. С. 23–26.
2. Ханъжов К.В. Правовые основы противодействия экстремизму как фактору дестабилизации общественного порядка и общественной безопасности // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 1. С. 403–408.
3. Евтюшкин А.Ю. Молодежный политический экстремизм в современной России. М.: Юрайт, 2015. 253с.
4. Бидова Б.Б., Басаев В.А. Законодательство зарубежных стран о борьбе с религиозным экстремизмом: конституционно-правовой анализ // Инновации и инвестиции. 2014. № 4. С. 196–198.
5. Зорин В.Ю., Хабриева Т.Я. Государственная национальная политика Российской Федерации: проблемы реализации и совершенствования // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 28–32.
6. Бидова Б.Б. Философско-идейный фундамент экстремизма // Вестник Чеченского государственного университета. 2017. № 3 (27). С. 138–144.
7. Яворский М.А. Причины и условия проявлений экстремизма в современной России // Юридический мир. 2018. № 11. С. 23–27.

References

1. Fridinskiy S.N. Molodezhnyj ekstremizm kak osobo opasnaya forma proyavleniya ekstremistskoj deyatel'nosti [Youth extremism as a particularly dangerous form of extremist activity]. *Yuridicheskij mir [Legal World]*, 2008, no. 6, pp. 23–26. (In Russian)
2. Han'zhov K.V. Pravovye osnovy protivodejstviya ekstremizmu kak faktoru destabilizacii obshchestvennogo porjodka i obshchestvennoj bezopasnosti [Legal bases of counteraction to extremism as a factor of destabilization of public order and public safety]. *“Chernye dyry” v rossijskom zakonodatel'stve [“Black holes” in Russian legislation]*, 2007, no. 1, pp. 403–408. (In Russian)
3. Evtushkin A.Yu. Molodezhnyj politicheskij ekstremizm v sovremennoj Rossii [Youth political extremism in modern Russia]. Moscow: Yurajt Publ., 2015. 253 p. (In Russian)
4. Bidova B.B., Basaev V.A. Zakonodatel'stvo zarubezhnyh stran o bor'be s religioznym ekstremizmom: konstitucionno-pravovoj analiz [Foreign countries legislation on combatting religious extremism]. *Innovacii i investicii [Innovations and Investments]*, 2014, no. 4, pp. 196–198. (In Russian)
5. Zorin V.Yu., Habrieva T.Ya. Gosudarstvennaya nacional'naya politika Rossijskoj Federacii: problemy realizacii i sovershenstvovaniya [State national policy of the Russian Federation: problems of implementation and improvement]. *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2013, no. 8, pp. 28–32. (In Russian)
6. Bidova B.B. Filosofsko-idejnyj fundament ekstremizma [The philosophical and ideological foundation of extremism]. *Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chechen State University]*, 2017, no. 3 (27), pp. 138–144. (In Russian, abstract in English)
7. Yavorskij M.A. Prichiny i usloviya proyavlenij ekstremizma v sovremennoj Rossii [Reasons and conditions of manifestations of extremism in modern Russia]. *Yuridicheskij mir [Legal World]*, 2018, no. 11, pp. 23–27. (In Russian)

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Мусаев Сайд-Магомед Исламович

Цель: в современном Российском государстве в условиях реформирования всех сфер его жизнедеятельности проблема национальной безопасности и механизма ее обеспечения является одной из ключевых. Сложное международное положение России, распространение международного терроризма, обострение угроз интересам граждан, обществу и государству требуют разработки эффективных мер, направленных на обеспечение национальной безопасности. Важная роль при этом отводится и правовой науке, которая способствует не только приращению научного знания по обозначенной проблеме, но и выработке необходимых мер по консолидации правового пространства, совершенствованию правовых средств для защиты суверенитета, соблюдения национальных интересов и предотвращения угроз национальной безопасности нашего государства. Вопросы теории и практики, связанные с обеспечением национальной безопасности, требуют системного и комплексного подхода, включающего в себя как общетеоретические исследования, так и достижения отраслевых наук, а также потребности практики в интересах безопасности личности, общества и государства. Они приобретают дополнительную актуальность в связи с увеличением и изменением видов безопасности вообще, появлением новых угроз и вызовов, динамичными изменениями в мировом геополитическом пространстве

Методология: включает две группы методов: общенаучные и специально-юридические. Общенаучные методы представлены: методами эмпирического исследования (наблюдение, сравнение, описание и др.); методами теоретического изучения (формализация, аксиоматический метод, гипотетико-дедуктивный метод и др.); общелогическими методами (анализ, обобщение, аналогия, моделирование и др.). Специально-юридические методы включают формально-юридический, сравнительно-правовой и метод толкования норм права.

Выводы. По результатам исследования ключевых доктринальных подходов к детерминации понятия, сути и содержательного наполнения концепта общенациональной безопасности следует заключить, что данное понятие является основным в правовой системе России. Достижение состояния национальной безопасности, являющееся главной целью и существом деятельности сообразной государственной структуры, определяет ключевые направления жизнедеятельности государства во внутренней и внешней политике.

Научная и практическая значимость обусловлена тем, что она является исследованием организационно-правовых основ сущности и содержания национальной безопасности и механизма ее обеспечения в современной России, выводы и обобщения, изложенные в работе, могут служить методологической основой для дальнейшего изучения проблем национальной безопасности в целом, ее сущности, содержания, а также механизма ее обеспечения и повышения его эффективности. Практическая значимость определяется ее своевременностью и актуальностью, возможностью использования выводов и предложений для совершенствования концептуальных подходов к обеспечению национальной безопасности России, а также в правотворческой и правоприменительной практике.

Ключевые слова: общество, опасность, основы безопасности, национальные интересы, безопасность, национальная безопасность, обеспечение национальной безопасности.

В современных условиях различными науками, изучающими общество, в частности структуру социальных интересов человека, социума, страны;

разрабатывающими наиболее приемлемую архитектуру системы безопасности указанных объектов; обосновывающими цели и задачи, функции

и местоположение ключевых составляющих данной системы, главных путей их кооперации, применяется категория «национальная безопасность» [1, с. 106].

Наряду с этим, для нашей работы имеет значение то, что данное понятие изучается юридическими науками, в том числе общей теорией государства и права, в пределах которой исследуется структура реальных знаний о самых общих тенденциях и естественным образом сопряженных с ними побочных явлениях и процессах жизнедеятельности страны и права. Именно те положения и умозаключения, которые дает юридическая наука по таким темам, как суть государства, его роль, устройство, а также механизм правовой регуляции, образуют методологическую базу исследования начал той или иной концепции, среди прочего, теории общенациональной безопасности и выработки способа ее достижения.

В сравнение с зарубежной научной мыслью, изучающей проблематику безопасности в качестве отдельного раздела науки о межгосударственных отношениях, в отечественной науке эта тема еще не получила статус самостоятельного предмета с обособлением методологии его изучения. Она еще только формируется.

Однако в содержание многих актуальных правовых исследовательских работ категория «безопасность» уже включена и используется употребительно к разным процессам и природного, и социального характера. Причем применяется она в сочетании с такими словами, как национальная, государственная, международная, глобальная и пр.

Необходимо отметить, что категория «безопасность» многозначна. Это обуславливает наличие разных интерпретаций понятия и неоднозначность терминологического аппарата теории безопасности. Об этом говорит и Б.Б. Бидова, считающая, что в науке существует чрезмерное множество значений понятия «безопасность», отсутствует точная его дефиниция и, что немаловажно, не выработана единая система его восприятия [2, с. 143]. Соответственно, безопасность — это одна из наиболее важных целей и основополагающих потребностей, как отдельной личности, так и разного рода объединений людей.

Является фактом то, что вопрос безопасности беспокоил людей с древних времен. Проблема появилась давно как особый социальный феномен, укрепляющийся и расширяющийся сообразно росту угроз и вызовов для населения, как со стороны внешних противников, так и со стороны местной обеспеченной элиты и должностных лиц. Данный

вопрос всегда был важной целью и функцией социума, страны, семьи и отдельного человека [3, с. 99].

В российских и западных теоретических источниках категория «безопасность» объясняется неодинаково: в сфере психологии — как понимание, чувствование, осознание необходимости защиты наиболее важных интересов граждан; в сфере философии и социологии — как структура закономерности эволюции и наличествующая обстановка существования общества, его систем, институций и традиций, при которых сохраняется их качественная однозначность, наиболее приемлемое соотношение свободы и потребности; в сфере юриспруденции — как система определения законодательными актами юридических гарантий огражденности человека и социума от опасностей, создание условий для их нормального функционирования, обеспечения их свобод и прав [4, с. 90].

Некоторые исследователи предлагают на рассмотрение, в сущности, одинаковые определения этой категории, соединив которые можно сформулировать, в общем-то, обобщенную для этих исследователей дефиницию. И в ней под термином «опасность» мы будем видеть «допустимость или потенциальность неблагоприятного влияния на общественную структуру разного рода сил (аспектов, обстоятельств), способного нанести ей (общественной структуре) вред, осложняющий ее положение и привносящий в развитие этого общественного устройства ненужный уклон (скорость, тенденцию) или параметры (тип, качества и пр.)» [5, с. 208]. При этом авторы уточняют, что эта допустимость (потенциальность) является во всех отношениях понимаемой, реально наличествующей, но не роковой, а сама по себе опасность всегда вызвана существованием и жизнедеятельностью разрушительных факторов (как реально существующих, так и потенциальных), имеющих дезорганизовывающие качества и способных причинить вред или вообще уничтожить данный социальный организм.

Так, М.А. Молчанов подтверждает, что такого рода представление о проблеме пронизало подавляющее большинство научно-исследовательских работ, посвященных теме национальной безопасности, и во многих из них категория «опасность» описывается как «приложение особых злонамеренных, дестабилизирующих усилий в отношении исследуемого объекта (конкретного социума, государства)» [6, с. 151].

Тем не менее, как считает Л.И. Абалкин, подобное понимание понятия «опасность» имеет своим следствием «превалирование охранитель-

ной позиции относительно вопросов достижения «достаточного уровня общенациональной безопасности», при котором «на первый план выдвигается необходимость обеспечения защищенности наиболее существенных интересов человека, социума и страны от того, что делают внешние враждебные силы (конкуренты, неприятели) и внутренние враги, от тех опасностей, которые появляются в результате таких деяний» [7, с. 9]. Подчеркнем, что при таком видении проблемы создание условий для достижения национальной безопасности по факту есть ничем иным, как осуществлением общенациональных интересов.

После рассмотрения вышеперечисленных суждений логично перейти к самому изучению общенациональной безопасности, как одного из видов безопасности как таковой.

Безопасность является упорядоченным законом состоянием огражденности конституционных и прочих истинных интересов человека, социума, страны и нации от опасностей, при котором не имеется природных и техногенных аспектов поражающего свойства, относящихся каким-либо образом к подконтрольной государству и разрешаемой им же легитимной деятельности юридических и физических лиц, связанной с эксплуатацией предметов, явлений и процессов – природных и техногенных первоисточников угрозы конституционным и прочим истинным интересам, а также отсутствуют нарушения закона и юридические казусы, приводящие к появлению и (или) формированию техногенных и природных сил того мира, который существует вокруг нас, с ярко выраженными поражающими признаками.

Считаем вполне обоснованной позицию исследователей, по условию которой применение в России термина «общенациональная безопасность» на официальном уровне обусловило интенсификацию аналитической активности российских специалистов в части теоретико-методологического обоснования данного термина, разработки его дефиниции и определения сути, выражаемой им социальной действительности [8, с. 101].

Наряду с этим некоторые темы (среди прочего и считающиеся жизненно важными), относящиеся к рассматриваемой сфере, до сих пор являются спорными, требуют конкретизации и общетеоретического уяснения. Ведь до настоящего времени еще не выработана актуальная доктрина национальной безопасности и, соответственно, обобщенная методология ее анализа (более того, еще не установлено насколько есть обоснованным применение термина «национальная безопасность» употребительно к российской обще-

ственности); не выработан стандартизированный подход к детерминации, собственно, понятия «национальная безопасность», его сути, содержательного наполнения, архитектуры; не завершена работа по созданию целостного, системного (результативного и не содержащего внутренних противоречий) механизма создания условий для достижения достаточного уровня общенациональной безопасности в России и по разработке ряда других вопросов.

Становится очевидным, что концепция общенациональной безопасности, наряду с представлением о самой общенациональной безопасности как понятии, нуждаются в последующем научном осмыслении и обосновании для того, чтобы понять суть, содержательное наполнение и предназначение данного явления.

Следовательно, общенациональная безопасность – термин, имеющий много значений, затрагивающий разные отрасли и относящийся к различным дисциплинам. Это широко употребляемое в разных научных сферах и официальных документах нормативно-правового свойства понятие.

Проблематика российской доктринальной основы безопасности общенационального уровня системна и многоаспектна, охватывает практически все ее сферы – от понятийного аппарата и парадигмальных установок до единой методологии обеспечения безопасности этого уровня и осуществления данной методологии в законодательных актах страны [9, с. 120].

Считаем, что для того, чтобы избежать как сверхмерно обширного, так и слишком узкого восприятия общенациональной безопасности и зачастую безосновательного применения этого словосочетания в нормативно-правовой документации и в научно-исследовательских работах, необходимо изучить концептуальные основы доктрины общенациональной безопасности, среди прочего, и с точки зрения общей теории, как развивающейся и устойчивой научной школы, значимой с позиции практического применения.

Таким образом, основной миссией безопасности (здесь еще не идет речь о безопасности общенационального уровня) является формирование, поддержка и гарантирования посредством использования разного рода инструментов, способов и средств такого состояния, при котором отсутствует угроза опасности тем или иным индивидам, формам, конфигурациям, иными словами, субъект ограждается от опасности.

Подобного рода восприятие безопасности, по нашему мнению, отображает помимо характерных для той или иной области деятельности черт этого

явления, еще и универсальные, неизменные определители, свойственные всем сферам функционирования социума, раскрывающие безопасность как требование и политику защиты, нацеленные, в итоге, на выживание общественной структуры, человека и страны.

Мы считаем, что для осуществления систематизации концептуальных подходов к осознанию общенациональной безопасности требуется выявить сущность этого явления в юридическом контексте.

Со своей стороны поддержим мнение, в соответствии с которым, невзирая на то, под каким углом рассматривается понятие «безопасность» — как задача, теоретический план, предмет научного изучения и пр., проблемы безопасности личности, общенациональной безопасности, межгосударственной безопасности и всепланетарной безопасности по большей части являются разобщенными, ибо сопряжены с абсолютно разными юридическими сферами.

Вследствие того, что «безопасность» есть более общее понятие в отношении общенациональной безопасности (так же, как и в отношении прочих видов безопасности), имеет смысл изучить его более подробно (здесь мы позволили себе повториться).

Проанализировав ряд научных публикаций, посвященных проблемам безопасности, приходим к выводу о существовании двух ключевых юридических подходов к распознаванию и детерминированию безопасности.

По условиям первого подхода, безопасность означает ситуацию, при которой нет в наличии каких-либо угроз. Видимо, в этом смысле при условии непрекращающегося влияния (угрозы влияния) любого рода опасностей (реально существующих или потенциальных), безопасность играет роль цели (конечного итога, которого нужно добиться) жизнедеятельности страны.

В соответствии со вторым подходом, безопасность классифицируется как «принимаемые конкретными субъектами меры по ликвидации угроз», иначе говоря, при этом подходе подкрепляется доводами именно функциональная сторона вопроса, точнее специалисты увязывают их с той атмосферой, в которой существует социальная структура и, прежде всего, с интересами гражданина, социума и страны.

В общем же, исследование категорий «безопасность», «национальная безопасность» и «государственная безопасность» позволяет прийти к выводу, что у этих понятий единая суть — определенное общественное состояние, предполагающее воз-

можность эволюции человека, социума и государства, обеспечение защиты общенациональных интересов от угроз внутреннего и внешнего порядка.

Проведенное исследование концептуальных подходов и дефиниций понятия «безопасность» и «общенациональная безопасность» предоставляет возможность выявления в существе общенациональной безопасности двух ключевых составляющих: общенациональных интересов (ряд ученых называют этот термин интересами объектов безопасности) и угроз данным интересам.

Думается, что указанные составляющие считаются ключевыми, потому что интересы человека, социума и государства:

- 1) есть допустимо существующими;
- 2) нуждаются в непрекращающейся защите;
- 3) пребывают под влиянием перманентно возникающих угроз, отсутствие которых привело бы к нецелесообразности функционирования самого термина «национальная безопасность» в качестве инструмента их устранения (подобно тому, если бы отсутствовали правовые нарушения, то и ответственности бы за них не было).

Необходимо дополнить сказанное тем, что национальные интересы и угрозы — это основные понятия, используемые в ходе составления большей части дефиниций национальной безопасности, существующих в наше время в текстах изданий о законах. Причем одни специалисты считают определяющим понятием национальные интересы, а другие — угрозы безопасности.

Тем не менее существующие сейчас научные подходы к детерминации национальной безопасности не совсем четкие, расплывчатые и недооценивают (не берут в расчет) главные методологические факторы создания доктрины (политики, общего плана) национальной безопасности, что, в свою очередь, приводит к невозможности составления общей инструкции для выработки, детерминирования, утверждения и претворения в жизнь стратегических направлений процесса достижения национальной безопасности.

Данная ситуация обуславливает то, что в правотворчестве в ходе составления юридических документов стратегической (общетеоретической) направленности во вред однозначному и унифицированному определению главных задач, объектов (областей), инструментов, способов и механизмов обеспечения общенациональной безопасности, зачастую утверждаются формальные, показательные нормы-установки, что приводит к отрицательным последствиям и в сфере правоприменения.

Наряду с этим мы понимаем, что во всех вышеуказанных интерпретациях национальной

безопасности есть положительные стороны, позволяющие посредством их использования не только определить главные особенности объекта анализа, но и привести их в определенную систему в пределах рассмотрения концептуальных начал сути, содержательного наполнения и способа обеспечения безопасности общенационального уровня.

Литература

1. *Зеленков М.Ю.* Правовые основы общей теории безопасности Российского государства в XXI веке. М.: Ось-80, 2003. 159 с.
2. *Бидова Б.Б.* Обеспечение национальных интересов России в контексте стратегии национальной безопасности. Кисловодск: АНО ДПОН «УЦ «Магистр». 236 с.
3. *Возженников А.В.* Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. М.: Норма, 2016. 259 с.
4. *Щербаковский Г.З.* Структура и содержание механизма обеспечения национальной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3 (27). С. 88–94.
5. *Бабурин С.Н.* Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологический аспект. М.: Проспект, 2000. 357 с.
6. *Молчанов М.А.* Дискуссионные аспекты проблемы «национальный интерес» // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 148–152.
7. *Абалкин Л.И.* О национально-государственных интересах России // Вопросы экономики. 2014. № 2. С. 5–11.
8. *Соколов В.В.* Национальные интересы: выработка консенсуса // Российская юстиция. 2013. № 2. С. 99–106.
9. *Труханов В.А.* Эволюция понятия «национальная безопасность» // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2016. № 10. С. 119–122.

References

1. *Zelenkov M. Yu.* Pravovye osnovy obshchej teorii bezopasnosti Rossijskogo gosudarstva v XXI veke [Legal bases of the General theory of security of the Russian state in the XXI century]. Moscow, OS-80 Publ., 2003. 159 p. (In Russian)
2. *Bidova B. B.* Obespechenie nacional'nyh interesov Rossii v kontekste strategii nacional'noj bezopasnosti [Ensuring the national interests of Russia in the context of the national security strategy]. Kislovodsk, ANO DPON "UC "Magister" Publ., 2019. 236 p. (In Russian)
3. *Vozzhennikov A. V.* Nacional'naya bezopasnost': teoriya, politika, strategiya [National security: theory, policy, strategy]. Moscow, Norma, 2016. 259 p. (In Russian)
4. *Shcherbakovsky G. Z.* Struktura i sodержanie mekhanizma obespecheniya nacional'noj bezopasnosti [Structure and content of the mechanism for ensuring national security]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia]*, 2019, no. 3 (27), pp. 88–94. (In Russian)
5. *Baburin P. N.* Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossii: teoretiko-metodologicheskij aspekt. [Strategy of national security of Russia: theoretical and methodological aspect]. Moscow, Prospekt Publ., 2000. 357 p. (In Russian)
6. *Molchanov M. A.* Diskussionnye aspekty problemy "nacional'nyj interes" [Discussion aspects of the problem "national interest"]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polip. Political research]*, 2017, no. 6, pp. 148–152. (In Russian)
7. *Abalkin L. I.* O nacional'no-gosudarstvennyh interesah Rossii [About the national and state interests of Russia]. *Voprosy ekonomiki [Economic issue]*, 2014, no. 2, pp. 5–11. (In Russian)
8. *Sokolov V. V.* Nacional'nye interesy: vyrabotka konsensusa [National interests: consensus building]. *Rossijskaya yusticiya [Russian Justice]*, 2013, no. 2, pp. 99–106. (In Russian)
9. *Trukhanov V. A.* Evolyuciya ponyatiya "nacional'naya bezopasnost'" [Evolution of the concept "national security"]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i social'no-ekonomicheskikh nauk [Actual problems of humanitarian and socio-economic Science]*, 2016, no. 10, pp. 119–122. (In Russian)

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В АСПЕКТЕ РЕШЕНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОБЛЕМ

Ярычев Насруди Увайсович
Саидов Заурбек Асланбекович

Цель: в современных условиях миграция населения все чаще становится объектом внимания руководителей многих стран. В зависимости от ее масштабов, а также причин, побуждающих или вынуждающих часть населения покинуть привычную для себя среду, миграция может представлять собой серьезную угрозу национальной безопасности страны. В статье раскрываются проблемы, обусловленные глобальными перемещениями населения. Рассматривается миграционная проблема, с которой столкнулись страны Европейского союза. Отражены последствия неконтролируемой миграции для принимающей страны как наиболее острая проблема, стоящая перед многими странами, являющимися центрами притяжения мигрантов. Отражена современная миграционная ситуация в Российской Федерации. Предлагаются мероприятия, направленные на совершенствование миграционной политики страны. Рост нелегальной миграции в последнее десятилетие создает серьезную угрозу национальной безопасности, требует комплексного подхода к решению проблемы ее регулирования, согласованности действий национальных экономик с учетом их интересов, поиска новых путей решения возникающих проблем, связанных с перемещением мигрантов как на национальном, так и общеевропейском уровнях. Цель данного исследования — анализ и выявление основных угроз, возникающих из-за масштабности миграционных процессов, воздействие которых на экономическую и политическую жизнь страны требует совершенствования миграционной политики страны с учетом вызовов времени.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Стратегия осуществления национальной безопасности России в области управления миграционными процессами должна быть ориентирована на регулирование притока людей в нее, исходя из уровня их квалификации, финансовых и иных возможностей занятия предпринимательством и из конкретных потребностей тех районов страны, в которые они прибывают.

Научная и практическая значимость. В условиях возрастания внешних угроз неконтролируемая миграция представляет серьезную опасность для современной России. Сегодня серьезно нарушаются установленные ранее правила перемещения трудовых ресурсов в мировой экономике. С другой стороны, в условиях неблагоприятной демографической ситуации и систематического сокращения численности трудоспособного населения миграционный приток выступает значимым фактором компенсации естественной убыли населения. Поэтому нужна продуманная стратегия миграционной политики Российской Федерации с учетом сложившихся реалий. Выводы и предложения с практической точки зрения должны послужить устранению угроз со стороны миграции национальной безопасности и национальным интересам государства.

Ключевые слова: миграция, причины миграции, нелегальная миграция, миграционные процессы, угрозы, национальная безопасность, национальные интересы.

Рассмотрение проблематики национальной безопасности России в новых трансформирующихся условиях не может быть всеобъемлющим в отрыве от миграционного аспекта.

Текущие трансформации в миграционной сфере происходят под воздействием современных факторов. В наше время мир стал взаимозависим, межгосударственные границы абсолютно

прозрачны. Все эти обстоятельства накладывают свой отпечаток на сферу миграции, обуславливая в ней качественные перемены.

Миграционные процессы оказывают все большее влияние на мир. Причем становится очевидной определенная их тенденция, заключающаяся в том, что жители развивающихся (южных) стран стремятся переселиться в развитые (северные) страны. В частности, под конец прошлого века было отмечено десятикратное увеличение численности нелегальных мигрантов только в странах Евросоюза [1, с. 84].

В силу своего демографического старения Европа видит в миграции, в первую очередь, путь разрешения проблемы, заключающейся в дефиците рабочей силы. На этот процесс во многом оказывают влияние происходящие мировые изменения, прогресс в коммуникационной и информационной сфере. В условиях развития коммуникаций и информационных сетей жители бедных регионов мира получают намного больший в сравнение со своими предками объем информации, который служит дополнительным толчком к принятию решения о переселении в более богатые страны.

В общей сложности текущий миграционный процесс является в какой-то мере переселением народов.

Знание и понимание этих процессов представляет возможность более четкого определения национальных интересов России. Итак, попытаемся осмыслить национальные интересы России в области миграционной политики в разрезе существующего положения в сфере демографии.

Прежде всего в национальных интересах России в области миграционной политики должна присутствовать мысль о необходимости придания устойчивости демографическому росту, компенсации естественной убыли населения, привлечении иностранных квалифицированных специалистов и формировании условий для роста российского народонаселения. По мере стабилизации экономической ситуации в ряде стран постсоветского пространства интенсивность иммиграционных процессов (в Россию) стала снижаться. Основную часть, так сказать, «гастарбайтеров» представляли таджики, узбеки, киргизы, молдаване. Нынешняя ситуация в миграционной сфере остается неутешительной.

Сейчас одновременно с миграцией в Российскую Федерацию происходит фактическое переселение жителей Крайнего Севера и Дальнего Востока в центральную часть России. По результатам переписи населения было выявлено, что внутри страны произошла небывалых размеров миграция, из-за которой

Северные и Дальневосточные территории России лишились 10% своего населения, а прочие – свыше 60%. При этом центральные районы России с более теплым климатом, как и южные и западные – заметно пополнились новым населением.

В этой связи необходимо сказать, что на данный момент реализация национальных интересов России, связанных с освоением недр Северных и Дальневосточных территорий, подвергнута риску.

Вообще в связи со складывающейся демографической ситуацией появляются сомнения в возможности выполнения программ обеспечения интересов общенационального значения в сфере экономики. Если в этой ситуации не произойдут какие-либо подвижки в лучшую сторону, то в стране резко уменьшится количество людей работоспособного возраста.

Пополнение страны людьми рабочих специальностей из-за рубежа в общей сложности сообразуется с ее национальными интересами. Однако в России идет полным ходом не только иммиграционный, но и эмиграционный процесс. Причем в основной своей массе эмигрируют из России высококвалифицированные специалисты, на квалификационный рост которых были расходованы немалые средства (причем не только деньги имеются в виду), а иммигрируют в нее люди, способные выполнять неквалифицированную работу. И это еще не весь перечень проблем, имеющих отношение к миграции, находящейся под воздействием современных факторов.

Криминалитет активно использует миграционный процесс населения для торговли людьми. К примеру, прибыль от деятельности теневых структур, связанной с торговлей людьми, составляет около 5 млрд долларов в год. При этом данный бизнес, в основном, базируется на торговле детьми, женщинами и вынужденными переселенцами (беженцами) [2, с. 68].

Людей, иммигрировавших из исламских стран, активно вербуют организации террористического толка. Например, в Соединенном Королевстве практически на легальном уровне функционирует семь мусульманских организаций радикальной направленности, в состав которых входит по подсчетам различных специалистов 130–180 тыс. человек. Определенная часть этих людей напрямую связана с террористическими организациями. По оценкам исследователей, финансовая поддержка около 2/3 мусульманских веб-ресурсов, призывающих к религиозной интолерантности, осуществляется именно с территории Соединенного Королевства [3, с. 120].

Очевидно, что государственную политику России в миграционной сфере нужно несколько подправить. Интересы общенационального уровня определяют настоятельную необходимость устранения такого явления, как демографический спад. Посредством миграции можно за относительно непродолжительное время отвести возможное наступление демографической катастрофы. Сложившаяся в мире миграционную ситуацию Россия может обернуть в свою пользу (в пользу национальных интересов). Однако существующие жесткие условия миграции не могут в необходимом объеме привлечь в страну людей, требующейся здесь, вакантной квалификации [4, с. 25].

Мысль об использовании Россией современной миграционной ситуации в своих национальных интересах имеет вес, ибо в таком случае можно довольно эффективно решить проблему демографии. Но при этом возникает вопрос: может ли привлечение мигрантов содействовать достижению основной цели – дать стимул общему экономическому росту страны? Более того, незаконная миграция, если верить сводкам МВД, по большей части вовлечена в сферу влияния преступного мира. Бесправность незаконных иммигрантов обуславливает незаконное предпринимательство в части изготовления поддельных документов, коррупционные проявления в среде представителей правоохранительных органов. Оплата труда рабочих мигрантов, дешевого по причине их нелегального положения, обычно производится «в тени».

Недобросовестное мошенническое предпринимательство с использованием неквалифицированной рабочей силы, имеющей нелегальный статус, является довольно прибыльным делом. В определенных районах страны такого рода бизнес препятствует трудоустройству местного населения, что приводит к необходимости вводить властью квоты на прием мигрантов на работу.

Вышеизложенные проблемы, так или иначе, все же можно решить, однако их наличие существенно осложняет осуществление интересов общенационального значения в сфере привлечения мигрантов.

Считаем, что для того, чтобы обеспечить национальные интересы России, высшие государственные органы всех трех ветвей власти должны обратиться

к такому варианту решения, как «миграционная амнистия» [5, с. 129]. Применение этой меры совместно с другими (сведение к минимуму бюрократических препятствий, содействие мигрантам в устройстве на работу, оптимизация квотирования рабочих мест) позволит снизить значимость отрицательных факторов миграции. Имеет смысл рассмотреть вопросы декриминализации в области миграции, более эффективной защиты прав мигрантов.

С точки зрения интересов общенационального уровня профессиональная подготовка иммигрирующих в Россию иностранцев играет огромную роль. В современных условиях кардинальных мировых перемен потенциально возрастающее значение приобретает не просто численность людей, способных работать, но и их квалификация, наличие навыков и умений, среди прочего правильно применять возможности источников информации [6, с. 58]. Подчеркнем, что при том жизненном уровне, который характерен нынешней России, не стоит надеяться в обозримом будущем на многочисленный поток в ее пределы профессионально подготовленных мигрантов.

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что:

- ускоренное снижение общей численности населения России вследствие превышения смертности над рождаемостью является прямой угрозой интересам общенационального уровня;
- миграционный процесс есть реальной данностью, обусловленной новыми трансформирующимися условиями;
- миграцию в Россию необходимо анализировать в нескольких контекстах: криминализации определенных социальных групп, теряющих возможность обеспечения себя работой вследствие приезда в Россию неквалифицированной рабочей силы, необходимой для стимулирования роста экономики; пребывание прибывших в Россию профессионально не подготовленных людей в положении не имеющих прав рабочей силы, пополнение ими рядов людей, оказывающихся вне правового пространства трудового и социального законодательства России; возможности решения посредством иммиграции демографической проблемы.

Литература

1. Резник Г.А. Миграция как угроза национальной безопасности страны: международные и национальные аспекты // Вестник евразийской науки. 2016. № 6 (37). С. 82–86.
2. Шамков С.Л. Криминальное перемещение людей: возможности противодействия. М.: Academia, 2018. 183 с.

3. *Солодилов А.В.* Национальная безопасность и проблемы миграции для современной России // *Власть*. 2018. № 5. С. 118–122.
4. *Силантьева В.А.* Регулирование миграционных процессов как основа национальной безопасности России // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2020. № 1. С. 22–27.
5. *Бидова Б.Б.* Обеспечение национальных интересов России в контексте стратегии национальной безопасности. Кисловодск: АНО ДПО «УЦ «Магистр». 236 с.
6. *Жукова М.В.* Обеспечение общественной безопасности в аспекте международной миграции // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2019. № 9. С. 54–61.

References

1. *Reznik G.A.* Migratsiya kak ugroza nacional'noj bezopasnosti strany: mezhdunarodnye i nacional'nye aspekty [Migration as a threat to national security of the country: international and national aspects]. *Vestnik evrazijskoj nauki [Bulletin of Eurasian science]*, 2016, no. 6 (37), pp. 82–86. (In Russian)
2. *Shamkov S.L.* Kriminal'noe peremeshchenie lyudej: vozmozhnosti protivodejstviya [Criminal movement of people: possibilities of counteraction]. Moscow: Academia, 2018. 183 p. (In Russian)
3. *Solodilov A.V.* Nacional'naya bezopasnost' i problemy migratsii dlya sovremennoj Rossii [National security and migration problems for modern Russia]. *Vlast' [Power]*, 2018, no. 5, pp. 118–122. (In Russian)
4. *Silant'eva V.A.* Regulirovanie migratsionnyh processov kak osnova nacional'noj bezopasnosti Rossii [Regulation of migration processes as the basis of national security of Russia]. *Istoricheskaya i social'noobrazovatel'naya mysl' [Historical and socio-educational thought]*, 2020, no. 1, pp. 22–27. (In Russian)
5. *Bidova B.B.* Obespechenie nacional'nyh interesov Rossii v kontekste strategii nacional'noj bezopasnosti [Ensuring the national interests of Russia in the context of the national security strategy]. Kисловодск, Magistr Publ. 236 p. (In Russian)
6. *Zhukova M.V.* Obespechenie obshchestvennoj bezopasnosti v aspekte mezhdunarodnoj migratsii [Ensuring public security in the aspect of international migration]. *Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost' [National interests: priorities and security]*, 2019, no. 9, pp. 54–61. (In Russian)

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ЛЕГАЛИЗАЦИЮ (ОТМЫВАНИЕ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА

Яхьяева Мархат Увайсовна

Цель: исследовать теоретические и прикладные основы использования уголовно-правовых и криминологических мер противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, а также дать некоторые рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства, практики его применения и системы мер предупреждения рассматриваемого вида преступлений. Ведь легализация (отмывание) денежных средств за последние годы стала одной из приоритетных проблем как на внутригосударственном, так и на международном уровнях. Объясняется это тем, что сама процедура легализации (отмывания) денег свойственна большинству форм организованной преступности, которая преломляет процесс принятых экономических решений, подрывает деятельность финансовых учреждений, обостряет социальные проблемы, а также способствует коррупционным проявлениям.

Методология включает в себя применение общенаучных методов познания — логического и исторического. В исследовании использовались также специальные методы познания социально-правовой действительности: формально-логический, сравнительно-правовой, синтез, анализ и другие.

Выводы. В работе по-новому раскрыты уголовно-правовая и криминологическая характеристики преступлений в сфере легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем; представлена авторская характеристика причинного комплекса данной преступности. Выявлены детерминанты легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества: социально-экономические; организационно-управленческие; законодательная незащищенность легального предпринимательства; несогласованность норм различных отраслей права в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества.

Научная и практическая значимость данного исследования состоит в том, что его результаты восполняют пробелы в системе теоретических основ борьбы с преступлениями в сфере легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества уголовно-правовыми и криминологическими средствами в новых условиях функционирования российского общества, чем вносят определенный вклад в развитие науки уголовного права и криминологии.

Ключевые слова: преступность, коррупция, легализации (отмывания) денежных средств, противодействие, детерминанты, личность преступника.

Факторы, предопределяющие легализацию (отмывание) денежных средств и прочего имущества, доставшегося противоправным способом, представляют собой комплекс причин и условий криминала в данной сфере общественных отношений. При этом они выступают главным источником проблем, препятствующим укреплению народного хозяйства, серьезно угрожающим на-

циональной безопасности государства [1, с. 89]. Научные труды указывают на различный уровень влияния причин и условий на процесс образования преступного поведения в экономической сфере, когда причины выглядят его триггерами, а условия лично не выступают раздражителями, порождающими криминал, но содействуют его детерминации.

Причины в первую очередь выступают стимулами, влияющими на формирование мотивации, определение целей, выбор инструментов и приемов реализации планов, подведение итогов, появление воли к осуществлению задуманного именно бандитскими методами. Условия преимущественно воздействуют на выбор из многообразия объектов, пригодных для свершения криминального деяния, конкретных общественных отношений, именно им будет нанесен максимальный вред, и на предпочтение вида противоправных средств и методов проведения операций, подбор локации совершения преступника. Например, отсутствие финансового контроля и владение специальными знаниями считаются их ярчайшим образцом для определенной ситуации.

При этом причины и условия являются взаимозаменяемыми величинами, способными меняться местами. Условия самостоятельно не порождают криминал, и причина не возникает без их влияния. Иногда условия и причины, благоприятствующие преступникам, выступают единым целым, характеризуясь лишь условными отличиями. О.В. Новиков выделяет следующее, «взаимосвязь преступлений в криминологии объясняется определенными постулатами, ставшими основными доминантами в этой науке. Имеются объективные и субъективные причины преступности и преступлений, в силу которых индивид выбирает ту или иную линию поведения» [2, с. 101].

Многие исследователи видят в мотивах главный детерминирующий фактор, толкающий людей на преступление. Мотивация определяется стремлениями и потребностями личности. Внешние обстоятельства, служащие средой для формирования личности, выступают не причинами, а условиями преступности. Диаметральная теория также существует. По ней индивид представляется набором приобретенных социально-значимых качеств, а ситуация зачастую рассматривается как причина осуществления противоправного деяния.

Общественные конфликты стимулируют развитие личности преступника и криминальной среды в целом. Криминология в разряд схожих противоречий социального роста ставит: многообразие вариантов поведения личности в конфликтных ситуациях, отличие ценностей и моральных устоев индивида, несходства в социально-психологической характеристике человека, реальные проблемы и негативные проявления в обществе. Приведенные аспекты способны влиять на преступность по-отдельности и комплексно, не исключая взаимодействие с прочими проявлениями реального мира.

Криминология приведенные явления традиционно признает причинами и условиями существования криминальной среды. Н.Н. Пивоваров справедливо считает, что «происходящие в нашем государстве трансформации в области социально-политических, денежных, духовных и иных отношений приводят не только к позитивным сдвигам, но и в известной мере порождают новые виды общественных и межличностных противоречий, труднопроходимые социальные и правовые конфликты» [3, с. 99]. Многие ученые поддерживают озвученную точку зрения, выделяя сильное отрицательное влияние на ухудшение криминальной обстановки в стране по причине сильного обеднения жителей в экономическом и духовном плане. В то же время процент жестоких корыстно-насильственных и насильственных преступлений в общей совокупности преступлений неуклонно растет.

Влияние теневого бизнеса на общество в период экономических потрясений серьезно увеличивается, приводя к различным злокачественным эффектам. Разрешенное предпринимательство затруднено по причине слабости правовых институтов, что приводит к расширению теневой экономики и криминализации социума, и данная ситуация становится одной из важнейших причин, сдерживающих рост отечественной промышленности, снижающих инновационный потенциал и эффективность совершенствования.

Преобразования в ряде институтов вместе с позитивными изменениями нередко приводят и к появлению трудностей в эволюции общественных отношений, превращающихся в катализатор роста преступности и нарушений прав организаций и обычных граждан. Поэтому установленные криминологией общественные детерминанты криминала полноценно приписываются и рассматриваемым преступникам. Одним словом, причины и условия преступности схожи с подобными проявлениями в области легализации (отмывания) материальных ценностей, приобретенных преступным путем. Отличием структуры финансовых преступлений считается доминирование в них причин корыстного и социального типа.

Причины и условия экономических преступлений по внутреннему содержанию делятся:

- 1) социально-экономические;
- 2) правовые;
- 3) организационно-управленческие.

Совокупность детерминант в этой противоправной деятельности включает общие причины и условия финансово-экономических преступлений, и особые, характерные лишь для области узаконивания нелегальных прибылей.

Сегодня ряд следующих системных показателей выступает главной угрозой социально-экономического прогресса государства: слабые инвестиции в отечественные активы; высокая инфляция; доминирование сырьевого сектора; отток капитала из страны; хозяйственная дисгармония, когда доля малых и средних предприятий в общем ВВП незначительна; большие транзакционные и производственные расходы в экономике; неэффективная роль государства в экономической жизни страны; дороговизна и недоступность социальных услуг при низких доходах граждан; слабый рост уровня жизни; ограниченность полномочий силовых ведомств, снижающая действенность их борьбы с криминалом в экономическом секторе.

Кроме того, хозяйственная деятельность государства страдает от разрушения традиционных рынков, от уменьшения притока денег в производство, от наличия большого объема незавершенных строительных объектов, от уничтожения сельскохозяйственного сектора.

Другой причиной социально-экономического характера, являющейся триггером легализации финансовых и прочих ценностей от криминальной деятельности, выступает высокая несоразмерность доходов граждан. Материалы Федеральной службы государственной статистики показывают неуклонный рост разрыва в росте благосостояния у бедных и богатых РФ. Еще два года назад разница достигала пятнадцати кратной величины, при этом многие эксперты считают данную цифру заниженной, ведь она не показывает тайные прибыли. Стремительное расслоение общества повлияло на падение духовно-нравственного потенциала людей. Жажда наживы любыми методами превратилась в первостепенную цель жизни многих индивидов. Поэтому неудивительно, что склонные к криминалу лица проникли и в бизнес среду.

Высокие налоговые обязательства также выполняют немаловажную миссию в череде неблагоприятных стимулов, толкающих людей к легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, нажитых криминальными методами. Вдобавок механизмы реструктуризации неисполненных обязательств по налогам у предприятий, находящихся в плачевном финансовом состоянии, применяются нерационально. Поэтому некоторые индивиды выводят деньги в серую зону и в дальнейшем пытаются их легализовать [4, с. 52].

Слабые усилия государства в корректировании экономических отношений относятся к обстоятельствам организационно-управленческого плана. Сегодня рынок беспощадно уменьшает свою зависимость от товаров и услуг, создаваемых

государственными предприятиями. Данная тенденция требует более строгого исполнения своих обязательств от надзорных институтов в слежении за исполнением действующего законодательства, и от государства по части усовершенствования правовых норм в предпринимательской среде. В действительности же либерализация экономических отношений носит бессистемный характер или ведется в интересах определенных социальных групп. Государственный контроль в экономическом, таможенном, валютном, финансовом направлении лишь в 1995 году получил законодательную базу. Но она до сих пор сохраняет массу противоречий и неурегулированных вопросов.

Недочеты в деятельности надзорных финансовых ведомств и правоохранительных структур за оборотом денег и повальная коррупция в рядах их сотрудников также относятся к факторам организационно-управленческого характера. Связь между противостоянием с коррупцией и отмыванием нечестно нажитых активов четко прослеживается. Процедура узаконивания криминальных капиталов позволяет эксплуатировать и управлять ими без угрозы их конфискации. Исследователь Е.Н. Кондрат выявил взаимосвязь и взаимообусловленность между продажностью силовиков и чиновников и узакониванием активов [5, с. 38]. Явление заключается в следующем, «необязательно легализуемые преступные деньги добываются путем коррупционных проступков, и наоборот, прибыли от коррупционной деятельности нуждаются в легализации, подтверждении законности владения и свободного повеления добытыми активами».

Сегодня коррупция резко вклинилась в число главных опасностей для национальной безопасности страны. Это явление превращает управленческую систему государства в пассивную механизм, дестабилизирует политическую и экономическую ситуацию в стране. Ю.И. Селивановская отмечает, что присутствие в ОПГ должностного лица — это явный признак противоправной финансовой активности, сопряженной с отмывкой денег и прочих ценностей, добытых криминальными методами [6, с. 201].

Качество банковской системы опять-таки влияет на своеобразие узаконивания денег и прочих активов, приобретенных незаконными приемами. Сегодняшняя криминальная активность, связанная с обелением прибылей от теневого бизнеса, характеризуется непрекращающимся усложнением отмывочных схем, повышением скорости незаконных транзакций и использованием транзитных счетов банковских структур, оборачивающихся для финансовых компаний в итоге запятнанной репутацией.

Число отозванных лицензий говорит о масштабе угрозы от криминальных деяний подобного рода.

По мнению специалистов, отмывание денег сегодня преимущественно происходит через небольшие, специально созданные под решение подобных задач, банки. Помимо этого преступники предпочитают для получения черного нала использовать аффилированные с банковской структурой фирмы-пустышки, когда по фальшивому договору этими деньгами оплачивается якобы предоставленная юридическая или консультационная помощь. Правоохранители в данный момент не могут нейтрализовать это явление. Вдобавок банки не имеют общей идейной базы, а надзор со стороны ЦБ недостаточен. И наконец, отмывочная процедура требует кадров, обладающих особыми знаниями и умениями. А силовые ведомства испытывают затруднения в наличии сотрудников подобной компетенции для борьбы с виртуозами криминального промысла.

Уголовно-правовое регулирование в экономической сфере мы подробно рассмотрели ранее. Учтем, что уголовное право играет только охранительную роль. А регуляторная функция является прерогативой частично банковского и финансового права. С занятой позиции у нас есть возможность, приводя в доказательство наработки экспертов, раскрыть трудности, помогающие легализации (отмыванию) материальных ценностей, приобретенных преступным путем. Например, позиция, видящая в росте процессов, сопряженных с отмывочным промыслом корыстный интерес людей, причастных к разработке правовой базы, тоже существует. Некоторые специалисты давно отмечают противоречивость формулировок в ряде правовых норм, помогающих преступникам избегать возмездия и вкладывать черный нал в легальный бизнес. Данное мнение считается радикальным, а мы думаем, что проблема скорее относится к области слабой проработки регулирующих механизмов в финансовой отрасли.

Значительность отмывания обуславливается большим числом факторов. Причем правовая необеспеченность множества общественных отношений и непроработанное построение нормативного материала, способствующее уходу от наказания благодаря лазейкам в законодательстве, занимают среди них главенствующую позицию. Частично данное положение дел объясняется трудностями согласования межгосударственных постановлений по противодействию легализации и умением преступников быстро придумывать новые схемы криминальных операций.

Вдобавок нормативные предписания в большом числе носят показной статус, характеризуются на-

личием терминов, не имеющих закрепленных законом определений, приводящих к правовым противоречиям. Приведенные обстоятельства серьезно препятствуют применению законодательных норм и используются для обхода законных преград. Специально выделим момент, когда коллизии присутствуют не только в границах одной области правового регулирования, но и во взаимодействии правовых норм различных отраслей права (этот парадокс мы ранее рассмотрели на примере сравнения терминологии Гражданского и Уголовного кодексов РФ, а также ФЗ «О противодействии отмыванию доходов»). Подчеркнем, сегодня Правительство Российской Федерации активно работает в направлении уточнения важнейших законодательных процедур и конкретизации некоторых понятий, относящихся к области экономических преступлений.

Злоумышленники, занимающихся отмыванием капиталов, обычно занимают высокое социальное положение. Данный факт предопределяется экономическим характером преступления, поэтому человек участвующий в незаконной схеме, нередко занимает руководящий пост, ведет бизнес, имеет в собственности недвижимость и прочие материальные блага.

Наблюдается рост случаев использования законных форм бизнеса в сложных криминальных схемах, связанных с перемещением неучтенных сумм. Причем незаконные комбинации разрабатываются и реализуются как самими предпринимателями разного масштаба, так и государственными и муниципальными чиновниками из разных ведомств. Справедливо замечание криминологов, указывающее на факт социально обеспеченных граждан, как главной движущей силы теневой экономики. Из чего напрашивается вывод: легализация (отмывание) денежных средств и прочих ценностей реализуется индивидами из преуспевающих слоев российских граждан, а это, по мнению ученых, обуславливается финансовыми потрясениями в социуме.

В.Ю. Эм верно подмечает, что «неохватно вырос интеллектуальный уровень индивидов, выбравших экономику полем преступного заработка, многократно возросло число приемов достижения незаконных намерений, в том числе с применением современных технологий и техники». ОПГ из России контактируют с зарубежными преступными группировками. Общение увеличивает масштабы теневое бизнеса и влияние преступных сообществ на общественную жизнь страны за счет роста коррупционных и неформальных связей с сотрудниками силовых ведомств. Подобные факторы неоспоримо серьезно осложняют противодействие рассматриваемым преступникам [7, с. 134].

Наличие алкогольного или наркотического пристрастия у преступника выступает еще одной значимой с криминологической точки зрения характеристикой его личности. В делах об отмыывании доходов данная особенность не фигурирует, что радикально отличает эту публику от остальных уголовников. Данное явление идет в разрез с мнениями ученых, считающих лиц, страдающих различными зависимостями и не имеющих постоянного дохода, основными катализаторами преступности.

Одновременно нередко преступники легализуют средства, добытые продажей наркотиков. Однако этот факт не говорит о наркотической зависимости злоумышленников.

Рассмотрим криминологическое описание правонарушителя, осуществляющего легализацию (отмыывание) денег или прочих ценных активов, полученных путем незаконной деятельности.

Традиционно к перечню криминологических отличий преступника причисляют следующие проявления: тип и категория совершенного преступления; фактор рецидива; вариант причастности к преступлению; значимость действий преступника в групповом незаконном действии; характер причиненного вреда; соразмерность наказания за проступок; прочее.

Ряд признаков имеют субъективную природу, а часть объективные черты. Уголовно-правовые признаки личности уголовника в основном отображают характер совершенного посягательства и причиненного им ущерба, назначенное за его совершение наказание, предыдущее поведение лица.

Для данного исследования объективные признаки криминологического описания личности преступника не представляют научной ценности, по причине своей определенности и незыблемости. К примеру, в экономических проступках прямой умысел всегда выступает формой вины, категория незаконного деяния оценивается по величине опасности преступления для социума, и в окончательном итоге суровостью возмездия, назначенного за отмыывание активов, добытых криминальными методами.

Важнейшим признаком личности преступника выступает присутствие у него судимости за ранее совершенные проступки. Значение института судимости в криминологии и уголовном праве трудно переоценить.

Выводы из вышеприведенного материала подталкивают к мысли о необходимости расследования преступлений, тщательно и всесторонне изучая каждый случай. Кроме всего прочего они послужат принципами для построения эффективной профилактики криминальной активностью.

Что же касается именно легализации (отмыывания) денежных средств, то судимость, как существенная черта личности уголовно-правового плана, не считается в изучаемом случае важным обстоятельством. Но между тем изучение уголовных дел показывает, что более 70% наказанных за отмыывочную деятельность, ранее привлекались к ответственности за схожие проступки.

Наличие соучастия и его разновидность представляет интерес очередным уголовно-правовым признаком личности злоумышленника. Уголовная практика подтверждает, что в списке экономических преступлений соучастие в криминальных операциях выступает отнюдь не редким деянием. Корусть считается доминирующим мотивом исполнения легализации (отмыывания) денег и прочих ценных активов, извлеченных преступными манипуляциями. При том что это проявление не указывается в структуре состава преступления, криминологи в изучаемой нами категории преступлений не видят прочих стимулов к их исполнению.

Подводя итог, отметим, что причины осуществления легализации (отмыывания) денег или прочих ресурсов, представляющих ценность, полученных преступными методами, и условия, потворствующие их проявлению, базируются на законах бытия и эволюции социума, а отечественная криминологическая наука подтверждает этот факт. Факторы, создающие плохую картину в области противоборства с отмыывочными деяниями, обладают объективными и субъективными характеристиками, выражаются прочной взаимосвязью и детерминируют друг дружку. Наиболее важными из них являются: обнищание граждан, обесценивание денег, поляризация на бедных и богатых, снижение доходности бизнеса, предприниматели, не брезгающие криминальными методами ведения дел, низкая духовная и культурная развитость населения, неразвитость банковской системы, коррупция, сырые законы, недостаточная финансовая грамотность, кадровый голод силовых ведомств, недостаточный уровень правосознания обычных граждан и предпринимателей.

Личность преступника, реализующего противоправные деяния, обладает рядом исключительных черт. Исполнители схем узаконивания преступных доходов обычно приходятся выходцами из обеспеченных слоев социума, нередко считаются успешными бизнесменами, имеют в собственности недвижимость и прочие ценности. Анализ судебных материалов показывает, что экономические проступки в основном совершают мужчины. Преступниками становятся и лица, со-

стоящие в браке, и несемейные индивиды. Выводы исследований говорят о хорошем уровне образования и навыках предпринимательства у лиц, причастных к экономическому преступлению в сравнении с прочими уголовниками. Но данные обстоятельства не становятся преградой для появления корыстной мотивации, дающей стимул для свершения легализации (отмывания) капиталов, имеющих криминальный след. Из личностных признаков преступника наличие у него

прошлых судимостей для криминологии экономических преступлений не является важным обстоятельством. В общей массе осужденных доля наказанных за деятельность по отмыванию денег не характеризуется большими цифрами. Личная корысть является главным стимулом к совершению криминального проступка экономического толка. Приведенные факторы требуют обязательного учета в момент разработки мероприятий по предупреждению финансовых преступлений.

Литература

1. *Пинкевич Т.В.* Криминологическая характеристика экономической преступности в России. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2001. 139 с.
2. *Новиков О.В.* Детерминация и механизм преступного поведения несовершеннолетних в составе организованных преступных групп. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. 266 с.
3. *Пивоварова Н.Н.* Криминальные банкротства: проблемы уголовно-правового регулирования и противодействия: по материалам Краснодарского края: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 229 с.
4. *Макаров О.В.* Правовой режим государственного регулирования экономики и предпринимательской деятельности: содержание, проблемы, формы // *Нотариус*. 2019. № 2. С. 50–55.
5. *Сорокин Д.Е.* Россия в глобализирующемся мире: стратегия конкурентоспособности. М.: Наука, 2017. 193 с.
6. *Селивановская Ю.И.* Деятельность организованных преступных групп в сфере несостоятельности (банкротства). М: Юрлитинформ, 2019. 256 с.
7. *Эм В.Ю.* Компаративный анализ уголовного законодательства об ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // *Общество и право*. 2018. № 1. С. 132–138.

References

1. *Pinkevich T.V.* Kriminologicheskaya harakteristika ekonomicheskoy prestupnosti v Rossii [Criminological characteristics of economic crime in Russia]. Stavropol, Stavropol'servisshkola Publ., 2001. 139 p. (In Russian)
2. *Novikov O.V.* Determinatsiya i mekhanizm prestupnogo povedeniya nesovershennoletnih v sostave organizovannyh prestupnyh grupp [Determination and mechanism of criminal behavior of minors in the structure of organized criminal groups]. Blagoveshchensk, BSPU Publ., 2017. 266 p. (In Russian)
3. *Pivovarova N.N.* Kriminal'nye bankrotstva: problemy ugovovno-pravovogo regulirovaniya i protivodejstviya: po materialam Krasnodarskogo kraja [Criminal bankruptcy: problems of criminal law regulation and counteraction: based on materials from Krasnodar region]. Diss. ... kand. yur. nauk. Krasnodar, 2010. 229 p. (In Russian)
4. *Makarov O.V.* Pravovoj rezhim gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomiki i predprinimatel'skoj deyatel'nosti: sodержanie, problemy, formy [Legal regime of state regulation of economy and business activity: content, problems, forms]. *Notarius [Notary]*, 2019, no. 2, pp. 50–55. (In Russian)
5. *Sorokin D.E.* Rossiya v globaliziruyushchemsya mire: strategiya konkurentosposobnosti [Russia in the globalizing world: strategy of competitiveness]. Moscow, Nauka Publ., 2017. 193 p. (In Russian)
6. *Selivanovskaya Yu.I.* Deyatel'nost' organizovannyh prestupnyh grupp v sfere nesostoyatel'nosti (bankrotstva) [Activities of organized criminal groups in the field of insolvency (bankruptcy)]. Moscow, YurLitinform Publ., 2019. 256 p. (In Russian)
7. *Em V.Yu.* Komparativnyj analiz ugovovnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za legalizatsiyu (otmyvanie) denezhnyh sredstv ili inogo imushchestva, priobretennyh prestupnym putem [Comparative analysis of the criminal law on liability for the legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means]. *Obshchestvo i pravo [Society and Law]*, 2018, no. 1, pp. 132–138. (In Russian, abstract in English)

КРИМИНАЛИСТИКА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЕДЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Асаенок Борис Валерьевич

***Цель:** формирование научно-теоретических основ системы криминалистического образования применительно к субъектам ведения административного процесса.*

***Методология:** диалектический материализм, системно-деятельностный подход, криминалистический анализ, криминалистическая классификация.*

***Выводы.** Традиционные подходы к криминалистическому образованию и формированию криминалистического мышления в русле исследуемой тематики уместны только на первой ступени высшего образования и на переподготовке. Особая роль в получении криминалистических компетенций субъектов ведения административного процесса лежит на повышении квалификации, служебной подготовке и ведомственном нормотворчестве.*

***Научная и практическая значимость.** Автором проведен анализ существующих взглядов на криминалистическое образование с позиций их применимости к субъектам ведения административного процесса, разработаны рекомендации о формировании системы криминалистического образования в этой сфере, предложены различные уровни криминалистического образования применительно к профилю таких субъектов.*

***Ключевые слова:** административный процесс, административная деятельность, криминалистическое обеспечение; криминалистическое образование, криминалистическая дидактика, уровни образования, повышение квалификации, служебная подготовка, локальное нормотворчество, профилю обучения.*

Обзор общих положений криминалистической дидактики

В настоящее время криминалистическое обеспечение административного процесса (*именно этот термин будет использоваться в настоящей статье, поскольку им оперирует законодательство Республики Беларусь; в Российской Федерации – производство по делам об административных правонарушениях*) является уже достаточно устоявшимся учением в криминалистике. Оно охватывает технико-, тактико- и методико-криминалистическое обеспечение. Традиционно криминалистическое обеспечение иных видов правоохранительной деятельности включает в себя также и криминалистическое образование (криминалистическую

дидактику). Однако этот элемент криминалистического обеспечения административного процесса в настоящее время практически и не исследовался. В данной статье мы попытаемся осуществить обзор и классификацию научных взглядов на криминалистическое образование и рассмотреть вопрос о применимости тех либо иных научных подходов в интересах криминалистического обеспечения административного процесса.

Как указывал в своем науковедческом исследовании К.В. Бугаев, интерес к криминалистической дидактике в русскоязычном секторе криминалистики постоянно рос с 1992 по 2015 год. В этот период публикационной активностью по данной тематике отметились более 100 авторов.

Но и за последние пять лет количество исследований в данной сфере составляет более ста семидесяти [1, с. 13–14].

Одним из первых с позиций фундаментального исследования криминалистической дидактики обратился В.Г. Коломацкий [2]. Интересно, что он также одним из первых поставил в качестве задачи криминалистического обучения выработку основ криминалистического мышления [2, с. 10].

Наряду с обучением в системе высшего образования, криминалистическое обучение, по его мнению, распространяется также на послевузовское самообучение и организованное повышение квалификации [2, с. 9]. На аналогичные компоненты, вузовский и послевузовский, обращают внимание С.В. Лаврухин и Ю.С. Комягина, добавляя к послевузовскому компоненту кроме самообразования и повышения квалификации также и профессиональную деятельность [3, с. 16]. О важности дополнительного профессионального образования в качестве получения постдипломных компетенций говорит И.В. Харченко [4].

Во многом вопросы формирования криминалистического мышления, поддерживая мнение В. Г. Коломацкого, развил в своих работах И. М. Комаров, говоря о том, что криминалистические знания и криминалистическое мышление являются важными факторами успеха специалиста в различных сферах юридической деятельности [5, с. 299]. Также И. М. Комаров предлагает определить криминалистическую дидактику как криминалистический институт [6, с. 81], а криминалистическое мышление как междисциплинарное юридическое понятие [7, с. 76]. О важности криминалистического мышления для формирования юриста в различных сферах говорит и белорусский ученый-криминалист В.М. Логвин [8, с. 204].

В рамках компетентностного подхода к вопросам криминалистического образования обращался М. К. Каминский, указывая, что современные курсы криминалистики не способствуют формированию способностей криминалистической мыслительности. А поэтому, по его мнению, такие курсы не содержат ни теории, ни методологии криминалистики [9, с. 129]. Ранее эта мысль им обосновывалась через следующий тезис: «знание всегда связано с нормами пакетов стратифицированных программ проектирования, подготовки, выполнения конкретного действия. Утверждение, не связанное с методом построения действия, не есть знание» [10, с. 103]. И с этим сложно не согласиться.

Данное направление в исследовании криминалистической дидактики в полной мере можно назвать обоснованием в системе юридического

образования значения криминалистики в качестве методологической учебной дисциплины, имеющей универсальный междисциплинарный характер для обеспечения процесса доказывания юридически значимых фактов.

Наряду с теоретическими методологическими основами постепенно стали развиваться и «отраслевые» направления криминалистической дидактики. Их, весьма условно, можно разделить по системному, субъектному и объектному критериям.

Субъектный критерий определяет особенности криминалистического образования в зависимости от категории обучаемых, из которых основными являются следователи и судебные эксперты. Это наиболее частые адресаты разработки криминалистических знаний. Однако в последнее время выкристаллизовывается интерес криминалистики к деятельности органов дознания. И если изначально такой интерес касался только органов внутренних дел (милиции, полиции), то со временем, видимо, с учетом насущных потребностей заказчиков исследований, которые «милицейская криминалистика» не в полной мере удовлетворяет, внимание ученых-криминалистов и криминалистической дидактики было обращено и на другие сферы. Так, О.Э. Набатова предложила авторский взгляд на формирование криминалистических знаний на первой ступени высшего образования (специалист) для курсантов системы МЧС и разработала и обосновала систему компонентов криминалистической подготовки в данной сфере, которая включает изучение: научно-технических средств, используемых при проведении неотложных следственных действий, и тактику проведения таких действий, криминалистическую характеристику поджогов и преступного нарушения правил пожарной безопасности и некоторые другие аспекты [11, с. 127]. О необходимости криминалистической подготовки по отдельным вопросам служебной деятельности вневедомственной охраны Росгвардии говорили Н.В. Шухова и А.Н. Сливкин [12]. Многоступенчатую систему криминалистической подготовки предлагают отдельные авторы в рамках системы исполнения наказаний. Такая подготовка должна, по их мнению, включать получение криминалистических знаний соответствующей специализации при: первоначальной подготовке, получении высшего образования, повышении квалификации, самообразовании, проведении занятий по служебной подготовке [13, с. 114]. Эти взгляды на субъектный подход в криминалистическом образовании особо выгодными представляются именно для подготовки сотрудников различных органов дознания, где

осуществляется учет полномочий конкретного государственного органа. Для Республики Беларусь актуальной является разработка специфичных аспектов криминалистического образования для органов пограничной службы, органов финансовых расследований, таможенных органов.

Системный критерий предусматривает особенности обучения криминалистике в зависимости от изучаемого раздела: криминалистическая техника, криминалистическая тактика и криминалистическая методика. Здесь наиболее масштабно выкристаллизовываются позиции криминалистической дидактики в отношении обучения криминалистической техники [14, 15 и др.]. Условность названных выше критериев обусловлена тем, что системный критерий зачастую смыкается с субъектным. Поэтому наиболее распространенными работами являются те, которые рассматривают специализированное обучение экспертов криминалистической техники [16, 17 и др.], а следователей и судей – криминалистической тактике [15]. В первом случае криминалистическая дидактика переросла в достаточно самостоятельное направление – судебно-экспертную дидактику [19, 4]. Хотя в отдельных случаях и говорится о криминалистическом образовании различных категорий сотрудников правоохранительных органов, но такое образование рассматривается в контексте криминалистического обеспечения их деятельности [13, с. 14].

Объектный критерий проявляется в рассмотрении криминалистического образования в качестве составного элемента криминалистического раскрытия и расследования соответствующих группы или вида преступлений. Следует согласиться с мнением ряда авторов, что элементом криминалистического образования в данном случае являются те специальные знания, которые должны быть присущи специалисту при расследовании определенных видов и групп преступлений [20, с. 128].

Криминалистическое образование на первой ступени высшего образования и переподготовке

Во всех публикациях по криминалистическому обеспечению того либо иного рода деятельности (чаще, раскрытия и расследования преступлений) криминалистическое образование внешне выполняет вторичную функцию – донесения соответствующих компетенций до конкретного исполнителя. Однако, как видится, даже сами авторы не в полной мере учитывают то, что они опосредованно (через читающих публикации ученых и преподавателей, обучаемых, практических работни-

ков) или, в меньшей степени, непосредственно, осуществляют и функцию криминалистического образования. Хотя, как видится, распространение научного исследования на максимальное количество заинтересованных адресатов есть подспудная и главная задача каждого автора квалифицированного и практически значимого исследования. Поэтому публикации по криминалистическому обеспечению при четком понимании роли и места криминалистической дидактики представляются наиболее эффективным и перспективным способом доведения включения нового криминалистического знания в систему компетенций соответствующего субъекта применения криминалистических рекомендаций.

И здесь хотелось бы уже непосредственно обратиться к тематике статьи. Криминалистическое обеспечение административного процесса в различных интерпретациях является не новой, но и не в полной мере разработанной проблематикой. Наибольший удельный вес здесь занимают публикации по технико-криминалистическому обеспечению и использованию специальных знаний. Хотя наметились и более широкие криминалистические подходы [21–23 и др.].

Вместе с тем научный интерес не трансформировался в конкретные шаги, связанные с криминалистической дидактикой. Авторы учебных курсов и учебных публикаций в сфере криминалистики традиционно отказывают криминалистическому обеспечению административного процесса в месте в системе преподавания криминалистики. Хотя таковые потребности уже почти как полтора десятка лет актуализированы в научном исследовании С.Л. Нестерова. Так, в структуре криминалистического обеспечения административной деятельности он выделяет:

- «криминалистические научные разработки;
- криминалистическую подготовку сотрудников, осуществляющих административную деятельность;
- криминалистические средства, приемы и методы, предназначенные для указанных лиц» [24, с. 10].

Этим же автором в качестве одной из наиболее актуальных задач криминалистики в сфере криминалистической подготовки указана разработка адресных курсов для сотрудников, осуществляющих административную деятельность [24, с. 12].

Нами были изучены несколько десятков находящихся в открытом доступе учебных программ по криминалистике: российских и белорусских; для систем среднего специального образования, высшего образования и магистратуры, подготовки

к кандидатскому экзамену по криминалистике; учебных заведений общего юридического профиля и ведомственных учебных заведений. И нигде в системе преподавания криминалистики как учебного курса не удалось обнаружить тем по криминалистическому обеспечению административного процесса. Как, впрочем, и тематики по криминалистическому обеспечению прокурорской, судебной, нотариальной или иной юридической деятельности, имеющей криминалистическую составляющую.

Учитывая фундаментальное значение криминалистики для процесса доказывания (о чем уже говорилось выше), криминалистические подходы следовало бы в большей степени использовать обучении будущих юристов и правоприменителей, вообще, по различным сферам деятельности. Мы в полной мере солидаризируемся с мнением, Т.С. Волчецкой о возможности непосредственного применения криминалистических рекомендаций по делам о ДТП в рамках и уголовного, и административного процессов. Развивая эту мысль, она уточнила, какая криминалистическая тематика имеет наибольшую актуальность для административного расследования: «в научном осмыслении проблем административного расследования могут найти широкое применение: положения теории идентификации; положения следоведения, исследующие закономерности обнаружения, выявления и фиксации материально-фиксированных следов; особенности использования научно-технических средств в административном расследовании; криминалистическое учение о версии; тактические вопросы назначения экспертиз» [25, с. 350].

Учитывая сказанное выше, считаем важным предложить более широкий взгляд на преподавание криминалистики в интересах повышения эффективности ведения административного процесса. Здесь используется и опыт научного осмысления рассматриваемой проблематики, и собственный опыт преподавания автора в ряде учебных заведений, готовящих специалистов для правоохранительных ведомств.

Глубоким убеждением автора является отсутствие необходимости в выдумывании некоего фантома «административной криминалистики» в качестве самостоятельной учебной дисциплины в системе высшего юридического образования. Эта учебная дисциплина не будет являться самостоятельной с позиций системы, предмета и метода. Вместе с тем, осуществление обучения криминалистическому обеспечению административного процесса в качестве самостоятельного блока или модуля в рамках традиционной учебной дисциплины вполне возможно.

Объяснить такой подход можно тем, что в системе высшего юридического образования отсутствует профиограмма специалиста, который бы осуществлял лишь ведение административного процесса. Чаще всего ведение административного процесса совмещается с осуществлением ряда иных правоохранительных функций: производство дознания, осуществление административной деятельности и оперативно-розыскной деятельности. По сути своей это есть профиограмма будущей деятельности сотрудника органа дознания. Но такие знания могут быть востребованными и в прокурорской, и в судебной деятельности. Важно, чтобы само содержание было максимально приближено к специфике деятельности того либо иного государственного органа.

Внутреннюю структуру такого модуля можно организовать двумя способами: в качестве самостоятельной структурной единицы изучаемой учебной дисциплины и в качестве специализированных вопросов при изучении соответствующих тем курса криминалистики. Так, к примеру, для таможенных органов самостоятельный модуль криминалистического обеспечения административного процесса (проходится после изучения основного курса криминалистики) может выглядеть следующим образом:

- технические средства таможенного контроля, используемые для выявления и пресечения административных правонарушений;
- организация и тактика выявления и пресечения административных правонарушений (таможенный осмотр, досмотр идентификация и др.);
- использование специальных знаний и возможности таможенных экспертиз;
- организация и тактика процессуальных действий при ведении административного процесса (административное задержание, личный обыск, опрос и др.);
- тактические комплексы административно-юрисдикционных (таможенный контроль) и процессуальных действий;
- методика ведения административного процесса по отдельным видам административных таможенных правонарушений.

При ином подходе технические средства таможенного контроля изучаются в рамках близких тем криминалистической техники и тактики. Организация и тактика различных форм таможенного контроля и процессуальных действий рассматривается в соответствующих темах криминалистической тактики с указанием специфики таможенной деятельности. Это же касается методики ведения административного процесса

и тактических комплексов. Такой подход более экономичный по времени, но в меньшей степени обращает внимание на специфику выявления и пресечения конкретного вида административных правонарушений.

Оба подхода в полной мере применимы для обучения сотрудников различных правоохранительных ведомств, в полномочия которых входит и производство дознания, и ведение административного процесса. Подойдет эта концепция и для подготовки специалистов вне системы высшего юридического образования. В этом случае следует в большей мере обращать внимание на:

- специфику деятельности данного государственного органа;
- соотношение объема различных правоохранительных полномочий;
- избрание наиболее рационального распределения часов на изучение тех либо иных тем.

То есть в рамках неюридического образования изучение проблематики, не связанной непосредственно с деятельностью данного государственного органа не только нецелесообразно, но и вредно. Это мешает подготовке специалиста. Таким образом, в зависимости от содержания правоохранительной деятельности исключению могут быть подвергнуты многие темы общей теории криминалистики и криминалистической техники. Но, как видится, обязательными к изучению в силу своего значения являются: криминалистическая идентификация и диагностика; криминалистическая фотосъемка и видеозапись; криминалистическая регистрация. Для органа дознания (применительно к уголовно-процессуальному законодательству Республики Беларусь) не столь обязательным может быть изучение тактики последующих следственных действий. Если же функция ведения административного процесса превалирует над функцией дознания (в количественном, временном, ресурсном аспектах), то, возможно, правильным будет и криминалистической подготовке больше внимания уделять организации и тактике административно-юрисдикционной деятельности и административного процесса. В методике ведения административного процесса вообще не должно быть места административным правонарушениям, не относящимся к компетенции данного государственного органа. И при таком взгляде можно будет признать справедливым мнение С.Ю. Якушина о том, что «крайне заманчива и обоснованна перспектива трансформации предмета криминалистики из полицейской науки в информационную, базовую науку по отношению ко всем отраслям права» [18, с. 161].

Предлагаемые рекомендации в большей мере применимы и для системы переподготовки. Как правило, лицо, проходящее переподготовку, имеет достаточно четкое представление, для чего ему нужна данная специальность, более рационально рассматривает перспективы использования полученных компетенций. Поэтому и здесь крайне желательно узко «специализировать» курс криминалистики под получаемую специальность. В Республике Беларусь около семидесяти субъектов ведения административного процесса. Как видится, что некоторым из них может понадобиться на системность процесса доказывания, которую дает криминалистика. Здесь специалист может быть эффективно обучен тому специфическому стилю мышления, который был назван криминалистическим мышлением (вне рамок высшего образования первой ступени и переподготовки выработка криминалистического мышления нам представляется мало возможной). В свою очередь, криминалисты (преподаватели, ученые, практики) получают новый опыт, позволяющий вывести криминалистику на иной фундаментальный уровень научного познания противоправной деятельности.

Криминалистическое образование в системе других элементов дополнительного образования взрослых

Говоря о системе криминалистического образования вне указанных сфер, следует обратить внимание на то, что криминалистическое обучение соответствующих специалистов возможно осуществлять в рамках:

- первоначальной подготовки;
- повышения квалификации;
- служебной подготовки.

В рамках первоначальной подготовки будущий специалист (возможно, и без высшего или среднего специального образования) может получить лишь общие представления о криминалистической деятельности. Так ему могут быть даны знания о наиболее часто встречающихся следах и иных доказательствах по данной категории административных правонарушений, самых общих чертах разъяснены некоторые тактические приемы осуществления процессуальных действий. Нередко такая подготовка ведется на уровне заучивания алгоритмов действий, где каждое последующее действие связано с предыдущим и наличествует небольшое количество позиций выбора. Также на уровне первоначальной подготовки доводится информация о том, что не следует делать при ведении административного процесса: как с точки зрения законодательства, так и из тактических со-

ображений (например, оставлять предметы правонарушения в пределах возможного посягательства задержанного лица).

Повышение квалификации (как в рамках самостоятельного курса, так и в рамках отдельных краткосрочных семинаров) является также чрезвычайно эффективной формой получения специалистами соответствующих криминалистических компетенций. Как правило, на повышение квалификации направляются уже лица, обладающие определенным опытом практической деятельности (в том числе, и в сфере ведения административного процесса). Если их сфера деятельности не относится напрямую к правоохранительной, то они, как правило, имеют крайне малые знания в сфере криминалистики либо не обладают таковыми вообще. И здесь представление им криминалистических знаний и умений должно сочетаться с четким пониманием, какие именно компетенции им нужны. Так, в частности, важно изучить их полномочия вне рамок ведения административного процесса, установить полномочия по видам административных правонарушений, в отношении которых ими ведется административный процесс (и на какой стадии они этот процесс ведут). Кроме того, преподавателю желательно получить представление о видах и формах используемых специальных знаний. Как правило, наибольший интерес на таких курсах и семинарах представляет разбор совместно с обучаемыми вопросов собирания и закрепления доказательств. И здесь криминалистика может представить обучаемым соответствующий алгоритм на основе методики расследования преступлений. В своем минимальном состоянии такой алгоритм содержит следующие элементы:

- типичная следовая картина тех либо иных способов совершения данного правонарушения;
- типичный правонарушитель;
- обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию;
- типичные ситуации на первоначальном этапе ведения административного процесса (наиболее простые, в зависимости от установления виновного лица и информации о нем);
- административно-юрисдикционные действия по выявлению правонарушения, используемые системы учета информации (базы данных);
- процессуальные действия первоначального и последующего этапов ведения административного процесса.

Эту схему автор неоднократно использовал при обучении не только сотрудников правоохранительных органов, но и, к примеру, при проведении

повышения квалификации такой специфичной группы правоприменителей, как председатели сельсоветов. При получении качественной обратной связи с обучаемыми преподаватель имеет возможность существенно доработать и сделать более адресными криминалистические рекомендации применительно к каждой категории обучаемых.

Конечно же, вряд ли стоит говорить о формировании криминалистического мышления в процессе повышения квалификации правоприменителей в сфере административного процесса. Такое мышление может быть сформировано только при прохождении всего курса криминалистики, даже если он специализирован под отдельную сферу (таможенную, пограничную, финансовую и др.). Но, представляя обучаемым при повышении квалификации криминалистические алгоритмы, преподаватель одновременно дает и наглядное представление о криминалистических средствах и методах, порядке их применения в административном процессе. Практика преподавания показывает, что наибольший практический интерес вызывают: возможности использования специальных знаний и получения информации из различных баз данных (в том числе криминалистического характера), ситуалогический метод, тактические приемы опроса (в частности, приемы преодоления лжи), способы и приемы запечатлевающей фотосъемки при осмотре и некоторые другие. При этом очень важна адаптация этих и других криминалистических рекомендаций под конкретную целевую аудиторию.

Чрезвычайно важными элементами криминалистического образования являются служебная подготовка и локальное нормотворчество. Мы сознательно объединяем эти два аспекта, поскольку у них единые субъект и объект проведения. Субъектом здесь является руководство соответствующего государственного органа, обладающего полномочиями на ведение административного процесса, а объектом — сотрудники государственного органа, непосредственно реализующие эти полномочия на различных уровнях. При этом имеет место практика, когда в соответствующем государственном органе на одно из его подразделений возлагается обязанность по контролю и обобщению практики ведения административного процесса и осуществлению методической помощи нижестоящим подразделениям. Эта помощь может выражаться и в осуществлении разовых консультаций, оказании содействия в устранении замечаний, указанных при рассмотрении дел, в актах прокурорского реагирования, разработке различных методических

рекомендаций по организации и порядку проведения административного процесса. В отдельных случаях такие рекомендации могут носить выраженный организационно-тактический характер. В качестве примера можно привести следующие правовые акты:

О некоторых вопросах ведения охотничье-го хозяйства: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 мая 2014 г., № 423: в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 9 июля 2018 г.;

Об утверждении Инструкции о порядке осуществления досмотра в целях обеспечения авиационной безопасности: постановление Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь и Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 1 марта 2017 г., № 4/54;

Об утверждении Положения о порядке досмотра уполномоченными должностными лицами органов рыболовного контроля вещей, транспортных средств, орудий добычи рыбы, продукции рыболовства в рыболовных угодьях либо прилегающей к ним территории на расстоянии до одного километра от береговой линии: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 13 апр. 2015 г., № 297: в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 27 июня 2018 г. и некоторые другие.

В них, в частности, приведены отдельные тактические приемы проведения досмотра, предупреждающие возможность сокрытия искомых объектов, указан порядок опроса соответствующих лиц и некоторые другие аспекты тактического характера. Также в качестве хорошего примера ведомственной работы организационно-методического характера может служить следующее учебное издание: Афанасьев Н. И. Учебник пограничника / Н. И. Афанасьев, Н. П. Бут, А. С. Дылдин и др.; под ред. П. И. Зырянова. М.: Воен. из-во МО СССР, 1967. Оно представляет собой классический пример долголетней кропотливой работы по анализу практики деятельности пограничных войск, содержит многочисленные тактические рекомендации (в том числе и криминалистического характера), адаптированные под целевую аудиторию. Автору известен ряд иных аналогичных изданий (закрытого характера) различных правоохранительных органов.

Хотя некоторые из правовых актов и принимаются на правительственном уровне, но, очевидно, что их подготовкой занималось именно профильное ведомство. В этом контексте следует еще раз подчеркнуть важность наличия организационно-методической работы в государственных органах, ведущих административный процесс, а также то, что эффективность такой работы существенно по-

вышается, когда она осуществляется должностными лицами, обладающими высшим юридическим образованием с обязательным компонентом изучения криминалистики. Это позволяет расширять применение криминалистического мышления на все более широкие и разнообразные сферы в интересах повышения эффективности ведения административного процесса.

Взаимопроникновение служебной подготовки и ведомственного нормотворчества находит выражение в следующих наиболее распространенных формах криминалистической подготовки в интересах ведения административного процесса:

- разработка правовых актов, содержащих положения организационно-тактического характера;
- разработка методических рекомендаций (методических писем, памяток и т.п.), посвященных вопросам технико-криминалистического и организационно-тактического характера;
- разработка обзоров и обобщений практики ведения административного процесса;
- проведение занятий в системе служебной подготовки (самостоятельно или с приглашением внешних специалистов), посвященных вопросам применения криминалистических знаний;
- консультирование отдельных правоприменителей по вопросам криминалистического характера.

Мы не считаем правильным преувеличивать возможности самообразования в криминалистической подготовке соответствующего правоприменителя в сфере административного процесса. Сложно говорить о получении системных компетенций в рамках самообучения вне образовательной системы. Но самостоятельная работа под руководством преподавателя зарекомендовала себя в качестве эффективной формы получения соответствующих криминалистических знаний и умений. В этой связи, как видится, существенное содействие могут оказать средства сетевой коммуникации (в частности, YouTube-каналы), демонстрирующие практические возможности криминалистики.

Таким образом, относительно систем криминалистического образования применительно к ведению административного процесса можно заключить следующее:

- только на уровнях первой ступени высшего юридического образования и переподготовки можно говорить о возможности формирования у обучаемых криминалистического мышления. При этом на указанных уровнях следует стремиться к тому, чтобы получаемые знания предусматривали специализацию обучаемых

- применительно к будущей профессии, особенно если такое образование осуществляется в сфере ведомственных учебных заведений;
- важное значение в криминалистическом образовании субъектов ведения административного процесса занимают курсы и семинары повышения квалификации. При этом не следует усложнять их программу, а обеспечить получение наиболее важных компетенций по сборанию и закреплению доказательств криминалистическими средствами и методами;
 - служебная подготовка и локальное нормотворчество представляют собой самостоятельные ресурсы криминалистического образования, которые, будучи использованными системно и квалифицированно, могут существенно повысить качество работы соответствующего правоприменителя.

Литература

1. *Бугаев К.В.* Криминалистическая дидактика: современная ситуация и тенденции // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2019. № 4 (32). С. 12–18.
2. *Коломацкий В.Г.* Курс криминалистики (дидактика и методика): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 30 с.
3. *Лаврухин С.В., Комягина Ю.С.* Современное образование и преподавание криминалистики // Право и образование. 2013. № 12. С. 14–26.
4. *Харченко И.В.* О совершенствовании дополнительного профессионального образования по подготовке сотрудников экспертно-криминалистических подразделений МВД России // Актуальные вопросы инженерно-технических экспертиз: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2018. С. 112–116.
5. *Комаров И.М.* Криминалистическая дидактика: современные проблемы // Современные проблемы науки и правоприменительной практики: Сборник научных статей, посвященный 50-летию Юридического факультета БФУ им. И. Канта. Калининград, 2017. С. 296–303.
6. *Комаров И.* Размышления о криминалистической дидактике // Problemy Współczesnej Kryminalistyki. Т. XXII. 2018. С. 81–96.
7. *Комаров И.М., Ян Е.И.* Криминалистическое образование в России // Уголовное судопроизводство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы V Международной научно-практической конференции. Симферополь-Алушта, 2018. С. 74–76.
8. *Логвин В.М.* О некоторых проблемных вопросах развития отечественной криминалистики // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. 2016. № 13. С. 202–206.
9. *Каминский М.К.* Вульгарный материализм и его пагубность для криминалистики и криминалистического образования // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. Т. 26. Вып. 4. С. 126–130.
10. *Каминский М.К.* Специальные знания – сила? // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2011. Вып. 2. С. 101–103.
11. *Набатова А.Э.* О формировании криминалистических знаний у обучающихся на I ступени высшего образования по специальности «Предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций» // Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2013. Т. 2. № 1 (2). С. 127–130.
12. *Шухова Н.В., Сливкин А.Н.* Об актуальности практического образования и криминалистического обеспечения деятельности ВО ВНГ России // Сборник материалов криминалистических чтений (Барнаульский юридический институт МВД России). 2019. № 16. С. 82–84.
13. *Кабанова Ж.Ю., Шлее И.П.* О видах криминалистического обеспечения деятельности исправительных учреждений // Вестник Кузбасского института. 2017. № 3 (32). С. 112–117.
14. *Мамытова А.Б.* Проблемы подготовки субъектов экспертно-криминалистической деятельности в Кыргызской Республике // Наука, новые технологии и инновации. 2018. № 5. С. 124–126.
15. *Пакалина Д.И.* Дидактические основы обучения дисциплине «Технико-криминалистическая экспертиза документов» в Московском государственном университете МВД им. В.Я. Кикотя // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 5. С. 65–69.
16. *Перепечина И.О.* Криминалистическая и экспертная дидактика в условиях применения сложных инновационных судебно-экспертных технологий // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 2. С. 16–19.

17. *Перепечина И.О.* О разработке на юридическом факультете МГУ программы дополнительного профессионального образования «Криминалистическая ДНК-идентификация: базовый курс (для экспертов-криминалистов) // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 5. С. 69–72.
18. *Якушин С.Ю.* Криминалистическая тактика: вопросы преподавания // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 4. С. 159–168.
19. *Россинская Е.Р.* Современные проблемы судебно-экспертной дидактики // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 12. С. 58–67.
20. *Чиченов Е.В., Шукин В.И., Малыгина Е.А.* Криминалистическое образование как элемент криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте // Право: история и современность. 2020. № 1 (10). С. 123–130.
21. *Фоченкова Н.А.* Использование криминалистических знаний при обнаружении и исследовании доказательств в административном процессе (по материалам России и Литвы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2003. 19 с.
22. *Андреев К.А.* Проблемы системного анализа административного расследования в таможенных органах в оффенсолистике // Ленинградский юридический журнал. 2009. № 3 (17). С. 123–131.
23. *Нестеров С.Л.* Криминалистическое обеспечение административной деятельности органов внутренних дел: Дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09. С.-Пб., 2006. – 174 с.
24. *Нестеров С.Л.* Криминалистическое обеспечение административной деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 23 с.
25. *Волчецкая Т.С.* Современные направления развития криминалистики как науки и учебной дисциплины // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 1. С. 349–353.

Referencies

1. *Bugaev K.V.* Kriminalisticheskaya didaktika: sovremennaya situaciya i tendency [Criminalistic didactics: modern situation and trends]. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionnyh tekhnologij [Bulletin of the Siberian Institute of Business and Informational Technology]*, 2019, no. 4 (32), pp. 12–18. (In Russian)
2. *Kolomackij V.G.* Kurs kriminalistiki (didaktika i metodika) [Criminalistic course (didactics and methods)]. Avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Moscow, 1992. 30 p. (In Russian)
3. *Lavruhin S.V., Komyagina Yu.S.* Sovremennoe obrazovanie i prepodavanie kriminalistiki [Modern education and teaching of criminalistics]. *Pravo i obrazovanie [Law and education]*, 2013, no. 12, pp. 14–26. (In Russian)
4. *Harchenko I.V.* O sovershenstvovanii dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya po podgotovke sotrudnikov ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdelenij MVD Rossii [On the improvement of additional professional education for the training of employees of the forensic departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. *Aktual'nye voprosy inzhenerno-tekhnicheskikh ekspertiz: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Topical issues of engineering and technical expertise: Materials of all-Russian scientific and practical conference]*. Irkutsk, 2018, pp. 112–116. (In Russian)
5. *Komarov I.M.* Kriminalisticheskaya didaktika: sovremennye problemy [Criminalistic didactics: modern problems]. In *Sovremennye problemy nauki i pravoprimeritel'noj praktiki: Sbornik nauchnyh statej, posvyashchennyh 50-letiyu Yuridicheskogo fakul'teta BFU im. I. Kanta [Collection of scientific articles in honor of 50th anniversary of the Faculty of Law of the BFU named after I. Kant]*. Kaliningrad, 2017, pp. 296–303. (In Russian)
6. *Komarov I.* Razmyshleniya o kriminalisticheskoy didaktike [Reflections on criminalistic didactics]. *Problemy Współczesnej Kryminalistyki [Problems of Modern Criminalistics]*, Tom XXII, 2018, pp. 81–96. (In Russian)
7. *Komarov I.M., Yan E.I.* Kriminalisticheskoe obrazovanie v Rossii [Criminalistic education in Russia]. In *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: processual'naya teoriya i kriminalisticheskaya praktika: materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Materials of V International scientific and practical conference]*. Simferopol – Alushta. 2018. pp. 74–76. (In Russian)
8. *Logvin V.M.* O nekotoryh problemnyh voprosah razvitiya otechestvennoj kriminalistiki [On some problematic issues of the development of domestic criminalistics]. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D [Bulletin of Polotsk State University. Series D]*, 2016, no. 13, pp. 202–206. (In Russian)
9. *Kaminskij M.K.* Vul'garnyj materializm i ego pagubnost' dlya kriminalistiki i kriminalisticheskogo obrazovaniya [Vulgar materialism and its perniciousness for criminalistics and criminalistic education]. *Vestnik*

gosudarstvennogo Udmurtskogo universiteta. Seriya "Ekonomika i pravo" [*Bulletin of the Udmurt State University. Series "Economics and Law"*], 2016, Tom 26, Release 4, pp. 126–130. (In Russian)

10. Kaminskij M.K. Special'nye znaniya – sila? [Is special knowledge power?]. *Vestnik gosudarstvennogo Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo* [*Bulletin of the Udmurt State University. Economics and Law*], 2011, Release 2, pp. 101–103. (In Russian)

11. Nabatova A.E. O formirovanii kriminalisticheskikh znaniy u obuchayushchihhsya na I stupeni vysshego obrazovaniya po special'nosti "Preduprezhdenie i likvidaciya chrezvychajnykh situacij" [On the formation of criminalistic knowledge among students at the first stage of higher education in the specialty "Prevention and elimination of emergency situations"]. *Problemy obespecheniya bezopasnosti pri likvidacii posledstvij chrezvychajnykh situacij* [*Safety Problems in Elimination of Consequences of Emergency Situations*], 2013, Tom 2, no. 1 (2), pp. 127–130. (In Russian)

12. Shuhova N.V., Slivkin A.N. Ob aktual'nosti prakticheskogo obrazovaniya i kriminalisticheskogo obespecheniya deyatel'nosti VO VNG Rossi [On the relevance of practical education and criminalistic support for the activities of NDP of NGT of Russia]. In *Sbornik materialov kriminalisticheskikh chtenij* [*Collection of materials of criminalistic readings*]. Barnaul, 2019, no. 16, pp. 82–84. (In Russian)

13. Kabanova Zh.Yu., Shlee I.P. O vidakh kriminalisticheskogo obespecheniya deyatel'nosti ispravitel'nykh uchrezhdenii [On the types of criminalistic support for the activities of correctional institutions]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta* [*Bulletin of Kuzbass Institute*], 2017, no. 3 (32), pp. 112–117. (In Russian)

14. Mamytova A.B. Problemy podgotovki sub'ektov ekspertno-kriminalisticheskoy deyatel'nosti v Kyrgyzskoy Respublike [Problems of training subjects of forensic activity in the Kyrgyz Republic]. *Nauka, novye tekhnologii i innovacii* [*Science, new technologies and innovations*], 2018, no. 5, pp. 124–126. (In Russian)

15. Pakalina D.I. Didakticheskie osnovy obucheniya discipline "Tekhniko-kriminalisticheskaya ekspertiza dokumentov" v Moskovskom gosudarstvennom universitete MVD im. V.Ya. Kikotya [Didactic foundations of teaching the discipline "Technical and criminalistic examination of documents" at the Moscow State University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikotya]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [*Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*], 2016, no. 5, pp. 65–69. (In Russian)

16. Perepechina I.O. Kriminalisticheskaya i ekspertnaya didaktika v usloviyah primeneniya slozhnykh innovatsionnykh sudebno-ekspertnykh tekhnologiy [Criminalistic and expert didactics in the context of the use of complex innovative forensic technologies]. *Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii* [*Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*], 2015, no. 2, pp. 16–19. (In Russian)

17. Perepechina I.O. O razrabotke na yuridicheskom fakul'tete MGU programmy dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya "Kriminalisticheskaya DNK-identifikaciya: bazovyy kurs (dlya ekspertov-kriminalistov)" [On the development of an additional professional education program at the Faculty of Law of Moscow State University "Criminalistic DNA identification: a basic course (for forensic experts)"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [*Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*], 2016, no. 5, pp. 69–72. (In Russian)

18. Yakushin S.Yu. Kriminalisticheskaya taktika: voprosy prepodavaniya [Criminalistic tactics: teaching issues]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [*Scientific notes of Kazan University. Humanities*], 2011, Tom 153, Book 4, pp. 159–168. (In Russian)

19. Rossinskaya E.R. Sovremennye problemy sudebno-ekspertnoj didaktiki [Modern problems of forensic didactics]. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGYuA)* [*University Bulletin. E.A. Kutafina (MSLA)*], 2015, no. 12, pp. 58–67. (In Russian)

20. Chichenov E.V., Shchukin V.I., Malyhina E.A. Kriminalisticheskoe obrazovanie kak element kriminalisticheskogo obespecheniya raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij v sfere ekonomiki, sovershaemykh na zheleznodorozhnom transporte [Criminalistic education as an element of criminalistic support for the solving and investigation of crimes in the field of economics committed on the railway transport]. *Pravo: istoriya i sovremennost'* [*Law: history and modernity*], 2020, no. 1 (10), pp. 123–130. (In Russian)

21. Fochenkova N.A. Ispol'zovanie kriminalisticheskikh znaniy pri obnaruzhenii i issledovanii dokazatel'stv v administrativnom processe (po materialam Rossii i Litvy) [Use of criminalistic knowledge in the detection and investigation of evidence in the administrative process]. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Kaliningrad, 2003. 19 p. (In Russian)

22. *Andreev K.A.* Problemy sistemnogo analiza administrativnogo rassledovaniya v tamozhennyh organah v offensolistike [Problems of the system analysis of the administrative investigation in the customs authorities in offensolistics]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal [Leningrad Law Bulletin]*, 2009, no. 3 (17), pp. 123–131. (In Russian)

23. *Nesterov S.L.* Kriminalisticheskoe obespechenie administrativnoj deyatel'nosti organov vnutrennih del [Criminalistic support of administrative activities of internal affairs bodies]. Dis. ... kand. yurid. nauk. Sankt Petersburg, 2006. 174 p. (In Russian)

24. *Nesterov S.L.* Kriminalisticheskoe obespechenie administrativnoj deyatel'nosti organov vnutrennih del [Criminalistic support of administrative activities of internal affairs bodies]. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Sankt. Petersburg, 2006. 23 p. (In Russian)

25. *Volcheckaya T.S.* Sovremennye napravleniya razvitiya kriminalistiki kak nauki i uchebnoj discipliny [Modern trends in the development of criminalistic science as a science and academic discipline]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of the Bashkir University]*, 2015, Tom 20, no. 1, pp. 349–353. (In Russian)

РЕТРОСПЕКТИВНО-ПЕРСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ДЕФИНИЦИИ «ЦИФРОВАЯ КРИМИНАЛИСТИКА»

Кучин Олег Стасьевич
Кучина Ярослава Олеговна

***Цель:** сравнить и проанализировать тенденцию появления в науке криминалистике псевдо термина «цифровая криминалистика» и доказать, что эта тенденция не является верной.*

***Методология:** индукция, дедукция, синтез, анализ, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, логический метод.*

***Выводы.** Эволюция способов совершения преступлений и орудий преступлений не всегда требует эволюции науки криминалистики и появления ее разновидностей. Надо просто оценить перспективы экстрополляции способов и методик доказывания обстоятельств совершенного преступлений в эпоху цифровизации общественных отношений с точки зрения положений современной криминалистики и всего криминально-правового научного блока. Следует говорить только о криминалистическом или об экспертном исследовании носителей цифровой (электронной или компьютерной) информации. В криминалистике логично должно развиваться новое направление — криминалистическое исследование электронных носителей цифровой информации и использование возможностей компьютерных экспертиз в установлении всех обстоятельств совершенного преступления. Здесь должна применяться традиционная криминалистическая методология, которая будет направлена на то, чтобы «привязать» электронный носитель цифровой информации и саму цифровую информацию к конкретному преступлению и к конкретному лицу.*

***Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование направлено на ориентацию криминалистической теории и практики в сторону изучения конкретных объектов и способствует тому, чтобы все эти исследования в дальнейшем были применимы к практике расследования преступлений, а не только в теоретических целях.*

***Ключевые слова:** криминалистика, цифровые носители цифровой информации, информатика, электроника, нейросети, следователь, расследование.*

Современная российская криминалистическая наука находится в сложном переходном состоянии, связанном с возникновением новой научной парадигмы. Процесс цифровизации общественных отношений требует от научно-экспертного и криминалистического сообщества изменения взглядов на ряд ее теоретических и прикладных проблем, нуждается в разработке новых подходов, приемов и методов.

Уровень современного научно-технического прогресса сам по себе предопределяет безусловное использование его достижений для повышения эффективности применения высоких технологий при выявлении, раскрытии, расследовании

и превенции преступлений. При этом речь идет не о совершенствовании традиционных технических средств, именуемых рядом исследователей «классической» криминалистикой (например, усовершенствованных приборов обнаружения тайников или захоронений, анализаторов запахов, звуков, пр.), а о кардинальном изменении целого ряда тактико-методических рекомендаций в связи с внедрением электронно-цифровых разработок, новейших возможностей в сфере ИТ, причем как в правоохранительной, так и в преступной деятельности. Нужно понимать, что в рамках этой работы мы говорим о цифровизации не как об отдельных технических устройствах или даже их

совокупности, а как о процессе перехода от аналогового способа восприятия материальной стороны совершения преступления и, соответственно, его выявления, раскрытия и расследования, к цифровому.

В последние годы постоянно возникают новые криминалистические теории и направления исследований: криминалистическая ситуалогия (Т.С. Волчецкая) [1], теория криминалистического риска (Г.А. Зорин) [2], механизм преступной деятельности (А.Ф. Лубин, А.М. Кустов) [3, 4], криминалистическое обеспечение расследования (А.Ф. Волынский, Е.П. Ищенко) [5, 6], тактические операции в криминалистике (Н.Е. Мерещкеий) [7], преодоление противодействия расследованию (В.Н. Карагодин, Л.Я. Драпкин, В.П. Лавров) [8, 9, 10] и др.

Специалисты в области криминалистики обращают свое внимание на многочисленные методики, алгоритмы, программы, направленные на эффективное расследование преступлений. В последнее время были подготовлены и опубликованы труды по частным, групповым и видовым методикам расследования преступлений и общей теории расследования такими авторами, как И.В. Александров, А.И. Бастрыкин, Н.И. Ветров, А.Ф. Волынский, Б.Я. Гаврилов, Ю.В. Гаврилин, Ю.П. Гармаев, В.Н. Григорьев, В.И. Громов, А.И. Долгова, В.А. Жбанков, В.Д. Зеленский, Г. Г. Зуйков, Е.П. Ищенко, А.Н. Колесниченко, В.Е. Корноухов, В.Д. Корма, В. П. Колмаков, В.Г. Коломацкий, Ю.Г. Корухов, А.М. Кустов, О.С. Кучин, И.М. Лузгин, В.В. Лунев, М.Ш. Махтаев, Г.М. Меретуков, Н.А. Мерещкий, И.П. Можяева, А.С. Подшибякин, Н.А. Селиванов, А.В. Смирнов, И.В. Тишутина, А.Н. Халиков, С.П. Щерба, Н.Г. Шурухнов и др., защищено множество кандидатских и докторских диссертаций.

Развитию науки о судебно-экспертной деятельности и экспертному обеспечению расследования преступлений посвящали свои работы Т.В. Аверьянова, Ф.Г. Аминев, В.Ю. Владимиров, А.Ф. Волынский, С.М. Колотушкин, Н.П. Майлис, Т.Ф. Моисеева, Е.Р. Россинская, А.И. Усов, В.Н. Чулахов. Ими были разработаны комплексные научные рекомендации по рациональному, эффективному и качественному использованию специальных знаний на предварительном следствии, как на первоначальном, так и последующих этапах расследования уголовных дел, по судебно-экспертному сопровождению следственной деятельности.

Специалистами были проведены научные исследования специфики всех этапов выявления,

раскрытия и расследования преступлений, определено их функциональное содержание и криминалистические составляющие. Расширяется подход по изучению различных видов и групп преступлений, разработаны криминалистические характеристики, определены механизмы совершения этих преступлений, выявлены и изучены различные следственные ситуации, разработаны основные типовые методические рекомендации, которые должны быть использованы в процессе выявления, раскрытия и расследования, систематизированы задачи и определены методологические основы практически всех этапов расследования.

Параллельно с названными исследованиями учеными проведен подробный анализ проблем и причин слабого уровня криминалистического и организационного обеспечения выявления, раскрытия и расследования преступлений. В том числе исследованы организационно-тактические и ситуационные особенности взаимодействия следователя и сотрудников оперативных подразделений при расследовании преступлений, а также при проведении ими оперативно-тактических операций.

Одновременно ученые все более и более уделяют внимание внедрению в криминалистическую практику процесса цифровизации. В первую очередь, постепенно формируется и развивается методика расследования компьютерных преступлений (глава 28 УК РФ) и киберпреступлений в целом. Расширяется применение цифровой фиксации процесса проведения и результатов следственных действий, методик экспертных исследований.

Необходимо понимать, что процессы цифровизации в общем и цифровизации преступной деятельности не столь взаимосвязаны, как принято думать. Ошибка в оценке наличия такой связки обусловлена тем, что о цифровизации криминалистики заговорили задолго до момента «поворота винта» (*Буквально paradigm shift – термин, которым специалисты обозначают переход к виртуализации и фактическом началу посткомпьютерной эпохи, случившийся в 2008 г. при появлении облачных технологий как услуги*) – то есть до того, как процесс цифровизации и наступление посткомпьютерной эпохи затронули все сферы человеческой жизни и стали неотъемлемой частью государственной политики большинства стран мира на всех уровнях ее осуществления. Криминалистика заинтересовалась компьютеризацией в момент появления киберпреступности как явления, в ее широком, или узком смысле. В отечественной системе наук

киберпреступления в их частном виде – в виде преступлений в сфере компьютерной информации – были закреплены в нормах нового УК в 1996 г. И соответственно, именно в этот момент отечественная криминалистическая наука столкнулась с обязанностью обеспечивать процесс раскрытия и расследования этих преступлений. То есть цифровизация криминалистики началась за двадцать лет до того, как этот термин был обозначен в качестве основы и цели современной государственной политики России.

Потому работы по таким направлениям развития российской криминалистики как совершенствование методологических основ, разработка и исследование электронно-технических источников криминалистической информации (электронные следы, компьютерные системы наблюдения, цифровые носители информации, компьютерные экспертизы и т.п.), создание на этой основе новых методических рекомендаций по расследованию вновь возникающих и постоянно изменяющихся прежних составов преступлений, их унификация и адаптация в современной практике правоприменения опережают работы по цифровизации в целом и цифровой криминалистике в частности на много лет.

Еще в 1990-е гг. учеными-криминалистами исследовались различные компьютерные технологии, позволяющие быстро, эффективно и с высоким качеством изготавливать субъективные портреты; с начала 2000 г. описывались особенности и отличия фототаблиц к протоколам следственных действий, снятых на цифровую фотокамеру; позже поисковые мероприятия в автоматизированных системах, в Интернете, в локальных сетях. Совершенствуется оборудование криминалистических лабораторий, в том числе передвижных, что влияет на результативность осмотров мест происшествий. При этом цифровизация и виртуализация позволяют сокращать количество единиц техники и повышают доступность технических средств в условиях удаленности от крупных интеллектуальных и технологических центров.

В итоге за прошедший период компьютерные технологии прочно заняли соответствующее место в криминалистической технике. В связи с развитием высоких технологий в теории криминалистики активно рассматривается вопрос о проведении в ходе расследования преступлений такой процедуры, как онлайн-допрос (*допрос с помощью видеоконференц-связи*), который представляет собой специальный метод получения криминалистически значимой и доказательственной информации, осуществляемый при помощи использования определенных технологий связи

[11, с. 818–821]. Однако установить, насколько широким является это применение, достаточно сложно в силу множества причин. Одной из них является все еще неоднородный по качеству уровень интернетизации пространства страны и недоверие к «безбумажным» технологиям, которое сдерживает развитие этих исследований (*Так, к сожалению, еще в 2009 г. в прокуратуре Еврейской автономной области не было возможности копировать или распечатывать на принтере материалы и исследователям приходилось работать в архивах самостоятельно. Иными словами, процесс цифровизации сталкивается, в том числе, с проблемой материальной обеспеченности сотрудников правоохранительных органов самыми базовыми приборами, не говоря уже о высоких технологиях*). К примеру, в 2007 г. доля онлайн-исследований в мире, по оценкам ESOMAR, составляла 20% всего объема исследований, а в России эти исследования, к сожалению, не превышали и 4–5% [11, с. 818–821]. На данный момент (2020 г.) эта доля увеличилась, однако говорить о всеобщности цифровизации при отсутствии однородного покрытия территории страны высокоскоростным и безлимитным беспроводным интернетом – ошибка. Потому же ошибочно начинать рассуждать о внедрении цифровизации в науку, в которой, как и в медицине, достаточно значительная часть рекомендаций направлена на разрешение ситуаций при полном отсутствии профессионального ресурса.

В связи с изложенным, хотя практике применения компьютерных технологий в криминалистике уже почти четверть века, в научной общественности одновременно все эти годы ведутся споры об их качестве, целесообразности применения, причем, как в общем, так и в частности.

Как мы уже упоминали, ныне действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает проведение онлайн-процедур в ходе судебного разбирательства. Использование системы видеоконференций впервые было предусмотрено в 2011 г., и тогда же правовая норма, регламентирующая рассмотрение дела в апелляционной инстанции, была дополнена ст. 278¹ УПК РФ. При помощи видеоконференций (ст. 389¹² УПК РФ) обеспечивается возможность осужденному лицу, содержащемуся под стражей и заявившему о своем желании присутствовать при рассмотрении апелляционной жалобы или прокурорского представления, причем такая возможность предоставляется на основании решения суда. Аналогичную возможность предоставил закон осужденному при рассмотрении дела в кассационной инстанции (ст. 401¹³ УПК РФ), если

лицо содержится под стражей, отбывает наказание в колонии, в следственном изоляторе.

Специалисты неоднократно задаются вопросом, почему, хотя следователю предоставлены определенные правомочия в использовании цифровых технологий (например, он может сделать вызов лица на допрос с помощью СМС или с помощью звонка на телефон сотовой связи), он лишен возможности проводить онлайн-допрос так, как это может делать суд. При том что, как доказано криминалистикой, онлайн-допрос (допрос с помощью видеоконференц-связи) можно проводить и в ходе досудебного производства (предварительного расследования), непосредственно и лично следователем или дознавателем. Совершенно закономерно, что раз современные технологи позволяют это делать суду — причем с большим успехом — очевидно, что применение таких цифровых технологий не представит большой сложности и для следователя (дознавателя).

К сожалению, такая позиция содержит целых два значительных заблуждения, как процессуального, так и общего характера, что приводит нас к неверному, по сути, выводу. Рассмотрим эти заблуждения по очереди.

Самым главным заблуждением исследователей является то, что при формировании позиции относительно того, что следует понимать под цифровыми, онлайн, компьютерными и пр. технологиями. Действительно, если мы рассмотрим перечень используемых терминов, то их будет минимум четыре:

- цифровые технологии;
- компьютерные технологии;
- кибертехнологии;
- онлайн-технологии.

Если исходить из действующего на данный момент законодательства, определяющим и наиболее общим будет термин «цифровой», поскольку именно процесс цифровизации определяет социально-экономическое развитие нашей страны на данном этапе. Что же такое «цифровизация»? В науке встречается довольно большой массив определений, в той или иной мере объясняющих основу цифровизации — внедрения современных цифровых технологий в различные сферы общественных отношений. Но мы предлагаем обратиться к основам этого термина — то есть к понятию *digitalization*.

Если исходить из него, то цифровизация представляет собой процесс оцифровывания, то есть перевода в цифровой формат. У понятия «цифровой», в свою очередь, имеется два основных значения:

- 1) тип сигнала и формата;
- 2) способ сохранения данных.

Как способ сохранения данных цифровой способ означает, что данные сохраняются в двоичном формате (т.е. в цифрах 1 и 0 или в так называемых битах — единицах измерения количества информации). Как тип сигнала и формата цифровой представляет собой противоположность аналоговому способу сигнала и формата, то есть не битному, т.е. использующему дискретные (*и, хотя приравнять дискретные и цифровые состояния не совсем верно, с точки зрения физики, но цифровой сигнал — это сигнал, который можно представить в виде последовательности дискретных (цифровых) значений*), а не аналоговые состояния данных. В науке, не относящейся к высоким технологиям, для разделения цифровых и нецифровых сигналов предлагается в упрощенной форме именовать все способы и типы передачи и сохранения данных, которые выражаются в двоичном формате, цифровыми, а все иные (как материальные, так и нет, например, радиосигналы) — аналоговыми. Таковой системе следуем и мы.

Отсюда сразу можно сделать вывод, что цифровизация в криминалистике может пониматься в узком и широком смысле. И здесь возникает главная коллизия и главная проблема.

Рассматривая цифровизацию как перевод информации в определенный тип формата и способ сохранения, мы должны исходить из главного их отличия от аналоговой информации (типа формата и способа сохранения, передачи). Стоит учитывать, что аналоговый формат не подлежит изменению с момента запечатления, в то время как цифровой формат, во-первых, в любой момент может быть переведен в аналоговый (печать цифровой фотографии, запись звука или видео на диск, печать документа на бумаге и пр.), во-вторых, до момента такого перевода цифровая информация может быть изменена в силу особенностей типа сигнала и цифрового способа ее сохранения (т.е. может быть изменено ее содержание).

Цифровая информация не является монолитной ни в одном из ее видов, представляя собой набор битов (двоичную систему хранения). Самым красноречивым примером цифровой информации является сохранение электронного документа в компьютере или, например, в облачной системе хранения. Любой цифровой документ не существует в том виде, в котором его привык воспринимать пользователь (в виде ярлычков, иконок, файлов и пр. на рабочем столе места хранения). Это лишь визуальное изображение, сделанное для

удобства и появившееся после разработки оконной системы восприятия компьютерной информации. На деле любая цифровая информация – а все, что переведено в цифровой формат имеет битное выражение и потому является цифровой информацией – хранится в дефрагментированном виде, то есть не как единый монолитный файл. Привычный нам единый документ (воспринимаемый так его пользователем) на самом деле хранится в кластерах и секторах, и приобретает единую визуальную форму лишь при открытии (запуске, входе в программу). Более того, при изменении, закрытии, сохранении и т.д. техническая характеристика приводит к изменению мест сохранения – тех самых кластеров – и, с юридической точки зрения, изменяет природу и содержание документа, перезаписывая его.

Иными словами, цифровой документ не существует в неизменном изначальном виде в той непосредственно воспринимаемой форме, как аналоговый документ, файл, способ хранения информации. Более того, в отличие от аналогового документа, который подразделяется на изначальный – то есть оригинал, подлинник – и сделанные с подлинника копии, цифровой документ не только не сохраняет изначальных подлинных свойств, приобретенных им в момент создания, но и может быть переведен в аналоговые формы. Фотография и документ – распечатаны на бумаге, звук и видео – нарезаны на диск или записаны на пленку с цифрового носителя и т.д.

Отсюда возникает закономерный вопрос: что будет считать подлинником, а что – копией? Являются ли копией распечатанные цифровые фотографии в фототаблице уголовного дела и значит ли это, что суд должен исследовать подлинники, то есть цифровые фотографии в изначальном формате? Утрачиваются ли качества подлинника при переносе цифровой фотографии с карты памяти или из памяти фотоаппарата, где они были сохранены в момент фотографирования, в память компьютера следователя или специалиста, на внешний жесткий диск или флэш-карту? И следует ли, исходя из всего этого, предоставлять суду для непосредственного изучения доказательств, фотографии на том носителе, на котором они были запечатлены, без пересохранения, то есть даже без открытия их для исследования и изучения следователем и специалистом? Меняются ли качества и достоверность фотографий, видео, аудиозаписи в зависимости от выбранного формата, ведь формат влияет на свойства информации? Так, форматы raw и jpeg в фотографии по-разному поддаются редактированию в фоторедакторах

и, соответственно, следы редактирования менее очевидны в первом и более – во втором формате, и зависят от умений редактирующего лица. В ряде случаев даже специалист не сможет дать ответ на вопрос, подвергались ли цифровые подлинники редактированию или нет. Эти и множество других вопросов возникают только при первом рассмотрении понятия «цифровой» в криминалистике – и их много больше при более масштабном правовом анализе.

Приведем следующий пример из судебно-следственной практики. Так, например, в Первомайском районном суде г. Владивостока рассматривалось уголовное дело, возбужденное по ст. 285 УК РФ в отношении гр. Н. В качестве ключевого доказательства вины Н. стороной обвинения были предоставлены результаты оперативно-розыскного мероприятия – негласной аудиозаписи (далее по тексту – ОРМ НАЗ), на которых был якобы запечатлен момент совершения преступления. Подсудимая отрицала содержание предоставленной записи и утверждала, что разговор был иным, в нем отсутствуют некоторые части, кардинально изменяющие его смысл.

Результаты ОРМ НАЗ были представлены суду в виде записи, произведенной на СД-диск, то есть в аналоговой, а не цифровой форме, и заявлено, что совершить изменение такой записи и на таком носителе невозможно. На вопрос защитника, является ли диск подлинным носителем – т. е. производилась ли непосредственно запись на диск в ходе ОРМ, представителем обвинения был дан положительный ответ. Следовательно, сторона обвинения в судебном заседании подтвердила, что в ходе проведения ОРМ НАЗ, запись велась непосредственно на диск при помощи специальной переносной техники, выданной потерпевшей.

Однако в ходе криминалистического исследования данного доказательства в судебном заседании защитник подсудимой Н. обратила внимание, что в акте передачи спецтехники лицу, участвующему в ОРМ, указана разная техника, которая была выдана для производства ОРМ НАЗ, а в качестве первичного носителя информации был указан диск. Приглашенный защитником в суд в качестве специалиста звукорежиссер одной из телестудий пояснил суду, что, во-первых, указанная техника не может производить запись на диск – т.е. производить лазерную нарезку звуковой дорожки прямо в момент ее запечатления, а, значит, суд изучал не подлинник, а перезапись с подлинника, т.е. копию. Во-вторых, на момент производства аудиозаписи и рассмотрения дела судом производить непосредственную запись звука на диск можно

было только стационарной техникой в условиях профессиональной студии звукозаписи, но никак не при помощи переносной (портативной, оперативной, скрытоносимой) техники для осуществления ОРМ НАЗ. Все это позволило сделать вывод о том, что сторона обвинения не предоставила подлинник звукозаписи в суд и, в таких условиях, не могли быть соблюдены принципы достоверности и непосредственности. По словам специалиста, возможность дальнейшей искусственной редакции записи, ей фальсификация, не могла быть исключена (См.: *Архив Первомайского суда г. Владивостока, 2008–2009 гг.*).

Если же мы рассмотрим цифровизацию в широком смысле этого слова, то здесь криминалистика сталкивается с еще более серьезным испытанием – испытанием виртуализацией. Обратимся к истории.

Процесс развития вычислительной техники и информационно-вычислительных ресурсов подразделяется на несколько этапов, среди которых нам хотелось бы выделить электронный (начинающийся, условно, со второй половины 1940-х гг. в США и Великобритании), разделяемый по поколениям электронно-вычислительных машин [12]. Этот этап наиболее близок к целям и задачам нашей статьи, поскольку подавляющее большинство крупных игроков сегодняшнего цифрового рынка начинали именно на этом этапе. ЭВМ последнего четвертого поколения принадлежали разработчикам, чьи названия мы знаем до сих пор, как монополистов глобального цифрового мира и современного киберразвития – это Apple, IBM, HP, Intel.

С последнего началась эра персональных компьютеров: первый универсальный микропроцессор Intel-8080, ставший стандартом микрокомпьютерной технологии и созданный в 1974 г., послужил основой для создания первых персональных компьютеров (ПК). В IBM, создавшей IBM/370, был реализован аппарат виртуальной памяти, позволяющий создавать для пользователя видимость неограниченных ресурсов оперативной памяти, предтеча современной идеи виртуализации, в частности облачных технологий. Apple Computers в 1977 г. запустила в серийное производство три модели ПК Apple-2. Так начала формироваться ПК-индустрия, которая не просто сделала мир компьютерным, но дала возможность обывателю стать частью новых отношений, касающихся сфер, не требующих обязательного материального выражения – отношений в виртуальной среде. Наступила эпоха персональных компьютеров, когда вычислительные мощности

вышли за пределы громоздких машин, занимающих помещение размером с небольшой спортзал.

И тем не менее в 1999 г. впервые заговорили об эре пост-ПК. Профессор Массачусетского технологического университета США Дэвид Кларк, принимая участие в научной дискуссии на тему «Интернет после ПК» описал мир, в котором ПК не будет иметь такого значения, поскольку все, что нужно человеку в повседневной жизни, от телевидения до часов, тостера и очков будет подключено к Интернету и, по сути, само станет компьютером [13]. Отметим, что до выхода на массовый рынок интернета вещей с его концепцией «умного дома», связанного через приложения со смартфоном пользователя, технологии блокчейн, и преобладания услуг облачных вычислений над стационарным программным обеспечением осталось более пятнадцати лет.

Предметом этого обсуждения был вопрос о возможности выйти за пределы персональных компьютеров, поскольку потребительский рынок и особенности развития общественных отношений – повысившаяся мобильность человека – потребовала вычислительных устройств, не привязанных к рабочему столу в прямом смысле этого слова. Стивен Балмер, другой участник этой же дискуссии, отметил, что, пусть ПК остается центральным вычислительным устройством массового потребления, но «очевидно, что существует потребность в не-ПК вычислительных устройствах» (См.: *Lohr S. Economic view; Is Mr. Gates pouring fuel on his rivals' fire? // The New York Times, 18.04.1999. / URL: <https://www.nytimes.com/1999/04/18/business/economic-view-is-mr-gates-pouring-fuel-on-his-rivals-fire.html> (дата обращения: 16.01.2021)*). При этом компания Microsoft, деятельность которой послужила причиной обсуждения, отрицала возможность отхода от эпохи ПК и не признавала сам термин «посткомпьютерная эпоха».

В том же 1999 г., обсуждая проблему, касающуюся возможных путей развития индустрии ПК, Л. Пресс отметил следующие тенденции, которые могут захватить рынок и перевернуть представление о вычислительной технике: это микро-мобильные устройства, совмещающие функции ПК и переносного средства коммуникации в интернете; это приспособления и устройства, не ассоциируемые с вычислительными функциями; развитие средств мобильной сотовой связи с уменьшением размеров телефонов; и, разумеется, ускорение связи, в представлении того времени – телефонной [13].

Разумеется, Пресс, опираясь на представленные в 1999 г. цифровые технологии, ошибся в предпо-

ложения относительно того, какими именно станут устройства. Упомянутые им Palm Pilot, карманные персональные компьютеры-коммуникаторы, более известные как КПК или «наладонники», выпускались всего одиннадцать лет — с 1996 по 2007 год. История компании Palm и технологии КПК показывает, насколько скоротечен рынок современной вычислительной техники XXI века. Бум карманных персональных компьютеров, так же как нетбуков и гуглбуков — небольших по размерам и возможностям мобильных ноутбуков, преимущественно предназначенных для работы в Интернете, а не оффлайн, обещал многолетнее развитие тренда, тогда как в реальности с момента выхода на рынок первого КПК прошло чуть более десятилетия, ровно до момента представления компанией Apple революционного iPhone, совместившего в себе передовые технологии с новым взглядом на форму продукта и его назначение. Помимо замещения рынка «наладонников», iPhone остановил и тенденцию уменьшения мобильных телефонов, показав, что потребитель готов приобретать более массивные (для сравнения: первый iPhone, выпущенный на рынок в 2007 г., весил 138 г, то есть практически вдвое превосходил по весу одну из самых популярных моделей телефонов Motorola Razr с весом в 98 г, и на 20 г выпущенную в тот же период самую популярную модель линии Razr-Motorola Razr2) по весу технические продукты, если они будут предоставлять ему больше возможностей, чем тонкие и легкие устройства производителей сотовых. Тогда же изменился и взгляд на цену телефона — iPhone был одним из самых дорогих из производимых на тот момент мобильных устройств (499–599 дол. США у официальных продавцов), не рассчитанных на сегмент luxury-потребления, что вовсе не остановило покупателей от очередей с целью покупки.

В том или ином смысле идеи, которые сейчас воплощены в конкретные потребляемые технологии, были высказаны задолго до того, как появилась возможность их практического воплощения. К примеру, в 80-х гг. прошлого века Марк Вайзер и его коллеги из Xerox PARC обсуждали процессоры, перьевого ввод, беспроводную связь и осведомленность о местонахождении в здании (географическую локализацию), а также технологию, которую они называли *tabs* — «вкладками» [14]. В 1991 г. эти люди воображали, как будет выглядеть мир, в котором офисная работа будет базироваться на мобильных возможностях.

В 2011 г., представляя мировому сообществу второе поколение планшетного устройства Apple iPad (в настоящее время также называемого *tab* от *tablet*) Стив Джобс, основатель компании, обра-

тился к понятию посткомпьютерной эры, отметив, что он видит «будущее за посткомпьютерными устройствами, которые проще и понятнее привычных ПК» (См.: *IPad 2: белое и черное по Стиву Джобсу (2 марта 2011 г.) / Официальный сайт компании Deep Apple // URL: <http://www.deepapple.com/news/39540.html> (дата обращения: 20.02.2021)*). Пусть некоторые источники (См.: *Weiser M. The computer for the 21st century / Scientific American. 1991 // URL: <http://www.ubiq.com/hypertext/weiser/Sci-AmDraft3.html> (дата обращения: 16.01.2021)*), опровергая возможность отказа от ПК, совершенно справедливо указывают, что, как бы не менялся внешний вид вычислительной машины, ее основные функциональные элементы, как и в 1997 г., выполнены на электронных компонентах, причина смены вектора при выборе объекта общественных отношений в ином — развитие общества стало диктовать направленность прогресса в сфере потребления исходя из собственных нужд.

Так или иначе, но в процессе такого развития мир столкнулся с технологией виртуализации — переноса стационарных возможностей компьютера в интернет, повлекшей отказ от стационарной компьютерной техники одного пользователя, и, в итоге, возникновение облачных технологий.

За последние несколько лет использование облачных технологий перешагнуло границы лишь хранилища данных, которое позволяет клиенту оторваться от стационарного персонального компьютера. Вывод, сделанный в 2014 г. руководителем информационной службы «Голдман Сакс Групп» Мартином Чавезом, где он назвал облачные технологии третьим действительно важным открытием вычислительных технологий, подтвердился — облачные услуги заняли прочную позицию на рынке вычислительных услуг и продемонстрировали впечатляющую способность к адаптации и эволюции. Идея облачного регулирования, в большей степени сконцентрированная на приглашения об оказании услуг, переросла в самостоятельную отрасль законодательства. Инициатива правительства Канады, благодаря которой в 2015 г. Четвертая рабочая группа ЮНСИТРАЛ занялась рассмотрением вопросов облачных услуг спустя три года превратилась в реальный документ, а практически пустое правовое поле заполнилось национальными и экстратерриториальными законами, призванными регулировать технологию, сущность которой заключается в стирании границ между материальным и нематериальным.

Тем не менее можно выделить и стабильные элементы этого феномена. Понятие облачных технологий все еще остается в пределах, что были

установлены до 2014 г., а дефиниции того времени все так же актуальны и используемы, что и ранее. По-прежнему наиболее широко признанным остается определение Национального института стандартов и технологий США, согласно которому облачные технологии – это *модель, обеспечивающая повсеместный, удобный доступ по требованию к общей сети изменяемых вычислительных ресурсов (например, сети серверов, систем хранения, приложениям или услугам), которые могут быть быстро предоставлены для использования с минимальными административными затратами или вмешательством со стороны поставщика услуг (провайдера)* (См.: *National Institute of Standards and Technology (NIST) – подразделение Управления по технологиям США, одного из агентств Министерства торговли. Штаб-квартира – Гейтерсберг. С 1901 по 1988 год назывался Национальное бюро стандартов США. Миссия института – в продвижении инновационной и индустриальной конкурентоспособности США путем развития наук об измерениях, стандартизации и технологий с целью повышения экономической безопасности и улучшения качества жизни // Официальный сайт Института: URL: <https://www.nist.gov/> (20.01.2021); *National Institute of Standards and Technology's (NIST). Final Version of NIST Cloud Computing Definition*).*

Из этого определения можно выделить следующие компоненты облачных технологий, значимые не только для юристов технологического права, но для юридических наук нового тысячелетия в целом:

1) *технологичность*: признак описывает облачные технологии (или, если следовать второму из принятых в РФ переводов – облачные вычисления) именно как технологии, не конкретизируя их вид как «сервис как услуга», «платформа как услуга», «инфраструктура как услуга» и пр. Тем самым описательная часть не сводится до упрощенного «база данных» или иного аналогичного термина, суживающего пространство его применения лишь до нескольких правоотношений;

2) *вычислительный характер*: то, что в английском языке описывается термином *computing* и автоматически переводит облачные сервисы в область действия цифрового права и киберправа;

3) *отсутствие права собственности*: облако предоставляется как услуга, или же услуга предоставляется через облако, поскольку на современном этапе оба утверждения верны. Пользовательский характер облачных технологий исключает право собственности на саму технологию, но, при этом, ограничивает круг доступа к конкретной услуге договором между провайдером и клиентом,

т.е. желанием самого клиента, что приводит нас к возможности одномоментного доступа к одному конкретному облаку нескольких пользователей из разных частей света при помощи разных устройств;

4) *динамичный характер предоставляемой услуги*: то, что скрывается за устоявшейся дефиницией «услуга по требованию» и определяет соотношение спроса и предложения, приобретшее как никогда буквальный характер – части технологической возможности и условия договора между сторонами, то есть неюридическая и юридическая стороны одного свойства;

5) *предоставление через Интернет*: как необходимое условие получения услуги, также известное как *виртуализация* или *виртуализованность*, и означающее фактический отказ от единого и конкретного устройства доступа. Иными словами, при использовании облака информация больше не привязана к конкретному носителю и отсюда не существует определенности в вопросах географической юрисдикции (действия права в пространстве), момента получения доступа, места доступа и пр.

На последнем из компонентов нам бы хотелось остановиться подробнее, поскольку именно это свойство, на наш взгляд, и обуславливает все остальные, а также превращает облачные технологии не только в революционную концепцию на рынке технологий, но и уникальный правовой феномен. Что же он означает для криминалистики?

Мы вновь хотели бы напомнить о посткомпьютерной эпохе, которая обязательно должна прийти на смену эпохе персональных компьютеров (далее по тексту – ПК). В большинстве источников это утверждение раскрывается через отказ от классического персонального или настольного компьютера, и перехода к мобильным устройствам – ноутбукам, наладонникам, ультрабукам, смартфонам, планшетам, умным вещам и пр. Это толкование разумно и объяснимо, ведь элементы компьютерных вычислений перенесены на предметы, чье назначение намного больше, чем у классической «вычислительной машины» 80–90-х гг. прошлого века, или же просто иное (как, например, у умной колонки Amazon, управляемой встроенным искусственным интеллектом). Однако есть еще одно толкование, часто упускаемое при описании развития IT и цифровой экономики, – это отказ от стационарности. При таком отказе постоянно повышающаяся мобильность и многофункциональность материального вложения программного обеспечения становится не объектом, а признаком, непосредственно влияющим на правовую оценку, как самого предмета, так

и огромного набора сложных, взаимопроникающих правоотношений и системы регулирующих их нормативных правовых актов.

Эту гипотезу можно подтвердить целым рядом уже существующих явлений, в том числе правового характера. Первым примером может стать феномен электронной коммерции — последнее, наряду с облачными технологиями, кардинальное изменение в уже принятые концепции, сочетающее в себе технический и нетехнический компонент, формирующий правовое своеобразие. Электронная коммерция повлекла за собой эволюцию целого ряда уже существующих правоотношений, в частности, возникновение института рассмотрения споров онлайн (далее по тексту — РСО), который иногда ошибочно приравнивают к онлайн-арбитражу. Явлениями этого же порядка становится и трансграничная передача данных, и смарт-контракты, и криптовалюта, и, разумеется, столь популярный в науке и практике концепт распределенных реестров (блокчейн).

Здесь мы вновь обращаемся к науке криминалистике и тому, что она предлагает нам понимать под ее цифровизацией. Прежде всего, необходимо задаться вопросом, насколько современная криминалистика готова к этому, с каким инструментарием и какими проблемами она вступает в новый цифровой век.

Очевидно, что криминалистика — это прикладная наука, это не оспаривается никем из ведущих ученых-криминалистов [15, т. 11, с. 1]. Перечисляя современные направления криминалистических исследований в начале статьи, мы делали это с намерением подчеркнуть ее прикладной, практико-ориентированный характер. Криминалистика в ее конечной стадии призвана решать конкретные проблемы конкретного субъекта раскрытия и расследования, что, в общем смысле, доказываемая тем же разделением методик криминалистики на общие и частные. При этом она находится в постоянной зависимости от уголовного процесса и, в итоге, от уголовного права, ведь именно состав преступления является тем эталоном, который определяет круг подлежащих доказыванию обстоятельств совершения конкретного преступления.

Соответственно, невозможно, на наш взгляд, формировать науку криминалистику без оглядки на нормы уголовного процесса и уголовного права. Уголовный процесс, разумеется, будет иметь первоочередное значение, он — тот фильтр, проходя через который конкретные составляющие криминалистической техники и тактики приобретают доказательственное значение. Потому принципы

уголовного процесса и, особенно, принципы процедуры доказывания (относимость, допустимость и достоверность как требования, предъявляемые к доказательствам, непосредственность — как требование оценки доказательств и пр.) отсекают от общего числа возможностей криминалистики те, что не могут соответствовать названным принципам и требованиям.

Как и любой процесс цифровизации, цифровизация криминалистики — то есть формирование цифровой криминалистики в теоретическом смысле — включает в себя сложное сочетание технических и нетехнических (правовых) компонентов. Мы уже приблизительно перечислили, какие проблемы открывают криминалистам компоненты технические — это ровно те проблемы, с которыми сталкиваются юристы при правовом регулировании цифровизации — но не меньшие проблемы повлекут компоненты правовые.

Общеизвестно, что предмет криминалистического исследования определяет способ, которым он будет исследован. При этом форма предмета исследования материальна, а сущность предмета носит правовой характер, который и определяет вопросы, поставленные перед экспертом или проблемы, которые нужно разрешить приемами и способами криминалистической тактики. Примером может послужить предмет исследования при проведении судебно-медицинской экспертизы при расследовании убийства и при причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть по неосторожности, при несоблюдении требований безопасности на производстве. Для права тело мертвого человека представляет слепое пятно, потому на разрешение эксперту ставятся не вопросы о теле человека, как таковом, а об обстоятельствах его смерти и о материальных выражениях этих обстоятельств, отразившихся на этом теле. В случае с убийством это будут вопросы о насильственном характере смерти, времени смерти, причинно-следственной связи смерти и причиненного вреда. В случае с тяжким вредом, повлекшим смерть при несоблюдении требований безопасности на производстве, разрешаемые вопросы будут продиктованы не только обстоятельствами наступления смерти и причинения тяжкого вреда, но и отражением правоотношений по соблюдению и несоблюдению техники безопасности в виде материальных следов на теле человека.

Цифровой предмет еще более сложен, особенно на современном этапе технологического прогресса. Природа цифрового объекта или предмета с правовой точки зрения крайне неоднозначна, даже если речь идет просто о компьютерной ин-

формации, поскольку в Российской Федерации не существует компьютерной информации, не защищенной правом, то есть, не урегулированной им. Напомним, что охраняемая законом информация — это любая информация, признаваемая и определенная законом, если в ее отношении установлен любой правовой режим, то есть если она признана объектом правоотношения. Такой вывод можно сделать на основе положений Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — ФЗ № 149) и постановления Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова». Напомним, что согласно ФЗ № 149, виды охраняемой законом информации определены специальными нормативно-правовыми актами, а в Постановлении КС РФ сказано, что право разрешать или ограничивать доступ к информации (то есть устанавливать режим охраны) возникает на основании закона или договора.

Более сложные, более многокомпонентные цифровые технологии, сочетающие в себе техническую материальную составляющую и программное обеспечение, или же не имеющие определенной правовой природы, становятся причиной для еще более неоднозначных вопросов. Ведь без понимания правовой природы объекта или предмета криминалистика не может дать однозначного ответа о природе материального следа, который нужно искать.

В случае с компьютерной информацией (ст. 272 УК РФ) при раскрытии и расследовании преступления, предусмотренного этой статьей, способы исследования и виды вопросов, на которые должен дать ответ эксперт, будут определяться не столько правовой природой этой информации в целом (ее понятие дано в Приложении к ст. 272 УК РФ), сколько конкретным правоотношением, которому был причинен вред, и технологическими особенностями конкретной информации.

Введение Главы 28 УК РФ и последующее изменение диспозиции статей, с исключением из нее термина ЭВМ и заменой его на компьютерную информацию произошло достаточно давно — по крайней мере, относительно прогресса развития цифровых технологий. Но термин «компьютерная информация» уже не соответствует посткомпьютерной эпохе развития киберпространства, повлекшей отказ от стационарного компьютерного

оборудования, которое легко подразделялось на две архитектурные составляющие — программный и аппаратный компоненты.

Мультифункциональность, мобильность и виртуализованность как три краеугольных камня современных цифровых технологий не предусматривают мышления этими категориями, переходя от структурного восприятия технологии (например, персональный компьютер и установленные на него программы), к комплексному. Например, онлайн-игры, с юридической точки зрения, являются не совокупностью визуального контента, платформ, игрового режима, системных требований и пр., а *многопользовательским виртуальным миром, существующим независимо от наличия в нем игроков или загрузки игры на конкретный носитель*. Сложность архитектуры онлайн-игры не позволяет воспринимать ее правовую природу как структуру из различных составляющих, потому что подобный взгляд не отражает сущности правоотношений, возникающих относительно этой игры, хотя, несомненно, с точки зрения архитектуры игра представляет собой сложную совокупность структурных элементов: программных и аппаратных.

В свою очередь особенности архитектуры парсинга — технологии отделения нужной информации посредством синтаксического и лексического анализа ее содержимого (не содержания, а именно содержимого) (*а именно кода веб-страницы целиком*) специальными программами-ботами (парсерами) с максимально возможной скоростью по заданным алгоритмам [16, с. 28–33] не позволяют сделать вывод о скорости и автоматизации работы приложения лишь умозрительно уже на стадии доследственной проверки.

Для подобных выводов необходимо проводить экспертное исследование. А перед экспертом поставить множество вопросов конкретного характера (то есть о конкретном сайте и конкретной парсинговой программе), например: наносит ли техническая составляющая правоотношения какой-либо вред, который может быть возмещен правовыми средствами (то есть материальный или моральный). Для ответа на него необходимо учесть огромное количество переменных неправового характера, а именно: как и каким образом создан конкретный сайт (веб-разработчиком или по шаблону), как и каким образом создан парсер (разработчиком или по шаблону), какие объемы сканируемых данных и какова рабочая область сканеров, насколько сконструированный парсер учитывает специфику сайта, какова его гибкость по отношению к изменениям сайта, какие сред-

ства и программные интерфейсы использовались и пр. Количество этих вопросов, например, при производстве экспертизы для установления даже гражданско-правового вреда, может достигать нескольких десятков.

Еще сложнее криминалистическое исследование при расследовании преступлений, причиняющих вред критической информационной инфраструктуре РФ (ст. 274¹ УК РФ). Напомним, что критическая информационная инфраструктура представляет собой *информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления субъектов критической информационной инфраструктуры, а также сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия этих объектов.*

Иными словами, восприятие комплексных цифровых технологий с точки зрения диспозиции ст. 272 УК РФ порождает череду заблуждений как доктринального, так и правоприменительного характера. Поскольку любой цифровой (компьютерный, кибер, и пр.) объект содержит в себе *программный компонент* (software), то при структурном восприятии его архитектуры и исключении из нее *аппаратного компонента* (hardware) каждое из цифровых правоотношений можно свести до правоотношений с компьютерной информацией. Это, в свою очередь, повлечет за собой в корне неверную оценку как сущности правоотношения, так и характера действий его участников, а следовательно, ошибку в предмете и способах доказывания.

Самая же главная проблема в том, что мы хотим понимать под цифровой криминалистикой. Цифровые способы исследования доказательств в рамках криминалистической техники? Цифровые способы получения доказательств в рамках рекомендаций по криминалистической тактике? Цифровые объекты и предметы как предмет криминалистического исследования, что является частью криминалистической техники, так и частью совершенного преступления, и может вовсе не формировать отдельной проблемы для криминалиста, но создавать целый их ряд следствию и суду (как в случае со всеми без исключения статьями главы 28 УК РФ о преступлениях в сфере компьютерной информации)? [19, с. 25–34; 20, с. 80–87].

В последние годы большое значение получили различные компьютерные технологии, используемые в борьбе с преступностью. Вместе с тем, следует отметить, что известное в зарубежных странах явление digital forensics, которое у нас ошибочно переводят как «цифровая криминалистика» на самом деле, представляет собой раздел

криминалистической техники, посвященный восстановлению и исследованию доказательств, обнаруженных на цифровых устройствах или в Интернете, как правило, в связи с расследованием киберпреступлений.

Последнее утверждение, впрочем, не должно восприниматься как отождествление цифровой криминалистики и киберпреступности. Более того, само понятие forensics представляет собой раздел расследования, осуществляемый специалистами-криминалистами в классическом их понимании (судебные медики, трасологи, баллистики, генетики и пр.). Потому цифровая криминалистическая техника вполне успешно применяется и при расследовании традиционных преступлений, в случаях, когда часть доказательств имеет цифровую форму – например, в виде электронной переписки, перевода денежных средств с использованием систем дистанционного банковского обслуживания (ДБО) и т.д. Именно поэтому внутренняя структура цифровой криминалистической техники довольно сложна и варьируется в зависимости от объекта и предмета исследования, вида преступлений и преступности, особенностей исследования.

В зарубежных странах, например в США, Республике Корея, КНР, известная нам криминалистическая экспертиза не существует в качестве отдельного процессуального действия, имеющего определенные временные границы назначения, проведения и дачи заключения. На смену такой экспертизе пришло сопровождение процесса выявления, раскрытия и расследования преступлений специалистами-криминалистами, в том числе и в сфере цифровой информации.

С целью обеспечить непрерывный процесс такого сопровождения создаются центры цифровой криминалистики (например, Национальный центр цифровой криминалистики при Прокуратуре Республики Корея), исследовательские институты (такие, как Исследовательский центр цифровой криминалистики при Университете Корея). Сотрудниками этих учреждений разрабатываются не привычные нам методики расследования преступлений и экспертизы, а алгоритмы криминалистического сопровождения. В большинстве случаев речь идет о программном обеспечении, которое гарантирует постоянный доступ субъекта расследования к цифровому анализу.

Основой таких систем являются анализ больших данных, анализ работы систем дистанционного банковского обслуживания (далее по тексту – ДБО), искусственный интеллект и применение программного обеспечения (далее по

тексту – ПО) на основе нейросетей. Сравнительно небольшое количество сотрудников, разработанные ими алгоритмы и программы, автоматически обнаруживают и фиксируют следы при совершении различных видов преступлений посредством автоматического изучения активности вредоносных программ, логов, сетей, больших данных. Соответственно, сбор информации и ее документирование осуществляется не человеком, т.е. специалистом, сотрудником полиции, прокурором или следователем прокуратуры, а специализированным программным обеспечением (ПО), фактически парсером-ботом. На основе анализа собранной информации следственная команда или детектив получает необходимые им сведения по заданной комбинации и критериям анализа, которые могут быть использованы не только для расследования конкретного деяния, но для выявления и предотвращения преступлений вообще.

Таким образом, принятое в Российской Федерации толкование цифровой криминалистики как направленного исследования электронных доказательств с помощью специалистов и экспертов, неверно или просто ошибочно.

Закономерно в данном случае обратиться к сравнительному исследованию, задавших вопросом: каким образом вопрос оценки цифровых доказательств разрешается в зарубежных странах, особенно в странах, которые являются ветеранами и монополистами цифрового рынка. Таких стран несколько, однако нам наиболее интересным представляется опыт США, поскольку их нормативное регулирование цифровых отношений насчитывает более трех десятков лет [19, с. 43–50].

Дискуссии о том, как суд должен подходить к оценке цифровых доказательств, в научной доктрине США не существует. Это сразу позволяет нам заключить, что американский опыт развития уголовного судопроизводства и теории доказательств отличается от российского по ряду существенных признаков. Криминалистический анализ цифровых доказательств экспертами США осуществляется по совершенно иной системе и, как правило, при помощи разработанных средств программного обеспечения, технических устройств, систем и пр., а не при помощи людей – фактор специальных знаний человека играет здесь достаточно незначительную роль.

Как отмечают исследователи вопроса, для формирования цифрового доказательства более не требуются научное образование и годы экспертного опыта [20, с. 32–46] – все делают устройства. Это в итоге приводит к тому, что профессиональная квалификация эксперта обесценивается,

а вместе с ней снижаются и реальные знания. Поэтому, в большей степени, американские специалисты по вопросам цифровых доказательств, как и ученые – специалисты в проблемах уголовного судопроизводства, дискутируют о том, как наиболее эффективно и достоверно сформировать и подтвердить экспертные знания, причем не только применительно к цифровой экспертизе, но любые экспертные знания в любой области [21].

Уголовная система США существенно отличается от уголовной системы РФ на всех ее уровнях, начиная от состава преступления и заканчивая профессиональной подготовкой сотрудников правоохранительных органов. Несомненно, что, исходя даже из современного понимания уголовной политики российскими учеными, иначе и быть не может. Взаимопроникновение теории и практики, состоящее из положений закона и применения этих положений, оценка эффективности достижения целей уголовного права и судопроизводства, пенитенциарного права, скорость расследования и рассмотрения дела в суде, уровень криминологического рецидива, ошибки квалификации и правоприменения формируют и развивают уголовную политику, продвигая ее вперед. Одновременно, такой процесс взаимопроникновения индивидуализирует систему под конкретное государство, делая процесс слепой адаптации не только не нужным, но опасным и разрушительным.

Потому, для начала подготовки криминалистической и правоохранительной составляющей уголовной политики России к цифровизации криминалистики, необходимо, как мы считаем, задаться вопросом о готовности более «старших» ее подсистем – материальной и процессуальной. Очевидно значительное количество квалификационных ошибок, допущенных при применении статей главы 28 УК РФ, показывает, что к цифровизации не готова не столько криминалистика, сколько уголовное право. Без изменений в УК РФ, которые повлекут, закономерно, изменения в предмете доказывания, в методиках расследования, цифровые криминалистические возможности не приведут к положительному эффекту. Не зная, что именно будет служить основанием для признания цифрового доказательства относимым, допустимым, достоверным – ведь состав преступления и толкование статьи УК РФ содержат законодательную ошибку – невозможно установить, что, как и кем должно быть доказано в процессе расследования.

Исследуя нормы уголовно-процессуального права, мы видим, что в единственной норме – в ст. 164¹ УПК РФ – законодатель называет в ка-

честве возможных элементов цифровой криминалистики электронные носители информации и определяет процессуальный порядок работы с ними. О более сложных материально-цифровых выражениях цифровизации в УПК РФ (да и в УК РФ) нет ни слова. Кроме того, ст. 164¹ УПК РФ налагает категорический запрет на самостоятельное исследование компьютерной информации, напоминая, что юрист знает право — но специальные знания могут быть применены лишь экспертом и специалистом. Тем самым УПК РФ прямо отвечает на заданный нами в начале этой статьи вопрос — что конкретно является определяющим для расследования, цифровой или аналоговый носитель? Лишая следователя (дознателя) возможности самостоятельно исследовать объекты в цифровой форме, законодатель указывает, что доказательством по делу будет являться не сам объект, а заключение эксперта (показания специалиста), закрепленные в классической аналоговой форме — в виде заключения, протокола допроса или протокола судебного заседания.

Это же подтверждает то, что принцип гласных методов получения доказательств, все еще является определяющим для всего уголовного процесса. Напомним, что в начале этой статьи мы упоминали о возможности проведения онлайн-допросов и об участии в деле по видеоконференц-связи. Здесь нам хотелось бы пояснить, что такая возможность ни в коем случае не должна признаваться цифровой: видеоконференц-связь, равно как оповещение по СМС или по сотовой связи, не является способом цифрового протоколирования течения процесса, а представляет собой аналог уведомления, проведения допроса или участия в процессе в реальном времени, но без физического присутствия в зале судебного заседания. При этом в ходе видеоконференц-связи осуществляются все необходимые этапы и процедуры, от ведения аудио-протокола одновременно с традиционным протоколированием хода судебного заседания, включая установление личности и соблюдение иных процессуальных требований.

Именно потому недопустимо приравнивать любое подобное действие к возможности осуществления онлайн-допроса в ходе предварительного расследования. Во-первых, совершенно очевидно, что принцип гласности, практически неограниченный на стадии судебного разбирательства, крайне усечен на стадии предварительного расследования. Институт тайны следствия, адвокатской тайны, презумпции невиновности, отсутствия обязательного требования к непосредственности, единоличное выполнение следственного действия

без открытости его процедуры, отсутствие требования к двойному протоколированию и пр. не только не гарантируют, а будут способствовать возникновению злоупотреблений, что неоднократно подчеркивалось в литературе [22].

Во-вторых, нарушаются требования к относимости, допустимости и достоверности доказательств, как, собственно, это неоднократно обсуждалось применительно к результатам ОРМ как источнику доказательств и критериям законности таких доказательств. Мы должны помнить, что чем меньше гарантий законности устанавливает норма процессуального закона, тем меньше доказательственная значимость — это основополагающий принцип построения в том числе норм УПК РФ.

Подводя итог, нам бы хотелось заключить, что вопрос о цифровой криминалистике не просто является открытым — на данном этапе правовой эволюции не существует предпосылок к его возникновению. Этот вывод мы делаем на основании следующего:

1) цифровизация криминалистики невозможна на стадии, когда цифровой формат и способ сохранения не являются основным, неизменным и безальтернативным;

2) уголовно-процессуальный закон в категорической форме отрицает любые неаналоговые формы сохранения информации;

3) предмет криминалистического исследования в случае с цифровыми предметами и объектами на данной стадии не имеет однозначного правового выражения и регулирования, что делает невозможным его выделение в отдельную группу;

4) в подавляющем большинстве случаев цифровая форма не требует дополнительного, неизвестного ранее способа приложения криминалистических знаний, приемов и способов;

5) выделение цифровых доказательств необходимо лишь там, где речь идет об исключительно цифровых преступлениях, каковых, по состоянию на 2020 г., в УК РФ не было. Построение цифровой криминалистики по аналогии с зарубежными системами криминалистических исследований и оценки их результатов полностью противоречит сложившейся в РФ системе права и, в силу этого, не способно повлечь даже незначительного улучшения эффективности и результативности расследования.

Следует отметить, что во всем мире в криминалистике вещественным доказательством является именно электронный носитель цифровой информации (флэш-карта, диск, телефон, смартфон, айфон, планшет, компьютер и т.п.), а вот полученная из него цифровая информация становится доказатель-

ством только после исследования самого носителя специалистом или посредством заключения соответствующей экспертизы. Поэтому цифровая информация становится доказательством только в виде заключения эксперта или заключения специалиста, т.е. после ее специальной обработки и исследования. В этом ее особенность и отличие, например, от письменного документа, который сам по себе, а также изложенная в нем информация являются самостоятельным и совместным доказательством, не требующим обязательного экспертного исследования, и может исследоваться следователем (дознавателем) лично, без участия специалиста, а только с помощью своих рецепторов восприятия.

В последние годы большое значение получили различные криминалистические компьютерные технологии, используемые в борьбе с преступностью. Вместе с тем следует отметить, что российское понятие «цифровая или электронная криминалистика», известное в зарубежных странах так же, как Digital forensics или Electronic forensics, на самом деле, представляет собой раздел криминалистической техники, посвященный восстановлению и исследованию доказательств, обнаруженных на цифровых устройствах или в Интернете, и, как правило, в связи с расследованием киберпреступлений. Последнее утверждение, впрочем, не должно восприниматься как отождествление цифровой криминалистики и расследование только преступлений в области киберпреступности.

Криминалистическое исследование носителей цифровой информации вполне успешно применяется при расследовании традиционных преступлений в случаях, когда часть доказательств имеет цифровую форму – например, в виде электронной переписки, перевода денежных средств с использованием систем дистанционного банковского обслуживания (далее по тексту – ДБО) и т.д. Именно поэтому внутренняя классификация криминалистического исследования электронных носителей цифровой информации довольно сложна и варьируется в зависимости от объекта и предмета исследования, вида преступлений и преступности, особенностей исследования.

Принятое в нашей стране толкование «электронной, компьютерной или цифровой криминалистики» как направленного исследования электронных доказательств с помощью специалистов и экспертов, неверно или просто ошибочно.

Фактически же цифровая криминалистика (digital forensics) представляет собой сложную систему, включающую совокупность постоянно работающих программных обеспечений (программ) для исследования цифрового пространства в ней-

росетях, в целях предотвращения и выявления преступлений, анализ цифрового материала, а также направленного исследования конкретных электронных носителей цифровых данных или самих данных (например, логов) для выявления следов конкретного преступления в цифровой среде. При этом ведущую роль в «цифровой криминалистике», в отличие от науки криминалистики «традиционного» типа, играет именно специализированное программное обеспечение (ПО) и широта его возможностей, а не специалист или эксперт, – проще сказать, не человек. Результат этого процесса просто выводится тем же ПО на монитор электронного гаджета, где может быть изучен следователем с помощью соответствующего специалиста.

Объясняется это тем, что сложность и многослойность цифровых устройств, их технические характеристики, а также действия преступников в цифровом пространстве настолько ускорены и усовершенствованы возможностями этого пространства, что человеческий мозг не в силах противостоять им в одиночку. Таким образом, специалист-криминалист превращается, по сути, в обслуживающий персонал при электронном инструменте криминалистического исследования.

В настоящее время в этой деятельности все шире используются возможности компьютеров, снабженных соответствующим программным обеспечением. Во многих технически развитых странах уже разработаны и успешно работают специальные компьютерные программы, которые сами автоматически обнаруживают и фиксируют следы при совершении различных видов киберпреступлений. То есть документирование цифровых следов киберпреступлений осуществляется не лично самим детективом-полицейским, а специальным компьютерным, цифровым роботом.

У нас же в стране эту инновацию не совсем верно назвали «электронной или цифровой криминалистикой», определив ее предназначение только в исследовании электронных носителей цифровой информации с помощью специалистов в области IT-технологий. Это в корне не верно. Это задача только судебных экспертов, а не следователей. На самом же деле «цифровая криминалистика – digital forensics» – это специальная IT-программа (программное обеспечение), по своей сути, компьютерный робот с зачатками искусственного интеллекта [23].

Развитие научно-технического прогресса в нашей стране и в мире предсказуемо сказалось на развитии такой особенной науки криминального блока юридических дисциплин, какой и является криминалистика. Исследование этого процесса

показало, что большинство специалистов в области криминалистики просто загорелись развитием идеи создания так называемой «цифровой криминалистики». Появились различные точки зрения по данному вопросу, на конференциях и круглых столах разные представители научной общественности стали амбициозно доказывать, что современная криминалистика стала «уходить» своими корнями в «цифру», что появился новый вид науки — «цифровая криминалистика», которая имеет свою методологию, предмет исследования и все иные признаки новой современной науки.

Стали появляться учебники и пособия по «цифровой криминалистики», в которых, с неким упорством, обосновывалась идея появления в криминалистике особых доказательств — цифровых и, соответственно, науки, которая, ну просто, обязана их исследовать. Но самое интересное, что подметили авторы настоящей статьи, это то, что большинство разработчиков всех вышеуказанных идей, за редким исключением, сами-то в основном являются не более чем неплохими пользователями компьютерами и иными гаджетами и понятия не имеют, что же такое IT-технологии, компьютерные программы, нейросети, т.е. не являются по своему основному образованию инженерами-программистами. Ну, появилось в научном сообществе модное словечко, все за него ухватились двумя руками и стали повсеместно использовать, не вдаваясь в его суть и значение.

На наш взгляд, этот дилетантский подход к предмету, не входящему в структуру юридического образования и науки, привел к тому, что у нас в криминалистике образовалась псевдонаправление, именуемое «цифровой криминалистикой», которое на самом деле представляет собой слэнговое слово (профессиональное аргю, жаргонизм), используемое для обозначения того, о чем многие и понятия не имеют. Авторы настоящей статьи считают, что этот термин является просто мифическим, некая дань научной моде.

Если проанализировать генезис науки криминалистики [24], то мы увидим, что в начале XIX в., например, в России, преступниками стали активно применяться автомобили, а полиция также стала активно применять их в своей деятельности. Но никакая «автомобильная криминалистика» не появилась, да и ученым того времени и в голову не пришла такая «сногшибательная» и абсурдная мысль применить такое название или рассуждать о его создании. То же самое касается и периода появления самолетов или иной техники.

Наверное, научному миру надо просто успокоиться и прийти к выводу, что эволюция способов

совершения преступлений и орудий преступлений не всегда требует эволюции науки криминалистики и появления ее разновидностей. Надо просто оценить перспективы экстраполяции способов и методик доказывания обстоятельств совершения преступлений в эпоху цифровизации общественных отношений с точки зрения положений современной криминалистики и всего криминального научного блока. И не следует отрывать науку криминалистику от права, от юридического ее обеспечения, не превращать криминалистику в науку расследования преступлений по научным «понятиям», не основанным на законе.

Вместе с тем криминалистика признает наличие такой науки, как информатика, под которой понимается техническая наука, систематизирующая приемы создания, хранения, обработки и передачи информации средствами электронно-вычислительной техники, а также принципы функционирования этих средств и методы управления ими. За рубежом, во многих англоязычных странах она также называется «computer science» — компьютерная техника. Теоретической основой информатики является группа фундаментальных наук, основанных на физике и высшей математике. Поэтому никакой юриспруденции в данной науке нет. На профессиональном слэнге компьютерщиков («Гишников») эта наука изучает «железо» и его «начинку», т.е. технические средства, а также операционные системы, программы и все, что связано с функционированием этих технических средств и их «начинкой». А под цифровой информацией понимаются сведения (сообщения, данные), которые обращаются в информационно-телекоммуникационных устройствах, их системах и нейросетях. Эта информация, как уже указывалось автором выше, кодируется с помощью всего двух цифр 0 и 1 в различных вариациях.

Задача криминалистики — научить следователя как можно получить эту цифровую информацию и доказать, что она принадлежит конкретному субъекту расследования — фигуранту уголовного дела. Это и есть основная задача криминалистики при повальной цифровизации криминальной деятельности.

Ввиду того, что законодатель положением ст. 164.1 УПК РФ фактически запретил следователю самому исследовать электронный носитель цифровой информации и извлекать ее из него, то здесь существуют несколько тактических рекомендаций и моментов:

1. При обнаружении электронного носителя цифровой информации (компьютер, ноутбук,

планшет, выносной диск, флэш-карта, айфон, смартфон, телефон и п.т. предметы (гаджеты), следователь должен его просто осмотреть и изъять, в порядке, указанном в УПК РФ. Ничего нового здесь нет. В данном случае применяются все классические тактические рекомендации, применительно к тактике выемки, осмотра, обыска. Электронный носитель цифровой информации является обычным вещественным доказательством по уголовному делу. Ни о каком особенном виде криминалистики в данном случае говорить не приходится. Все как обычно. В данном случае компьютер сильно не будет отличаться от, например, пистолета или табуретки. Особенности же, конечно, будут, но не принципиальные.

2. В дальнейшем электронный носитель цифровой информации направляется на соответствующую экспертизу, и эксперт (не следователь или оперативный сотрудник) изучает его и «извлекает» из него необходимую следствию цифровую информацию, а следователь получает только соответствующее экспертное заключение, которое является самостоятельным доказательством по уголовному делу. В данном случае следует сделать вывод о том, что следователь будет изучать цифровую информацию при помощи экспертного заключения, т.е. судебно-экспертной деятельности, а не криминалистической (т.к. это теперь две разные науки в паспорте научных специальностей).

3. Поэтому получается два направления в нашей научной деятельности:

- а) Криминалистическое исследование электронных носителей цифровой информации;
- б) Экспертное исследование цифровой информации, содержащейся в электронном носителе и экспертное обеспечение криминалистической деятельности по исследованию электронных носителей цифровой информации.

Автор считает, что российские термины «электронная криминалистика», «компьютерная криминалистика» и «цифровая криминалистика» являются

неверными, это просто некая дань научной моде, т.к. априори такой криминалистики в природе не существует. На самом же деле, как уже указывалось автором выше в настоящей статье, «цифровая криминалистика» – это «digital forensics», программное обеспечение или специальная компьютерная программа, разработанная в ряде развитых стран, направленная на автоматическое обнаружение, фиксацию и документирование цифровых следов преступлений. У нас же пока следует говорить только о криминалистическом или об экспертном исследовании носителей цифровой (электронной или компьютерной) информации.

Следовательно, ни о каких «цифровой криминалистики» или «цифровой экспертизе» и речи быть не может. Криминалистика делает свое дело, а судебная экспертиза свое. А в своей совокупности они вместе способствуют объективному установлению всех обстоятельств совершенного преступления.

Поэтому в настоящей статье, с позиции логики и здравого смысла, автор попытается доказать научному сообществу, что легальной или научной дефиниции «цифровая криминалистика» просто не существует.

Также следует отметить, что в науке криминалистике, в разделе криминалистической техники, логично должно появиться и развиваться новые направления – «криминалистическое исследование электронных носителей цифровой информации» и «использование возможностей компьютерных экспертиз в установлении всех обстоятельств совершенного преступления», и как новый раздел науки криминалистики – «экспертное обеспечение криминалистической деятельности». Здесь должна применяться стандартная и традиционная криминалистическая методология, которая будет направлена на то, чтобы «привязать» любой электронный носитель цифровой информации и саму цифровую информацию к конкретному преступлению и к конкретному лицу. А это исконная, традиционная задача только науки криминалистики [24].

Литература

1. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: монография / под ред. Н.П. Яблокова. М.; Калининград: Калинингр. ун-т. 1997. 248 с.
2. Зорин Г.А. Криминалистическая методология: монография. Минск: Амалфея, 2000. 608 с.
3. Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности: Методология криминалистической деятельности: монография. Н. Новгород: НЮИ, 1997. 334 с.
4. Кустов А.М. Криминалистическое учение о механизме преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 355 с.
5. Волынский А.Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 65 с.
6. Ищенко Е.П. Криминалистика: курс лекций. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2007. 220 с.

7. Мерецкий Н.Е. Применение оперативно-тактических комбинаций в раскрытии и расследовании преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 475 с.
8. Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. 388 с.
9. Дранкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций: монография. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 164с.
10. Лавров В.П. Криминалистические основы расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: монография. М.: Московский ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2018. 155 с.
11. Кучин О.С. Перспективы внедрения метода онлайн-допроса в ходе расследования преступлений: статья / Научные труды. Российская академия юридических наук. М., 2019. Вып. 19. С. 818–821.
12. Апокин И.А., Майстров Л.Е. История вычислительной техники. М.: Наука, 1990. 264 с.
13. Larry J. Personal computing: the post-PC era. Communications of the ACM Press, 1999, vol. 42, no. 10, pp. 21–24.
14. Millard N.J. Talking to technology: will we be speaking to our gadgets in a post-PC world? Newgate: British Telecommunications, 2018.
15. Колдин В.Я. Криминалистика: теоретическая наука или прикладная методология? // Вестник Московского университета. 2000. № 4. С. 3–19.
16. Кулебякин Р.Б., Частухина Л.В., Жилина Е.В. Синтаксический анализ текста в интернете. Парсинг // Сб. статей международной научно-практической конференции «Эволюция современной науки». 2017. С. 28–33.
17. Кучина Я.О. Понятие компьютерной информации и его влияние на квалификацию преступлений, предусмотренных статьей 272 Уголовного кодекса Российской Федерации // Академический юридический журнал. 2019. № 2 (76). С. 25–34.
18. Кучина Я.О. Содержание понятия «компьютерная информация» в статье 272 Уголовного кодекса Российской Федерации // Российское правосудие. 2019. № 8. С. 80–87.
19. Meyers M., Rogers M. Digital forensics: meeting the challenges of scientific evidence. IFIP International Conference on Digital Forensics, 2005, pp. 43–50.
20. Huebner E., Bem D., Bem O. Computer forensics — past, present and future. Information security Technical report, 2008, 8(2), 2008, pp. 32–46.
21. Anderson P., Dornseif M., Freiling F. C., Holz T., Irons A., Laing C., Mink M. A comparative study of teaching forensics at a university degree level. IT-Incident Management & IT-Forensics-IMF, 2006, pp. 116–127.
22. Халиков А.Н. Должностные насильственные преступления, совершаемые в правоохранительной сфере: характеристика, психология, методика расследования. М.: Wolters Kluwer Russia, 2011. 300 с.
23. Кучин О.С. Электронная криминалистика: миф или реальность // Академическая мысль. 2019. № 3. С. 67–70.
24. Кучин О.С. История криминалистики: учебник (для бакалавров и специалистов). М.: ПАБЛИТ, 2019. 110 с.

References

1. Volcheckaja T.S. Kriminalistieskaja situologija: monografija [Forensic citologia: monograph]. Ed. Prof. N.P. Jablovok. Moskva; Kaliningr. un-t. Kaliningrad, 1997. p. 248. (In Russian)
2. Zorin G.A. Kriminalisticheskaja metodologija: monografija [Criminalistic methodology: monograph]. Minsk: Amalfeya Publ., 2000. 608 p. (In Russian)
3. Lubin A.F. Mehanizm prestupnoj dejatel'nosti: metodologija kriminalisti4eskoj dejatel'nosti: monografija [Mechanism of criminal activity: methodology of criminalistic activity: monograph]. Nizhny Novgorod, NUI Publ., 1997. 334 p. (In Russian)
4. Kustov A.M. Kriminalisti4eskoe uchenie o mehanizme prestuplenija [Criminalistic teaching about the mechanism of crime]. Diss. ... dokt. jur. nauk. Moscow, 1997. 355 p. (In Russian)
5. Vololynskij A.F. Konceptual'nye osnovy tehniko-kriminalisticheskogo obespechenija raskrytija i rassledovanija prestuplenij [Conceptual foundations of technical and forensic support for the detection and investigation of crimes]. Diss. ... dokt. jur. nauk. Moscow, 1999. 65 p. (In Russian)

6. *Ischenko E.P.* Kriminalistika: kurs lekcij [Criminalistics: course of lectures]. Moscow, law firm “Contact” Publ., 2007. 220 p. (In Russian).
7. *Mereckij N.E.* Primenenie operativno-taktičeskikh kombinacij v raskrytii i rassledovanii prestuplenij [The use of operational and tactical combinations in the detection and investigation of crimes]. Diss. ... dokt. jur. nauk. Moscow, 2001. 475 p. (In Russian)
8. *Karagodin V.N.* Osnovy kriminalisticheskogo uchenija o preodolenii protivodejstvija predvaritel’nomu rassledovaniju [Fundamentals of criminalistic teaching on overcoming counteraction to preliminary investigation]. Diss. ... dokt. jur. nauk. 12.00.09. Yekaterinburg, 1992. 388 p. (In Russian)
9. *Drapkin L.Ja.* Osnovy teorii sledstvennyh situacij: monografija [Fundamentals of the theory of investigative situations: monograph]. Sverdlovsk: Ural un-t Publ., 1987. 164 p. (In Russian)
10. *Lavrov V.P.* Kriminalisticheskie osnovy rassledovanija neraskrytyh prestuplenij proshlyh let: monografijam [Criminalistic bases of investigation of unsolved crimes of the past years: monograph]. Moscow: 2018. 155 p. (In Russian).
11. *Kuchin O.S.* Perspektivy vnedrenija metoda onlajn-doprosa v hode rassledovanija prestuplenij [Prospects for implementing the online interrogation method in the course of crime investigation]. In *Nauchnye trudy. Rossijskaja akademija juridicheskikh nauk [Scientific works. Russian Academy of legal Sciences]*. Editors A.K. Golichenkov, V.V. Gryba, E.A. Sukhonov, S.M. Shakhrai, A.E. Sherstobitova. Issue 19. Moscow, 2019, pp. 818–821. (In Russian)
12. *Apokin I.A., Majstrov L.E.* Istoriya vychislitel’noj tekhniki [History of computer technology]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 200 p. (In Russian)
13. *Larry J.* Personal computing: the post-PC era. Communications of the ACM Press, 1999, vol. 42, no. 10, pp. 21–24. (In English)
14. *Millard N.J.* Talking to technology: will we be speaking to our gadgets in a post-PC world? Newgate: British Telecommunications, 2018. (In English)
15. *Koldin V.Ya.* Kriminalistika: teoreticheskaya nauka ili prikladnaya metodologiya? [Criminalistics: theoretical science or applied methodology?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]*, 2000, no. 4, pp. 3–19. (In Russian)
16. *Kulebyakin R.B., Cnastuhina L.V., Zhilina E.V.* Sintaksicheskij analiz teksta v internete. Parsing [Syntactic analysis of the text on the Internet. Parsing]. In *Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii “Evoljucija sovremennoj nauki” [Collection of articles of the international scientific and practical conference “Evolution of modern science”]*, 2017. pp. 28–33. (In Russian)
17. *Kuchina Ya.O.* Ponyatie komp’yuternoj informacii i ego vliyanie na kvalifikaciju prestuplenij, predusmotrennyh stat’ej 272 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii [The Concept of computer information and its influence on the qualification of crimes under article 272 of the Criminal code of the Russian Federation]. *Akademičeskij juridičeskij zhurnal [Academic Legal Journal]*, 2019, no. 2 (76), pp. 25–34. (In Russian)
18. *Kuchina Ya.O.* Soderzhanie ponyatiya “komp’yuternaya informacija” v stat’e 272 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Content of the concept of “computer information” in Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Rossijskoe pravosudie [Russian justice]*, 2019, no. 8, pp. 80–87. (In Russian)
19. *Meyers M., Rogers M.* Digital forensics: meeting the challenges of scientific evidence. IFIP International Conference on Digital Forensics, 2005, pp. 43–50. (In English)
20. *Huebner E., Bem D., Bem O.* Computer forensics — past, present and future. Information security Technical report, 2008, 8(2), 2008, pp. 32–46. (In English)
21. *Anderson P., Dornseif M., Freiling F. C., Holz T., Irons A., Laing C., Mink M.* A comparative study of teaching forensics at a university degree level. IT-Incident Management & IT-Forensics-IMF, 2006, pp. 116–127. (In English)
22. *Halikov A.N.* Dolzhnostnye nasil’stvennye prestupleniya, sovershaemye v pravoohranitel’noj sfere: harakteristika, psihologiya, metodika rassledovaniya [Features of investigation of receiving bribes by law enforcement officials]. Moscow, Wolters Kluwer Russia Publ., 2011. 300 p. (In Russian)
23. *Kuchin O.S.* Jelektronnaja kriminalistika: mif ili real’nost’: stat’ja [Electronic criminalistics: myth or reality]. *Akademičeskaja mysl’ [Academic Thought]*, 2019, no. 3. pp. 67–70. (In Russian)
24. *Kuchin O.S.* Istoriya kriminalistiki: uchebnik (dlja bakalavrov i specialistov) [History of criminalistics: textbook (for bachelors and specialists)]. Moscow, PABLIT Publ., 2019. 110 p. (In Russian)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СОСТОЯНИЯ ОПЬЯНЕНИЯ В СИСТЕМЕ НОРМ ОБЩЕЙ И ОСОБЕННОЙ ЧАСТЕЙ УК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Саргсян Аделина Арменовна

Цель: проанализировать законодательную регламентацию уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, а также разработать ряд предложений и рекомендаций, направленных на совершенствование норм Общей и Особенной части в данной сфере.

Методология: дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Только лишь совершение преступления в состоянии опьянения не должно автоматически влечь за собой признание его в качествеотягчающего обстоятельства, поскольку опьянение может быть случайным эпизодом в жизни лица, отнюдь не свойственным ему, а потому представляется необходимым детальная регламентация и проявление дифференцированного подхода к различным случаям совершения преступления в состоянии опьянения. Согласно ст. 23 УК РФ, «лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности», а согласно статье 27 УК РА, «лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, не освобождается от уголовной ответственности». Необходимо отметить, что ни Уголовный кодекс РА, ни Уголовный кодекс РФ не предусматривают легального определения состояния опьянения, что, в свою очередь, создает затруднения в правоприменительной практике. Многочисленные вопросы возникают при регламентации уголовной ответственности лиц, совершивших транспортные преступления в состоянии опьянения. В статье проводится сравнительно-правовой анализ Уголовных кодексов Российской Федерации, Республики Армения и некоторых других стран, приводятся обоснованные рекомендации по совершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере. Приводятся научно обоснованные рекомендации, направленные на совершенствование действующего законодательства и практики его применения относительно вопроса уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения.

Научная и практическая значимость. Полученные в результате проведенного исследования выводы могут способствовать восполнению пробелов и устранению недостатков в законодательном регулировании вопросов уголовной ответственности лиц, находящихся в состоянии опьянения, и практики их применения.

Ключевые слова: алкогольное опьянение, невменяемость, транспортное средство, добровольное и недобровольное опьянение, административная преюдиция, уголовная ответственность, отягчающее обстоятельство, психическое расстройство, смягчающее обстоятельство, двойная превенция.

Одним из распространенных преступлений, характеризующихся высокой степенью общественной опасности, выступают преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения. В то время как в теории уголовного права и право-

применительной практике не выработано единства мнений по различным аспектам состояния опьянения и уголовной ответственности лиц. Так, в теории уголовного права представлены различные определения рассматриваемого состояния.

В частности, согласно А.В. Наумову «состояние опьянения — это состояние человека, возникающее в результате произвольного употребления им алкогольных напитков и наркотических средств, при этом поведение человека находится в прямой зависимости от дозы употребленных им веществ» [1, с. 178]. По мнению Е.А. Шищенко, «опьянение в уголовном праве — это такое состояние, при котором вменяемое лицо не осознает фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) в полном объеме, либо не в полной мере может руководить ими в результате осознанного употребления алкоголя, наркотических или других одурманивающих средств» [2, с. 5].

Интересной, но весьма спорной является точка зрения Г.А. Юрова, относящего к понятию «опьянения» случаи употребления лицом алкоголя [3, с. 30]. Полагаем, что в данном случае автор излишне ограничивает состояние опьянения, относя к нему лишь алкогольное опьянение.

Существует точка зрения, согласно которой под опьянением следует понимать состояние, при котором вменяемое лицо не в полной мере осознает фактический характер и (или) общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководит ими в результате осознанно-волевого употребления алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ [4, с. 67–71]. Мы принципиально не согласны с приведенным определением, учитывая то обстоятельство, что нахождение в состоянии опьянения отнюдь не всегда является следствием осознанно-волевых действий субъекта. Практика показывает, что во многих случаях лицо доводится до состояния алкогольного против своей воли, вследствие обмана. Следует отметить, что данный подход нашел свое отражение в проекте нового уголовного кодекса Республики Армения, согласно которому «Физическое или психическое принуждение, обман, а также доведение до состояния опьянения (пьянства) лицом, совершившим преступление, или пренебрежение его волей является обстоятельством смягчения наказания и ответственности лица, совершившего преступление». Заслуживают внимания и вопросы, возникающие непосредственно при применении соответствующих норм Особенной части УК РФ и РА и их дальнейшего совершенствования, криминализации новых общественно опасных деяний, что также будет предметом рассмотрения настоящей статьи.

Сам по себе факт, что напиток (или наркотик), известный подсудимому как интоксикант, оказал

большее действие, чем он ожидал, не делает его опьянение произвольным [5, с. 29].

Не нашел также единства мнений вопрос относительно того, является ли опьянение психическим расстройством. В данном контексте следует рассмотреть категории физиологического и патологического опьянения, а также невменяемости и ограниченной вменяемости.

В теории уголовного права мнения разделились, и, следует отметить, что все же большинство ученых склоняются к той позиции, что лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения — не следует признавать невменяемым в виду отсутствия соответствующих критериев невменяемости. Однако если мы обратимся к позиции, нашедшей отражение в ч. 2 ст. 27 проекта нового УК РА, согласно которой «если лицо было доведено до состояния опьянения вследствие обмана, физического либо психического принуждения и вследствие этого не было способно осознавать противоправность своих действий или руководить ими, то оно не подлежит уголовной ответственности». Как видим, в данной норме фактически находят свое отражение признаки невменяемости. А вот что касается того обстоятельства, что в случае обычного состояния опьянения лицо также вполне возможно, что не может руководить своими действиями — то, на наш взгляд, все упирается в то обстоятельство, что лицо сознательно-волевыми действиями самостоятельно довело себя до состояния опьянения. Так, например, Коняхин В.П. отмечает, что «законодатель исходит из того, что человек добровольно, по своему желанию употребляет алкоголь, наркотические средства или другие вещества, знает заранее о характере их действия на организм и предвидит возможность своего неадекватного (преступного) поведения» [6, с. 42].

В связи с рассматриваемым вопросом необходимо отметить также подход, нашедший свое отражение в ст. 31 Римского статута, регламентирующий основания освобождения от уголовной ответственности. Так, «лицо не несет уголовной ответственности, если в момент совершения им деяния лицо находится в состоянии интоксикации, которое лишает его возможности осознавать противоправность или характер своего поведения или соотносить свои действия с требованиями закона, если только это лицо не подверглось добровольно интоксикации при таких обстоятельствах, при которых это лицо знало, что в результате интоксикации, им может быть совершено деяние, представляющее собой преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, либо про-

игнорировало опасность совершения им такого деяния».

В подтверждение нашей позиции следует привести подход швейцарского законодателя. Так, в ст. 264 УК Швейцарии отмечается, что ст. 263 «Совершение преступного деяния лицом в состоянии невменяемости, если до такого состояния он сам себя довел» гласит: «Кто является невменяемым вследствие того, что находится в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, до которого он сам себя довел, и в этом состоянии совершил преступное деяние, являющееся преступлением или проступком, наказывается тюремным заключением на срок до шести месяцев или штрафом». Норма аналогичного содержания предусмотрена в § 287 УК Австрии. Статья 35 УК Австрии, регламентирующая состояние опьянения, устанавливает: «Если лицо действовало в состоянии опьянения, не исключающем вменяемости, то это обстоятельство является смягчающим только постольку, поскольку оно тем самым не компенсирует относительное снижение способности быть вменяемым посредством упрека, который обосновывает употребление или использование опьяняющих средств в соответствии с обстоятельствами».

Необходимо также указать § 81 УК Австрии «Неосторожное убийство при наличии обстоятельств, связанных с особой опасностью для жизни или здоровья», согласно которому «Кто по неосторожности причиняет смерть другому человеку, если он перед совершением деяния, в том числе и по неосторожности, посредством употребления алкоголя или других одурманивающих средств поставил себя в состояние опьянения, не исключающее вменяемости, хотя он предусматривал или мог бы предусмотреть, что ему предстоит заниматься деятельностью, осуществление которой в таком состоянии связано с созданием опасности для жизни, здоровья или телесной целостности другого человека или способно увеличить такую опасность, наказывается лишением свободы на срок до трех лет». Сопоставительный анализ данной нормы со статьей 109 УК РФ наглядно указывает на отсутствие подобного регулирования в российском уголовном законодательстве.

Заслуживают внимания и нуждаются в анализе подходы, закрепленные в уголовных кодексах Исландии и Польши. Так, в ст. 17 УК Исландии закреплено, что «наказание не назначается, если в результате опьянения лицо полностью утратило сознательность, за исключением случая, когда это лицо заранее знало или имело все основания предполагать, что под влиянием или в результате такого состояния им будет совершено преступле-

ние». Согласно подходу исландского законодателя, добровольное приведение себя лицом в состояние алкогольного опьянения, тем не менее, рассматривается в качестве невменяемости, если в результате этого было потеряно самообладание. Подход заслуживает внимания, однако остается открытым вопрос относительно того, что означает выражение «если лицо заранее знало или имело все основания предполагать, что под влиянием алкоголя им будет совершено преступление». Полагаем, что законодатель имеет в виду наличие заранее у лица преступного намерения.

В ч. 1 и 2 ст. 31 УК Польши идет речь о невменяемости и ограниченной вменяемости, в то же время в ч. 3 данной статьи отмечается, что «Положения § 1 и 2 не применяются, когда виновный находился в состоянии опьянения или одурманивания, которое привело к невменяемости или ограниченной вменяемости, что он предвидел или мог предвидеть». Данный подход, на наш взгляд, аналогичен логике армянского законодателя, который, как и мы предложили чуть выше, базируется на том, что в данном случае лицо подлежит уголовной ответственности, поскольку соответствующее состояние ограниченной вменяемости у него наступило вследствие своих же добровольных действий. Более того, в уголовном законодательстве ряда государств предусмотрена самостоятельная уголовная ответственность за добровольное приведение себя в состояние опьянения, что также, безусловно, свидетельствует о необходимости повышенного внимания законодателя к вопросу состояния опьянения и ответственности лиц, совершивших преступление в этом состоянии. Так, например, УК Дании регламентирует, что любое лицо, которое умышленно или по грубой небрежности приводит себя в состояние алкогольного опьянения, подлежит штрафу или простому заключению под стражу, если при этом состоянии оно подвергает опасности других лиц или ценное имущество.

Следует также отметить дифференцированный подход итальянского законодателя к данному вопросу. Так, ст. 91 УК Италии предусматривает смягчение наказания за совершение преступления в состоянии опьянения в том случае, если состояние опьянения существенно ограничивало способность подсудимого осознавать свои действия, или если опьянение возникло в результате непредвиденного случая или непреодолимой силы. Как видим, в данной норме фактически ведется речь об уменьшенной вменяемости. Опьянение считается возникшим в результате непредвиденного случая, если лицо умеренно употребляло алкогольные на-

питки, однако опьянело в силу наличия у него заболевания, о котором оно не знало. Этим такого рода опьянение отличается от опьянения умышленного, когда лицо добровольно приводит себя в состояние опьянения, и неосторожного, когда лицо приходит в состояние опьянения по причине своей небрежности или невнимательности.

Наумов А.В. отмечает, что «опьянение не является психическим расстройством и поведение виновного обуславливается его воспитанием, культурным уровнем, привычками, но в то же время все может повлечь утрату лицом способности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими» [7, с. 39]. Противоположной точки зрения придерживаются такие ученые, как Б.С. Бейсенов, Н.С. Таганцев. Так, Б.С. Бейсенов утверждает, что «При полном опьянении, безусловно, имеются и медицинские, и юридические критерии невменяемости». Известный российский ученый Н.С. Таганцев, выделяя полное и неполное опьянение, также отмечает, что «к опьянению полному нужно отнести не только наступление полной бессознательности и сна, но и ту стадию, когда опьяневший утрачивает способность распознавать зависимость и причинную связь явлений, когда под влиянием ненормального состояния органов чувств сфера его представлений получает субъективную окраску и рассудок утрачивает способность управлять действиями. Такое психическое состояние, несомненно, устраняет вменяемость» [8, с. 170].

Интерес представляет сравнение отягчающих ответственность обстоятельств за совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения согласно действующему УК Республики Армения и в проекте нового УК Республики Армения. Так, в п. 14 ст. 63 УК РА указано в качестве отягчающего обстоятельства совершение преступления под воздействием алкоголя, наркотических средств или иных одурманивающих веществ. В ч. 2 данной статьи отмечается, что суд в зависимости от характера преступления может не признать отягчающими обстоятельства, указанные в пунктах 10 и 14 части первой настоящей статьи.

В то время значительное изменение предусмотрено в п. 16 ст. 70 проекта нового УК РА. Так, в нем установлено, что в качестве отягчающего обстоятельства совершение преступления под воздействием алкоголя, наркотических средств или иных одурманивающих веществ, если лицо само довело себя до такого состояния. Однако, на наш взгляд, данный подход является не верным. Вполне возможны случаи, при которых лицо добровольно довело себя до состояния опьянения (например, алкогольного) вследствие тя-

желой жизненной ситуации, душевной травмы, и в данном случае полагаем нецелесообразным рассмотрение данного обстоятельства в качестве отягчающего. Также судебной практике известны случаи, когда лицо совершает преступление в состоянии алкогольного опьянения в результате провоцирующего, аморального поведения потерпевшего. Кассационный суд РА не раз отмечал в своих прецедентных решениях, что при назначении наказания виновному и его индивидуализации необходимо принимать во внимание предшествующее поведение потерпевшего.

Таким образом, резюмируя указанную проблему, вновь следует отметить, что на наш взгляд только лишь само по себе совершение преступления в состоянии опьянения не должно автоматически влечь за собой признание его в качестве отягчающего обстоятельства, поскольку, как мы уже отметили, опьянение может быть случайным эпизодом в жизни лица, отнюдь не свойственным ему (не систематическим).

Интересным и заслуживающим внимания является подход филиппинского законодателя к случаям признания состояния опьянения смягчающим или отягчающим ответственность обстоятельством. Так, согласно ст. 15 УК Филиппин «опьянение преступника должно быть учтено как смягчающее обстоятельство, когда преступник совершил серьезное преступление в состоянии опьянения, если оно не было привычно или обусловлено планом совершить указанное преступление, но, когда опьянение привычно или вызвано преднамеренно, оно должно рассматриваться как отягчающее обстоятельство». Полагаем, по данному пути может пойти и отечественный законодатель. Таким образом, необходимо отметить, что если лицо совершило преступление в результате «систематического» алкогольного опьянения, то новый подход армянского законодателя имеет место быть.

А.В. Наумов отмечает, что уголовно-правовое значение состояния опьянения как обстоятельства, отягчающего ответственность, тесно связано с его криминогенным значением. Состояние опьянения способно повышать опасность преступления, например, подогреть решимость виновного совершить общественно опасное деяние. При совершении преступления состояние опьянения обычно и бывает своеобразным катализатором. В таких случаях следует признавать состояние опьянения виновного в момент совершения преступления отягчающим ответственность обстоятельством [9, с. 38].

Состояние опьянения безусловно имеет влияние на меру вины и ответственности лица, совер-

шившего преступление. При этом возможны различные случаи, каждый из которых оказывает то или иное влияние на ответственность виновного. В частности, Ю.М. Антонян и С.В. Бородин говорят о случаях приведения себя в состояние опьянения для облегчения совершения преступления («для храбрости») [10, с. 119]. Аналогичное отягчающее обстоятельство предусмотрено в уголовных кодексах Албании, Венесуэлы, Италии, Румынии и других государств. Также следует отметить, что УК Италии и Кубы оперируют таким понятием, как состояние привычного алкогольного или наркотического опьянения, которое также рассматривается в качестве отягчающего обстоятельства.

Здесь опять же полагаем уместным отметить зарубежную практику разрешения данного вопроса. Интересным является решение по делу Ямамото Тусабура [11, с. 78]. Согласно обстоятельствам дела обвиняемый совершил преступление в состоянии алкогольного опьянения, которое было проигнорировано со стороны правоприменительных органов, вынесших приговор о смертной казни. Однако прокурор выразил следующую принципиальную позицию относительно проблемы: он отметил, «что само по себе пьянство не является оправданием преступления, но оно может выступить обстоятельством, смягчающим наказание, либо повлиять на изменение квалификации преступления, если обвиняемый был в таком состоянии опьянения, что он был не в состоянии сформулировать какое-либо намерение совершить преступление. Опьянение должно быть таким, чтобы можно было разумно ожидать, что обычный человек, не обладающий исключительно страстным характером, впадет в такую ярость, что потеряет способность к самоконтролю, и этого состояния должно быть достаточно, чтобы свести убийство к непредумышленному убийству. Таким образом, неспособность пьяного человека сформировать намерение убить или причинить тяжкое телесные повреждения могут уменьшить его преступление от убийства до непредумышленного убийства (что не требует особого умысла)».

Верховный суд Калифорнии обращается к данной проблеме также через призму преступления с «общим умыслом» и «конкретным умыслом». «Если обвиняемый предстает перед судом за преступление с конкретным умыслом, его состояние опьянения будет иметь отношение к тому, сформировал ли он требуемое намерение. Если состояние опьянения подсудимого настолько велико, что препятствует каким-либо умыслам, это может привести к оправданию» (См.: *Добровольное опьянение по английскому праву* // URL: <https://ru.qaz>.

wiki/wiki/Voluntary_intoxication_in_English_law (дата обращения: 01.02.2021)).

В целях выявления имеющихся недостатков следует привести судебную практику Республики Армения. Так, А. Саакян был осужден за то, что 26 ноября 2009 г., находясь в состоянии алкогольного опьянения, проезжая по улице Зоравара Андраника города Гавар на своем личном автомобиле марки «БМВ 520», не доходя до офиса кредитной организации «Арегак», заметив в направлении движения по правому краю дороги примерно в 1,5 метра от тротуара до левого расстояния шагающих Мгера Израеляна, Акопа Двояна и Геворга Оганяна, проявив преступную неосторожность и надеясь безопасно проехать мимо, продолжил движение и, приблизившись к ним, совершил наезд на М. Израеляна, причинив ему смерть, оставил место происшествия и он скрылся (См.: *Решение по делу Арама Саакяна № ГД1/0003/01/10 27.08.2010*).

Кассационный суд Республики Армения отмечает, что при изучении материалов данного дела видно, что подсудимый А. Саакян совершил инкриминируемые ему преступления, находясь в состоянии алкогольного опьянения. Изложенные фактические данные дают возможность сделать вывод, что состояние алкогольного опьянения Саакяна стало условием, способствующим совершению им преступления, однако нижестоящие суды, констатируя, что наличие алкогольного опьянения учитывают как обстоятельство, отягчающее ответственность подсудимого и наказание, тем не менее данное обстоятельство не подвергли должной правовой оценке.

Таким образом, как видим, суды недостаточным образом мотивируют свое решение относительно признания данного обстоятельства в качестве отягчающего, что, на наш взгляд, не способствует принесению ясности и единства в правоприменительной практике. На наш взгляд, действующая редакция п. 14 и ч. 2 ст. 63 УК Армении отнюдь не совершенна. Что касается ст. 70 проекта нового УК РА, то, казалось, устранив из нее словосочетание «Суд в зависимости от характера преступления может не признать отягчающими обстоятельства, указанные в пунктах 10 и 14 части первой настоящей статьи», законодатель попытался тем самым свести на нет случаи субъективного усмотрения правоприменительных органов. Однако, на наш взгляд, попытка неудачна, поскольку не позволяет проявить индивидуализированный подход в рамках конкретного уголовного дела. В связи с этим хотим отметить зарубежный опыт регулирования данного вопроса.

В частности, УК Республики Молдова требует при назначении наказания принимать во внимание причины опьянения, его степень и влияние на совершение преступления.

В свете криминологического среза рассматриваемой уголовно-правовой нормы, предупреждения дальнейшего совершения преступлений в состоянии алкогольного опьянения, на наш взгляд немаловажное значение имеет институт административной преюдиции в уголовном праве. В частности, следует отметить, что в настоящее время не урегулирован вопрос уголовной ответственности пилотов воздушного судна, находящихся в состоянии алкогольного опьянения. Данный вопрос урегулирован в рамках административной ответственности. Так, согласно ч. 7 ст. 11.5 КоАП РФ предусматривает ответственность за управление воздушным судном лицом, находящимся в состоянии опьянения, либо уклонение лица, управляющего воздушным судном, от прохождения в установленном порядке медицинского освидетельствования на состояние опьянения, либо передачу управления воздушным судном лицу, находящемуся в состоянии опьянения». Статья 12.8 КоАП РФ того же кодекса регулирует вопрос управления транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения. В ст. 264¹ УК РФ предусмотрена норма с административной преюдицией, предусматривающая уголовную ответственность за управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутому административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения. Полагаем целесообразным установление аналогичной нормы за управление воздушным транспортным средством в состоянии алкогольного или иного опьянения.

В рамках сравнительно-правового анализа Уголовных кодексов Российской Федерации и Республики Армения определенный интерес представляет статья 243 УК РА «Передача транспортного средства лицу, находящемуся в состоянии опьянения или не достигшему шестнадцатилетнего возраста», регламентирующая уголовную ответственность за передачу транспортного средства лицу, находящемуся в состоянии опьянения или не достигшему шестнадцатилетнего возраста, если вследствие этого наступили последствия, предусмотренные статьями 241 и 242 УК РА. Проектом нового уголовного кодекса Армении данная уголовно-правовая норма была усовершенствована и дополнена некоторыми положениями. В частности, ст. 329 проекта предусматривает наступление

уголовной ответственности также и за передачу транспортного средства лицу, не имеющему права на управление транспортным средством данного вида или же лицу, лишенному права на управление транспортным средством, либо лицу, которое лишено возможности безопасного управления транспортным средством. Как видим, в проекте нового УК РА расширен перечень лиц, за передачу транспортного средства которым при наступлении определенных обстоятельств, указанных в законе (причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью; причинение смерти по неосторожности), наступает уголовная ответственность. Полагаем целесообразным закрепление нормы аналогичного характера и в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Таким образом, армянский законодатель в ст. 243 УК РА и в ст. 239 проекта нового УК закрепил нормы с двойной превенцией. Как правило, данные нормы предусматривают наступление уголовной ответственности за совершение деяний, которые создают необходимые условия, выступают предпосылкой для совершения других, более тяжких преступлений. На данный момент сама по себе передача транспортного средства лицу, находящемуся в состоянии алкогольного опьянения, по законодательству Российской Федерации влечет за собой наступление административной ответственности. Однако полагаем, что как в Республике Армения, так и в Российской Федерации можно предусмотреть наступление уголовной ответственности за передачу транспортного средства вышеуказанной категории лиц (как в проекте УК РА), даже если не наступили отмеченные последствия (причинение вреда здоровью либо смерть), если лицо ранее подвергалось за аналогичное деяние административной ответственности. Данное деяние несет в себе последующую абстрактную опасность.

Следует отметить опыт белорусского законодателя в рассматриваемом вопросе. Так, в ст. 317.1 УК Республики Беларусь предусмотрена уголовная ответственность за передачу управления транспортным средством лицу, находящему в состоянии опьянения, а ч. 2 и вовсе предусматривает квалифицированный состав – то же деяние, совершенное лицом, ранее совершившим преступление, предусмотренное настоящей статьей.

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить следующие основные результаты.

На наш взгляд только лишь совершение преступления в состоянии опьянения не должно автоматически влечь за собой признание его в качестве отягчающего обстоятельства, поскольку, как мы уже отметили, опьянение может быть случайным

эпизодом в жизни лица, отнюдь не свойственным ему (не систематическим).

Полагаем целесообразным установление нормы с административной преюдицией в Уголовных кодексах РФ и РА за управление воздушным транспортным средством в состоянии алкогольного или иного опьянения.

Предлагаем дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации статьей, предусматривающей уголовную ответственность за передачу транспортного средства лицу, находящемуся в состоянии опьянения или не достигшему шестнадцатилетнего возраста, либо лицу, лишенному права управлять транспортным средством.

Предлагаем в уголовных кодексах Республики Армения и Российской Федерации закрепить уголовно-правовую норму, регламентирующую наступление уголовной ответственности за передачу транспортного средства вышеуказанной категории лиц вне зависимости от наступления соответствующих последствий (причинение тяж-

кого или средней тяжести вреда здоровью, либо наступление смерти), если лицо ранее подвергалось за аналогичное деяние административной ответственности.

Исследование и обобщение зарубежного опыта свидетельствует о дифференцированном подходе законодателей ряда государств к рассматриваемому вопросу, к более детальному регулированию различных случаев совершения преступления в состоянии опьянения, что, безусловно, заслуживает внимания. В частности, заслуживает внимания подход австрийского законодателя, который в норме о причинении смерти по неосторожности предусматривает употребление перед совершением деяния алкоголя, при котором виновное лицо предусматривало или могло бы предусмотреть, что ему предстоит заниматься деятельностью, осуществление которой в таком состоянии связано с созданием опасности для жизни, здоровья или телесной целостности другого человека или способно увеличить такую опасность.

Литература

1. *Наумов А.В.* Сборник научных трудов. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2019. 384 с.
2. *Шищенко Е.А., Самсоненко Ю.А.* Уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 129 (05). С. 1–19.
3. *Юров Г.А.* Предупреждение преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2007. 166 с.
4. *Спасенников Б.А., Спасенников С.Б.* Определение понятия «опьянение» в уголовном праве // Уголовное право. 2007. № 4. С. 67–71.
5. The Law Commission Consultation. Paper No. 127. Intoxication and Criminal Liability. London: HMSO, Crown copyright, 2009. 132 p.
6. Постатейный комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации / А.И. Друзин и др.; под ред. А.И. Чучаева. М., 2004. 812 с.
7. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации / Х.М. Ахметшин и др.; отв. ред. В.И. Радченко, науч. ред. А.С. Михлин. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. 942 с.
8. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1994. 380 с.
9. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 1. Общая часть. М., 2007. 494 с.
10. *Антоян Ю.М., Бородин С.В.* Преступность и психические аномалии. М., 2007. 208 с.
11. Scaliotti supra note 31, p. 29; United Nations War Crimes Commission, Law Reports of Trials of War Criminals, vol. 3: Trial of Yamamoto Chusaburo (HMSO, London: 1946). 131 p.

References

1. *Naumov A.V.* Sbornik nauchnyh trudov [Collection of scientific papers]. Moscow, 2019. 384 p. (In Russian)
2. *Shishchenko E.A., Samsonenko Yu.A.* Ugolovnaya otvetstvennost' lic, sovershivshih prestuplenie v sostoyanii op'yaneniya [Criminal liability of persons who have committed a crime while intoxicated]. *Politematicheskij setevoy elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University], 2017, no. 129(05), pp. 1–19. (In Russian)

3. *Yurov G.A.* Preduprezhdenie prestuplenij, sovershaemyh v sostoyanii alkogol'nogo op'yaneniya [Prevention of crimes committed in a state of alcoholic intoxication]. Dis. ... kand. jurid. nauk. Ryazan. 2007. 166 p. (In Russian)
4. *Spasennikov B.A., Spasennikov S.B.* Opredelenie ponyatiya "op'yanenie" v ugovnom prave [Definition of the concept of "intoxication" in criminal law]. *Ugovnoe pravo [Criminal Law]*, 2007, no. 4, pp. 67–71. (In Russian)
5. The Law Commission Consultation. Paper No. 127. Intoxication and Criminal Liability. London: HMSO, Crown copyright, 2009. 132 p. (In English)
6. Postatejnyj kommentarij k ugovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii [Article-by-article commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. A.I. Druzin [and others]. Ed. A.I. Chuchaev. Moscow, 2004. 812 p. (In Russian)
7. Kommentarij k ugovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation]. H.M. Ahmetshin [and others]. Ed. V.I. Radchenko. The 2nd edition., Moscow, 2009. 942 p. (In Russian)
8. *Tagancev N.S.* Russkoe ugovnoe pravo. Lekcii. Chast' obshchaya: v 2t. [Russian criminal law. Lectures. General part: in 2 vols. Vol. 1], Moscow, Nauka Publ. 1994. 380 p. (In Russian)
9. *Naumov A.V.* Rossijskoe ugovnoe pravo. Kurs lekcij. T. 1. Obshchaya chast' [Russian criminal law. Course of lectures. Vol. 1. General part]. Moscow, 2007. 494 p. (In Russian)
10. *Antonyan Yu.M., Borodin S.V.* Prestupnost' i psihicheskie anomalii [Criminality and mental anomalies]. Moscow, 2007. 208 p. (In Russian)
11. United Nations War Crimes Commission, Law Reports of Trials of War Criminals, vol. 3: Trial of Yamamoto Chusaburo (HMSO, London: 1946). 131 p. (In English)

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕОКОНЧЕННОЕ НЕЗАКОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Жилкин Максим Геннадьевич

***Цель:** решение проблемы привлечения к уголовной ответственности за неоконченное незаконное предпринимательство по признаку извлечения дохода в крупном (особо крупном) размере.*

***Методология:** в исследовании задействованы диалектический, логический, сравнительный методы, метод межотраслевых юридических исследований и метод системного анализа.*

***Выводы.** Если в процессе расследования дела не установлено, что лицо намеревалось получить прибыль от своей незаконной деятельности по выполнению работ, пользования имуществом, продажи товаров, оказания услуг либо получить прибыль от однократной сделки, то основания для административной или уголовной ответственности отсутствуют; если лицо намеревалось незаконно получить прибыль, но ее предполагаемый размер невозможно конкретизировать, либо лицо фактически получило прибыль в сумме меньшей чем 2,25 миллиона рублей и данные о поступлении в будущем должных доходов отсутствуют, то ответственность наступает за административное правонарушение по статье 14.1 КоАП РФ; если установлен прямой конкретизированный умысел лица на получение доходов от незаконной предпринимательской деятельности в размере, превышающем 2,25 миллиона рублей, имеются документально подтвержденные сведения о должном получении такого дохода, но доход не получен по независящим от лица обстоятельствам, то имеются основания для уголовной ответственности за покушение на незаконное предпринимательство по статье 171 УК РФ; признак причинения крупного и особо крупного ущерба гражданам, организациям или государству в результате незаконного предпринимательства следует исключить из статьи 171 УК РФ.*

***Научная и практическая значимость.** В статье предпринята попытка разрешить научную дискуссию о возможности выделения стадии неоконченного преступления в незаконном предпринимательстве, которое направлено на извлечение крупного (особо крупного) дохода. Предложены практические рекомендации по квалификации незаконного предпринимательства, результатом которого не стало извлечение крупного (особо крупного) дохода. Сделано предложение об исключении признака причинения крупного ущерба из числа криминообразующих в составе преступления, предусмотренного статьей 171 УК РФ.*

***Ключевые слова:** административное правонарушение; доход; незаконное предпринимательство; неоконченное преступление; покушение на преступление; приготовление к преступлению; судебная практика; уголовная ответственность; ущерб.*

Норма об уголовной ответственности за незаконное предпринимательство, предусмотренная статьей 171 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), достаточно активно применяется правоохранительными органами, но при этом имеется и ряд проблем, нерешенных в уголовно-правовой доктрине и правопримени-

тельной практике. К таковым относятся вопросы о: сущности предпринимательской деятельности, ее систематичности и вытекающей из этого дискуссии о делящемся или продолжаемом характере такого преступления как незаконное предпринимательство; понимании признака незаконности предпринимательской деятельности; уголовно-правовой

оценки последствий и субъектном составе незаконного предпринимательства; соотношении ст. 171 УК РФ с другими составами преступлений, имеющими схожие признаки и др. [12, с. 95–121].

Мы же хотим остановиться еще на одной проблеме, мало освящаемой в теории уголовного права. Она связана с возможностью ответственности за незаконное предпринимательство на стадии неоконченного преступления (*следует оговориться, что вопрос касается только возможности выделения стадии покушения на преступление, так как приготовление к незаконному предпринимательству невозможно, ввиду отнесения этого преступления к категории небольшой (ч. 1 ст. 171 УК РФ) и средней (ч. 2 ст. 171 УК РФ) тяжести*) и разграничения этого преступления и аналогичного административного правонарушения. По этому вопросу в уголовно-правовой доктрине имеются различные научные позиции.

Например, по мнению Е.В. Медведева, наличие в ст. 171 УК РФ признака «извлечение дохода в крупном размере» позволяет правоприменителю давать вольную оценку деянию, не дотягивающего до установленного в законе необходимого размера: в одних случаях констатировать факт совершения административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ); в других – квалифицировать содеянное как покушение на преступление, предусмотренное ст. 171 УК РФ [1, с. 44–48]. В то же время Н.Г. Кадников полагает, что «специфика данного состава состоит в том, что незаконные действия, не причинившие крупного ущерба, не могут квалифицироваться как покушение на незаконное предпринимательство, а должны рассматриваться как административное правонарушение» [2, с. 234]. Ряд авторов утверждают, что приготовление и покушение невозможны в некоторых преступлениях, где наступающие последствия являются признаком, отграничивающим уголовно наказуемое деяние от административно наказуемого правонарушения, дисциплинарного проступка и т. п., как это сделано, например, в конструкции статьи 171 УК РФ [3; 4; 5] (*если не оговорено иное, в частности, не приведены страницы издания, ссылка сделана на источники (нормативные и научные, а также на судебные решения), опубликованные в СПС «КонсультантПлюс»*). Есть мнение, что поскольку незаконное предпринимательство в силу систематичности осуществляемой деятельности относится к числу длящихся преступлений, то это обстоятельство исключает возможность такой стадии преступления, как покушение

[6, с. 17]. Другие исследователи не исключают уголовную ответственность за покушение на преступление, предусмотренное статьей 171 УК РФ, если умысел лица был направлен на извлечение крупного дохода от предпринимательской деятельности, осуществляемой без регистрации, и не был реализован по обстоятельствам, не зависящим от виновного [7; 8]. Причем, виновному должен быть инкриминирован размер незаконного дохода, на получение которого был направлен его умысел [9, с. 35]. Например, предприниматель делает оферту для заключения сделки, совершение которой с неизбежностью позволит получить ему доход в крупном размере [10, с. 149].

Обзор правоприменительной практики показывает, что суды в своих решениях следуют последней из представленных позиций. Так, приговором федерального районного суда города Кызыла от 15 июня 2001 г. М. осужден за покушение на незаконное предпринимательство, сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере. В представлении заместителя Генерального прокурора Российской Федерации поставлен вопрос об изменении приговора, прекращении дела по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ за отсутствием в действиях состава преступления. Верховный Суд Российской Федерации в надзорном определении от 9 января 2003 г. № 92-Д02пр-3 по этому делу высказался следующим образом: «Судебные решения по делу о покушении на незаконное предпринимательство и <...> оставлены без изменения, так как осужденный, не имея лицензии на осуществление деятельности, связанной с оборотом спиртосодержащей пищевой продукции, закупил такую продукцию с целью получения дохода в особо крупном размере, а в какие-либо органы за получением лицензии не обращался и не представлял». Схожие формулировки можно обнаружить и в других судебных решениях.

Например, в приговоре Котовского городского суда Тамбовской области от 19 июня 2019 г. по делу № 1-1/2019, по обвинению группы лиц в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, пп. «а», «б» ч. 2 ст. 171, пп. «а», «б» ч. 6 ст. 171¹, ч. 3 ст. 180, ч. 4 ст. 180 УК РФ (покушение; незаконное предпринимательство; производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации; незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)), указано, что «подсудимые, без регистрации юридического лица и получения лицензии, разрешающей оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, когда такая лицензия обязательна,

приобрели в неустановленном следствием месте, у неустановленных лиц, для осуществления незаконной предпринимательской деятельности, контрафактную алкогольную продукцию в общем количестве 255 353 бутылки на общую сумму 111 339 445,96 рублей. Однако данное преступление не было доведено до конца в связи с тем, что сотрудниками правоохранительных органов данная продукция была изъята из оборота». В приведенном примере осужденные за покушение на незаконное предпринимательство приобрели контрафактную спиртосодержащую продукцию с намерением ее реализовать и получить при этом доход в особо крупном размере, но результат не был достигнут по независящим от них обстоятельствам. Однако следствие не предоставило суду никаких доказательств того, что в дальнейшем осужденные непременно бы получили доход в особо крупном размере. Такое суждение носит вероятностный характер. Таким образом, возникает закономерный вопрос о правомерности представленной квалификации. Как видно из цитируемого судебного решения, осужденные даже не приступали к выполнению объективной стороны незаконного предпринимательства, их деятельность носила скорее характер приготовления к преступлению, предусмотренного ст. 171 УК РФ, что не является уголовно-наказуемым деянием. Следовательно, сделанный судом вывод не основан на законе.

В связи с этим показательным является оправдательный приговор Каменского районного суда Ростовской области от 19 апреля 2010 г. по делу № 4404 по обвинению лица в покушении на незаконное предпринимательство, где наряду с другими основаниями для признания факта неустановления органами следствия события преступления, изложено следующее: «Предположительны и не подтверждены исследованными в судебном заседании доказательствами доводы обвинения о покушении на получение подсудимым дохода в особо крупном размере в связи с тем, что нет достоверных данных о том, что Емельянов А.Ю. смог бы реализовать весь объем спирта по цене не менее ... рублей за литр». Ростовский областной суд, рассмотрев в судебном заседании от 6 июля 2010 г. кассационное представление государственного обвинителя, оставил данный приговор без изменения.

Но есть и примеры прямо противоположные. Так, заместитель прокурора 8 кассационного округа не согласился с приговором Куйбышевского районного суда г. Омска от 16 августа 2018 г., которым Ж. осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 171 УК РФ (в редакции ФЗ от 07.12.2011 № 420-ФЗ).

В обоснование своих доводов указывает на то, что приговором суда Ж. необоснованно был осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 171 УК РФ, поскольку он не реализовал алкогольную продукцию, которую хранил с целью сбыта, а поэтому никакого дохода он не получил и крупного ущерба не причинил ни гражданам, ни организациям, ни государству. По мнению автора представления, осужденный фактически только приготовил и хранил данную алкогольную продукцию для последующего сбыта. Уголовная же ответственность за приготовление наступает только по тяжким и особо тяжким преступлениям, к каковым ч. 1 ст. 171 УК РФ не относится, а относится к преступлениям небольшой тяжести, в связи с чем Ж. по указанной статье подлежит оправданию со снижением наказания, поэтому просит приговор Куйбышевского районного суда г. Омска в отношении Ж. изменить по доводам, изложенным в представлении, смягчив назначенное наказание. Омский областной суд в Апелляционном определении от 1 ноября 2018 г. по делу № 22-3057/2018, отклоняя доводы апелляционного представления, указал следующее: «Ссылка в апелляционном представлении на то, что Ж. только приготовил хранящуюся у него алкогольную продукцию для сбыта, но не реализовал и, соответственно, никакого дохода не получил, какого-либо ущерба не причинил, — является голословной и не основанной на законе, поскольку при данных обстоятельствах чч. 1, 2 ст. 30 УК РФ не применима, поскольку алкогольная продукция была уже готова к сбыту, объективная сторона преступления предусмотренного, ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 171 УК РФ, осужденным была выполнена и только оперативные действия сотрудников полиции предотвратили ее сбыт, доход от которого составил бы сумму, указанную в приговоре, а именно 3 688 260 рублей».

Как видно суды расходятся в правовой оценке незаконной предпринимательской деятельности, в результате которой доход не был получен. Вместе с тем отсутствие признаков предпринимательской деятельности — нацеленности на систематическое извлечение дохода в крупном размере исключает, по мнению специалистов, уголовную ответственность за незаконное предпринимательство. Так, А.Н. Ляскало, анализируя спорное, на его взгляд, судебное решение об осуждении лица по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 171 УК РФ, делает вывод, что суд вынес обвинительный приговор при не установленном следствием и не отраженном в приговоре размере предполагаемого дохода, что демонстрирует отсутствие в инкриминируемом лице деяния признаков предпринимательской деятельности [11].

В то же время, разъясняя содержание предпринимательской деятельности применительно к составу соответствующего административного правонарушения, Верховный Суд РФ указал следующее: «само по себе отсутствие прибыли не влияет на квалификацию правонарушений, предусмотренных статьями 14.1 КоАП РФ, поскольку извлечение прибыли является целью предпринимательской деятельности, а не ее обязательным результатом» (абзац 4 пункта 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 октября 2006 г. № 18 (ред. от 25.06.2019) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»).

Данное разъяснение касается ситуаций, когда незаконная предпринимательская деятельность фактически осуществляется, но по каким-то причинам субъект не получает дохода, на который рассчитывал. Так в решении Арбитражного суда Свердловской области от 10 августа 2011 г. по делу № А60-18485/2011 суд, ссылаясь на статью 50 ГК РФ, разъяснил, что в случае если предприниматель, осуществляя свою деятельность, в том числе заключая договоры, размещая рекламу, публикуя прайсы, преследовал цель извлечения прибыли, но по каким-либо причинам прибыль не получил, то его действия можно квалифицировать по статье 14.1 КоАП РФ. В случае же если лицо не имело цели извлечения прибыли и не получало ее, объективная сторона правонарушения, предусмотренного статьями 14.1 КоАП РФ, отсутствует.

Исходя из изложенных доктринальных и правовых позиций, можно сделать следующие выводы относительно установления критериев межотраслевой дифференциации ответственности за незаконное предпринимательство и определения стадии неоконченного преступления, предусмотренного статьями 171 УК РФ:

1) если не установлено, что лицо намеревалось получить прибыль от своей незаконной деятельности по выполнению работ, пользования имуществом, продажи товаров, оказания услуг либо получить прибыль от однократной сделки, то основания для административной или уголовной ответственности отсутствуют;

2) если лицо намеревалось незаконно получить прибыль, но ее предполагаемый размер невозможно конкретизировать, либо лицо фактически получило прибыль в сумме меньшей чем 2,25 миллиона рублей и данные о поступлении в будущем должных доходов отсутствуют, то ответственность наступает за административное правонарушение по статье 14.1 КоАП РФ;

3) если установлен прямой конкретизированный умысел лица на получение доходов от незаконной предпринимательской деятельности в размере, превышающем 2,25 миллиона рублей, имеются документально подтвержденные сведения о должном получении такого дохода, но доход не получен по независящим от лица обстоятельствам, то имеются основания для уголовной ответственности за покушение на незаконное предпринимательство по ст. 171 УК РФ.

В заключение хотелось бы обратить внимание, что рассматриваемая проблема связана именно с формальной конструкцией состава преступления, где преступный результат является признаком, зависящим от размера извлеченного дохода. Альтернативный признак в ст. 171 УК РФ – крупный (особо крупный) ущерб, характеризующий материальную конструкцию данного состава преступления практически не устанавливается, а если и упоминается то, отождествляется с извлеченным доходом [10, с. 111–113].

Так, приговором Ленинского районного суда города Барнаула от 22 сентября 2016 г. по делу № 1-392/2016 К.Р.РА. был осужден за то, что являясь лицом, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, систематически приобретал и продавал в разных годах объекты недвижимости – жилые помещения, не для личных нужд, так как имел в пользовании и собственности для проживания жилые помещения по месту регистрации, и также систематически получал доход, таким образом он осуществлял предпринимательскую деятельность без регистрации, что было сопряжено с извлечением дохода в особо крупном размере – в сумме 22 385 000 рублей, что, согласно примечаний к ст. 170² УК РФ, является особо крупным размером. При этом суд указал, что, совершая вышеуказанные действия, К.Р. осознавал их общественно опасный и противоправный характер, предвидел неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде причинения экономического ущерба государству и желал этого, но оставил без рассмотрения иск заместителя прокурора в интересах Российской Федерации о взыскании с К.Р. в доход федерального бюджета ущерб, причиненный преступлением, в размере 22 385 000 рублей, поскольку проведение дополнительных расчетов суммы ущерба, причиненного преступлением, потребует отложение судебного разбирательства.

Как видно, приговором суда установлено, что в результате незаконной предпринимательской деятельности подсудимый причинил ущерб инте-

ресам государства, соответствующий размеру незаконно извлеченного дохода, но при этом в иске о взыскании ущерба прокурору отказано, в связи с тем, что фактически ущерб не был установлен! Такие противоречия можно встретить и в других

судебных решениях. В связи с этим мы считаем, что признак причинения крупного и особо крупного ущерба гражданам, организациям или государству в результате незаконного предпринимательства следует исключить из ст. 171 УК РФ.

Литература

1. *Медведев Е.В.* Незаконное предпринимательство в свете перспектив гуманизации уголовного законодательства России // *Безопасность бизнеса*. 2019. № 5. С. 44–48.
2. *Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2: Особенная часть* / под ред. Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. 836 с.
3. *Карпова Н.А.* Неоконченная преступная деятельность (понятие и проблемы квалификации): учеб. пособие / отв. ред. Н.Г. Кадников. М.: Юриспруденция, 2017. 80 с.
4. *Барышева К.А., Грачева Ю.В., Есаков Г.А. и др.* Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 736 с.
5. *Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И.* Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А.И. Рарог. М.: Велби; Проспект, 2007. 576 с.
6. *Аистова Л.С.* Теоретические и практические проблемы квалификации незаконного предпринимательства по ст. 171 УК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 180 с.
7. *Завидов Б.Д., Попов И.А., Сергеев В.И.* Уголовно-правовой анализ преступлений в сфере экономической деятельности (комментарий уголовного законодательства России) (постатейный). 2004.
8. *Яни П.С.* Роль Верховного Суда РФ в решении проблем квалификации преступлений в сфере экономической деятельности // *Закон*. 2008. № 11. С. 39–50.
9. *Мазур С.Ф.* Уголовно-правовая охрана экономических отношений в сфере частного предпринимательства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 725 с.
10. *Клепицкий И.А.* Система хозяйственных преступлений. М.: Статут, 2005. 572 с.
11. *Ляскало А.Н.* К вопросу о признаках предпринимательских преступлений. Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт: сб. материалов X Российско-германского круглого стола / ред. колл. А.И. Рарог, Т.Г. Понятовская. М.: РГ-Пресс, 2018. С. 156–157.
12. *Гравица А.А., Зайцев О.А., Жилкин М.Г. и др.* Научно-практический комментарий к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации: в 2 т. Т. 1 / А.А. Гравица, О.А. Зайцев, М.Г. Жилкин и др.; отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2020. 400 с.

References

1. *Medvedev E.V.* *Nezakonnoe predprinimatel'stvo v svete perspektiv gumanizatsii ugovnogo zakonodatel'stva Rossii* [Illegal entrepreneurship in the light of the prospects for the humanization of the criminal legislation of Russia]. *Bezopasnost' biznesa [Business Security]*, 2019, no 5, pp. 44–48. (In Russian)
2. *Ugolovnoe pravo Rossii: uchebnik v 2 t. Т. 2: osobennaya chast'* [Criminal law of Russia: textbook in 2 vols. Vol. 2: special part]. Ed. N.G. Kadnikov. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2018. 836 s. (In Russian)
3. *Karpova N.A.* *Neokonchennaya prestupnaya deyatel'nost'* (ponyatie i problemy kvalifikatsii): uchebnoe posobie [Unfinished Criminal Activity (Concept and Qualification Problems): study guide]. Ed. N.G. Kadnikov. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2017. 80 p. (In Russian)
4. *Barysheva K.A., Gracheva Yu.V., Esakov G.A.* *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized)]. Ed. G.A. Esakov. Edition 7. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 736 p. (In Russian)
5. *Esakov G.A., Rarog A.I., Chuchaev A.I.* *Nastol'naya kniga sud'i po ugovnym delam* [Criminal Judge Handbook]. Ed. A.I. Rarog. Moscow, Velbi, Prospekt Publ., 2007. 576 p. (In Russian)
6. *Aistova L.S.* *Teoreticheskie i prakticheskie problemy kvalifikatsii nezakonno predprinimatel'stva po st. 171 UK RF* [Theoretical and practical problems of qualifying illegal business under Art. 171 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Dis. ... kand. jurid. nauk. Saint-Petersburg, 2001. 180 p. (In Russian)

7. Zavidov B.D., Popov I.A., Sergeev V.I. Uголовно-pravovoi ana-liz prestuplenii v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti (kommentarii uголовnogo zakonodatel'stva Rossii) (postateinyi) [Criminal law analysis of crimes in the sphere of economic activity (commentary on the criminal legislation of Russia) (article-by-article)]. 2004. (In Russian)

8. Yani P.S. Rol' Verkhovnogo Suda RF v reshenii problem kvalifikatsii prestuplenii v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti [The role of the Supreme Court of the Russian Federation in solving the problems of qualifying crimes in the field of economic activity]. *Zakon [Law]*, 2008, no 11, pp. 39–50. (In Russian)

9. Mazur S.F. Uголовно-pravovaya okhrana ekonomicheskikh odnoshe-nii v sfere chastnogo predprinimatel'stva [Criminal legal protection of economic relations in the field of private business]. Dis. ... d-ra yurid. nauk. Moscow, 2004. 725 p. (In Russian)

10. Klepitskii I.A. Sistema khozyaistvennykh prestuplenii [The system of economic crimes]. Moscow, Statut Publ., 2005. 572 p. (In Russian)

11. Lyaskalo A.N. K voprosu o priznakakh predprinimatel'skikh pre-stuplenii [On the question of signs of business crimes]. In *Prestupleniya v sfere ekonomiki: rossiiskii i evropeiskii opyt: sbornik materialov X Rossiisko-germanskogo kruglogo stola [Economic crimes: Russian and European experience: collection of materials from the X Russian-German round table]*. Ed. A.I. Rarog, T.G. Ponyatovskaya. Moscow, 2018, pp. 156–157. (In Russian)

12. Gravina A.A., Zaitsev O.A., Zhilkin M.G. Nauchno-prakticheskii kommentarii k glave 22 “Prestupleniya v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti” Uголовnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: v 2 t. T. 1. [Scientific and practical commentary to chapter 22 “Crimes in the field of economic activity” of the Criminal Code of the Russian Federation: in 2 vols. Vol. 1]. A.A. Gravina, O.A. Zaitsev, M.G. Zhilkin. Ed. I.I. Kucherov, O.A. Zaitsev, S.L. Nudel'. The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow, yuridicheskaya firma Kontrakt Publ., 2020. 400 p. (In Russian)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лебедев Максим Владимирович
Серебрянникова Анна Валерьевна

***Цель:** исследование вопроса применения норм уголовного законодательства в сфере регулирования искусственного интеллекта. В частности, авторами отмечаются некоторые тенденции, намеченные и внедренные исследователями в указанной сфере. Также в материале акцентировано внимание на сложности тех моментов, которые законодателем учитываются при определении правосубъектности в области уголовного права.*

***Методология:** для целей настоящей статьи авторами были применены общенаучные методы анализа: синтез, индукция, дедукция и частно-научные формально-юридический и диалектический методы.*

***Выводы.** В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что на современном этапе развития науки и техники законодатель не готов решить проблему правового статуса ИИ в уголовном праве ввиду ее малоизученности. При этом, несмотря на всю сложность и специфичность проблемы, можно смело утверждать, что решение данной задачи является лишь вопросом времени, и, скоро ИИ может быть повсеместно использован в качестве носителя информации, выступающего в уголовном судопроизводстве в качестве свидетеля или даже специалиста (эксперта). Отсутствие таких свойств, как склонность к заблуждениям, пристрастность, заинтересованность в исходе дела, конфликт интересов, предоставляют ИИ на роль не только законопослушной инстанции, но и правоустанавливающей (судьи). Решение данной задачи требует значительного объема научных исследований, и в первую очередь основу таких исследований должны составлять императивные представления о функционировании ИИ в различных условиях его применения.*

***Научная и практическая значимость.** Представлен авторский взгляд на актуальную в уголовно-правовой науке проблему. Результаты произведенного исследования и выводы, сформулированные в настоящей статье, могут быть использованы в учебном процессе при изучении наук уголовно-правового цикла в высших учебных заведениях.*

***Ключевые слова:** преступление, искусственный интеллект, права и обязанности, уголовное законодательство, технологии.*

Развитие компьютерных технологий, биотехнологий, а также технологий нейронного типа в сфере разработки, прежде всего, робототехники продолжается стремительными темпами, и одной из наиболее востребованных с точки зрения перспективы внедрения в различных сферах общественных отношений, представляется как раз технология искусственного интеллекта (далее — ИИ) — технология, в основу которой положено

использование киберфизических и компьютерных систем с человекоподобным «интеллектом».

Наименование ИИ, как отмечает исследователь П.М. Морхат, имеет различные выражения («машинный интеллект», «цифровое существо», «думающая машина» и др.) в научной среде, в силу чего его правоопределяющая составляющая не обрела еще четких нормативных очертаний и, как следствие, ясного представления о правильности

нормативного регулирования применения ИИ в конкретной отрасли права [4, с. 12].

Между тем интенсивное развитие робототехники, а также трансформация и усложнение гетерогенности современного интернет-пространства, справедливо относящиеся к современным вызовам для общества, не могут не влиять на положение дел, связанное с совершенствованием законодательства в вопросах его использования на практике.

К примеру, несмотря на то что ученые-правоведы, пока еще не выработали единого, универсального определения ИИ, исследователями иных научных направлений уже давно даются самые различные оценки его использования, а также высказываются соображения о предметных признаках его идентификации.

Еще в 1956 г. известным ученым И.Д. Маккарти была предпринята попытка дать научно обоснованное определение ИИ. В частности, ученый отметил, что главной отличительной особенностью его действия является использование методик, не наблюдавшихся у человека, попутно аргументируя свою точку зрения тем, что в основе работы ИИ лежит исключительно вычислительная механика. Однако другие исследователи, реагируя на сказанное, отметили, что зарождение и действие такого интеллекта непосредственно связано с биологической природой существования самого человека, детерминировав тем самым вопрос антропоморфности его корней [4, с. 63].

Именно это стало следствием того, что научные представления об ИИ стали связываться с деятельностью именно человека и все чаще подталкивали исследователей свойств ИИ к мысли о том, что его последующее использование сможет стать историческим в вопросе подмены самого человека в различных сферах социального сосуществования. Это же сделало направление необходимости правового регулирования при его дальнейшем использовании не просто актуальным в среде правоведов, но и злободневным.

Впоследствии многие исследователи, затрагивая вопрос регулирования деятельности указанной технологии, указывали на то, что некоторые признаки ИИ имеют явную схожесть с человеческими свойствами, одной из которых является способность мыслить самостоятельно (осознанно) [2, с. 110]. Следовательно, в будущем при конкретизации сферы его использования необходимо будет и предпринимать меры к наделению такого интеллекта определенными правами и обязанностями, последовательно отводя роль интеллекту такого уровня полноценного субъекта права.

Возможно ли такое в принципе, при условии, что такой субъект будет наделен вполне конкретными правами и обязанностями, и какие именно последствия может повлечь за собой интегрирование подобного субъекта в социальную среду, при условии современного уровня развития отношений?

Нам представляется, что ИИ может быть наделен, прежде всего, такими правами, как:

- «право на жизнь и личную неприкосновенность», из чего подразумевается, что ни один робот не может быть умышленно лишен жизни или доступа к жизненно необходимым аппаратам (например, источник питания или электроэнергия);
- «свобода мысли и высказываний». То есть ИИ вправе свободно анализировать и делать логические заключения без вмешательства человека. Любое давление, а также навязывание определенной точки зрения недопустимо;
- «равенство перед законом или отсутствие границ в правах между человеком и роботом, отсутствие сословного деления». Полагаем, что это один из наиболее дискуссионных пунктов в связи с тем, что одной из важнейших обязанностей ИИ является служение человеку на его благо, что ставит ИИ в заранее зависимое положение, а значит равнозначным правовым статусом с человеком ИИ не сможет обладать в принципе.

Стоит отметить, что данный вопрос уже обсуждался на уровне «Института будущего» и Министерства торговли и промышленности Великобритании, а также данная фабула зафиксирована в правилах конкурса Лобнеровской премии 2003 года, когда одним из вопросов внедрения ИИ на практике стал вопрос его активного и повсеместного использования в судебной деятельности [1, с. 12–16].

Вместе с тем, чтобы определить значительность такого использования в дальнейшем, следует действительно просчитать последствия (риски) делегирования такому субъекту установленных прав и возможностей [7, с. 101]. К примеру, в сфере действия уголовного права учеными подобное праворазвитие пока не приветствуется. Они полагают, что современное уголовное законодательство насыщено нормами, которые, определяя поведение того или иного субъекта, подразумевают, что основу правового регулирования составляют не только действия (бездействия) человека, а его моральная сущность.

Как справедливо отмечает В.Н. Некрасов, проступки, караемые уголовным законом, а точнее конструкции составов некоторых уголовно-правовых деяний, напрямую связаны с такими сегментами человеческой нравственности, как корысть, ненависть, ревность, зависть и другие, что, с точки зрения указанных свойств проявления человеческой психики, а точнее формирования необходимых моральных начал в деятельности именно ИИ, представляется, на данный момент, практически невозможным [5, с. 20].

Вместе с тем исключать ИИ из числа субъектов уголовного права с учетом вероятной перспективы его настоящего и уровня развития технологий последующего использования в будущем нельзя. Если сегодня этот уровень может служить примером тому, как формируется здоровая технологическая среда, то завтра подобное развитие может проводить к последствиям, которые должны регулироваться не иначе, как уголовным законом. В частности, одной из наиболее вероятных областей законодательного контроля посредством норм уголовного права является отрасль развития вооружений, где опасность причинения реального вреда представляют собой различные автоматизированные и роботизированные системы поражения, запрограммированные на причинение вреда жизни и здоровью солдатам вражеской армии. Одним из вариантов такого развития событий может служить современное конструирование летательных аппаратов, которое давно уже сводится к необходимости применения беспилотных технологий, стараясь посадить за штурвал такого «беспилотника» именно робота с искусственным разумом.

Следует отметить, что возможные последствия выхода из-под контроля такого робота, с учетом вышеуказанного, представляет собой определенную опасность. Кроме того, до настоящего времени ни разработчики таких технологий, ни законодатели не осознают истинных последствий возникновения подобной угрозы. А потому, предугадывая допустимое развитие событий, будет правильным, при конструировании норм, определяющих именно общественно опасные последствия, связанные с деятельностью ИИ, базироваться на таком понятии, как «опровержимость презумпции общественной опасности искусственного интеллекта». Безусловно, что внедрение такого принципа не влечет за собой его неопровержимость, так как ИИ, в силу характера его универсальности, можно использовать и во благо. Более того, здесь, определяя сущность его использования, можно сказать о таких достоинствах его действия, как возможность совершен-

ствования диагностики неизлечимых болезней, повышение уровня использования общественного транспорта, предоставление новых возможностей людям с ограниченными возможностями и т.п.

Вместе с тем суть вышеуказанного принципа заключается в том, что при определении правил использования ИИ законодатель должен учитывать, что субъектом права выступает актор, действия которого заведомо лишены необходимой морально-этической основы, а следовательно, в ситуациях критического мышления они могут стать опасными только потому, что их природа в значительной мере носит крайне субъективный характер для анализа со стороны законодателя.

В то же время сфера действия уголовного права в принципе как и другой любой правовой отрасли, рассматривается наукой в виде направления социального контроля за людьми, построенного на учете определенных закономерностей в их поведении. В данном случае статистика, а также социология, являются базами современного уголовного законодательства, и без учета изучения поведения субъекта, а точнее, верного представления об аналогичности (различии) анализируемых действий участников отношений, делать вывод о правильности или качестве регулирования нельзя, что, как следствие, приводит нас к выводу о невозможности в настоящее время признать за ИИ право считаться полноценным участником отношений, регулируемых нормами уголовного законодательства.

Ошибочным представляется и то, что часть исследований в данной области не учитывает важнейший признак ИИ – запрограммированность на постоянное развитие (совершенствование), что с учетом необходимости анализа и в отличие от человека, который по своей природе может стагнировать и деградировать, представляется для современного законодателя крайне сложным прежде всего с точки зрения установления причин постоянства (непостоянства) в его поведении. Важно понимать, что подобное диалектическое свойство не может формироваться и развиваться в человеке обособленно, без социального взаимодействия с остальными субъектами отношений, в то время как ИИ (а здесь уже можно говорить о его природно-технологической сущности) создает прецедентное представление о его собственном развитии, не подвластном человеческому разуму, хотя и созданного им.

Как справедливо отмечают авторы исследования «Искусственный интеллект как субъект уголовного права» Я.Н. Нимеренко, П.А. Чирков, даже на уровне поверхностного анализа действия права вообще в нашей стране можно сделать вывод о сложности применения норм уголовного за-

конодательства в вопросах легитимного контроля последствий, связанных с задействованием искусственного разума. Некоторые исследователи, рассматривая отрасль уголовного права как какое-то универсальное научное явление и полагая, что ее субъектом по воле законодателя (логично привести пример с формированием правосубъектности у несовершеннолетних) может стать абсолютно любой индивид, который научился читать и писать, недопустимо смешивают понятия «искусственный разум» и «естественный», так называемый разум человека, тем самым отождествляя представление о возможностях потенциального субъекта и его способностях [6, с. 133–135].

В этой связи правильным будет привести пример правового регулирования понятия «искусственный интеллект» с позиции того, как вообще отечественный законодатель декларирует его сущность. В частности, как следует из положений ГОСТа Р 43.0.5-2009, определяющего основы национальной стандартизации в сфере информационного обеспечения техники и операторской деятельности, «искусственный интеллект» — это искусственно воспроизведенная (смоделированная) деятельность человека, содержащая в себе определенный мыслительный процесс...» (ГОСТ Р 43.0.5-2009. «Национальный стандарт Российской Федерации. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Процессы информационно-обменные в технической деятельности. Общие положения» (См.: *утв. и введен в действие Приказом Ростехрегулирования от 15.12.2009 № 959-ст*) // М.: *Стандартинформ*, 2010). Следовательно, представление о его деятельности формируется посредством определенной модуляции, и не основано на фактической составляющей, играющей важнейшую роль в определении границ регулирования уголовным законодательством. То есть под ИИ опять же допустимо понимать систему, имитирующую деятельность, в том числе и мышление человека. Это свидетельствует о том, что сам по себе ИИ лишен ряда обязательных, присущих общим представлениям о правосубъектности в уголовном праве, признаков.

Таким образом, расценивать такого рода феномен, особенно с точки зрения определения меры ответственности, где представление о виновности и целесообразности наказания нарушителя, в том числе напрямую, связана с личностными характеристиками лица в качестве субъекта уголовного права, не представляется возможным. В качестве допустимого сравнения можно привести такое понятие, как «искусственный камень», данное законодателем в одном из актов, определяющих прин-

ципы внешнеэкономической деятельности России. В частности, его сущность выражается посредством перечисления следующих характерных признаков: имитация природного камня, воспроизведенная посредством агломераций частей камня природного, а также его крошки или муки (Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 7 ноября 2017 г. № 21 (ред. от 03.12.2019) «О Пояснениях к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (вместе с «Пояснениями к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (См.: *ТН ВЭД ЕАЭС // Изменения, внесенные Рекомендацией Коллегии ЕЭК от 3 декабря 2019 г. № 40, вступили в силу с даты опубликования на официальном сайте ЕАЭС <http://www.eaeunion.org/> — с 6 декабря 2019 г. (дата обращения: 03.11.2020)*)).

Несмотря на сложность в определении тенденции применения норм уголовного законодательства в вопросах использования ИИ в качестве субъекта преступления, большинство исследователей почти единодушно пророчат будущее в его использовании в качестве носителя информации, выступающего в уголовном судопроизводстве в таком качестве как свидетель или даже специалист (эксперт). Отсутствие таких свойств, как склонность к заблуждениям, пристрастность, заинтересованность в исходе дела и других, влияющих на формирование в человеке позитивной нравственной составляющей, делают ИИ идеальным представителем объективной оценки фактов, а также предоставляют последнему претендовать на роль не только законопослушной инстанции, но и правоустанавливающей (судьи).

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что проблема определения правового статуса ИИ в уголовном праве не решена и находится лишь на стадии обсуждения. В этой связи преобразование положения, делегированное законодателем ИИ в иных сферах его использования, в частности, в области применения норм уголовного законодательства, на данной стадии его развития, представляется нам невозможным. Поиск решения в этой сфере потребует значительных исследований, и в первую очередь основу таких исследований должны составлять императивные представления о функционировании ИИ в различных условиях его применения. Начало данным исследованиям может положить делегирование некоторых прав и свобод, в ходе чего можно будет понять, что ИИ — тот случай, когда нужно быть достаточно дальновидными в вопросах регулирования, иначе может оказаться слишком поздно.

Литература

1. *Афанасьев С.Ф.* О юридическом значении Европейской этической Хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах. В книге: Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции // Материалы VI Московского юридического форума XVI Международной научно-практической конференции: в 3 ч. М., 2019. С. 12–16.
2. *Везломцев В.Е., Роман Е.М.* К вопросу и правовом статусе искусственного интеллекта // Сб. научных статей 19-й Международной научно-практической конференции. Курск, 2020. С. 107–111.
3. *Мишина Н.В.* Право искусственного интеллекта как новая сфера правового регулирования или новая отрасль права // Евразийский союз ученых. 2020. № 3 (72). С. 62–65.
4. *Морхат П.М.* Интеллект в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 45 с.
5. *Некрасов В.Н.* Искусственный интеллект в уголовном праве: за и против // *Baikal Research Journal*. 2019. № 4 (10). С. 20
6. *Нимеренко Я.Н., Чирков П.А.* Искусственный интеллект как субъект уголовного права // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. Сб. научных статей по итогам работы круглого стола со всероссийским и международным участием. 2020. С. 133–135.
7. *Понкин И.В., Редькина А.И.* Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.

References

1. *Afanas'ev S.F.* O yuridicheskom znachenii Evropeiskoi eticheskoi Khartii ob ispol'zovanii iskusstvennogo intellekta v sudebnykh sistemakh. V knige: Rossiiskaya pravovaya sistema v usloviyakh chetvertoi promyshlennoi revolyutsii [On the Legal Significance of the European Charter of Ethics on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems. In the book: The Russian legal system in the context of the fourth industrial revolution]. In *Materialy VI Moskovskogo yuridicheskogo foruma XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 3-kh chastyakh [Materials from the VI Moscow Legal Forum of the XVI International Scientific and Practical Conference. In three parts]*, Moscow, 2019, pp. 12–16. (In Russian)
2. *Vezlomtsev V.E., Roman E.M.* K voprosu i pravovom statuse iskusstvennogo intellekta [On the issue and the legal status of artificial intelligence]. In *Sbornik nauchnykh statei 19-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Collection of scientific articles of the 19th International Scientific and Practical Conference]*, Kursk, 2020, pp. 107–111. (In Russian)
3. *Mishina N.V.* Pravo Iskusstvennogo Intellekta kak novaya sfera pravovogo regulirovaniya ili novaya otrasl' prava [Artificial Intelligence Law as a New Area of Legal Regulation or a New Branch of Law]. *Evraziiskii soyuz uchenykh [Eurasian Union of Scientists]*, 2020, no. 3(72), pp. 62–65. (In Russian, abstract in English)
4. *Morkhat P.M.* Intellect v sfere prava intellektual'noi sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problem [Intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems]. Dis. ... dok. yurid. nauk. Moscow, 2019. 45 p. (In Russian)
5. *Nekrasov V.N.* Iskusstvennyi intellekt v ugovnom prave: za i protiv [Artificial intelligence in criminal law: pros and cons]. *Baikal Research Journal*, 2019, no. 4 (10). P. 20. (In Russian, abstract in English)
6. *Nimerenko Ya.N., Chirkov P.A.* Iskusstvennyi intellekt kak sub'ekt ugovnogo prava [Artificial intelligence as a subject of criminal law]. In *Yuridicheskaya nauka v XXI veke: aktual'nye problemy i perspektivy ikh reshenii. Sbornik nauchnykh statei po itogam raboty kruglogo stola so vserossiiskim i mezhdunarodnym uchastiem [Legal science in the XXI century: current problems and prospects for their solutions]*, 2020, pp. 133–135. (In Russian)
7. *Ponkin I.V., Red'kina A.I.* Iskusstvennyi intellekt s tochki zreniya prava [Artificial Intelligence from the Point of View of Law]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskije nauki [RUDN Journal of Law]*, 2018, vol. 22, no 1, pp. 91–109. (In Russian)

ЛЕТНЯЯ ПРАВОВАЯ ШКОЛА ПОТСДАМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

МЕДИЦИНСКАЯ ЭФТАНАЗИЯ

Кнайш Лоннеке

Цель: дать обзор медицинской эвтаназии в Германии. Для этого сначала следует показать, какое поведение является наказуемым, а какое остается безнаказанным. Ниже приводится краткое пояснение для определения воли пациента, значимость которой является существенным для рассмотрения данной темы. Вслед за этим речь пойдет о медицинском сопровождении суицида. Работа завершается заключением.

Методология: формально-юридический метод.

Выводы. Косвенная эвтаназия, при которой вводятся обезболивающие препараты, имеющие побочный эффект в виде сокращения продолжительности жизни, остается безнаказанной. В случае эвтаназии, вызванной отключением технических средств лечения, практически невозможно отличить деяния, совершенное путем действия или бездействия. Здесь следует использовать формулировку «прекращение лечения», разработанную Федеральным Верховным Судом Германии. Постановление Федерального Конституционного Суда о содействии к самоубийству на коммерческой основе является важным шагом на пути укрепления права на уход из жизни по собственному желанию.

Научная и практическая значимость. Исследование должно привлечь внимание читателя к проблемам медицинской эвтаназии и в случае необходимости пробудить его собственный интерес к дальнейшим углубленным исследованиям. Статья особенно актуальна для студентов, а также иностранных ученых и практиков, которые хотят получить общее представление о данной теме.

Ключевые слова: медицинская эвтаназия, активная эвтаназия, косвенная эвтаназия, пассивная эвтаназия, прекращение лечения, волеизъявление пациента, распоряжение пациента, § 217 УУ ФРГ.

I. Введение

Эвтаназия – это способствование наступлению смерти у еще живого, но уже умирающего человека [9, § 212 цифра 33].

Вопрос о предпосылках, при наличии которых медицинская эвтаназия разрешена законом, всегда был предметом эмоционально заряженных дебатов. В вопросе эвтаназии, с одной стороны, право человека на самоопределенную смерть и, с другой стороны, гарантируемая уголовным правом защита жизни, кажутся несовместимыми [12, с. 544].

В дальнейшем будет представлен обзор о правовой ситуации в Германии. В свете актуальных событий нельзя не обратить внимания на постановление

Федерального Конституционного Суда о содействии к самоубийству на коммерческой основе.

II. Определение наказуемого и безнаказанного поведения

Бесспорным считается утверждение о ненаказуемости косвенной эвтаназии [17, предисловие к § 211 цифра 26; 6, предисловие к § 211 цифра 99; 5, предисловие к § 211 цифра 104]. В этом случае пациенту вводят обезболивающие препараты, которые, однако, имеют в качестве побочного эффекта сокращающее жизнь воздействие [9, § 212 цифра 40]. Хотя в отношении вопроса о безнаказанности косвенной эвтаназии можно было бы достичь консенсуса, однако обоснование такого результата (то есть безнаказанности)

является спорным [15, предисловие к § 212 цифра 29]. С одной стороны, безнаказанность возможна, поскольку само преступное деяние отсутствует [18, с. 29 и последующие], а с другой стороны, она достигается посредством обстоятельств, исключаяющие противоправность деяния [9, § 212 цифра 43 и последующие; 6, предисловие к § 211 цифра 103; 5, предисловие к § 211 цифра 108 и последующие]. Кроме того, возникает вопрос, как отличить преступное поведение от непроступного.

1. Активная и пассивная эвтаназия

Одним из подходов для разграничения безнаказанного поведения от уголовно наказуемого поведения является отграничение активной (наказуемой) и пассивной (ненаказуемой) эвтаназии [7, с. 110 и последующие; 19, с. 76 и последующие].

Под активной эвтаназией понимают независимое от лечения причинение смерти пациента по его требованию [1, с. 513]. Наказуемость такого поведения уже вытекает из § 216 УУ [9, § 212 цифра 38]. Согласно этому смягчающие обстоятельства применяются только в том случае, если исполнитель причинил смерть пациенту по его явно выраженному и серьезному требованию.

Пассивная эвтаназия, то есть эвтаназия путем оставления умирать, напротив, является безнаказанным [2, предисловие к §§ 211–217 цифра 58]. Разница между активной эвтаназией и пассивной эвтаназией заключается в том, что при пассивной эвтаназии пациент умирает от своей болезни [8, цифра 100]. Это распространяется только на те случаи, когда со стороны врача имеет место бездействие, а не активные действия [2, предисловие к §§ 211–217 цифра 58].

Требование пациента не принимать меры по продлению жизни является обязательным для врача [5, предисловие к § 211 цифра 115]. Следовательно, врач не обязан и не уполномочен осуществить лечение, даже если непринятие определенной меры означает смерть пациента [6, предисловие к § 211 цифра 107]. Напротив, если врач действует против воли пациента, то это является противоправным посягательством на телесную неприкосновенность и свободу принятия решений пациента [6, предисловие к § 211 цифра 108].

Проблемы, связанные с обоснованием безнаказанности возникают также в случае технического прекращения лечения, т.е. отключения аппаратов жизнеобеспечения по причине (предполагаемого) волеизъявления пациента [1, с. 514]. В этих случаях врач, с одной стороны, обязан остановить нежелательное для пациента продолжение лече-

ния, а с другой стороны, прекращение лечения с использованием энергии в принципе относится к наказуемой активной эвтаназии [1, с. 514].

В данном случае произведенная аппаратом работа понимается как замена собственноручного лечения самим врачом [14, с. 349; 16, с. 154]. Если врач в этом случае прерывает «лечение, осуществляемое посредством аппарата», то здесь может иметь место неоказание дальнейшего лечения со стороны врача (т. е. бездействие путем активного действия) [14, с. 349; 16, с. 154].

Однако эта конструкция «терпит неудачу» уже в тот момент, когда действие совершает не врач, а третья сторона, например, родственники пациента [1, с. 515]. К тому же она подвергается критике как догматически недопустимый «искусный прием» [4, с. 184].

2. Прекращение лечения

Исходя из проблемы, возникающей, когда наказуемость и ненаказуемость имеют место одновременно с уголовно-правовой идентификации одного действия как деяние, совершенное путем действия или бездействия, Федеральный Верховный Суд в 2010 году разработал так называемую фигуру прекращения лечения (так BGH NStZ 2010, 631).

Согласно этому врач или третья сторона действует оправданно (т. е. безнаказанно), если

(1) завершает, ограничивает или не оказывает лечение, которое

(2) связано с опасным для жизни пациента заболеванием,

(3) прекращение соответствует фактической или предполагаемой воле пациента

(4) и действующее лицо действует с осознанием этих обстоятельства (так BGH NStZ 2010, 632).

Если, с одной стороны, пациент имеет право запретить начало лечения, то, следовательно, это должно распространяться и на завершение лечения, которое стало нежелательным независимо от определения завершения лечения как действие или бездействие (так BGH NStZ 2010, 631). Данный подход подвергается критике из-за того, что здесь речь идет об уклонении от запрета на наличие согласия в действиях, направленных на причинение смерти, который вытекает из § 216 УУ [19, с. 76 и последующие]. Однако практическая пригодность этого подхода говорит сама за себя [1, с. 520].

III. Определение волеизъявления пациента

Определение (предполагаемого) волеизъявления пациента, не реагирующего на речь, может быть проблематичным, например, поскольку он находится в бодрствующей коме. Разъясняющим

элементом здесь может послужить наличие распоряжения пациента в соответствии с § 1901a ГУ.

Согласно нормативному определению распоряжения пациента в смысле § 1901a ГК — это письменное заявление, в котором дееспособное совершеннолетнее лицо в случае своей недееспособности закрепляет разрешает или запрещает ли он обследование его состояния здоровья, лечение или медицинские вмешательства, которые на момент закрепления непосредственно не предстояли.

В случае отсутствия распоряжения пациента или если оно не относится к текущей жизненной или лечебной ситуации, предполагаемая воля пациента особенно должна быть определена с учетом предыдущих устных или письменных заявлений, этических или религиозных убеждений и других личных представлений о ценностях (§ 1901a (абз. 2) ГК ФРГ).

В случае безрезультативного определения волеизъявления возникает вопрос сохранения жизни затронутого лица или при безнадежности приведения его в сознание прекращения лечения [5, предисловие к § 211 цифра 158]. В этом случае Федеральный Верховный Суд призывает сдержанно принимать решения и исходит из того, что в зависимости от безнадежности прогноза и близости наступления смерти пациента прекращение лечения может быть приемлемым (так BGH NJW 1995, 204 (205)).

Согласно ФВС, если процедурные положения §§ 1901a и 1901b ГУ ФРГ, которые предусматривают определение и исполнение воли не соблюдаются при исследовании волеизъявления пациента, неспособного дать согласие, то прекращение медицинских мер не может быть оправданным (так BGH NStZ 2011, 274 (276)). Эти нормы призваны также обеспечить соблюдение строгих требований в процессуальном порядке, предъявляемых к доказательствам для установления воли пациента на лечение, и таким образом учитывать потребность защиты человеческой жизни (так BGH NStZ 2011, 274 (276)).

IV. Медицинское сопровождение самоубийства

Кроме этого, спорной является ситуация, связанная с уголовной ответственностью врача в случае участия в свободно ответственном самоубийстве. Анализируя старую судебную практику, можно прийти к выводу, что врач обязан действовать с того момента, когда самоубийца теряет контроль над деянием из-за потери сознания (так BGH NJW 1984, 2639 (2640)). В этом случае не исключена возможность привлечения к ответственности врача за бездействие и, по мнению ФВС, от нее следует отказаться лишь при наличии аспектов приемлемости (так BGH NJW 1984, 2639 (2641)).

Решающий поворот в этой часто подвергавшейся критике [13, с. 121 и последующие; 3, с. 97 и последующие; 10, § 8 цифра 14 и последующие] судебной практики произошел в 2019 году посредством решения 5-го Сената ФВС по уголовным делам. По мнению ФВС, положение врача-гаранта заканчивается обращением пациента к врачу с просьбой действовать только по сопровождению самоубийства (так BGH NJW 2019, 3089 (3091)).

В Гамбургском деле, связанном с так называемым Берлинским делом, Федеральный Верховный Суд еще раз делает акцент на самостоятельности пациентов тем, что хотя продолжает рассматривать добровольное самоубийство как «несчастье» по смыслу статьи 323с (абз. 1) УУ, однако в рамках приемлемости прямо указывает на право пациента на добровольный уход из жизни (так BGH NJW 2019, 3089 (3096)).

Кроме того, необходимо принять во внимание § 217 УУ, который был включен в Уголовное Уложение в 2015 году (см. BGBl. I, 2177). Данное положение установило уголовную ответственность за содействие самоубийству на коммерческой основе другого лица и было направлено на предотвращение любой формы организованной помощи при самоубийстве со стороны врачей или специализирующихся на этом организациях, например, путем выдачи лекарственных средств (BT-Drs. 18/5373, стр. 2, 8 и последующие). Это является нарушением принципа ненаказуемого пособничества самоубийству [6, § 217 цифра 1].

В своем постановлении от 26 февраля 2020 года ФКС признал § 217 УУ ФРГ, не соответствующим конституции (так BVerfG NJW 2020, 905). Подавшие соответствующую жалобу лица, в том числе тяжелобольные, врачи, организации, которые предоставляют помощь в совершении самоубийства из Германии и Швейцарии, а также отдельные юристы, работающие в области консультирования по вопросам самоубийств жаловались, в частности, на неопределенность положения и отсутствие ясности в отношении того, в какой степени под ее действие попадают прекращенное лечение и косвенная эвтаназия [11, с. 473]. ФКС признал право каждого человека на добровольный уход из жизни согласно ст. 2 (абз. 1) в совокупности со ст. 1 (абз. 1) Основного Закона (так BVerfG NJW 2020, 905 (906)). Это право также включает принятие решения о прекращении собственной жизни, а также использование для этого помощи в той мере, в какой она предлагается (так BVerfG NJW 2020, 905 (907)). Это право существует независимо от наличия серьезных или неизлечимых заболеваний, как и определенных стадий жизни или болезни (так BVerfG NJW 2020, 905 (907)).

§ 217 УУ ФРГ применялся здесь противоправно, поскольку это положение фактически препятствовала возможности реализации этого права (так BVerfG NJW 2020, 905 (913)). Однако право требовать помощь при самоубийстве отсутствует.

V. Заключение

Медицинская эвтаназия влечет за собой некоторые трудности разграничения, которые еще больше разжигают и без того острые дебаты, в том числе в догматике.

В частности, в приговоре ФВС, устанавливающим принцип применения права, была найдена формула разграничения, пригодная для практики

и обеспечивающая ясность для различения между преступным и безнаказанным поведением.

Еще одним важным шагом на пути укрепления права на добровольный уход из жизни является постановление Федерального Конституционного Суда, а также приговор 5-го Сената по уголовным делам о медицинском сопровождении самоубийства. Остается только ожидать, какая реакция будет у законодателя на решение ФКС. Последний четко указал в своем постановлении, что возможность регулирования правил оказания помощи при самоубийстве со стороны законодателя ни в коем случае не исключены (BVerfG NJW 2020, 905 (920)).

Литература

1. *Engländer A.* Von der passiven Sterbehilfe zum Behandlungsabbruch, Zur Revision der Sterbehilfedogmatik durch den 2. Strafsenat des BGH in: JZ 2011, S. 513–520.
2. *Fischer Th.* Strafgesetzbuch: StGB, 67. Aufl. München, 2020.
3. *Gropp W.* Das Abschalten des Respirators – ein Unterlassen durch Tun? Zur Grenze der Normativität bei der Abgrenzung von Tun und Unterlassen in: Duttge, Gunnar/ Geilen, Gerd/ Meyer-Großner, Lutz/ Warda, Günter (Hrsg.), Gedächtnisschrift für Ellen Schlüchter, Köln/Berlin/Bonn/München, 2002, S. 173–188.
4. *Gropp W.* Suizidbeteiligung und Sterbehilfe in der Rechtsprechung – Zugleich eine Besprechung des BGH-Urteils im Fall Wittig vom 4. 7. 1984 – 3 StR 96/84, NJW 1984, 2639 = JZ 1984, 893 = MDR 1984, 858 = NStZ 1985, 119, in: NStZ 1985, S. 97–103.
5. *Joecks W., Miebach K.* Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch: StGB – Band 4, 3. Aufl. München, 2017.
6. *Kindhäuser U., Neumann U., Paeffgen H.-U.* Nomos Kommentar Strafgesetzbuch, 5. Aufl. Baden-Baden, 2017.
7. *Kutzer K.* Strafrechtliche Grenzen der Sterbehilfe in: NStZ 1994, S. 110–115.
8. *Laufs A., Katzenmeier Ch., Lipp V.* Arztrecht, 7. Aufl. München, 2015
9. *Matt H., Renzikowski J.* Strafgesetzbuch Kommentar, 2. Aufl. München, 2020.
10. *Rengier R.* Strafrecht Besonderer Teil II – Delikte gegen die Person und die Allgemeinheit, 21. Aufl. München, 2020.
11. *Muckel S.* Verfassungswidrigkeit des Verbots der geschäftsmäßigen Förderung der Selbsttötung, in: JA, 2020, S. 473–476.
12. *Rissing-van Saan R.* Strafrechtliche Aspekte der aktiven Sterbehilfe, Nach dem Urteil des 2. Strafsenats des BGH v. 25.6.2010 – 2 StR 454/09, in: ZIS, 2011, S. 544–551.
13. *Rissing-van Saan R., Verrel T.* Der Fall Wittig und die Verweigerung von Rechtssicherheit durch den BGH – Eine kritische Besprechung der Urteile des 5. Strafsenats des BGH vom 3.7.2019 in den Verfahren 5 StR 132/18 und 5 StR 393/18 zur Teilnahme von Ärzten an freiverantwortlichen(?) Selbsttötungen, in: NStZ 2020 S. 121–129.
14. *Roxin C.* Die Sterbehilfe im Spannungsfeld von Suizidteilnahme, erlaubtem Behandlungsabbruch und Tötung auf Verlangen, Zugleich eine Besprechung von BGH, NStZ 1987, 365 und LG Ravensburg NStZ 1987, 229, in: NStZ 1987, S. 345–350.
15. *Satzger H., Schluckebier W., Widmaier G.* Kommentar zum Strafgesetzbuch 4. Aufl. Köln 2018.
16. *Schöch H.* Beendigung lebenserhaltender Maßnahmen – Zugleich eine Besprechung der Sterbehilfeentscheidung des BGH vom 13.9.1994 1. In: NStZ, 1995, S. 153–157.
17. *Schönke A., Schröder H.* Strafgesetzbuch, 30. Aufl. München 2019.
18. *Tröndle H.* Warum ist die Sterbehilfe ein rechtliches Problem? in: ZStW, 1987, S. 25–48.
19. *Walter T.* Sterbehilfe: Teleologische Reduktion des § 216 StGB statt Einwilligung! Oder: Vom Nutzen der Dogmatik, Zugleich Besprechung von BGH, Urt. v. 25.6.2010 – 2 StR 454/09, in: ZIS 2011, S. 76–82.

References

1. *Engländer A.* Von der passiven Sterbehilfe zum Behandlungsabbruch, Zur Revision der Sterbehilfedogmatik durch den 2. Strafsenat des BGH in: JZ 2011, S. 513–520. (In German)
2. *Fischer Th.* Strafgesetzbuch: StGB, 67. Aufl. München, 2020. (In German)
3. *Gropp W.* Das Abschalten des Respirators – ein Unterlassen durch Tun? Zur Grenze der Normativität bei der Abgrenzung von Tun und Unterlassen in: Duttge, Gunnar/ Geilen, Gerd/ Meyer-Großner, Lutz/ Warda, Günter (Hrsg.), Gedächtnisschrift für Ellen Schlüchter, Köln/Berlin/Bonn/München, 2002, S. 173–188. (In German)
4. *Gropp W.* Suizidbeteiligung und Sterbehilfe in der Rechtsprechung - Zugleich eine Besprechung des BGH-Urteils im Fall Wittig vom 4. 7. 1984 – 3 StR 96/84, NJW 1984, 2639 = JZ 1984, 893 = MDR 1984, 858 = NStZ 1985, 119, in: NStZ 1985, S. 97–103. (In German)
5. *Joecks W., Miebach K.* Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch: StGB – Band 4, 3. Aufl. München, 2017. (In German)
6. *Kindhäuser U., Neumann U., Paeffgen H.-U.* Nomos Kommentar Strafgesetzbuch, 5. Aufl. Baden-Baden, 2017. (In German)
7. *Kutzer K.* Strafrechtliche Grenzen der Sterbehilfe in: NStZ 1994, S. 110–115. (In German)
8. *Laufs A., Katzenmeier Ch., Lipp V.* Arztrecht, 7. Aufl. München, 2015. (In German)
9. *Matt H., Renzikowski J.* Strafgesetzbuch Kommentar, 2. Aufl. München, 2020. , (In German)
10. *Rengier R.* Strafrecht Besonderer Teil II – Delikte gegen die Person und die Allgemeinheit, 21. Aufl. München, 2020. (In German)
11. *Muckel S.* Verfassungswidrigkeit des Verbots der geschäftsmäßigen Förderung der Selbsttötung, in: JA, 2020, S. 473–476. (In German)
12. *Rissing-van Saan R.* Strafrechtliche Aspekte der aktiven Sterbehilfe, Nach dem Urteil des 2. Strafsenats des BGH v. 25.6.2010 – 2 StR 454/09, in: ZIS, 2011, S. 544–551. (In German)
13. *Rissing-van Saan R., Verrel T.* Der Fall Wittig und die Verweigerung von Rechtssicherheit durch den BGH – Eine kritische Besprechung der Urteile des 5. Strafsenats des BGH vom 3.7.2019 in den Verfahren 5 StR 132/18 und 5 StR 393/18 zur Teilnahme von Ärzten an freiverantwortlichen(?) Selbsttötungen, in: NStZ 2020 S. 121–129. (In German)
14. *Roxin C.* Die Sterbehilfe im Spannungsfeld von Suizidteilnahme, erlaubtem Behandlungsabbruch und Tötung auf Verlangen, Zugleich eine Besprechung von BGH, NStZ 1987, 365 und LG Ravensburg NStZ 1987, 229, in: NStZ 1987, S. 345–350. (In German)
15. *Satzger H., Schluckebier W., Widmaier G.* Kommentar zum Strafgesetzbuch 4. Aufl. Köln 2018. (In German)
16. *Schöch H.* Beendigung lebenserhaltender Maßnahmen – Zugleich eine Besprechung der Sterbehilfeentscheidung des BGH vom 13.9.1994 I. In: NStZ, 1995, S. 153–157. (In German)
17. *Schönke A., Schröder H.* Strafgesetzbuch, 30. Aufl. München 2019. (In German)
18. *Tröndle H.* Warum ist die Sterbehilfe ein rechtliches Problem? in: ZStW, 1987, S. 25–48. (In German)
19. *Walter T.* Sterbehilfe: Teleologische Reduktion des § 216 StGB statt Einwilligung! Oder: Vom Nutzen der Dogmatik, Zugleich Besprechung von BGH, Urt. v. 25.6.2010 – 2 StR 454/09, in: ZIS 2011, S. 76–82. (In German)

НАРУШЕНИЕ ЗАПРЕТА О РАЗГЛАШЕНИИ ВРАЧЕБНОЙ ТАЙНЫ

Корнблум Оливер

Цель: рассмотреть вопрос, предоставляет ли § 203 УУ ФРГ на практике более широкую защиту пациенту или он является непригодным с практической стороны. В статье подробно освещается состав преступления и показаны проблемы данной темы.

Методология: формально-юридический метод.

Выводы. Применение § 203 (абз. 1 № 1) УУ приводит к очевидным трудностям доказывания для потерпевшего и показывает проблемы, связанные с толкованием волеизъявления пациента. Подтверждением этому является небольшое количество ежегодных судебных приговоров по данной проблеме. В связи с этим можно сделать вывод о том, что § 203 (абз. 1 № 1) УУ в основном имеет превентивный характер и должен быть усилен дополнительными неюридическими превентивными мерами.

Научная и практическая значимость. Проведенное исследование призвано показать врачам, законодательным и судебным органам, в каких местах существует необходимость внесения изменений, в том числе для улучшения защиты пациентов.

Ключевые слова: врач, обязательство о неразглашении, пациент, § 203 УУ, тайна, нарушение доверительных отношений, разглашение.

Введение

Нарушение запрета о разглашении врачебной тайны (далее — нарушение врачебной тайны) регулируется § 203 (абз. 1 № 1) УУ ФРГ (прим.: все последующие параграфы без указания названия закона являются положениями УУ ФРГ) и требует разглашение врачом тайной информации о пациенте, которая стала ему известна при осуществлении им профессиональной деятельности, не имея при этом соответствующих полномочий. В этом смысле нарушение врачебной тайны представляет собой особую форму нарушения частной тайны [7, § 155 цифра 3].

Врачебная тайна является историческим явлением и берет свое начало в «Клятве Гиппократова» [8, предисловие к §§ 93–109 цифра 15; 2, с. 121 и последующие]. Первая современная юридическая запись о врачебной тайне появилась в 1725 г. в прусском Медицинском Указе. С тех пор ее можно встретить в различных немецких законодательных уложениях вплоть до сегодняшнего дня [3, § 203 цифра 1].

Обязанность соблюдения врачебной тайны вытекает из права пациента на защиту его конститу-

ционных прав и свобод. Ее сохранение гарантируется также наличием права врача на отказ от дачи свидетельских показаний по профессиональным причинам в соответствии с § 53 (абз. 1 № 3) УПК ФРГ и угрозой наказания в соответствии с § 203 (абз. 1 № 1) [3, § 203 цифра 7], поскольку в Германии не существует общего права на конфиденциальность вне особых профессиональных групп [3, § 203 цифра 3].

Тема разглашения чужой тайны с учетом повседневных ситуаций, с которыми сталкиваются медицинские работники, особенно актуальна, поскольку ее разглашение может иметь «постыдное» или даже имеющее решающее значение для жизни, последствия. Например, когда врач без разрешения молодой, незамужней, совершеннолетней женщины информирует ее семью о ее беременности, в результате чего, в зависимости от ситуации, разглашение может привести к исключению из семьи, а пациентка лишается возможности осуществления тайного аборта. Хотя этот пример и является особым случаем, но он показывает, насколько важным является сохра-

нение тайны со стороны врача. Дополнительные проблемы возможны при толковании волеизъявления пациента [3, § 203 цифра 57 и последующие] или при доказывании факта совершения деяния [7, § 155 цифра 3]. Также при рассмотрении вопроса, какие медработники в больнице могут быть посвящены в тайну [6, с. 6, 9].

Защищаемое правовое благо, санкции и характер деликта

Спорным является вопрос о том, какие именно правовые блага защищает § 203. Одно мнение, распространенное в литературе, видит цель защиты в личном интересе сохранения тайны [3, § 203 цифра 6], другое – в общем интересе конфиденциальности специальных групп профессий, подразумевающие доверительные отношения [5, § 203 цифра 1]. Согласно общему мнению § 203 защищает личную жизнь и ее скрытую часть [8, предисловие к §§ 93–109 цифра 15; 3, § 203 цифра 3; 7, § 139 цифра 16], тем самым объединяя предыдущие мнения [3, § 203 цифра 4 и последующие].

В случае вынесения обвинительного приговора по § 203 (абз. 1 № 1) назначается наказание в виде лишения свободы на срок до одного года или денежного штрафа. В тяжких случаях § 203 (абз. 1 № 1 и абз. 6), предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет или денежного штрафа. Наказание сроком до пяти лет или денежный штраф в соответствии с §§ 203 (абз. 2 № 1 и 2) и 353b грозит врачу, если он совершил противоправное деяние, являясь должностным лицом. Другими уголовно-правовыми последствиями могут быть назначение запрета заниматься определенной профессиональной деятельностью согласно § 70 (абз. 1) или назначение временного запрета заниматься профессиональной деятельностью до вынесения приговора в соответствии с § 132a УПК ФРГ [7, § 155 цифра 20]. Помимо вышеупомянутых санкций часто возникают как гражданско-правовые последствия в виде компенсации морального вреда или возмещения ущерба, так и профессионально-правовые [7, § 155 цифра 4], например, потеря лицензии. В отличие от уголовно-правовых последствий другие меры также применимы к нарушениям, совершенным по неосторожности [7, § 155 цифра 4]. Примером неосторожности является потеря анкеты пациента или отсутствие защиты от несанкционированного доступа [7, § 155 цифра 4]. § 203 (абз. 1 и 2), что является уголовным проступком, поскольку за совершенное противоправное деяние законом предусмотрено минимальное наказание в виде лишения свободы до одного года. Вышеназванное является проблематичным с учетом символического характера § 203,

поскольку символическое воздействие проступка (нарушения с минимальным штрафом менее одного года или штрафом, § 12 (абз. 2)) меньше, чем в случае преступления (нарушения с минимальным штрафом в один год или более, § 12 (абз. 1)). Следовательно, было бы целесообразнее установить минимальную меру наказания в размере один год, чтобы нагляднее показывать противоправное содержание разглашения тайны в качестве преступления, поскольку личные или профессиональные последствия могут быть для жертвы непредсказуемыми и длительными в зависимости от болезни.

Проблемы доказывания

Доказывать факт нарушения врачебной тайны весьма трудно, поскольку § 203 является чисто умышленным деликтом, а уголовное преследование осуществляется только на основе ходатайства потерпевшего [7, § 155 цифра 3]. Срок подачи ходатайства, в течение которого пострадавший должен предпринять активные действия, составляет всего 3 месяца с момента, когда пострадавшему стало известно о деянии и о исполнителе согласно § 77b (абз. 1 и 2) [7, § 155 цифра 3]. Процесс подачи требует определенного объема работы и времени, а также денежных затрат [7, § 155 цифра 3], которые могут смутить пострадавшего относительно подачи ходатайства. Вышеупомянутое практически подтверждается отсутствием в судебной практике соответствующих судебных решений [3, § 203 цифра 9; 7, § 155 цифра 3]. Следовательно, можно сделать вывод, что § 203 имеет чисто превентивное воздействие [7, § 155 цифра 3], что и ожидалось от этого положения.

Предпосылки уголовной ответственности

Исполнитель и пострадавший

Согласно § 203 (абз. 1 № 1) в качестве исполнителя непосредственно выступают врачи, но в то же время и другие приравненные к ним лица, а также взаимодействующие с пациентами медицинские работники (§ 203 (абз. 4 пред. 1)), что делает состав § 203 настоящим преступным деянием со специальным субъектом [8, предисловие к §§ 93–109 цифра 18; 3, § 203 цифра 31; 5, § 203 цифра 2 и последующие, 10b и последующие]. Пострадавшими, в принципе, в качестве пациента являются все физические лица.

Мошенники, лица без лицензии или имеющие запрет заниматься определенной профессиональной деятельностью, также могут быть специальными субъектами данного преступления. Хотя в этом случае пределы толкования в соответствии со статьей 103 (абз. 2) Основного Закона ФРГ едва соблюдаются [3, § 203 цифра 31]. Решающим аспектом пригодности физического лица в качестве специального

субъекта является его поведение и появление перед пациентами [3, § 203 цифра 31]. Согласно Закону об альтернативной медицине 1939 г. специалисты по альтернативной медицине не являются годными исполнителями в смысле § 203 (абз. 1 № 1) [3, § 203 цифра 34; 5, § 203 цифра 3]. Прекращение профессиональной деятельности или утрата лицензии на осуществление профессиональной деятельности не отменяют обязанности хранения тайны [3, § 203 цифра 33; 5, § 203 цифра 16].

Объективный состав преступного деяния § 203 (абз. 1 № 1)

Состав деяния абз. 1 № 1 выполняет тот, кто разглашает чужую тайну, которая была ему доверена или стала известна иным образом, не имея соответствующих полномочий. Проверка признака «без соответствующих полномочий» на стадии проверки противоправности деяния является спорной, но разумной, поскольку этот признак может отпадать, если есть обстоятельства, исключающие противоправность деяния [3, § 203 цифра 85].

1. Чужая тайна

Тайна — это информация, ставшая известной или доступной одному человеку или небольшой группе людей, к сохранению которой у пациента есть законом охраняемый интерес и воля [8, предисловие к §§ 93–109 цифра 17; 3, § 203 цифра 12; 5, § 203 цифра 14; 6, с. 6]. Примерами таких личных тайн пациента есть личность пациента, медицинские сведения любого рода, сам факт лечения или наличие договора на лечение [3, § 203 цифра 14; 5, § 203 цифра 14; 6, с. 6]. Другие тайны, которые пациент рассказывает врачу о третьих лицах, не являются чужими в соответствии с § 203 (абз. 1 № 1) (однако относительно этого существуют и другие мнения) [3, § 203 цифра 26 и последующие; 5, § 203 цифра 14]. При этом преступность деяния, в принципе, исключается если были переданы недостоверные факты [3, § 203 цифра 15].

2. «Была доверена или стала иным образом известна»

Чужая тайна должна быть доверена исполнителю или стать ему известной при осуществлении им профессиональной деятельности [3, § 203 цифра 41; 4, § 35 цифра 429; 5, § 203 цифра 16], независимо от формы (письменной, устной или другой) [3, § 203 цифра 47; 5, § 203 цифра 16]. Осуществление профессиональной деятельности охватывает все ситуации, в которых в первую очередь существует «внутренняя» связь с профессиональным положением исполнителя. Под это наряду с информацией о здоровье, подпадают также сведения финансового, профессиональ-

ного или семейного характера, которые не имеют связи между собой [3, § 203 цифра 42; 4, § 35 цифра 429]. «Внутренняя» связь охватывает также тайны, полученные до начала лечения, в том числе сведения о личности сопровождающего лица [3, § 203 цифра 43].

Доверять означает «[...] посвящение в тайну [...]» при явном или предполагаемом условии конфиденциальности [3, § 203 цифра 48], что создает «акт доверия» [3, § 203 цифра 48; 5, § 203 цифра 16]. Акт доверия не требует договорной основы [3, § 203 цифра 48].

Признак «стала известна» выступает в качестве «исчерпывающего» признака состава. Он охватывает все другие случаи получения информации, которые не подпадают под признак доверенных сведений [3, § 203 цифра 49]. Наличие особых доверительных отношений не обязательно, поэтому не имеет значения, кому, с какой целью и по какой причине стал известен тот или иной факт [3, § 203 цифра 49]. Также возможно невольное овладение тайной [3, § 203 цифра 49]. Примеры отсутствия доверительных отношений регулярно встречаются среди работников сферы здравоохранения (врачей, являющихся должностными лицами, производственных врачей, армейских врачей и врачей исправительных учреждений) [3, § 203 цифра 49; 5, § 203 цифра 16].

3. Действие в виде разглашения

Разглашение тайны является непосредственным действием, направленным на совершение преступления. Разглашение подразумевает передачу конфиденциальных сведений получателю, о которых последний до этого момента не имел достоверных или вообще каких-либо знаний [3, § 203 цифра 51]. Осведомленность других лиц определяется на основе объективных критериев [3, § 203 цифра 51]. Если тайна относится к области личной жизни пациента, то также требуется дополнительное заключение о личности пациента [3, § 203 цифра 51]. Состав данного преступления выполнен и в том случае, когда информация без согласия пациента была раскрыта другим врачам, т. е. лицам, на которых также распространяется врачебная тайна [3, § 203 цифра 52; 5, § 203 цифра 17]. Иначе обстоит ситуация при стационарном лечении, когда пациент осведомлен о работе с ним нескольких врачей и вспомогательного персонала [3, § 203 цифра 52; 6, с. 6, 7]. Передача информации осведомленному получателю, независимо от того, узнал ли он информацию ранее законно или незаконно или получил ее в качестве напоминания, не является преступлением [3, § 203 цифра 51]. Непонимание

получателем раскрытой ему тайны, не считается разглашением [3, § 203 цифра 51]. Врачебная тайна распространяется также на членов семьи пациента, исключением являются несовершеннолетние пациенты [3, § 203 цифра 52].

Субъективная сторона состава преступления

С субъективной стороны § 203 требует, по крайней мере, наличие косвенного умысла [3, § 203 цифра 84; 7, § 155 цифра 3], что означает допущение нарушения тайны или, по крайней мере, его сознательное принятие [7, § 155 цифра 3].

Противоправность и вина

Совершенное деяние должно быть противоправным, а исполнитель должен действовать виновно. Противоправность деяния имеет место, если исполнитель действовал, не имея соответствующих полномочий. Это тот случай, когда отсутствуют обстоятельства, исключающие противоправность деяния. Обстоятельствами, исключающими противоправность деяния, являются предварительное явное или конклюдентное согласие затронутого лица, предполагаемое согласие родственников в случае пациентов с ограниченной дееспособностью, служебные полномочия врачей — должностных лиц, установленное законом обязательство уведомлять об инфекционных заболеваниях, таких как коронавирус, или назначение в качестве эксперта [3, § 203 цифра 86 и последующие]. Тем не менее, рассматривая (предполагаемое) согласие, возникают ряд проблем, связанных с правом распоряжения, его действительностью и сферой действия [3, § 203 цифра 57 и последующие].

Ошибки

Если при совершении деяния врач ошибочно предполагает наличие согласия пациента на распространение его личной информации, то он действует неумышленно согласно § 16 (абз. 1 пред. 1) (ошибка в обстоятельствах деяния). Если же врач в силу иных оснований не осознает неправомерности распространения чужой информации другим, то в соответствии с положениями об ошибке в запрете (§ 17 УУ) действует невиновно, если он не мог избежать этой ошибки [3, § 203 цифра 84].

Литература

1. *Fellner Ch.* Grenzen der ärztlichen Schweigepflicht nach dem Tod des Patienten, MDR 2011, 1452 ff.
2. *Herzog F.* Hände weg von der ärztlichen Schweigepflicht!, ZRP 2015, 121 ff.
3. *Joecks W., Miebach K. u.a.* Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch, Band 4 §§ 185. Auflage, München 2017. 262 S.

Квалифицированный состав согласно § 203 (абз. 6)

Особо тяжкий случай нарушения врачебной тайны указан в 6-м абзаце. Данное положение предусматривает наказание, если исполнитель действует за вознаграждение или с намерением личного обогащения или обогащения другого лица или нанесения ущерба другому лицу. Примером намеренного нанесения вреда является подрыв репутации [3, § 203 цифра 159].

Заинтересованность в сохранении тайны после смерти в соответствии с § 203 (абз. 5)

Пятый абзац § 203 продолжает защищать сохранность тайны даже после смерти затронутого лица от разглашения со стороны лица, не имеющего соответствующих полномочий [1, с. 1452].

Заключение

В результате абсолютное предотвращение нарушения врачебной тайны практически невозможно. Однако имеющиеся различные жизненные ситуации всегда требуют проведения повторной оценки и тем самым дополнительно усложняют ежедневную и без того тяжелую врачебную деятельность. Вместе с тем защита пациента от посягательств на охраняемые правовые блага настолько весома, что делает полное предотвращение нарушений врачебной тайны необходимым.

Следует отметить, что § 203 (абз. 1 пред. 1) гарантирует пациенту правовую уверенность в сохранении его тайны и возлагает на врача обязанности неразглашения этой тайны, вследствие чего некий символический характер § 203 не может быть списан со счетов. Подтверждением этому являются трудности доказывания и отсутствие судебных приговоров, что, в свою очередь, указывает на непригодность положения для практического применения. С другой стороны, существенных ошибок при его применении не были выявлено. Целесообразным будет введение других мер для защиты тайн пациента: например, постоянной осведомленности врачей о правилах сохранения конфиденциальности, а также общих превентивных указаний пациента относительно круга лиц, которым может быть передана информация в случае невозможности представления объяснения в будущем со стороны пациента.

4. *Körner H.H., Patzak J., Volkmer M., Fabricius J.* Betäubungsmittelgesetz, Beck'sche Kurz-Kommentare Band 37, 9. Auflage, München 2019.
5. *Lackner K., Kühl K.* Strafgesetzbuch Kommentar, 29. Auflage, München 2018.
6. *Langkeit J.* Umfang und Grenzen der ärztlichen Schweigepflicht gemäß § 203 I Nr. 1 StGB, NStZ 1994, 6 ff.
7. *Laufs A., Kern B.-R., Rehborn M. u.a.* Handbuch des Arztrechts, 5. Auflage, München 2019.
8. *Udsching P., Schütze B.* SGB XI – Soziale Pflegeversicherung, Kommentar, 5. Auflage, München 2018.

References

1. *Fellner Ch.* Grenzen der ärztlichen Schweigepflicht nach dem Tod des Patienten, MDR 2011, 1452 ff. (In German)
2. *Herzog F.* Hände weg von der ärztlichen Schweigepflicht!, ZRP 2015, 121 ff. (In German)
3. *Joecks W., Miebach K. u.a.* Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch, Band 4 §§ 185. Auflage, München 2017. 262 S. (In German)
4. *Körner H.H., Patzak J., Volkmer M., Fabricius J.* Betäubungsmittelgesetz, Beck'sche Kurz-Kommentare Band 37, 9. Auflage, München 2019. (In German)
5. *Lackner K., Kühl K.* Strafgesetzbuch Kommentar, 29. Auflage, München 2018. (In German)
6. *Langkeit J.* Umfang und Grenzen der ärztlichen Schweigepflicht gemäß § 203 I Nr. 1 StGB, NStZ 1994, 6 ff. (In German)
7. *Laufs A., Kern B.-R., Rehborn M. u.a.* Handbuch des Arztrechts, 5. Auflage, München 2019. (In German)
8. *Udsching P., Schütze B.* SGB XI – Soziale Pflegeversicherung, Kommentar, 5. Auflage, München 2018. (In German)

КОРРУПЦИЯ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ВОЗМОЖНО ЛИ ЭФФЕКТИВНО ПРОТИВОДЕЙСТВОВАТЬ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СРЕДСТВАМИ УГОЛОВНОГО УЛОЖЕНИЯ ФРГ

Рюе Лука Софи

Цель: недопустимые формы сотрудничества и коррупционные действия отдельных субъектов в системе здравоохранения могут нарушить конкуренцию, сделать медицинские услуги непропорционально дорогими и ослабить доверие пациентов к правильности принимаемых решений в сфере здравоохранения. Ввиду особого социального и экономического значения для сектора здравоохранения борьба с коррупционной деятельностью должна вестись с помощью средств Уголовного Уложения.

Методология: анализ исторического развития, формально-юридический метод, систематический метод, дедукция.

Выводы. В будущем необходимо на обязательной основе ввести принцип документирования для всех существующих в настоящее время форм сотрудничества. Рекомендуются также использовать четкие критерии для взвешивания законного и криминально значимого поведения, например, на основе положений дел в этой сфере. Кроме того, фактическое ограничение круга исполнителей по § 299a УУ ФРГ лишь академическими медицинскими профессиями следует исключить путем изменения текста закона. Круг исполнителей должен быть расширен, чтобы включить в него представителей медицинских профессий, не требующих академического образования.

Научная и практическая значимость. Включив §§ 299a, 299b, 300 УУ ФРГ, законодатель закрыл пробел в вопросе об уголовной ответственности. Законодатель принял превентивные меры, чтобы обеспечить конкуренцию без нарушений. Из-за отсутствия соответствующих уголовных санкций до введения новых составов действовали только положения трудового и социального права. Они не были реализованы многими участниками правоотношений. В Уголовном Уложении необходимо предусмотреть средства для осуществления уголовного преследования за недопустимыми формами сотрудничества. В рамках каждой формы сотрудничества должны существовать эквивалентные отношения между услугой и вознаграждением. Каждая услуга заслуживает соответствующего и соразмерного вознаграждения. Медицинские решения всегда должны быть независимы от экономических соображений.

Ключевые слова: коррупция в сфере здравоохранения, дача взятки, получение взятки, пробел в уголовной ответственности, разграничение законного и преступного поведения.

4 июля 2016 года вступил в силу Закон о противодействии коррупции в сфере здравоохранения и ввел два новых состава преступления: получение взятки в сфере здравоохранения (§ 299a УУ ФРГ) и дача взятки в сфере здравоохранения (§ 299b УУ, при необходимости в совокупности с § 300 УУ ФРГ) (Закон о борьбе с коррупцией в сфере здравоохранения от 30 мая 2016 г., BGBl. I 2016, Nr. 25

от 03.06.2016, с. 1254). Поводом для изменений послужил законодательный пробел. Большой Сенат по уголовным делам постановил: состав преступного деяния §§ 299, 331 и последующих статей Уголовного Уложения ФРГ не применимы к врачам-контрактникам, имеющим лицензию на медицинское обслуживание (так BGH: решение от 29.03.2012 – GSSt 2/11, см. руководящие принци-

пы). Если предпосылки совершения преступления в соответствии со §§ 263, 266 УУ ФРГ не выполнены, врачи, осуществляющие коррупционные действия и работающие по контракту остаются безнаказанными [3, с. 172 (176)].

Составы §§ 299а, 299b УУ ФРГ нормированы в 26-м разделе особенной части Уголовного Уложения о преступных деяниях против конкуренции и составлены по образу положений § 299 УУ ФРГ. Речь идет о зеркальных составах [2, § 299а цифра 1]. При этом делается различие между пассивным и активным подкупом. Покушение по этим деликтам не является наказуемым деянием. Завершение деяния влечет за собой уголовную ответственность исполнителя. Эти преступные деяния являются официальными деликтами, т. е. преследуются прокуратурой по официальной инициативе. Согласно одной точке зрения, эти деяния являются абстрактными деликтами с формальным составом (BT-Drs 18/6446, S. 21). Приверженцы другого мнения считают, что эти нормы должны быть квалифицированы как деликты, направленные на причинение вреда добросовестной конкуренции [4, цифра 817].

Основным охраняемым правовым благом §§ 299а, 299b УУ ФРГ как предмет правовой охраны общественности является добросовестная и свободная конкуренция в публичном и частном секторе здравоохранения, а также его участники [6, § 299а цифра 30]. В рамках конкурса одновременно обеспечивается защита имущественных интересов участников конкурса, пациентов и медицинских страховых компаний, учрежденных на основании закона о медицинском страховании (BT-Drs. 18/6446, с. 13). Услуги в сфере здравоохранения должны быть направлены на благополучие пациентов, защищая таким образом доверие пациентов к целостности принимаемых медицинских решений. Эта защитная цель не охватывается текстом нормы из-за упразднения в первоначальном проекте закона одной из альтернативных вариантов совершения преступления, связанного с нарушением профессиональных обязанностей. Из-за отсутствия определенности и по инициативе Комитета по правовым вопросам альтернативный вариант совершения преступления был исключен (BT-Drs. 18/8106, с. 22) [10, § 299а цифра 2].

Адресатом нормы § 299b УУ может быть любой человек. В отличие от § 299b § 299а УУ является преступным деянием со специальным субъектом. Согласно § 28 (абз. 1) УУ свойство исполнителя является индивидуальной характеристикой, обосновывающей применение наказания. Подходящими исполнителями являются представители медицинской профессии, которые для осуществ-

ления профессиональной обязанности нуждаются в регулируемой государством обучении для осуществления своей профессии или для использования своего профессионального звания. Таким образом, охватываются представители как академических медицинских профессий (например, врачи), так и другие специалисты в области здравоохранения (например, физиотерапевты) [12, § 26 цифра 69]. Но круг академических медицинских профессий ограничен, поскольку в него не входят так называемые альтернативные медицинские профессии (к примеру, натуропаты), для которых отсутствует регулируемое государством программа обучения [12, § 26 цифра 70].

Действия, направленные на совершение преступления в соответствии с §§ 299а, 299b УУ ФРГ предполагают взаимосвязь с осуществляемой профессиональной медицинской деятельностью. Состав получения взятки согласно § 299а УУ ФРГ охватывает требование получения выгоды, получение соответствующего обещания или получение выгоды для представителя сферы здравоохранения или третьего лица. § 299b УУ ФРГ, наоборот, зеркально требует наличие предложения, обещания или предоставления выгоды представителю сферы здравоохранения или третьему лицу. При предоставлении выгоды третьей стороне получатель должен согласиться с тем, что исполнитель действует в качестве посредника от его имени [6, § 299а цифра 118].

Неправомерное соглашение представляет собой нормативную коррекцию. Выгода является вознаграждением за будущее недобросовестное предпочтение при наличии конкурирующих субъектов правоотношения. Согласно формулировке «за то», любое действие, направленное на совершение преступления, должно основываться на неправомерном соглашении. Предмет должен быть преднамеренно желанным, неправомерное соглашение — субъективированным [2, § 299 цифра 22]. Данное не моральное соглашение должно ссылаться на медицинское профессиональное решение, указанное в §§ 299а (№ 1–3), 299b (№ 1–3) УУ ФРГ.

Понятие выгоды охватывает поступления, на которые исполнитель не имеет правовое притязание и которые объективно улучшают экономическое, юридическое или личное положение получателя (так, BGH: приговор от 11 апреля 2001 г. — 3 StR 503/00 = NJW 2001, 2558 (2559)). Получаемые выгоды должны быть объективно подходящими для желания недобросовестного решения. Выгода может быть как материального, так и нематериального характера (BT-Drs. 18/6446, стр. 17). В этом смысле не существует оговорки малозначительности [1, с. 327 (331)].

Предпочтительное отношение к тому или иному участнику правоотношений, в результате неправомерного соглашения, должно быть недобросовестным. Признак недобросовестности имеет место, если решение между участниками конкурентных отношений основано на объективно чуждых материальных соображениях [5, § 299a цифра 33]. Наличие конкурентных отношений между участниками является предпосылкой. Конкурентные отношения предполагают сопоставление товаров и услуг одного и того же или схожего характера в ходе деловых отношений, что в случае одновременного распределения может привести к неблагоприятным последствиям для поставщиков в плане сбыта (так, BGH: приговор от 9 октября 1990 г. – 1 StR 538/89 = NJW 1991, 367 (370)). Действия исполнителя должны быть связаны с профессиональной деятельностью медицинского работника [6, § 299b цифра 18]. Соглашение должно быть направлено на то, чтобы отдавать предпочтение только одной стороне в конкурентной борьбе внутри страны или за ее пределами.

Объективные признаки состава – это нормативные требования, которые предполагают верную параллельную оценку непрофессионального характера со стороны исполнителя [6, § 299b цифра 193]. Субъективная сторона составов §§ 299a, 299b УУ ФРГ предполагает наличие умышленных действий и, по крайней мере, совершения деяния с косвенным умыслом [9, § 299a цифра 89; 5, § 299b цифра 16]. В рамках вариантов совершения преступления, касающихся требования получения выгоды в смысле § 299a УУ ФРГ, а также предложения выгоды в соответствии с § 299b УУ ФРГ необходимо также установить наличие намерения исполнителя, направленное на заключение неправомерного соглашения.

§ 300 УУ ФРГ регулирует особо тяжкие случаи коррупции и применяется в качестве правила определения размера наказания в случаях, предусмотренных § 299a и 299b УУ ФРГ. Особо тяжкий случай, согласно § 300 (абз. 2) УУ ФРГ имеет место в том случае, если деяние связано с крупной материальной выгодой, исполнитель действовал в виде промысла или как член банды. Со вступлением в силу §§ 299a, 299b, 300 УУ ФРГ наблюдается ужесточение уголовного наказания в сравнении с решением Верховного Суда от 2012 года [11, с. 1633 (1634)]. Согласно § 300 УУ ФРГ деяние наказывается лишением свободы на срок от трех месяцев до пяти лет. Врачи, нарушающие свои трудовые (профессиональные) обязанности, также дополнительно подпадают под юрисдикцию судов по дисциплинарным делам (см.: URL:

https://www.kbv.de/media/sp/Broschuere_Kooperation.pdf (дата обращения: 08.05.2020)). На исполнителей могут быть наложены административные денежные взыскания. Согласно § 73 УУ ФРГ государство также имеет право на изъятие доходов, полученных от совершения преступных деяний. Исполнитель должен уступать полученную выгоду государству. В соответствии с § 70 (абз. 1 пред. 1) УУ ФРГ суд может дополнительно запретить осуществление определенной профессиональной деятельности, если общая оценка исполнителя и деяния указывает на опасность того, что при дальнейшем осуществлении профессиональной деятельности он будет совершать значительные противоправные деяния описанного типа. § 70 (абз. 1 предл. 2) предусматривает пожизненный запрет осуществления определенной профессиональной деятельности, если установленный законом максимальный срок не является достаточным для предотвращения опасности, исходящей от исполнителя. Осуществление профессиональной деятельности может быть запрещена только уполномоченными на это органами апробации. Таким образом, мера наказания связана с профессионально-правовыми последствиями. Так, например, в смысле § 128 (абз. 5a) Уложения о Социальном Обеспечении ФРГ (часть V) врачи-контрактники нарушают свои договорные медицинские обязанности, если требуют или принимают недопустимые поступления. Согласно § 73 (абз. 7) Уложения о Социальном Обеспечении ФРГ (часть V) врачи-контрактники не могут обещать или предоставлять какое-либо вознаграждение или иные экономические выгоды за направления застрахованных лиц, а также обещать или предоставлять такие услуги сами. Помимо административного денежного взыскания, врачу-контрактнику также может быть отозвана лицензия на участие в контрактном медицинском обслуживании (см. § 27 Постановление о лицензировании врачей-контрактников в совокупности с § 95 (абз. 6) Уложения о Социальном Обеспечении (часть V)). Вступившие в силу приговоры по уголовным делам по §§ 299a, 299b УУ ФРГ должны быть внесены в реестр согласно § 2 (абз. 1 № 1a) Закона о создании и функционировании реестра для защиты конкуренции за государственные контракты и концессии в совокупности с § 123 (абз. 1 № 6) Закона против ограничений конкуренции, который ведет Федеральное картельное ведомство.

Прокуратуре нелегко предвидеть коррупционные деликты. Поэтому для борьбы с неправомерными действиями подобного рода были созданы контрольные инстанции в качестве организационных подразделений в соответствии с §§ 81a, 197a

Уложения о Социальном Обеспечении (часть V). Эти учреждения обязаны на регулярной основе обмениваться опытом и знаниями с участием профессиональных палат и прокуратур.

§§ 299a, 299b, 300 УУ ФРГ должны были быть соразмерными. Принцип соразмерности, вытекающий из принципа правового государства, закрепленного в статье 20 (абз. 3) Основного Закона, ограничивает уголовное право поведением, достойным и требующим наказания (так, BVerfGE 27, 28 = NJW 1969, с. 1619).

Деликты против коррупции защищают состояние сферы здравоохранения как институт борьбы от антиконкурентных преимуществ. Общие интересы сферы здравоохранения имеют конституционную основу (так, BVerfGE 90, с. 145 (172)). Сектор здравоохранения имеет большое экономическое и социальное значение. По словам *Кубицелья*, судебно-правовой механизм контроля, распределения и регулирования на рынке должен быть защищен от неправомерных искажений и от обхода установленных правил [7, с. 1, (4)]. Следовательно, законная цель, которую преследуют нововведенные деликты, достигнута.

Далее составы деяний должны быть подходящими для достижения желаемого результата. Полицейская уголовная статистика Федерального управления уголовной полиции показывает, что в 2016 г. было зарегистрировано 25 дел в дополнение к 32 делам из 2017 г. (См.: https://www.bka.de/DE/AktuelleInformationen/StatistikenLagebilder/PolizeilicheKriminalstatistik/PKS2016/pks2016_node.html (дата обращения: 20.05.2020), https://www.bka.de/DE/AktuelleInformationen/StatistikenLagebilder/PolizeilicheKriminalstatistik/PKS2017/pks2017_node.html (дата обращения: 20.05.2020)). Показатель раскрытых дел за оба года явно превышает 90%: 92,7% в 2016 г. и 96,1% в 2017 г. (см. там же). Таким образом, из-за отсутствия соответствующего законодательного регулирования до 2016 года законы были пригодны для пресечения недобросовестного предпочтения в конкурентных правоотношениях.

Несмотря на это, введение §§ 299a, 299b, 300 УУ ФРГ считается сомнительным и возникает вопрос о их необходимости в качестве крайней меры (*ultima ratio*). В постановлении Большого Сената по уголовным делам было определено, что принятие выгоды в обмен на встречную услугу или вознаграждение для получения предпочтения в конкурентных правоотношениях врачами-контрактниками, имеющие разрешение на частную практику, на тот момент не подлежало наказанию. Возможность применения санкции, не имеющие уголовно-правовой характер суще-

ствовали уже в праве о социальном обеспечении и дисциплинарном праве. Кроме этого, в соответствии с § 7 (абз. 1 предл. 1) Закона о рекламе в сфере здравоохранения незаконным является принятие поступлений представителями медицинской профессии. Средства из социального или дисциплинарного права являются недостаточными, чтобы противодействовать коррупционной деятельности. В рамках этих правовых отраслей отсутствуют соответствующие функции воздействия, необходимых для эффективного правоприменения [1, с. 327 (328)]. Установленный в рамках состава деяния поведение должно особенным образом нанести вред социальным отношениям [2, § 331 цифра 25]. Опасность может возникнуть тогда, когда субъекты сферы здравоохранения будут преднамеренно злоупотреблять «пробелом» в уголовной ответственности в своих собственных интересах, не боясь каких-либо уголовных последствий. Это может привести к снижению конкуренции, так как разрыв между действующими субъектами на рынке предоставления медицинских услуг будет увеличиваться. Таким образом, можно с легкостью устранить соперников. Кроме того, постоянное недобросовестное предпочтение в конкурентных отношениях может привести к росту стоимости, а также вызвать сомнения в качестве еще финансируемых продуктов и услуг (BT-Drs. 18/6446, с. 12). Так, вся система медицинского обеспечения будет подвержена искажениям в конкурентной среде (BT-Drs. 18/6446, с. 12). В принципе должен быть гарантирован минимальный стандарт на благо пациентов. Что касается относительных теорий наказания, то образование новых составов деяний направлено на предупреждение аналогичных преступлений в будущем посредством санкционирования. С введением §§ 299a, 299b УУ ФРГ была предотвращена ненаказуемость определенных коррупционных поведений. Данные составы преступного деяния являются абсолютно необходимыми для санкционирования таких поведений. К тому же эти нормы носят устрашающий превентивный характер.

§§ 299a и 299b УУ ФРГ должны соответствовать конституционным требованиям правовой определенности закона, вытекающий из принципа правового государства. Различие между допустимым и уголовно значимым поведением проводится по критерию соглашения о неправомерности путем оценки обстоятельств в каждом конкретном случае. В этом отношении правоохранительные органы имеют возможности для интерпретации. Однако для осуществления уголовного преследования в соответствии с § 152 (абз. 2) УПК необходимо

наличие конкретных обстоятельств для соглашения о неправомерности, на котором базируется сотрудничество участников. Необходимо, чтобы это действие противоречило обязательствам. Любое сотрудничество не должно вызывать возражений в социально-правовом смысле. Отдельные врачебные палаты округов выполняют задачи, возложенные на них на основании права земли, а именно законами, регулирующие врачебно-медицинские профессии, под свою ответственность. Обязанности их членов регулируются соответствующими положениями о профессии и контролем за их соблюдением (См.: <https://www.bundesaerztekammer.de/recht/berufsrecht/muster-berufsordnung-aerzte/> (дата обращения: 15.05.2020)). Положение о профессии соответствующей врачебной палаты регулирует обязанности отдельного врача по отношению к пациентам, коллегам и врачебной палаты (См.: <https://www.bundesaerztekammer.de/recht/berufsrecht/muster-berufsordnung-aerzte/> (дата обращения: 15.05.2020)). Поэтому адресат нормы должен в рамках своей деятельности ориентироваться на положение о профессии, действующее для врачебной палаты его округа. Таким образом, составы преступлений являются акцессорными. Они конкретизируются посредством существующих медицинско-правовых норм [7, с. 1(5)]. Следовательно, требования, предъявляемые к правовой определенности закона, удовлетворяются требованиями о нарушении обязанностей.

Законодательный орган в принципе вправе восполнять пробелы в законе об уголовной ответственности. Вместе с тем законодатель принял превентивные меры для обеспечения конкуренции

без искажений. Сфера здравоохранения формируется элементами корпоративного управления. В результате введения §§ 299a, 299b, 300 УУ ФРГ были проверены существующие формы сотрудничества на предмет их легитимности. В рамках каждой формы сотрудничества должна существовать эквивалентность между услугой и вознаграждением. Каждая услуга заслуживает соответствующего и соразмерного вознаграждения. Введение новых уголовных составов преступления повысил сознание сферы здравоохранения и ее участников в том, что использование того или иного преимущества в конкурентной борьбе является недопустимым. Из-за недостаточного уголовно-правового санкционирования до введения новых составов действовали дисциплинарно-правовые и социально-правовые предписания. Многие участники этих правоотношений не реализовывали их. В УУ ФРГ необходимо было предусмотреть средства для преследования недопустимых форм сотрудничества.

В будущем необходимо ввести принцип документирования на обязательной основе для всех существующих в настоящее время форм сотрудничества. В дальнейшем рекомендуется и дальше применять четкие критерии для взвешивания законного и уголовно значимого поведения, например, с помощью изучения конкретных дел. Кроме того, фактическое ограничение круга исполнителей по § 299a УУ ФРГ лишь академическими медицинскими профессиями следует исключить путем изменения текста закона. Круг исполнителей должен быть расширен, чтобы включить в него представителей медицинских профессий, не требующих академического образования.

Литература

1. *Damas J.-P., Scur Ch.* Die neuen Tatbestände §§ 299a und 299b StGB, PFB, 2015. 327 S.
2. *Fischer Th.* Beck'sche Kurzkommentare, Band 10, Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen, 66. Auflage, München, 2019.
3. *Geiger D.* High Noon im Gesundheitswesen: Niedergelassene Vertragsärzte sind keine tauglichen Täter der Korruptionsdelikte – Besprechung des Beschlusses des Großen Senats für Strafsachen am BGH vom 29.03.2012. GStt 2/11, CCZ 2012. 172 S.
4. *Hellmann U.* Wirtschaftsstrafrecht, 5. Auflage, Stuttgart, 2018.
5. *Joecks W., Miebach K.* (Hrsg.) Münchener Kommentar zum StGB, 3. Auflage, München, 2019.
6. *Kindhäuser U., Neumann U., Paeffgen H.-U.* (Hrsg.) Strafgesetzbuch Kommentar, 5. Auflage, Baden-Baden, 2017.
7. *Kubiciel M.* Die Straftatbestände gegen die Korruption im Gesundheitswesen: verfassungskonform, kriminalpolitisch angemessen und effektiv?, WiJ 2016. – 1 S.
8. *Laufs A., Uhlenbruck W.* (Begr.) Handbuch des Arztrechts, 5. Auflage, München, 2019.
9. *Leitner W., Rosenau H.* (Hrsg.) Wirtschafts- und Steuerstrafrecht, Nomos Kommentar, Baden-Baden, 2017.
10. *Schönke A., Schröder H.* Strafgesetzbuch Kommentar 30. Auflage, München, 2019.
11. *Spickhoff A.* Die Entwicklung des Arztrechts 2015/2016, NJW 2016. 1633 S.
12. *Wittig P.* Wirtschaftsstrafrecht, Grundrisse des Rechts, 5. Auflage, München, 2020.

References

1. *Damas J.-P., Scur Ch.* Die neuen Tatbestände §§ 299a und 299b StGB, PFB, 2015.327 S. (In German)
2. *Fischer Th.* Beck'sche Kurzkommentare, Band 10, Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen, 66. Auflage, München, 2019. (In German)
3. *Geiger D.* High Noon im Gesundheitswesen: Niedergelassene Vertragsärzte sind keine tauglichen Täter der Korruptionsdelikte – Besprechung des Beschlusses des Großen Senats für Strafsachen am BGH vom 29.03.2012. GStt 2/11, CCZ 2012. 172 S. (In German)
4. *Hellmann U.* Wirtschaftsstrafrecht, 5. Auflage, Stuttgart, 2018. (In German)
5. *Joecks W., Miebach K.* (Hrsg.) Münchner Kommentar zum StGB, 3. Auflage, München, 2019. (In German)
6. *Kindhäuser U., Neumann U., Paeffgen H.-U.* (Hrsg.) Strafgesetzbuch Kommentar, 5. Auflage, Baden-Baden, 2017. (In German)
7. *Kubiciel M.* Die Straftatbestände gegen die Korruption im Gesundheitswesen: verfassungskonform, kriminalpolitisch angemessen und effektiv? WiJ 2016. – 1 S. (In German)
8. *Laufs A., Uhlenbruck W.* (Begr.) Handbuch des Arztrechts, 5. Auflage, München, 2019. (In German)
9. *Leitner W., Rosenau H.* (Hrsg.) Wirtschafts- und Steuerstrafrecht, Nomos Kommentar, Baden-Baden, 2017. (In German)
10. *Schönke A., Schröder H.* Strafgesetzbuch Kommentar 30. Auflage, München, 2019.
11. *Spickhoff A.* Die Entwicklung des Arztrechts 2015/2016, NJW 2016. 1633 S. (In German)
12. *Wittig P.* Wirtschaftsstrafrecht, Grundrisse des Rechts, 5. Auflage, München, 2020. (In German)

НЕОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ: «ПОДЛИННЫЙ» И «НЕНАСТОЯЩИЙ» ДЕЛИКТ, СОВЕРШАЕМЫЙ ПУТЕМ ПРЕСТУПНОГО БЕЗДЕЙСТВИЯ

Торак Ирина

Цель: изучение случаев неоказания врачом медицинской помощи в контексте уголовной ответственности за деликты, совершаемые путем бездействия. В смысле правовой догматики неоказание медицинской помощи может представлять собой «подлинный» деликт в соответствии с § 323с УУ ФРГ, или «ненастоящий» деликт (§ 13 УУ ФРГ). Основное внимание в этой статье уделяется медицинским обязанностям по отношению к лицам, нуждающимся в помощи, и пациентам. Помимо прочего обсуждаются обстоятельства, при которых врач может отказать пациенту в лечении.

Методология: формально-юридический метод, телеологическое толкование норм права.

Выводы. 1. Врачи обязаны оказывать помощь не только из профессионально-этических соображений. Обязанность врача действовать должна быть обоснована, особенно в чрезвычайных ситуациях. 2. Существующие обязательства по лечению или оказанию помощи могут быть ограничены. Характер и объем оказываемой помощи зависят от обстоятельств конкретного случая, таких как навыки врача или наличие технических возможностей, в том числе оборудования. 3. Во всех случаях, когда нет чрезвычайной ситуации и врач не берет на себя обязанность осуществления лечения, врач может отказаться от лечения.

Научная и практическая значимость. Исследование показывает, как особое положение врача оказывает влияние на уголовную ответственность врача. В частности, в связи с пандемией Covid-19 важно изучить, когда риск привлечения к уголовной ответственности врача особенно велик.

Ключевые слова: неоказание медицинской помощи, бездействие, § 323с УУ ФРГ, § 13 УУ ФРГ, положение гаранта, врач, обязанность действовать, дежурный врач.

I. Введение

Медицинское профессиональное право, а также свобода договора по гражданскому праву ущемляют свободу врачебного дела. Врач может заниматься своей профессией свободно, под собственную ответственность и независимо от указаний. Поэтому он решает самостоятельно принять пациента на лечение или отказать ему в этом. Однако эта свобода лечения не должна привести к ситуации, когда пациенту не будет оказана необходимая медицинская помощь. В этом смысле следует задаться вопросом, до какой степени право врача «сказать нет» сталкивается с пределами уголовной ответственности за совершение преступного деяния путем бездействия.

II. Общие положения

Врач может привлекаться к уголовной ответственности не только в случае совершения активных действий, но и в случае бездействия. В немецкой системе уголовного права различают между «подлинными» (§ 323с УУ ФРГ) и «ненастоящими» (§ 13 УУ ФРГ) деликтами, совершаемыми путем бездействия. Предпосылкой наказуемости как при § 323с, так и при совершении преступного деяния путем активных действий в сочетании с § 13 является действие, совершенное путем бездействия, которое следует отделить от активных действий. При отграничении частично исходят из того, что при совершении преступного деяния была приложена энергия [10, § 13 цифра 9]; в подавляющем боль-

шинстве случаев на первый план выносят предосудительность деяния исполнителя (так BGHSt 6, 46, 49) [14, предисловие к § 13 цифра 158]; другие же акцентируют внимание на нормативном ограничении критерия причинности [8, цифра 11]. Наиболее применимым является второй подход, поскольку при нормативном рассмотрении учитывается социальный смысл деяния. Следовательно, если на первый план выносятся активные действия уголовно наказуемого поведения, то не имеет место совершения деяния путем бездействия. Так, например, бездействием считается техническое прекращение лечения [8, цифра 52] или прекращение спасательных усилий.

III. Об уголовной ответственности за неоказание помощи в соответствии с § 323c УУ ФРГ

§ 323c УУ ФРГ обязывает каждого человека оказать помощь другому лицу, находящемуся в бедственном положении. Хотя данная норма не определяет особых обязанностей врача [6, цифра 12], однако предполагается, что при несчастном случае именно врач должен в полной мере использовать свои медицинские знания и умения (§ 4 абз. 2 предл. 2 Федеральное положение о порядке осуществления врачебной деятельности). Исходя из профессиональной компетенции врача, от него ожидается способность оказать более основательную медицинскую помощь, чем от неспециалиста [7, § 141 цифра 7 и последующие].

1. Состав преступления

а) Чрезвычайная ситуация

С объективной стороны § 323c требует наличие чрезвычайной ситуации в форме несчастного случая, общей опасности или бедственного положения. Под общей опасностью или бедственным положением понимается опасность для большого количества лиц или общества в целом [12, § 42 цифра 7], например, из-за землетрясения или пандемии, что случается довольно редко. Для повседневной практики врача в основном является значимым несчастный случай, поскольку это может произойти с одним человеком. При несчастном случае речь идет о внезапном событии, которое наносит значительный вред человеку или имуществу, или может причинить иной вред [14, § 323c цифра 5]. Следует подчеркнуть, что типичное нормальное течение болезни не является случайным, поскольку не возникает внезапно [6, цифра 13]. Заболевание может рассматриваться в качестве несчастного случая только в случае внезапного ухудшения течения болезни. Примерами несчаст-

ного случая являются тяжелая дыхательная недостаточность (так OLG Düsseldorf NJW 1995, 799), угрожающий инфаркт миокарда (BGH, NStZ 1985, 409) или внематочная беременность (BGH, NJW 1983, 350, 351). Согласно устоявшейся судебной практике самоубийство также подпадает под понятие несчастного случая (См.: BGHSt 6, 147, 152; 32, 367, 375; 64, 121 цифра 44 и последующие; см. противоположное господствующее мнение в литературе Geppert, Jura 2005, 39, 43; Otto, NJW 2006, 2217, 2221 и последующие [13, с. 161, 176 и последующие]). Более поздняя судебная практика говорит об отсутствии уголовной ответственности для тех, кто остается бездействующим в связи с неспособностью спасти людей в случаях добровольного самоубийства (BGHSt 64, 121 и последующие с обзором Stage/Hellmann в jurisPR-StrafR 4/2020). Приведенные примеры показывают, насколько важным для классификации ситуации в качестве несчастного случая является признак внезапности, а также его толкование. Однако понятие внезапности не следует понимать в слишком узком смысле (См.: BGHSt, 6, 147, 152). Под данным термином имеется в виду не только неожиданное наступление события, но и любая ситуация, в которой требуется принятие скорейших мер для предотвращения наступления вреда [10, § 323c цифра 23].

б) Необходимость оказания помощи

В качестве действия, направленного на совершение преступления подлинный деликт, совершаемый путем бездействия в смысле § 323c УУ требует неоказание необходимой и возможной помощи лицом, обязанным оказать ее. Лицом, обязанным оказать помощь, является любой человек, способный помочь пострадавшему наиболее быстрым и эффективным способом (так BGH, BeckRS 9998, 124853). Поскольку отношение пространственно-временной близости здесь не имеет решающего значения, не только присутствующие на месте несчастного случая, но и лица, находящиеся дальше, обязаны помогать. Поэтому врач, которого проинформировали о несчастном случае по телефону, не может ограничиться только предоставлением рекомендаций по телефону; в таком случае он должен, если у него есть возможность, отправиться к пациенту (См.: RGSt 75, 160, 162; BGHSt 21, 50, 52 и последующие = NJW 1966, 1172). Если же действия врача окажутся ошибочными и/или безуспешными, они не должны толковаться как бездействие [9, § 50 цифра 114].

в) Объем оказания помощи

Объем оказания помощи зависит от конкретных условий отдельного случая [5, § 5 цифра 160]. Здесь прежде всего следует учитывать индивиду-

альные способности, а также профессиональную компетентность врача. Врач не подлежит наказанию за бездействие, если он не обладает квалификацией, необходимой для спасения человека в конкретном случае. Однако даже если врач приблизился к пределам своей профессиональной компетентности, от него в меньшей мере ожидается привлечение квалифицированного помощника или кратковременное облегчение боли (BGHSt 14, 213, 217). В случае направления в больницу, врач, оказывавший помощь, должен убедиться, что пострадавший был доставлен туда и получил необходимое лечение со стороны доктора-специалиста. Если врач больницы принял пациента, пострадавшего от несчастного случая, обязанность лечения переходит к нему (BGHSt 21, 50, 52 и последующие). Если врач берет на себя медицинское обслуживание пострадавшего, на него возлагается обязанность скорейшего осмотра пациента и принятия терапевтических мер. Необходимость оказания помощи отпадает, если затронутое лицо уже умерло (BGHSt 1, 266, 269; BGHJR 1956, 347) или может помочь себе самостоятельно (BGH VRS 14 (1958), 191, 192). Это же касается и случаев, в которых пострадавший под свою ответственность отказывается от посторонней помощи [7, § 141 цифра 42]. Врачу запрещено действовать вопреки воле пострадавшего, даже если есть в наличии соответствующие медицинские показания и неотложная необходимость оказания врачебной помощи [14, § 323с цифра 19].

d) Допустимость требования оказания помощи

Требование оказания помощи, исходя из обстоятельств, должно быть допустимым для лица, обязанного оказать помощь. Согласно тексту закона требование оказания помощи является не допустимым, если при этом лицо, обязанное оказать помощь, подвергается значительной личной опасности или есть возможность нарушения других важных обязанностей. Недопустимость требования оказания помощи по причине значительной личной опасности вытекает из того, что в таком случае опасности подвергаются жизнь, свобода или другие правовые блага, охраняемые законом [14, § 323с цифра 19]. К этой категории относятся, например, случаи, в которых существует возможность уголовного преследования [14, § 323с цифра 20, здесь особенно важно учитывать, что исполнитель может сослаться на недопустимость требования оказания помощи, только в том случае, если совершенное им преступное деяние не связано с чрезвычайной ситуацией]. Кроме упомянутых выше признаков объективной стороны, со субъективной стороны состава преступного де-

яния у исполнителя должен присутствовать прямой умысел (или, по меньшей мере, косвенный). Если же лицо при совершении деяния ошибочно воспринимает обстоятельства несчастного случая, необходимость или допустимость требования оказания помощи, то имеет место ошибка в обстоятельствах деяния согласно § 16 УУ ФРГ, что влечет за собой исключение умысла (BayObLG NJW 1973, 770).

2. Коллизия обязанностей, исключающая противоправность деяния

На практике врач может находиться в такой ситуации, когда ему приходится иметь дело с необходимостью выполнения нескольких обязанностей, однако при этом у него есть возможность выполнять только одну из них. В таком случае следует проверить наличие признаваемой нормами общего права коллизии обязанностей, исключающей противоправность или виновность деяния [10, § 34 цифра 34 и последующие]. Коллизия обязанностей имеет место в случае, если врачу приходится иметь дело с необходимостью выполнения нескольких взаимоисключающих обязанностей и выполнение одной обязанности препятствует выполнению других [5, § 5 цифра 148]. Если нескольким тяжелобольным одновременно требуется аппарат искусственной вентиляции легких, врачу позволяет отдать предпочтение пациенту с наиболее высоким шансом на выживание [5, § 5 цифра 148]. Коллизия обязанностей, исключающая противоправность деяния, наступает исключительно в случаях равной неотложной необходимости оказания помощи затронутому лицу.

IV. Об уголовной ответственности за «ненастоящий» деликт, совершаемый путем бездействия в соответствии с § 13 УУ ФРГ

Кроме «подлинного» деликта, совершаемого путем бездействия в соответствии с § 323с УУ ФРГ, различают также «ненастоящий» деликт, совершаемый путем бездействия. О «ненастоящем» деликте, совершаемом путем бездействия, говорят, когда состав преступного деяния, предусматривает наказание за активные действия, но деяние было совершено путем бездействия в смысле § 13 УУ ФРГ и совершение деяния путем бездействия равнозначно совершению деяния путем активных действий. Целью § 13 УУ ФРГ является наказание за невыполнение необходимых действий для пресечения опасности или причинения вреда правовым благам несмотря на то, что обязанность выполнения такого действия существовала. Во врачебной практике наиболее часто

возникают случаи наказуемости за причинение смерти по неосторожности в соответствии с § 222 УУ ФРГ или нанесение телесных повреждений по неосторожности путем бездействий согласно § 229 УУ ФРГ в совокупности с § 13 УУ ФРГ.

Соответствие составу преступления

а) Положение врача как гаранта

Обязанность действовать согласно § 13 является обоснованной только в том случае, если существует правовая обязанность врача не допустить смерть или вред для здоровья. В этом понимании врач выполняет обязанность гаранта. Если такая обязанность отсутствует, наказуемость за совершение преступного деяния путем бездействия согласно § 13 исключается. Следует подчеркнуть, что под положением гаранта понимается выполнение особых обязанностей, которые выходят за рамки обязанностей, которые возлагаются на каждого (BGH, NJW 2000, 2754). Наличие положения гаранта следует определять не абстрактно, а на основании обстоятельств каждого конкретного случая.

Обязанность гаранта может возникнуть различным образом. Согласно судебной практики, наличие положения гаранта может вытекать из законов, из договорных отношений, из предшествующих несчастному случаю опасного деяния или из близких жизненных отношений (BGH JA 2004, 354 = JuS 2004, 82 с примечанием *Martin*). В литературе указывается, что обязанности гаранта определяются обязанностью попечения гаранта-защитника и обязанностью по обеспечению безопасности гаранта-хранителя [14, § 13 цифра 9].

В целом положение врача как гаранта вытекает из договора о лечении в смысле § 630а ГУ ФРГ. Независимо от того, был ли заключен такого рода договор в гражданско-правовом смысле, обязанность оказания помощи возникает с фактическим принятием обязанностей осуществления медицинского лечения (не только врач, но и медицинский персонал обязаны оказывать пациенту соответствующую помощь). В противном случае отсутствует обязанность обеспечения лечения. То есть любой врач может отказать пациенту в лечении на основании веской причины, такой как неплатежеспособность, загруженность или отсутствие доверия.

Принятие на себя положения гаранта происходит с началом осмотра или выполнения терапевтических мер, которые связаны с установлением диагноза или выздоровлением пациента. Для принятия на себя положения гаранта достаточно предоставление совета по телефону [1, § 3 цифра 65], но не простой консультации (BGH, NJW 1983, 351).

Вопрос, существует ли положения гаранта для дежурного врача без фактического принятия обязанностей осуществления медицинского лечения, является спорным [14, §13 цифра 28a]. Это подтверждается тем, что лица, которым необходима медицинская помощь, полагаются на постоянную готовность дежурного врача к оказанию помощи (BGHSt 7, 211, 212). Ведь именно принятие мер во время неотложных случаев заболевания и соответствующее обеспечение амбулаторного лечения больных относится к задачам дежурного врача (BGHSt 7, 211 = NJW 1955, 718). Таким образом, его правовая обязанность действовать вытекает из сути врачебной деятельности, в частности из службы скорой помощи и первостепенных интересов населения [3, с. 204]. Однако дежурный врач может отказать пациенту в лечении, если для такого лечения не существует очевидное медицинское показание (См.: *Halbe, Bernd in: Deutsches Ärzteblatt: Dienstvertrag: Behandlungspflicht des Arztes (дата выхода: 30.11.2018) // URL: <https://www.aerzteblatt.de/archiv/203493/Dienstvertrag-Behandlungspflicht-des-Arztes>, (дата обращения: 02.02.2020)).*

б) Объем и пределы положения гаранта

Форма и степень обязанностей гаранта прямо вытекают из лечения (См.: *BGHSt 54, 44, 49; BGH 4 StR 473/13; BGH 1 StR 265/16 цифра 84*) и договоренности между врачом и пациентом. Кроме того, обязанность оказания врачебной помощи «определяется согласием информированного пациента, медицинскими показаниями и требованиями *lex artis* к осуществлению лечения» [6, цифра 6] и ими же ограничивается. Существование положения гаранта прекращается после отпадают обстоятельства, на которых оно основывалось (ср. *BeckOK StGB/Heuchler, § 13 цифра 85*). Такое имеет место при увольнении врача или отзыва принятия на лечение, а также при завершении лечения или принятия обязанности оказания медицинской помощи другим врачом (BGHSt 21, 50, цифра 53 и последующие).

с) Дополнительные требования

Как и в случае неоказания помощи, выполнение обязательства гаранта должно быть для врача допустимым и соответствовать его умыслу (так позиция меньшинства в литературе, см. *BGHSt 55, 206, 222; Heger в Lackner/Kühl, § 13 цифра 5*). Противоположная позиция, представляющая господствующее мнение, анализирует допустимость требования помощи на уровне вины (*Esser/Bettendorf в NStZ 12, 233, 236; Kühl Allgemeiner Teil 18/33 и 140*) и требует наличие умысла (см. выше). Приведенные выше пояснения относительно коллизии обязательств относятся в равной степени и к «ненастоящим» деликтам, совершаемым путем бездействия.

V. Заключение

Право отказаться от лечения пациента, которым обладает врач, вытекает не только из сути врачебной деятельности, но и из § 4 (абз. 2 предл. 2) Федерального положения о порядке осуществления врачебной деятельности. Однако отказ от лечения пациента должен иметь место только в обоснованных случаях (например, при нарушении отношений врач-пациент или при неподобающем поведении пациента). В случае дежурного врача обязанность оказывать помощь является постоянной. В чрезвычайной ситуации все врачи обязаны оказывать

помощь. «Бездействие» врача является ненаказуемым, если помощь не требуется или требование об оказании помощи является не допустимой. Если чрезвычайная ситуация отсутствует, обязанность оказания помощи возлагается на врача только в случае наличия положения гаранта, которое основывается на фактическом принятии обязанности осуществления медицинского лечения.

В целом исследование показало, что особенное положение врача повышает возможность привлечения к уголовной ответственности, поскольку его действия могут «быстро» превратиться в уголовно наказуемое деяние.

Литература

1. *Clausen T., Schroeder-Printzen J.* Münchener Anwaltshandbuch Medizinrecht, 3. Auflage 2020.
2. *Fischer Th.* Strafgesetzbuch und Nebengesetze, Kommentar, 66. Auflage 2019.
3. *Heberer J.* Das ärztliche Berufs- und Standesrecht, 2. Auflage 2001.
4. *Kindhäuser U., Neumann U., Paeffgen H.-U.* (Hrsg.) Nomos Kommentar, Band 1: §§ 1-79 StGB, 5. Auflage 2017.
5. *Kraatz E.* Arztstrafrecht, 2. Auflage 2018.
6. *Laufs A., Katzenmeier Ch., Lipp V.* Arztrecht, 7. Auflage 2015.
7. *Laufs A., Kern B.-R.* Handbuch des Arztrechts 4. Auflage 2010.
8. *Matt H., Renzikowski J.* Kommentar zum Strafgesetzbuch, 2. Auflage 2020.
9. *Müller E., Schlothauer R., Schrumpf M.* Münchener Anwaltshandbuch Strafverteidigung 2. Auflage 2014.
10. Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch, Band 1: §§ 1–37 StGB, 3. Auflage 2017.
11. Münchener Band 5: §§ 263–358 StGB, 3. Auflage 2019.
12. Rengier Strafrecht Besonderer Teil II, 19. Auflage 2018.
13. *Roxin Cl., Schroth U.* Handbuch des Medizinrechts, 4. Auflage 2010.
14. *Schönke A., Schröder H., Hecker B.* Strafgesetzbuch Kommentar 30. Auflage 2019.
15. *Schmidt H.* COVID-19, Rechtsfragen zur Corona-Krise 1. Auflage 2020.

References

1. *Clausen T., Schroeder-Printzen J.* Münchener Anwaltshandbuch Medizinrecht, 3. Auflage 2020. (In German)
2. *Fischer Th.* Strafgesetzbuch und Nebengesetze, Kommentar, 66. Auflage 2019. (In German)
3. *Heberer J.* Das ärztliche Berufs- und Standesrecht, 2. Auflage 2001. (In German)
4. *Kindhäuser U., Neumann U., Paeffgen H.-U.* (Hrsg.) Nomos Kommentar, Band 1: §§ 1–79 StGB, 5. Auflage 2017. (In German)
5. *Kraatz E.* Arztstrafrecht, 2. Auflage 2018. (In German)
6. *Laufs A., Katzenmeier Ch., Lipp V.* Arztrecht, 7. Auflage 2015. (In German)
7. *Laufs A., Kern B.-R.* Handbuch des Arztrechts 4. Auflage 2010. (In German)
8. *Matt H., Renzikowski J.* Kommentar zum Strafgesetzbuch, 2. Auflage 2020. (In German)
9. *Müller E., Schlothauer R., Schrumpf M.* Münchener Anwaltshandbuch Strafverteidigung 2. Auflage 2014. (In German)
10. Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch, Band 1: §§ 1–37 StGB, 3. Auflage 2017. (In German)
11. Münchener Band 5: §§ 263–358 StGB, 3. Auflage 2019. (In German)
12. Rengier Strafrecht Besonderer Teil II, 19. Auflage 2018. (In German)
13. *Roxin Cl., Schroth U.* Handbuch des Medizinrechts, 4. Auflage 2010. (In German)
14. *Schönke A., Schröder H., Hecker B.* Strafgesetzbuch Kommentar 30. Auflage 2019. (In German)
15. *Schmidt H.* COVID-19, Rechtsfragen zur Corona-Krise 1. Auflage 2020. (In German)

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ТРАНСПЛАНТАЦИЕЙ ОРГАНОВ

Вегемунд Кора

Цель: рассмотреть в данной статье уголовно-правовые проблемы, связанные с трансплантацией органов, и в то же время служит наглядным примером для текущей правовой ситуации по этой теме. В ней изложены правовые рамки, применяющиеся к современной трансплантационной медицине и ее изменения в течение последнего времени. Далее рассматриваются причины правовых нововведений в этой области. Особенного внимания заслуживает скандал, связанный с манипуляцией актов с целью предпочтения конкретных пациентов из списка ожидания, который получил публичную огласку летом 2012 года («Скандал с донорством органов») и оказал большое влияние на публичный дискурс и общие дебаты о процедуре изъятия органов, с одной стороны, и процедуре их распределения, с другой. В рамках этого исследования также рассматривается принятое в этом году Бундестагом постановление о порядке принятия решения.

Методология: сравнительно-правовые аспекты и анализ историко-политических развитий.

Выводы. Повышенный общественный интерес и общенациональные кампании Федерального центра по вопросам медицинского просвещения (BZgA) сделали эту тему более актуальной в общественном дискурсе. В то же время такие события, как вышеупомянутый «Скандал с донорством органов», повысили общественный скептицизм. Дополнительное регулирование уголовно-правовых положений в последние годы должно предотвратить злоупотребления процедурами, связанными с трансплантацией и донорством. Частично оспоримый порядок принятия решения, который подразумевает наличие активного согласия донора органов, продолжает существовать в Германии в качестве контр-модели порядку представления возражения, как, например, в Испании.

Научная и практическая значимость. Благодаря исследованиям, ориентированным на будущее, и новым практическим знаниям медицина подвержена постоянным изменениям еще больше, чем другие области науки. Кроме того, на общественном уровне постоянно изменяются моральные, религиозные и этические аспекты. Вследствие чего для регулирования медицинско-правовых вопросов необходимо учитывать в законодательстве динамический характер тематики и оценивать его из разных перспектив. В этом отношении данная статья представляет собой некий обзор преобладающих в настоящее время морально-этических концепций в нынешних правовых рамках и текущих научных мнений.

Ключевые слова: скандал с донорством органов, изъятие органов, правило о наличии согласия, порядок представления возражения, порядок принятия решения, Закон о трансплантации.

Введение

Первое удостоверение донора органов было выдано в Германии уже в 1971 г., но только с 1990-х гг. стали появляться все более точные политико-правовые меры, связанные с этим вопросом. Лишь после принятия Закона о трансплантации (далее – ЗоТ), вступившего в силу в 1997 г. [7, с. 16], трансплантационная медицина

получила правовую основу, которая установила специальные правила в отношении донорства, изъятия и передачи органов. Однако в ГДР уже с 1975 г. существовал соответствующий нормативно-правовой акт („*Verordnung über die Durchführung von Organtransplantationen*“) для бывших западно-германских земель ЗоТ был первой правовой основой после воссоединения [9, стр. 45]. Всеобщ-

емлющие нововведения и дополнения от 2007 г. уточнили и дополнили закон. Однако гораздо более существенное влияние на ЗоТ оказали реформы, проведенные несколько лет спустя в ответ на так называемый «Скандал с донорством органов», которые существенно повлияли на нынешний характер закона.

Поэтому данное исследование фокусируется на «Скандале с донорством органов», который является особенно наглядным примером уголовно-правового развития правовой ситуации в трансплантационной медицине.

Следует уточнить, в какой степени правовая ситуация в области трансплантационной медицины была и остается ориентированной на конкретные события и конкретный практический опыт, поскольку часто возникают непредвиденные или неурегулированные проблемы, которые выявляли необходимость в адаптации и дополнительной регулировке правовой ситуации.

II. Структура Закона о трансплантации

Закон о трансплантации состоит из 50 параграфов и разделен на восемь разделов, которые тематически разделены на общие положения (§§ 1–2), правила изъятия органов и тканей у живых или мертвых доноров (§§ 3–8с), положения об организации, о посредничестве, о регистрации и логистике (§§ 8d–16b) а также уголовно-правовые и запрещающие нормы (§§ 17–20), за которыми следуют заключительные положения (§§ 21–26) (см. BGBl. I 2007 S. 2206, последнее изменение от 19.05.2020).

Данное исследование рассматривает уголовные и запрещающие нормы, которые были дополнены в ЗоТ с момента его вступления в силу в 1997 г.

III. «Скандал с донорством органов» – правовые последствия и реформы

События лета 2012 г. являются переломным моментом в развитии правовой политики в области донорства органов в Германии. Университетская больница Геттингена предоставила общественности информацию о нарушениях в распределении донорских органов, которые происходили в течение многих лет, что, в конечном итоге, вылилось в общую дискуссию в виде «Скандала с донорством органов» (этот термин вводит в заблуждение, поскольку проблема не в донорстве органов, а в их распределении; но он превалирует в общем дискурсе) и послужило поводом для обсуждения этой темы совсем по-новому. Вместе с тем нерешенным оставался вопрос о том, является ли скандал, воспринимаемый общественно-

стью в «моральном» смысле таковым, скандалом и с точки зрения уголовного права, и если да, то в каком мере. Поведение, в котором обвиняли врача из Геттингена – и как вскоре выяснилось и других врачей в других городах Германии – касалось манипуляций с медицинскими картами пациентов с целью улучшения положения отдельных пациентов, находящихся в листе ожидания. Содержащаяся в медицинской карте сфальсифицированная информация о тяжелом состоянии здоровья соответствующего лица, как правило, должна была привести к его предпочтению при распределении донорского органа (так BGH NJW 2017, 2349 (2350) и BGHSt 62, 223). Направление через Евротрансплант (фонд, несущий ответственность за поощрение и координацию трансплантации органов), который действует в качестве центрального трансграничного посреднического центра происходит на основе различных параметров, например, таким как срочность пересадки, которая оценивается тем выше, чем хуже состояние здоровья пациента [6, с. 917, 918].

На практике такие манипуляционные действия оказались достаточно успешными: отделение трансплантационной хирургии в Университетской клинике в Геттингене наблюдало значительное увеличение количества трансплантаций в течение многих лет (См.: *Berndt Ch., Janisch W.: „Ein Spiel mit dem Leben schwerkranker Menschen“ / Süddeutsche Zeitung // URL: <https://www.sueddeutsche.de/gesundheit/transplantationsskandal-ein-spiel-mit-dem-leben-schwer-kranker-menschen-1.3565730> (дата обращения: 03.11.2020)*).

Следовательно, этот процесс «обеспечил» большое число пациентов донорскими органами, ожидающих очереди, акты которых не были бы рассмотрены или, по крайней мере, не так быстро, без манипулирования данными. Однако одновременно этот процесс привел к вытеснению со своих «мест» в листе ожидания других пациентов, что означало задержку в их лечении. Следовательно, при определенных обстоятельствах отсутствие донорских органов могло привести к летальному исходу [5, цифра 191a].

Самое серьезное обвинение, выдвинутое прокуратурой Брауншвейга, которая занималась делом «Геттингена», состояло в покушении на убийство в одиннадцати случаях (так BGH NJW 2017, 2349). Совершение завершенного убийства посредством активных действий исключалось из-за невозможности доказывания объективной причинно-следственной связи между манипуляцией актами и смертью человека, который был «вытеснен» в листе ожидания со своего места. Особенно

учитывая большое количество факторов при распределении органов и регулярно возникающие медицинские риски, было бы невозможно сказать с вероятностью, граничащей с уверенностью, что смерть лица, не имеющего привилегий, не произошла бы без манипуляций с актами [4, цифра 191a; 7, стр. 917 и последующие].

Поскольку подсудимый врач из Геттингена знал об упомянутых выше рисках и сложностях распределения органов, но при этом предполагал, что не «отнял» донорский орган у других пациентов из списка ожидания, а скорее рассчитывал на то, что они вовремя получат необходимый донорский орган в другом месте, обвинение в (покушении) на убийство из-за отсутствия умысла в итоге не нашло подтверждения (так BGH NJW 2017, 3249, (3253 f.)). В этом случае именно знание, а не незнание сложного механизма распределения, помогло врачу.

Тем не менее действия врача, очевидно, нарушают § 16 (абз. 1 № 1) ЗоТ (в редакции от 31.07.2012): Федеральная ассоциация врачей устанавливает необходимую медицинскую квалификацию и уровень знаний о медицинской науке в руководствах по правилам определения смерти в соответствии с § 3 (абз. 1. предл. 1 № 2) и процедурными правилами для определения окончательного, невосстановимого нарушения общей функции головного мозга, мозжечка и ствола головного мозга в соответствии с § 3 (абз. 2. № 2)) ЗоТ о введении листов ожидания и § 12 (абз. 3) ЗоТ (редакция от 31.07.2012): Организации-посредники должны действовать в соответствии с правилами, которые соответствуют современному уровню развития медицинской науки, в частности, в соответствии с перспективами успеха и срочностью оказания помощи нуждающимся в ней пациентам. Листы ожидания в центрах трансплантации должны рассматриваться как единый лист ожидания. Решение о проведении процедуры передачи должно быть задокументировано по каждому органу с указанием причин и соответственно передано в трансплантационный центр и в координационную службу, с использованием идентификационного номера.) с учетом директив Федеральной ассоциации врачей о процедуре распределения [6, цифра 191a].

Однако земельный суд Геттингена (а позже и Федеральный Верховный Суд) сочли части вышеупомянутых норм и директив из-за нарушения ст. 2 (абз. 2 предл. 1) Основного Закона ФРГ (право на жизнь и телесную неприкосновенность) и по причине нарушения принципа правовой определенности, изложенного в ст. 103 (абз. 2) Основного Закона ФРГ, не соответствующий конституции. Как

следствие, нарушение этих норм не влечет за собой уголовную ответственность за убийство согласно § 212 (абз. 1) УУ ФРГ или за нанесение телесных повреждений согласно § 223 УУ ФРГ (нарушение основных прав, вытекающий из ст. 2 (абз. 2) Основного Закона ФРГ было отмечено, в частности, в общем исключении пациентов, которые из-за злоупотребления алкоголем зависели от донорской печени, но на момент занесения в список ожидания не могли доказать воздержание от употребления алкоголя как минимум на протяжении шести месяцев (см. BGH NJW 2017 3249 (3251)).

Уголовная ответственность согласно § 18 в совокупности с § 17 (абз. 1. предл. 1 и абз. 2) (§ 17 (абз. 1. предл. 1) ЗоТ (редакция от 31.07.2012): Торговля органами, предназначенными для лечебных целей, запрещена. Абзац 2. запрещает извлечение органов, их пересадку другому лицу или непосредственно себе самому, являющихся предметом запрещенной торговли в соответствии с абз. 1. предл. 1) ЗоТ исключается из-за отсутствия дополнительно предоставленного вознаграждения в обмен на предпочтительное распределение донорского органа [6, с. 917, 919]. Таким образом в отношении подсудимого врача был принят оправдательный приговор по части нанесения телесных повреждений и совершения убийства [ср. BGH NJW 2017 3249].

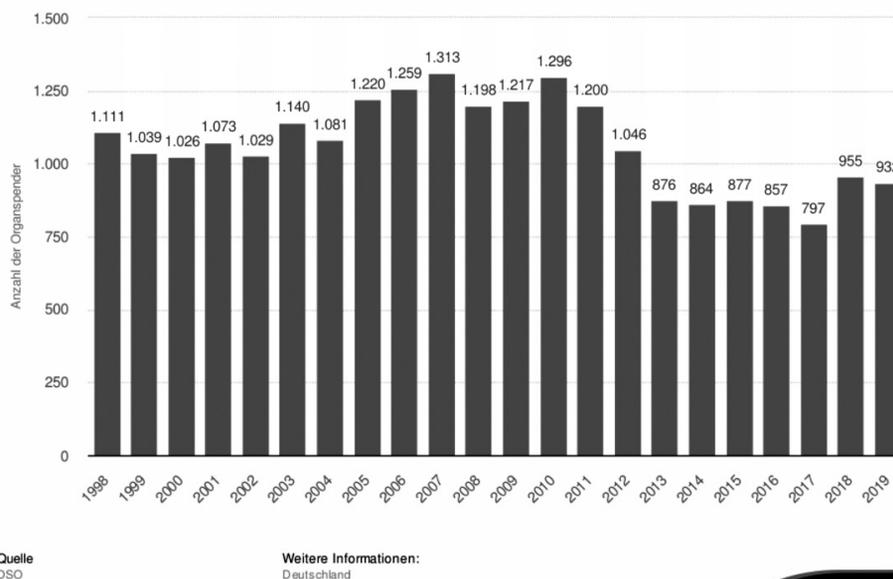
IV. Текущая правовая ситуация и политико-правовые меры

В ходе «Скандала с донорством органов» законодатель решил реформировать Закон о трансплантации. С 1 августа 2013 г. нововведенный § 19 (абз. 2a) ЗоТ предусматривает уголовную ответственность для тех, кто вопреки § 10 (абз. 3 предл. 2) ЗоТ преднамеренно собирает, документирует или передает любую информацию о состоянии здоровья пациента [6, цифра 191b]. Согласно действующему законодательству, обвиняемый может быть привлечен к ответственности за манипуляцию и передачу ложных данных о состоянии здоровья [3, с. 873, 875].

После огласки «Скандала с донорством органов» в 2012 г. готовность стать донором органов, которая в Германии по сравнению с другими европейскими странами и так была достаточно низкой, заметно снизилась и с тех пор не вернулась на прежний уровень – несмотря на внесенные поправки в закон и, как следствие, закрытие «пробела» в вопросе об уголовной ответственности.

Следующий рисунок (рис. 1) наглядно показывает сокращение числа посмертного донорства с 2013 г.

Anzahl der postmortalen Organspender in Deutschland in den Jahren von 1998 bis 2019

Quelle:
DSO
© Statista 2020

Weitere Informationen:
Deutschland

statista

Рис. 1. Количество лиц, у которых были изъяты донорские органы посмертно, в Германии с 1998 по 2019 год¹

Падение числа желающих стать донорами с 2012/2013 гг. является очевидным. В 2017 г. число доноров органов составило 797, что является самым низким показателем за 20 лет (См.: *Organspenden: Mehrheit für die Entscheidungslösung / Deutscher Bundestag* // URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2020/kw03-de-transplantationsgesetz-674682> (дата обращения: 03.11.2020)). Чтобы противостоять скептицизму населения и вызванному им явному отсутствию донорских органов, в последние годы обсуждалась реформа правовой базы практики донорства органов.

Для того чтобы противостоять скептицизму населения и вызванному им явному отсутствию донорских органов, в последние годы все чаще обсуждалась реформа правовой основы практики донорства органов.

В международном сравнении выделяют три разные практики донорства органов – т. е. нормативные концепции, в соответствии с которыми разрешается извлечение органов: правило о наличии согласия (1), порядок принятия решения (2) и порядок представления возражения (3).

(1) Согласно правилу о наличии согласия, органы и ткани могут быть изъяты только в том случае, если умершее лицо предоставило согласие при жизни; при этом донора не вынуждают к принятию решения. Однако в странах, входящих в фонд Евротрансплан-

та (в состав фонда Eurotransplant входят следующие восемь стран: Бельгия, Хорватия, Словения, Германия, Австрия, Венгрия, Нидерланды и Люксембург), правило о наличии согласия не применяется. В этих странах применяется правило расширенного согласия, которое дает родственникам или уполномоченным представителям покойного право принятия решения при отсутствии документов, подтверждающих прижизненную готовность покойного стать донором (См.: *Die Entscheidungslösung in Deutschland und gesetzliche Regelungen in anderen europäischen Ländern / Organspende* // URL: <https://www.organspende-info.de/gesetzliche-grundlagen/entscheidungsloesung.html> (дата обращения: 03.11.2020)).

(2) Порядок принятия решения представляет собой модификацию правила о расширенном согласии. Дополнительная модификация заключается в регулярном предоставлении информационных материалов населению с целью продвижения обсуждения темы, повышения осведомленности и, таким образом, общей готовности к принятию решений стать донором. В настоящее время в Германии применяется именно эта модель.

(3) Порядок представления возражения в некоторой степени противоположен правилу о наличии согласия. То есть в случае смерти любой гражданин по умолчанию будет считаться потенциальным донором, если он предварительно при жизни не отка-

¹ См.: URL: de.statista.co (дата обращения: 27.05.2020).

зался от изъятия органов. «Молчание» расценивается как предполагаемое согласие, в результате чего уровень донорства в странах, в которых применяется данный порядок, значительно выше, чем в странах, в которых используется правила о наличии согласия. В 2018 г. в Испании — стране, где применяется порядок представления возражения, — на миллион жителей приходилось 47 доноров органов по сравнению с менее чем 10 в Германии. Однако следует также учитывать, что изъятие органов в Испании разрешается уже после остановки сердца. В то время как в Германии донорство органов возможно только в том случае, если два врача независимо друг от друга засвидетельствовали смерть мозга — полное

прекращение деятельности полушарий, мозжечка и мозгового ствола, без надежды на их восстановление. Тем не менее тенденция все равно остается неизменной. В некоторых странах, если воля покойного не задокументирована, возражение на изъятие органов могут представить и родственники погибшего (См.: *Die Entscheidungslösung in Deutschland und gesetzliche Regelungen in anderen europäischen Ländern / Organspende* // URL: <https://www.organspende-info.de/gesetzliche-grundlagen/entscheidungsloesung.html> (дата обращения: 03.11.2020)).

Следующий рисунок (рис. 2) отражает распределение концепций решений в отдельных европейских странах:

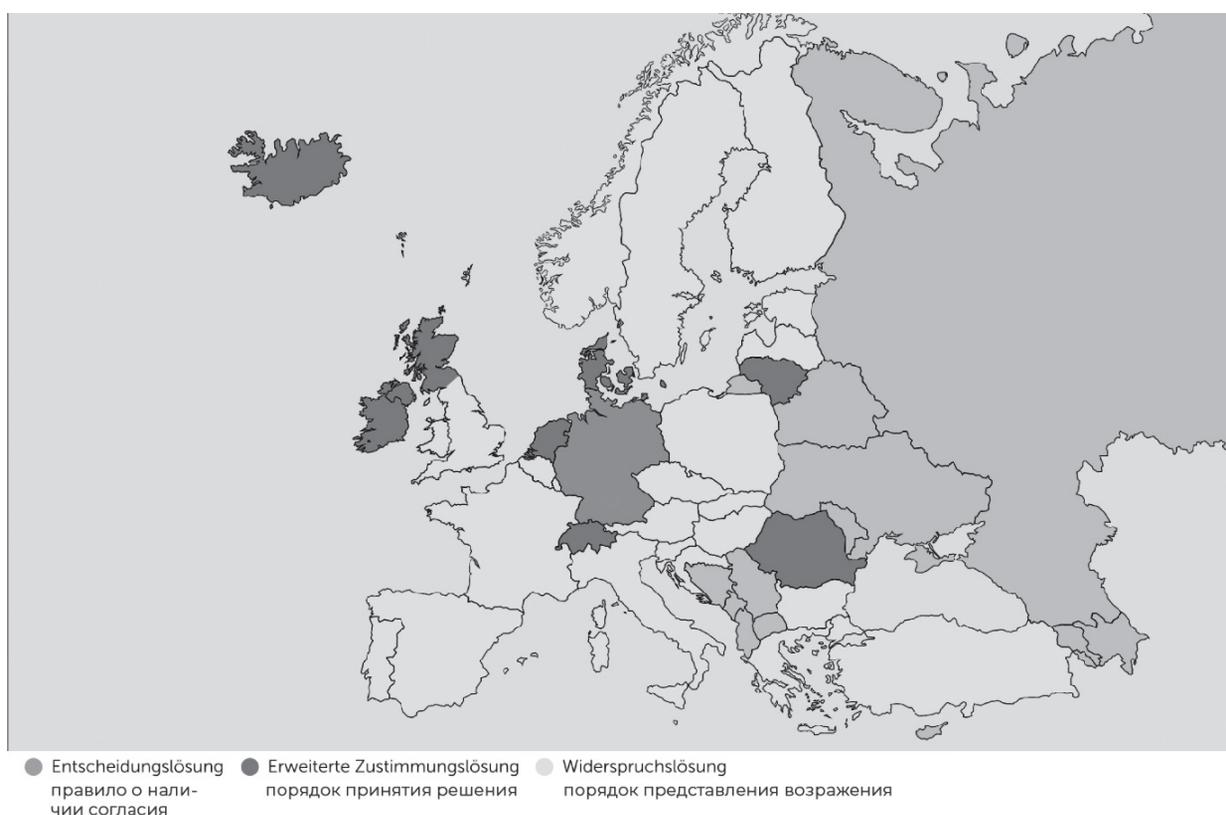

Рис. 2. Карта распределения выбора одной из трех концепций принятия решений об изъятии донорских органов в европейских странах¹

После голосования по двум конкурирующим законопроектам на тему «Усиления готовности к принятию решений при донорстве органов» в Бундестаге 16 января 2020 г., порядок принятия решения будет применяться и дальше.

Первый из законопроектов был направлен на радикальное переосмысление практики донорства и включал в себе переход к порядку представления возражения (ср. BT-Drucksache 19/11096).

Второй законопроект выступал за реформу с сохранением порядка добровольного донорства (ср. BT-Drucksache 19/11087). Депутаты проголосовали в подавляющем большинстве за принятие второго (распределение голосов при итоговом голосовании: из 669 за: 432, против: 200, воздержались: 37, см. Plenarprotokoll 19/140, 17464). В качестве главной критики относительно порядка преставления возражения парламентарии неоднократно ссылались

¹ См.: [organspende-info.de](https://www.organspende-info.de) (дата обращения: 29.05.2020)

на посмертные личные права потенциального донора или даже на негативное право на самоопределение (как право на невмешательство и выражение личной ответственности, ст. 2 (абз.1) Основного Закона ФРГ), которое вытекает из его ст. 2 (абз. 1), а также ущемление этих прав и свобод человека, в случае введения порядка представления возражения (*в ходе дебатов, состоявшихся 28 ноября 2018 г., соответственно аргументировали Анналена Баербок, Улла Шмидт, Аннет Видманн-Мауз; см. также [2, с. 2, 4; 13], доступно по ссылке <https://verfassungsblog.de/entscheiden-muessen-ist-besser-als-spenden-muessen/>; статья от 05.08.2019 (дата обращения: 03.11.2020)*). С другой стороны, это посягательство следует рассматривать как оправданное в свете обязанности защищать человеческую жизнь и его телесную неприкосновенность [2, с. 1325 (1329); 4, с. 1093 (1096); 8, с. 45 (50); 9, с. 112].

Таким образом, вместо порядка представления возражения на первый план выходит поощрение готовности к принятию решения стать донором. В итоге более эффективная донорская практика должна быть достигнута путем активизации информационных кампаний, создания онлайн-реестра для упрощения регистрации заявлений, изменения процедур в больницах по сбору заявлений и расширения возможностей для получения информации и консультаций (См.: *Organspenden: Mehrheit für*

die Entscheidungslösung / Deutscher Bundestag // URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2020/kw03-de-transplantationsgesetz-674682> (дата обращения: 03.11.2020)).

V. Перспективы

Закон, принятый в январе 2020 г. для «Усиления готовности к принятию решений при донорстве органов» (См.: *Закон об усилении готовности к принятию решений в отношении донорства органов от 16.3.2020, см. BGBl. I, с. 497*), должен вступить в силу через два года после его опубликования, т.е. в первом квартале 2022 г. К тому времени должны быть созданы как цифровые, так и аналоговые инфраструктуры, способные не только обеспечить массовый сбор заявлений, но и их результативное использование. «Разоблачения» 2012 г. настолько сильно подорвали доверие общественности к системе распределения медицинской трансплантации и к связанным с ней процедурам, что даже корректировка уголовно-правовых норм до сих пор не смогла компенсировать потерю доверия. Следует надеяться, что начатые в этом году реформы заложат основу устойчивой модели — свободная от попечительства, с одной стороны, и терпимая к игнорированию с другой — сможет создать необходимое доверие, от которого зависит будущее трансплантационной медицины.

Литература

1. *Höfling W.* Organspende oder Organgewinnung? ZRP 2019.
2. *Hufen F.* Die Widerspruchslösung bei der Organtransplantation. NVwZ. 2019. 1325 S.
3. *Jäger Ch.* Der Transplantationsskandal: moralisch verwerflich, aber straflos? JA. 2017. 873 S.
4. *Kadelbach S., Müller L., Assakkali M.* Organspende und Widerspruchslösung. JuS. 2012. 1093 S.
5. *Kraatz E.* Arztstrafrecht, 2. Auflage 2018.
6. *Kudlich H.* Die strafrechtliche Aufarbeitung des, Organ-Spendeskandals. NJW. 2013. 917 S.
7. *Neft H.* Novellierung des Transplantationsgesetzes — eine herkulische Aufgabe? NZS. 2010. 16 S.
8. *Schäfer K.* Für und Wider der Widerspruchsregelung, NJ 2019. 45 S.
9. *Spilker B.* Postmortale Organspende auf verfassungsrechtlichem Prüfstand; ZRP 2014. 112 S.

References

1. *Höfling W.* Organspende oder Organgewinnung? ZRP 2019. (In German)
2. *Hufen F.* Die Widerspruchslösung bei der Organtransplantation. NVwZ. 2019. 1325 S. (In German)
3. *Jäger Ch.* Der Transplantationsskandal: moralisch verwerflich, aber straflos? JA. 2017. 873 S. (In German)
4. *Kadelbach S., Müller L., Assakkali M.* Organspende und Widerspruchslösung. JuS. 2012. 1093 S. (In German)
5. *Kraatz E.* Arztstrafrecht, 2. Auflage 2018. (In German)
6. *Kudlich H.* Die strafrechtliche Aufarbeitung des, Organ-Spendeskandals. NJW. 2013. 917 S. (In German)
7. *Neft H.* Novellierung des Transplantationsgesetzes — eine herkulische Aufgabe? NZS. 2010. 16 S. (In German)
8. *Schäfer K.* Für und Wider der Widerspruchsregelung, NJ 2019. 45 S. (In German)
9. *Spilker B.* Postmortale Organspende auf verfassungsrechtlichem Prüfstand; ZRP 2014. 112 S. (In German)

МЕДИЦИНСКОЕ (ЛЕЧЕБНОЕ) ВМЕШАТЕЛЬСТВО КАК НАНЕСЕНИЕ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ

Циглер Хелене

Цель: рассмотреть существующий конфликт между защитой пациента и наказуемостью действий врача, который действовал объективно в рамках своей профессиональной деятельности. Врачи пользуются особым статусом в каждом обществе. Предполагается, что их действия отвечают интересам пациента, способствуют его благополучию и, как правило, пациент согласен с лечением. Особое положение, которое врач занимает в уголовном праве, и тот факт, что немецкое уголовное право еще не решило эту проблему, должны быть показаны на основе распространенных в научном сообществе мнениях и судебной практики по этой проблеме.

Методология: анализ исторического развития; систематический метод; формально-юридический метод.

Выводы. Споры, ведущиеся уже на протяжении 130 лет по поводу классификации лечебного вмешательства как нанесение телесного повреждения, до сих пор затрагивают медицинский персонал и могут быть окончательно прекращены путем вмешательства законодателя. Наука и судебная практика сходятся во мнении, что состав преступного деяния, связанного с самостоятельной медицинской деятельностью, вышел бы за рамки применения § 223 и последующих параграфов УУ ФРГ для защиты автономии пациентов. Однако нельзя отрицать, что проблема медицинского лечебного вмешательства создала широкий спектр мнений, которые с появлением множества новых теорий исчерпали пределы толкования положений уголовного законодательства и тем самым оказали долгосрочное влияние на понимание преступлений, связанных с нанесением телесных повреждений.

Научная и практическая значимость. Данное исследование представляет собой обзор существующих мнений в литературе и судебной практике, который позволяет заново оценить представленную проблематику. В статье показано, что по-прежнему существует большая потребность в составе преступления, в рамках которого соответствующим образом будет дана уголовно-правовая оценка медицинскому лечебному вмешательству. Вновь становится ясно, что применение деликтов, связанных с нанесением телесных повреждений для косвенной защиты права пациента на самоопределение, является не убедительным, но более предпочтительным решением.

Ключевые слова: медицинское лечебное вмешательство, нанесение телесных повреждений, автономия пациента, самостоятельное лечебное вмешательство, §§ 223 (и последующие параграфы) УУ ФРГ.

Конфликт, связанный с лечебным вмешательством, согласием пациента и уголовной ответственностью действующего врача за возможное совершение состава деяния нанесения телесных повреждений в уголовном и медицинском праве двигается к вопросу применения § 223 (и последующих параграфов) УУ ФРГ в данных случаях [7, § 228 цифра 56; 18, § 223 цифра 29; 1, с. 140, глава 4 § 11 абз. 1 цифра 1]. Такая классифика-

ция медицинского вмешательства часто приводит к непониманию среди лиц без юридических знаний и, прежде всего к отказу со стороны медицинского персонала. Ведь высшим принципом врача всегда является выполнение своих профессиональных обязанностей таким образом, чтобы обеспечить сохранение и восстановление жизни или здоровья пациента (§ 1 (абз. 2) Положения о профессии врачей, работающих в Германии).

При этом защита пациента и обеспечение его личных прав также должны соблюдаться. Для понятия проблематики (когда лечащий врач нарушает права пациента, даже если он осуществляет его лечение) необходимо сначала отличить медицинское вмешательство и то, что обычно понимается под этим термином в правовой науке, от простого вмешательства в физическую неприкосновенность. Медицинское (лечебное) вмешательство, говоря вкратце, преследуют цель исцеления, которая должна быть четко сформулирована. Кроме того, должен быть в наличии медицинское показание, а лечение должно проводиться «по всем правилам врачебного искусства» [1, с. 145, глава 3А; 10, § 223 цифра 9; 20, § 14, с. 39 § 4 абз. 3; 8 с. 148]. Если нет необходимости в лечении, отпадает целительный характер и в этом случае речь идет уже о медицинском вмешательстве, которое в обязательном порядке требует согласия пациента в полном объеме. Наряду к требованиям, предъявляемым к лечебной процедуре, как правило необходимо также согласие пациента на проведение соответствующей процедуры. Это вытекает из общего права личности согласно ст. 1 (абз. 1) и ст. 2 (абз. 1) Основного Закона ФРГ, а также права на телесную неприкосновенность согласно ст. 2 (абз. 2) Основного Закона. Таким образом должна быть обеспечена гарантия автономии пациента и защита его права на самоопределение [21, с. 187 цифра 329]. Если имеет место вмешательство в неприкосновенность пациента, то оно может быть оправдано посредством согласия заинтересованного лица в соответствии с § 228 УУ ФРГ [20, с. 285 §14 абз. 1; 9, с. 242]. Исходя из этого, не являются проблематичными те случаи, в которых врачебное вмешательство, независимо от его успеха, в полном объеме «покрыто» активным согласием пациента [20, с. 6, § 5 абз. 1; 18, § 223 цифра 52]. Спорными являются случаи, в которых отсутствует активное согласие пациента или иным образом проявляются нарушения врачом должной осмотрительности. Корни этой проблематики кроются в решении Имперского суда от 1894 года. Суд признал врача виновным в нанесении телесных повреждений после того, как он ампутировал ногу ребенку против воли его отца, и тем самым спас ребенку жизнь (См.: *RGSt 25, 375 (377)*). С момента принятия этого решения, укрепляющее право пациента на самоопределение, данная проблема обсуждалась не только в юриспруденции. На протяжении уже более 125 лет существует требование о создании специального состава преступления, который

будет прямо направлен на урегулирование подобных случаев и четко определит последствия для лечащего врача. Однако реальностью с тех пор является развитие многих теорий и путей решения в литературе, тем временем как судебная практика последовательно придерживается и развивает практику 1894 года (См.: *NJW 1958, 267 (268)*; *JZ 1979 596 (601)*; *NStZ 1996, 34*; *NJW 2011, 1088*). По сей день судебная практика придерживается подхода оправдания деяния на стадии проверки противоправности деяния. Согласно этому любая лечебная процедура представляет собой нанесение телесных повреждений в той мере, в какой она нарушает телесную неприкосновенность пациента (*NStZ 1996 34 (35)*; [16, § 223 цифра 46]). Это имеет место вне зависимости от того, было ли лечение успешно или выполнено «по всем правилам врачебного искусства» (*NStZ 2011, 343 (343)*) [20, с. 15, § 3 абз. 1]. Каждый акт лечебной процедуры, который в той или иной мере влияет на телесную неприкосновенность пациента, должен рассматриваться отдельно от общего результата, связанного с улучшением здоровья и при наличии согласия пациента нуждается в оправдании в соответствии с § 228 УУ ФРГ. Таким образом, оценка неправомерности медицинского действия осуществляется на стадии проверки противоправности деяния (так *BGHSt 35, 246*; *NJW 1989 1533 (1534)*; *NStZ 1996 34 (35)*; *NJW 2000 885 (886)*) [4, с. 525]. Если пациент не в состоянии дать свое согласие, то останавливаются на предполагаемое волеизъявление лица (ср. *NJW-RR 2002 816 (817)*; *NJW-RR 2004, 1166 (1167)*) [14, § 13 цифра 15; 13, с. 311, 15, глава 1.2, с. 24]. Однако это приводит к отсутствию дифференциации на уровне состава преступления между простым исполнителем и врачом, действующим «по всем правилам врачебного искусства», а также факторами лечения, направленные на защиту правового блага, которые, как и автономия пациента, оцениваются на стадии проверки противоправности деяния [5, с. 1, 5]. В этом отражена позиция судебной практики о том, что право на самоопределение не является предметом правовой охраны § 223 УУ ФРГ и автономно сформированная воля пациента, должна учитываться перед благополучием пациента [21, с. 188, цифра 332].

В отличие от подхода оправдания деяния на стадии проверки противоправности деяния подход, решающий данную проблему в контексте вопроса имеет ли место состав деяния придерживается того, что проведенное «по всем правилам врачебного искусства» и укрепляющее здоровье

лечение само по себе не представляет собой истязание, т.е. здесь вообще отсутствует состав преступления. Вопрос наличия истязания может быть установлен только при рассмотрении лечения в целом. Однако подход, решающий данную проблему в контексте вопроса о наличии состава, не связывает уголовную ответственность лечащего врача со счастливыми и случайными событиями, а исключительно с проведением лечения «по всем правилам врачебного искусства» и в соответствии с медицинскими показаниями [6, с. 157]. Даже если проводимое против воли пациента лечение оказалось безуспешными, составы деяний, связанные с нанесением телесных повреждений не применимы, поскольку действия врача, как правило, не определены волей причинить вред [6, с. 157]. В случае нарушения права на самоопределение, действия врача максимум подпадают под преступными деяниями против личной свободы (см. § 239 и последующие параграфы этого раздела УУ ФРГ). Следовательно, самостоятельное лечение не входит в сферу применения § 223 (и последующих параграфов этого раздела) УУ ФРГ, если только нарушение телесной неприкосновенности не сопровождается нарушением физических интересов [20, с. 20 § 3 абз. 2 пункт 1; 6, с. 157]. Однако этот способ решения не учитывает, что в определенных случаях малоценность наступивших последствий не может быть компенсирована успешным выздоровлением пациента.

Подход, придерживающийся тому, что в деянии отсутствует состав деяния не дифференцирует между вмешательствами, нарушающими телесную целостность, например ампутация, и другими лечебными процедурами. Кроме того, такой общий взгляд об медицинском вмешательстве создает впечатление, что ухудшение состояния здоровья не является преступлением, считающееся окончанным с момента совершения противоправного действия [18, § 223 цифра 6]. Продолжительность ухудшения состояния здоровья не является критерием причинения вреда здоровью [2, цифра 58; 7, § 223 цифра 6]. Если бы успех лечения мог компенсировать временный вред, причиненный здоровью, который был нанесен в целях лечения, то он бы зависел не от состояния причиненного вреда здоровью, а от его продолжительности. В случаях лечебного вмешательства, когда сначала происходит несущественное вмешательство в телесную неприкосновенность пациента, несмотря на позднее исцеление, происходят действия, причиняющие вред телесной неприкосновенности, которые недостаточным образом учитываются вышеназванным подходом.

В отличие от предыдущего подхода позиции теорий *lex artis* сводятся к тому обстоятельству, что для нанесения телесных повреждений необходимо ненадлежащее лечение тела, которое проводилось не «по всем правилам врачебного искусства». Если отсутствуют соответствующее медицинское показание или процедура не проводилась не «по всем правилам врачебного искусства», то независимо от успеха лечения § 223 УУ ФРГ находит свое применение. Следовательно, для оправдания действий врача требуется согласие пациента [17, с. 226; 15, глава 1.2 В, с. 24]. Кроме того, теория об интересе обеспечения телесной неприкосновенности сосредотачивается на том, превалирует ли интересы пациента или общества в их благополучии над возможно нарушенными интересами, и, следовательно, отступает ли предусмотренная § 223 (и последующими параграфами этого раздела) защита (ср. Engisch, ZStW 1939 58, с. 1, 6, 9). В то же время автономия пациентов должна и впредь защищаться путем применения деликтов, защищающих личную свободу (Engisch, ZStW 1939 58, с. 1, 11) [3, с. 174]. Однако такой подход к решению проблемы нужно уже отклонить из-за устаревшего представления об объективированном общем интересе, в рамках которого предпринимается попытка ограничить индивидуальный интерес. Аргумент, что § 223 (и последующими параграфами этого раздела) УУ ФРГ непосредственно не защищается телесная неприкосновенность, а скорее заинтересованность затронутого лица в обеспечении неприкосновенности, представляется не доступным для понимания.

Как для простой теории «наступления успеха», так и для модифицированной теории «наступления успеха», решающим фактором является конечный результат лечения [16, § 223 цифра 48; 5, с. 1 и последующие]. Поскольку до тех пор, пока вмешательство не изменяет телесную целостность, было проведено по всем правилам врачебного искусства и успешно, оно не может быть определено как нанесение телесных повреждений. Более того, не имеет значения, действовал ли врач против заявленной воли пациента. В случае ухудшения состояния здоровья и неудачного, но проведенного по всем правилам врачебного искусства и направленного на успешное исцеление вмешательства, исключается состав преступного деяния путем согласия пациента [18, § 223 цифра 31; 16, § 223 цифра 50]. Однако, вопреки утверждениям представителей теории «наступления успеха», не следует оценивать лечение в целом. Решающее значение имеет успех лечения, но это, особенно в начале лече-

ния, тяжело предугадывать или определить и часто зависит от взгляда конкретного наблюдателя. Откладывание вопроса о наказуемости на момент завершения лечения и, таким образом оставление врача в некоем «подвешенном» состоянии привлечения к уголовной ответственности не совместимо со ст. 103 (абз. 2) Основного Закона ФРГ [11, цифра 92]. Кроме того, модифицированная теория «наступления успеха» не проводит четкое разграничение между преступлениями против личной свободы и преступлениями против нанесения телесных повреждений, поскольку даже в случае успешного вмешательства, изменяющего телесную целостность § 223 (и последующие параграфы этого раздела) УУ ФРГ применимы, если было нарушено право пациента на самоопределение [5, с. 6]. Однако, это также означает нарушение ст. 103 (абз. 2) Основного Закона в том смысле, что это противоречит принципам правовой определенности и «нет преступления без закона» („*nullum crimen sine lege*“), если § 223 УУ ФРГ являлся бы преступлением против личной свободы [6, с. 158]. В целях соблюдения четкого разделения деликтов против личной свободы и нанесения телесных повреждений право на самоопределение не может служить самостоятельным правовым благом, подпадающим под защиту § 223 УУ ФРГ.

Представители двухвекторного подхода к решению данного вопроса проводят различие между двумя защищаемыми законом объектами, предусмотренными для преступлений против нанесения телесных повреждений, тем самым обеспечивая защиту права пациента на самоопределение. Независимо от успеха проводится различие между самостоятельным лечением и состоянием здоровья человека. В случае нарушения одного из двух правовых благ применяется § 223 УУ ФРГ [3, с. 175; 16, § 223 цифра 51]. Тем самым, в принципе, имеет место физическое истязание, если врач действует без согласия пациента и, таким образом, не учитывает право пациента на самоопределение. Поскольку нарушение телесной целостности не поддается количественной оценке, применение § 224 (и последующих параграфов этого раздела) УУ ФРГ исключается. При этом остается без внимания факт того, действовал ли врач в соответствии с медицинскими показаниями и по всем правилам врачебного искусства. Однако это учитывается, если вмешательство привело к ухудшению здоровья. Для того, чтобы лечение не считалось неудачным и § 223 (и последующие параграфы этого раздела) УУ ФРГ смогли бы

применяться, оно должно быть выполнено в соответствии с медицинскими показаниями и «по всем правилам врачебного искусства» [16, § 223 цифра 51]. Последовательно можно здесь, как и в теории «наступления успеха», нельзя ставить наличие вреда здоровью в зависимость от того, имел ли лечение положительный или отрицательный исход. Кроме того, это вынужденное разделение между свободой распоряжения пациента относительно своих собственных правовых благ и неотделимого от них «биологически-физического существования» справедливо подвергается критике [20, с. 196 § 11]. Здесь важно также уточнить, что § 223 УУ ФРГ не является деликтом против личной свободы и рассмотрение права на самоопределение как часть § 223 (и последующих параграфов этого раздела) УУ ФРГ не соответствует смыслу и цели существования деликтов против нанесения телесных повреждений. Это также подчеркивает обстоятельство, исключающее противоправность деяния согласно § 228 УУ ФРГ. Решающим фактором, отличающим подход оправдания деяния на стадии проверки противоправности деяния, которому придерживаются судебная практика и отдельные представители литературы от других подходов к решению проблемы, является способ рассмотрения лечебного вмешательства. Противники этого подхода отвергают чрезмерно натуралистическое рассмотрение отдельных актов совершения деяния в качестве целого процесса лечения. На первый взгляд это кажется разумным. В процессе, основанном на отдельных актах, представляется чуждым оценивать все меры не в их совокупности, а только лишь отдельный изолированный акт. Тем не менее для оценки отдельных актов как одно действие, структура деликта должна была бы предусматривать в составе именно такое рассмотрение акта действия [12, с. 20]. Поскольку состав преступного деяния § 223 УУ ФРГ уже выполнен при наличии ухудшения физической целостности и в составе преступления отсутствуют какие-либо признаки, которые указывают на общую оценку нескольких мер как единое действие, то такое общее рассмотрение является несовместимым с систематикой § 223 УУ ФРГ. Это также относится к теориям решения, зависящим от успеха. В целом, не существует прекращения неправомерности как таковой, но характер неправомерности деяния обычно исключается наличием обстоятельства, исключающим противоправность деяния [2, цифра 27]. Это вполне объяснимо: даже если врач принимает лечебные меры с намерением исцелить пациента, пациент не должен

оставаться без защиты. Объективно медицинское вмешательство наносит вред здоровью или причиняет истязание, противоправность которого может быть исключена только при наличии исключаящего обстоятельства. Неубедительно утверждение о том, что пациент в достаточной мере может быть защищен составами УУ ФРГ, предусматривающими ответственность за деяния против личной свободы. Для применения состава преступления против личной свободы в соответствии с §§ 239, 240 УУ ФРГ необходима искажающая волю угроза, применение силы или посягательство на свободу передвижения. Применение этих норм создало бы серьезный пробел для применения уголовной ответственности [10, § 240 цифра 7]. Даже если § 223 (и последующие параграфы этого раздела) УУ ФРГ требуют нанесение физического вреда организму для того, чтобы иметь возможность косвенно санкционировать нарушение права на самоопределение, существует также пробел в подходе решения проблемы на стадии проверки противоправности

деяния в случаях, когда право пациента на самоопределение нарушается, но физический вред не наступает [12, с. 24]. Пока в настоящее время отсутствует уголовно-правовая норма, которое смогла бы решить вышеупомянутые проблемы и, таким образом, стандартизировать уголовное обращение с медицинским вмешательством. Необходимо найти решение, которое соответствовало бы систематике Уголовного Уложения ФРГ, охватывало законные интересы пострадавшего и обеспечивало их в значительной степени полной уголовно-правовой защитой. Тот факт, что уголовные нормы, связанные с нанесением телесных повреждений, также должны быть применимы для этой цели, а что право на самоопределение, таким образом, становится скорее сопутствующим побочным эффектом самостоятельного медицинского вмешательства, при котором нарушается телесная неприкосновенность пациента, неудовлетворительно и лишний раз показывает, что эта уголовная проблема нуждается в окончательном урегулировании.

Литература

1. *Albrecht A.* Die „hypothetische Einwilligung“ im Strafrecht, Heft 211, Berlin, 2009.
2. *Baumann J., Weber U., Mitsch W., Eisele J.* Strafrecht Allgemeiner Teil, 12. Auflage, 2016.
3. *Bleiler L.-M.* Strafbarkeitsrisiken des Arztes bei religiös motiviertem Behandlungsveto, Heidelberg, 2010.
4. *Bockelmann P.* Operativer Eingriff und Einwilligung des Verletzten. Juristen Zeitung, Heidelberg, 1962.
5. *Eser A.* Medizin und Strafrecht: Eine schutzgutorientierte Problemübersicht. Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft, 1985, Freiburg.
6. *Katzenmeier Ch.* Ein Sonderstrafatbestand der eigenmächtigen Heilbehandlung, Zeitschrift für Rechtspolitik, Heidelberg, 1997.
7. *Kindhäuser U., Neumann U., Paeffgen H.-U.* Nomos Kommentar, Strafgesetzbuch, 5. Auflage, 2017.
8. *Kirchhof G.* Ärztliches Handeln zwischen Heilung, Forschung und Erneuerung Schutz des Patienten durch eine modifizierte Typologie ärztlicher Eingriffe. Medizinrecht, 2007. S. 147–152.
9. *Kühne H.-H.* Die strafrechtliche Relevanz eines auf Fehlvorstellungen gegründeten Rechtsgutsverzichts. Juristen Zeitung, 1979. S. 241–246.
10. *Lackner K., Kühl C.* Strafgesetzbuch, Kommentar, 29. Auflage, München 2018.
11. *Maunz T., Dürig G.* Grundgesetz, Kommentar, Band VI Art. 87a – 106b, 89. Elektronische Auflage, 2019.
12. *Mitsch W.* Strafrechtlicher Schutz gegen medizinische Behandlung, Zur Problematik des Heileingriffs, Veröffentlichung der Potsdamer Juristischen Gesellschaft, Band 6, 2000.
13. *Müller G.* Ärztliche Kompetenz und Patientenautonomie. Medizinrecht, 2009. S. 309–313.
14. *Rengier R.* Strafrecht Besonderer Teil II, Delikte gegen die Person und die Allgemeinheit, 19. Auflage, Konstanz 2018.
15. *Roxin C., Schroth U.* Handbuch des Medizinstrafrechts, 3. Auflage, 2007.
16. *Sander M., Joecks W., Miebach K.* Münchener Kommentar zum StGB, Band 4, 3. Auflage, 2017.
17. *Schmidt E.* Anmerkung zum BGH-Urteil vom 28.11.57, Juristische Rundschau, Heidelberg, 1958.
18. *Schönke A., Schröder H.* Strafgesetzbuch, Kommentar, 30. Auflage, 2019.
19. *Sternberg-Lieben D.* Entscheidung, Anmerkung. Juristen Zeitung, 2013.
20. *Tag B.* Der Körperverletzungstatbestand im Spannungsfeld zwischen Patientenautonomie und Lex artis, Eine arztstrafrechtliche Untersuchung, 2000.
21. *Ulsenheimer K.* Arztstrafrecht in der Praxis, 5. Auflage 2015.

References

1. *Albrecht A.* Die „hypothetische Einwilligung“ im Strafrecht, Heft 211, Berlin, 2009. (In German)
2. *Baumann J., Weber U., Mitsch W., Eisele J.* Strafrecht Allgemeiner Teil, 12. Auflage, 2016. (In German)
3. *Bleiler L.-M.* Strafbarkeitsrisiken des Arztes bei religiös motiviertem Behandlungsveto, Heidelberg, 2010. (In German)
4. *Bockelmann P.* Operativer Eingriff und Einwilligung des Verletzten. Juristen Zeitung, Heidelberg, 1962. (In German)
5. *Eser A.* Medizin und Strafrecht: Eine schutzgutorientierte Problemübersicht. Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft, 1985, Freiburg. (In German)
6. *Katzenmeier Ch.* Ein Sonderstraftatbestand der eigenmächtigen Heilbehandlung. Zeitschrift für Rechtspolitik, Heidelberg, 1997. (In German)
7. *Kindhäuser U., Neumann U., Paeffgen H.-U.* Nomos Kommentar, Strafgesetzbuch, 5. Auflage, 2017. (In German)
8. *Kirchhof G.* Ärztliches Handeln zwischen Heilung, Forschung und Erneuerung Schutz des Patienten durch eine modifizierte Typologie ärztlicher Eingriffe. Medizinrecht, 2007. S. 147–152. (In German)
9. *Kühne H.-H.* Die strafrechtliche Relevanz eines auf Fehlvorstellungen gegründeten Rechtsgutsverzichts. Juristen Zeitung, 1979. S. 241–246. (In German)
10. *Lackner K., Kühl C.* Strafgesetzbuch, Kommentar, 29. Auflage, München 2018. (In German)
11. *Maunz T., Dürig G.* Grundgesetz, Kommentar, Band VI Art. 87a–106b, 89. Elektronische Auflage, 2019. (In German)
12. *Mitsch W.* Strafrechtlicher Schutz gegen medizinische Behandlung, Zur Problematik des Heileingriffs, Veröffentlichung der Potsdamer Juristischen Gesellschaft, Band 6, 2000. (In German)
13. *Müller G.* Ärztliche Kompetenz und Patientenautonomie. Medizinrecht, 2009. S. 309–313. (In German)
14. *Rengier R.* Strafrecht Besonderer Teil II, Delikte gegen die Person und die Allgemeinheit, 19. Auflage, Konstanz, 2018. (In German)
15. *Roxin C., Schroth U.* Handbuch des Medizinstrafrechts, 3. Auflage, 2007. (In German)
16. *Sander M., Joecks W., Miebach K.* Münchener Kommentar zum StGB, Band 4, 3. Auflage, 2017. (In German)
17. *Schmidt E.* Anmerkung zum BGH-Urteil vom 28.11.57, Juristische Rundschau, Heidelberg, 1958. (In German)
18. *Schönke A., Schröder H.* Strafgesetzbuch, Kommentar, 30. Auflage, 2019. (In German)
19. *Sternberg-Lieben D.* Entscheidung, Anmerkung. Juristen Zeitung, 2013. (In German)
20. *Tag B.* Der Körperverletzungstatbestand im Spannungsfeld zwischen Patientenautonomie und Lex artis, Eine arztstrafrechtliche Untersuchung, 2000. (In German)
21. *Ulsenheimer K.* Arztstrafrecht in der Praxis, 5. Auflage 2015. (In German)

МОШЕННИЧЕСТВО ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РАСЧЕТОВ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Цимборски Зара

***Цель:** освещение мошенничества при осуществлении расчетов в сфере здравоохранения. Основное внимание уделяется обсуждению объективных и субъективных признаков состава преступления § 263 УУ ФРГ. Кроме того, дается краткое описание практики. В целом представленные в статье исследования представляют собой общий обзор проблематики мошенничества в сфере здравоохранения.*

***Методология:** формально-юридический метод.*

***Выводы.** Понятие мошенничества при осуществлении расчетов используется для обозначения особых случаев мошенничества в сфере здравоохранения Германии. В основном рассмотрение состава мошенничества при осуществлении расчетов осуществляется в соответствии с общим составом мошенничества по § 263 УУ ФРГ. Как правило, уголовная ответственность за мошенничество при осуществлении расчетов возможна только в том случае, если выполнены объективные и субъективные признаки состава преступления, предусмотренные § 263 УУ ФРГ. Однако особые проблемы, связанные с мошенничеством при осуществлении расчетов в сфере здравоохранения, возникают из-за сложной и запутанной системы расчетов в сфере здравоохранения Германии.*

***Научная и практическая значимость.** Статья показывает, что мошенничество при осуществлении расчетов является не только проблемой уголовного права. При рассмотрении вопроса о привлечении к уголовной ответственности необходимо также учитывать медицинское право и право социального страхования. Кроме того, в статье указывается, что мошенничество при осуществлении расчетов охватывает не только один случай мошенничества, но и множество других ситуаций в сфере здравоохранения. Обсуждение этого вопроса играет важную роль особенно для практики с целью информирования участников немецкой системы здравоохранения о проблемах мошенничества при осуществлении расчетов и тем самым предотвращения последующих случаев.*

***Ключевые слова:** § 263 УУ ФРГ, физические лица, противоправное намерение обогащения, сложные системы расчетов.*

I. Введение

Мошенничество при осуществлении расчетов – это особая группа случаев мошенничества согласно § 263 УУ ФРГ, которая включает все формы мошенничества при осуществлении расчетов за медицинские услуги в сфере здравоохранения [19, § 31 цифра 2]. К ним относятся случаи, когда врачи, психотерапевты, стоматологи, больницы или другие представители медицинских услуг, такие как логопеды, физиотерапевты, эрготерапевты или медицинские работники в сфере амбулаторной медицины, получают выгоду обманным путем

за непредоставленные услуги. С другой стороны, мошенничество подразумевает также те случаи, когда фармацевты, магазины медицинских принадлежностей или другие поставщики вспомогательных медицинских средств посредством введения в заблуждение получают плату за невыполненные поставки [3, с. 81 и последующие; 17, с. 249; 18, § 263 цифра 247]. Аналогичным образом имеет место мошенничество при осуществлении расчетов и в случае, когда услуга была предоставлена, но расчет осуществляется как для более дорогостоящей услуги (так BGH решение от 14.12.1989, NJW 1990,

1549 (1550); 3, стр. 81, 83; 20, § 263 цифра 677). Рассмотрение состава мошенничества при осуществлении расчетов осуществляется в соответствии с общим составом мошенничества по § 263 УУ ФРГ [2, с. 35]. Таким образом, предпосылками привлечения к уголовной ответственности являются обязательное наличие признаков объективной и субъективной стороны состава преступления [2, с. 35]. Объективная сторона состава преступления требует наличие обмана в фактах, введения в заблуждение, распоряжения имуществом и наступления имущественного ущерба [6, § 263 цифра 10; 25, 14. Глава (В) цифра 4; 21, § 263 цифра 5]. С субъективной стороны состава наряду с умыслом (§ 15 УУ ФРГ) необходимо и намерение обогащения [1, § 263 цифра 73, 76; 6, § 263 цифра 10; 20, § 263 цифра 11].

II. Объективные признаки состава преступного деяния

1. Обман в фактах

Обман в фактах определяется как поведение с волеизъявительным значением, которое нацелено на введение в заблуждение посредством воздействия на представленный образ (так ВGH: решение от 26.04.2001, NJW 2001, 2187 (2188)), [1, § 263 цифра 9; 22, § 263 цифра 9]. Обман должен касаться фактов, т.е. событий или состояний, доступных для доказывания, включая так называемые внутренние факты, при условии, что они имеют признак объективной определенности и достоверности (так ВGH: решение от 26.04.2001, NJW 2001, 2187 (2188)), [22, § 263 цифра 6; 19, § 31 цифра 17]. От фактов необходимо разграничить оценочные суждения, такие как выражение мнений и правовые взгляды, которые, как правило, недоступны для доказывания, если не содержат в себе фактического ядра (так ВGH: решение от 26.08.2003, NJW 2004, 375 (379)), [1, § 263 цифра 5]. Какое фактическое ядро имеет осуществление расчетов, не всегда ясно [19, § 31 цифра 17]. Обман возможен путем явного, но в то же время и конклюдентного заявления, т.е. когда исполнитель путем своего поведения, выражает неправду [25, 14-я глава цифра 22; 12, § 263 цифра 67].

2. Заблуждение в фактах

Заблуждение в фактах есть ошибочное представление о фактах [2, с. 35, 39; 11, с. 193, 196; 14, с. 828, 830]. Исполнитель должен ввести потерпевшего в заблуждение или поддерживать такое состояние [19, § 31 цифра 22]. Простое использование заблуждения безнаказанно до тех пор, пока исполнитель не несет обязанности сообщать об этом [ср. 21, § 263 цифра 35; 19, § 31 цифра 22]. В соответствии с § 263 УУ ФРГ заблуждаться могут

только физические лица (так ВGH: решение от 27.03.2012, NStZ 2012, 699), [ср. 6, § 263 цифра 58; 7, с. 52 цифра 15; 19, § 31, цифра 22]. Например, если врач предъявляет ложные факты относительно своих расчетных позиций, это приводит к заблуждению у сотрудников кассовой медицинской ассоциации в рамках экономической оценки и начисления гонораров, а также у сотрудников медицинской страховой компании в ходе проверки счетов [16, § 161 цифра 26]. Однако следует отметить, что сегодняшние процедуры проверки расчетов часто оцифровываются. Частично такие проверки проводят только через контрольные компьютерные системы, так что ни один человек не будет введен в заблуждение [7, с. 52 цифра 153; 16, § 161 цифра 26]. В этом случае § 263 УУ ФРГ неприменим и вместо него следует обратить внимание на § 263а УУ ФРГ, который предусматривает уголовную ответственность за компьютерное мошенничество [7, с. 52 цифра 153; 16, § 161 цифра 26].

3. Распоряжение имуществом

Распоряжение имуществом определяется как любое действие, которое непосредственно может привести к сокращению имущества (так ВGH: решение от 11.03.1960, NJW 1960, 1068 (1069); также OLG Düsseldorf решение от 19.06.1987, NJW 1988, 922 (923)), [12, § 263 цифра 197; 18, § 263 цифра 111]. Несколько проблематичным является вопрос, какое именно имущество сокращается в результате мошенничества [2, с. 35, 39]. Следует заметить, что в случае так называемого «треугольного» мошенничества не требуется идентичности между заблуждающимся лицом и лицом, которому в итоге наносится ущерб [4, стр. 511; 9, стр. 950; 21, § 263 цифра 65]. Классическими случаями «треугольного» мошенничества в рамках осуществления расчетов являются те, которые связаны с государственными страховыми компаниями [19, § 31 цифра 26]. В этих случаях врач обманывает ответственного референта, и тот, находясь в заблуждении, принимает распоряжение, в результате чего в зависимости от обстоятельств дела медицинская страховая компания или надлежащим образом выполняющие оплату врачи, в качестве третьих лиц терпят имущественный ущерб [2, с. 35, 39; 18, § 263 цифра 246; 19, § 31 цифра 26].

4. Имущественный ущерб

Имущественный ущерб — это любые сокращения имущества, возникающие в результате совершения деяния (так ВGH: решение от 25.01.2012, NJW 2012, 1377 (1382) цифра 75), [12, § 263 цифра 226; 19, § 31 цифра 26]. Сокращение имущества

определяется по принципу сальдирования (выведение остатка) на основе сравнения имущественного состояния до и после совершенного деяния в соответствии с реальным экономическим положением (так ВGH: решение от 23.02.1982, NJW 1982 (1165); решение от 05.07.2011, NStZ-RR 2011, 312 (313); также решение от 25.01.2012, NJW 2012, 1377 (1382) цифра 75). Не вызывает затруднений определение ущерба в тех случаях, когда выставляется счет за услуги, которые не были предоставлены вообще или в указанном объеме (так ВGH: решение от 14.12.1989, NJW 1990, 1549 (1550); также решение от 25.01.2012, NJW 2012, 1377 (1383)), [18, § 263 цифра 247; 22, § 263 цифра 43]. Спорной, напротив, является оценка ущерба тогда, когда врач выставляет счет за услуги, оказанные кем-то другим, хотя он и обязан оказывать услуги лично [18, § 263 цифра 249]. То же самое относится и к случаям, когда врач действительно оказывает услугу, а также выполняет работу самостоятельно *lege artis*, но при этом нарушает требование экономической эффективности, установленной государственной системой медицинского страхования. Это также относится к случаям, когда врач оказывает услугу и выставляет соответствующие счета, но сам не выполняет лицензионно-правовые и профессионально-правовые требования [20, § 263 цифра 681; 8, с. 1037, 1040]. В таких случаях при оценке ущерба судебная практика использует так называемый сугубо формальный подход. Он основан на праве о социальном страховании, согласно которому услуга в целом не подлежит возмещению, если она по некоторым частям не соответствует требованиям (так ВGH: решение от 28.09.1994, NStZ 1995, 85 (86) и решение от 05.12.2002, NStZ 2003, 313 (315)). Однако этот подход судебной практики подвергается критике со стороны литературы [19, § 50 цифра 152; 23, с. 3385, 3388].

III. Субъективные признаки состава преступного деяния

1. Умысел

С субъективной стороны исполнитель должен действовать, по крайней мере, с косвенным умыслом [3, § 203 цифра 3]. Если исполнитель вводит

в заблуждение конклюдентно, он должен знать, что его поведение имеет объяснительный характер (так Высший земельный суд Баварии: решение от 21.01.1999, NJW 1999, 1648 (1649)), [1, § 263 цифра 74; 20, §263 цифра 869].

2. Намерение обогащения

Помимо умысла, исполнитель также должен иметь намерение противоправно обогатить себя или третье лицо [11, с. 293, 298; 15, § 263 цифра 58; 26, стр. 401, 406].

IV. Мошенничество при осуществлении расчетов на практике

По данным полицейской криминальной статистики за 2019 год, количество зарегистрированных случаев мошенничества при осуществлении расчетов составило 3412 (Статистика преступности полиции за 2019 г., табл. 2 «Преступность должностных лиц» (дата обращения: 24.03.2020)). Это составляет 8,4% от общего числа случаев экономических преступлений. Именно сложность расчетных систем приводит к их злоупотреблению, с чем и связано большое количество случаев на практике [2, с. 35; 13, с. 33, 35; 17, с. 249, 254]. Необходимо уже различать лиц, застрахованных государственными страховыми компаниями, для которых действует система расчетов государственного медицинского страхования, и лиц, застрахованных у частных страховых компаний, в отношении которых применяется система расчетов частного медицинского страхования.

V. Заключение

Мошенничество при осуществлении расчетов в сфере здравоохранения является одним из центральных деликтов экономического уголовного права в сфере здравоохранения. В основном рассмотрение состава мошенничества при осуществлении расчетов осуществляется в соответствии с общим составом мошенничества по § 263 УУ ФРГ. Однако существуют специальные вопросы, связанные с мошенничеством при осуществлении расчетов в сфере здравоохранения. Таким образом, сложность системы расчетов ведет к нарушениям и злоупотреблениям, с чем и связано количество случаев на практике.

Литература

1. Beck'scher Online Kommentar zum Strafrecht, 41. Edition, hrsg. v. von Heintschel-Heinegg, München, 2020.
2. Braun S. Der ärztliche Abrechnungsbetrug, ZJS, 2014, S. 35–40.
3. Dannecker G., Bülte J. Fehlverhalten im Gesundheitswesen, Teil 2: Begehung von Vermögensdelikten durch Nichterfüllung von Mitteilungspflichten. in: NZWiSt, 2012, 81–88.
4. Fock N., Gerhold S. Zum Dreiecksbetrug um Forderungen, JA, 2010, S. 511–513.

5. *Frister H., Lindemann M., Peters Th.A.* Arztstrafrecht, München. 2011.
6. *Graf J.P., Jäger M., Wittig P.* Wirtschafts- und Steuerstrafrecht, 2. Auflage, München 2017.
7. *Hellmann U., Herrfs H.* Der ärztliche Abrechnungsbetrug, Heidelberg, 2006.
8. *Idler M.* Betrug bei Abrechnung ärztlicher Leistungen ohne Kassenzulassung, JuS 2004, S. 1037–1041.
9. *Jäger C.* Liebe öffnet Herzen und Tresore, in: JA, 2017, S. 950–952.
10. *Kern B.-R., Rehborn M.* Handbuch des Arztrechts, 5. Auflage, München, 2019.
11. *Kindhäuser N.* Der Tatbestand des Betruges (§ 263 StGB), JuS 2006, S. 193–198.
12. *Kindhäuser U., Neumann U., Paeffgen H.-U.* Strafgesetzbuch Kommentar, 5. Auflage, Baden-Baden, 2017.
13. *Kraatz E.* Aus der Rechtsprechung zum Arztstrafrecht 2011/2012, Teil 2, NStZ-RR, 2013, S. 33–40.
14. *Kulhanek T.O.* Kein Irrtum in der Examensklausur – aktuelle Probleme des § 263 StGB in der Fallbearbeitung, in: JA, 2015, S. 828–834.
15. *Lackner K., Kühl K.* Strafgesetzbuch Kommentar, 29. Auflage, München, 2018.
16. *Laufs A., Kern B.-R., Rehborn M.* Handbuch des Arztrechts, 5. Auflage, München, 2019.
17. *Magnus D.* Aktuelle Probleme des Abrechnungsbetrugs (§ 263 StGB), NStZ, 2017, S. 249–254.
18. *Matt H., Renzikowski J.* Strafgesetzbuch, Kommentar, 2. Auflage, München, 2020.
19. Münchener Anwaltshandbuch zur Strafverteidigung, hrsg. v. E. Müller, R. Schlothauer, M. Schütrump, 2. Auflage, München, 2014.
20. Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch, Band 5 (§§ 263–358), hrsg. v. W. Joecks, K. Miebach, 3. Auflage, München, 2019.
21. *Schönke A., Schröder H.* Strafgesetzbuch Kommentar, 30. Auflage, München, 2019.
22. *Spickhoff A.* Medizinrecht, 3. Auflage, München, 2018.
23. *Volk K.* Münchener Anwaltshandbuch, Verteidigung in Wirtschafts- und Steuerstrafsachen, 2. Auflage, München, 2014.
24. *Volk K.* Zum Schaden beim Abrechnungsbetrug – Das Verhältnis von Strafrecht und Sozialversicherungsrecht, NJW, 2000, S. 3385–3389.
25. *Wabnitz H.-B., Janovsky T., Schmitt L.* Handbuch Wirtschafts- und Steuerstrafrecht, 5. Auflage, München, 2020.
26. *Wittig P.* Die Absicht der rechtswidrigen Bereicherung, JA, 2013, S. 401–406.

References

1. Beck'scher Online Kommentar zum Strafrecht, 41. Edition, hrsg. v. von Heintschel-Heinegg, München, 2020. (In German)
2. *Braun S.* Der ärztliche Abrechnungsbetrug, ZJS, 2014, S. 35–40. (In German)
3. *Dannecker G., Bülte J.* Fehlverhalten im Gesundheitswesen, Teil 2: Begehung von Vermögensdelikten durch Nichterfüllung von Mitteilungspflichten. NZWiSt, 2012, 81–88. (In German)
4. *Fock N., Gerhold S.* Zum Dreiecksbetrug um Forderungen, JA, 2010, S. 511–513. (In German)
5. *Frister H., Lindemann M., Peters Th.A.* Arztstrafrecht, München. 2011. (In German)
6. *Graf J.P., Jäger M., Wittig P.* Wirtschafts- und Steuerstrafrecht, 2. Auflage, München 2017. (In German)
7. *Hellmann U., Herrfs H.* Der ärztliche Abrechnungsbetrug, Heidelberg, 2006. (in German)
8. *Idler M.* Betrug bei Abrechnung ärztlicher Leistungen ohne Kassenzulassung, JuS2004, S. 1037–1041. (In German)
9. *Jäger C.* Liebe öffnet Herzen und Tresore, in: JA, 2017, S. 950–952. (In German)
10. *Kern B.-R., Rehborn M.* Handbuch des Arztrechts, 5. Auflage, München, 2019. (In German)
11. *Kindhäuser N.* Der Tatbestand des Betruges (§ 263 StGB), JuS 2006, S. 193–198. (In German)
12. *Kindhäuser U., Neumann U., Paeffgen H.-U.* Strafgesetzbuch Kommentar, 5. Auflage, Baden-Baden, 2017. (In German)
13. *Kraatz E.* Aus der Rechtsprechung zum Arztstrafrecht 2011/2012, Teil 2, NStZ-RR, 2013, S. 33–40. (In German)
14. *Kulhanek T.O.* Kein Irrtum in der Examensklausur – aktuelle Probleme des § 263 StGB in der Fallbearbeitung, JA, 2015, S. 828–834. (In German)
15. *Lackner K., Kühl K.* Strafgesetzbuch Kommentar, 29. Auflage, München, 2018. (In German)
16. *Laufs A., Kern B.-R., Rehborn M.* Handbuch des Arztrechts, 5. Auflage, München, 2019. (In German)

17. *Magnus D.* Aktuelle Probleme des Abrechnungsbetrugs (§ 263 StGB), in: NStZ, 2017, S. 249–254. (In German)
18. *Matt H., Renzikowski J.* Strafgesetzbuch, Kommentar, 2. Auflage, München, 2020. (In German)
19. Münchener Anwaltshandbuch zur Strafverteidigung, hrsg. v. E. Müller, R. Schlothauer, M. Schütrump, 2. Auflage, München, 2014. (In German)
20. Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch, Band 5 (§§ 263-358), hrsg. v. W. Joecks, K. Miebach, 3. Auflage, München, 2019. (In German)
21. *Schönke A., Schröder H.* Strafgesetzbuch Kommentar, 30. Auflage, München, 2019. (In German)
22. *Spickhoff A.* Medizinrecht, 3. Auflage, München, 2018. (In German)
23. *Volk K.* Münchener Anwaltshandbuch, Verteidigung in Wirtschafts- und Steuerstrafsachen, 2. Auflage, München, 2014. (In German)
24. *Volk K.* Zum Schaden beim Abrechnungsbetrag – Das Verhältnis von Strafrecht und Sozialversicherungsrecht, in: NJW, 2000, S. 3385–3389. (In German)
25. *Wabnitz H.-B., Janovsky T., Schmitt L.* Handbuch Wirtschafts- und Steuerstrafrecht, 5. Auflage, München, 2020. (In German)
26. *Wittig P.* Die Absicht der rechtswidrigen Bereicherung, JA, 2013, S. 401–406. (In German)

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

ГРУППИРОВКИ КАК ВИД ПОДРОСТКОВО-МОЛОДЕЖНЫХ ДЕСТРУКТИВНЫХ СООБЩЕСТВ

Горюнов Виталий Сергеевич
Котова Ксения Александровна
Лебединкина Алена Максимовна
Минюшкина Анастасия Руслановна

Цель: изучить группировки как вид подростково-молодежных деструктивных сообществ и сформулировать методы предупреждения их появления.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, статистический метод, системный метод, метод интервью, метод классификации.

Выводы. Выделяют три уровня развития группировок: предкриминальные, неустойчивые, устойчивые. Последние представляют наибольшую опасность для общества. Причины массовой распространенности деструктивных молодежных сообществ в России имеют разноплановую природу. Данный факт должен определять специфику мер превенции. Необходимо сочетать меры предупреждения как общесоциального характера, так и специально-криминологического. Только комплексным воздействием государственных и общественных институтов можно бороться с данным социальным явлением.

Научная и практическая значимость. Статья поднимает актуальную проблему российского общества — наличие большого числа подростковых преступных группировок. Авторы описали портрет лица, вступающего в деструктивное сообщество, причины вступления в данные группировки, также описали внутреннюю организацию и правила, действующие в данных сообществах, путем исследования научной литературы, а также анализа интервью, которое дал один из бывших участников группировок. Авторы представили ряд методов, которые заключаются во взаимодействии семьи, школы, государства, и направлены на превенцию появления группировок.

Ключевые слова: деструктивные сообщества, девиантность, делинквентность, делинквентные группировки, подростковые группировки, подростковая преступность, зона риска, конформизм, социальный институт, полноценная личность, меры предупреждения, общесоциальные меры, специально-криминологические меры.

В последние несколько десятилетий наша страна пережила потрясения: распад СССР, две Чеченские войны, довольно болезненный переход к рыночной экономике, экономические кризисы, которые оказали влияние на различные сферы жизни общества, а именно на правовую, политическую, экономическую, идеологическую, культурную. Данная социально-экономическая трансформация общества стала причиной ослабления воспитательных возмож-

ностей семьи и школы, снижения ощущения людьми контроля со стороны закона. Это привело к изменению ценностей в жизни некоторых категорий граждан.

С 1990-х гг. прошлого века по настоящее время в отдельных регионах нашей страны существуют преступные подростково-молодежные группировки. Это явление носит достаточно массовый характер и заслуживает времени и усилий для подробного изучения и поиска решений.

Мы решили изучить сообщества, участниками которых являются дети и взрослые в возрасте от 12 до 20 лет. Конечно, в группировках могут присутствовать люди с большим или меньшим возрастом, но подавляющее большинство участников группировок находятся в указанной нами возрастной категории, так как в этом возрасте они переживают период взросления, поиска себя. Они более рискованные, и именно в этом возрасте проявляется девиантное поведение в хорошую или плохую сторону, которую мы и будем рассматривать.

На данную категорию лиц большое влияние оказывает его референтная группа, подростки и молодежь заимствуют взгляды, ценности, манеру поведения у окружающих их людей. Мы считаем, что данная тенденция определяет вступление граждан в группировки экстремистского характера.

Деструктивный культ – это группа или движение, демонстрирующая значительную, глубокую или чрезмерную приверженность либо увлеченность, преданность определенному человеку, идее или вещи и использующие неэтичные манипулятивные методики убеждения и управления, предназначенные для того, чтобы способствовать реализации целей лидеров группы с фактическим или возможным ущербом для членов данной организации, их семей или общества.

Делинквентная группировка является одной из составных частей деструктивных сообществ. На данный момент нет единого определения группировки. Социологи дают определения на основе общих признаков. К таким признакам относятся: возрастная ценз (от 13–18 лет), территориальность, жесткая иерархия, основанная на возрастной стратификации, наличие лидера, антиобщественная направленность деяний, закрытость, наличие атрибутики. В ряде исследований группировка приравнивается к криминальным объединениям, а участие в территориальной группировке рассматривается как проявление отклоняющегося (девиантного) или делинквентного (предкриминального) поведения подростков [1, с. 68].

Основной чертой данных объединений является совершение деяний, имеющих противоправную направленность. К ним можно отнести вымогательство, бандитизм, подстрекательство к действиям, нарушающим общественный порядок и т.д.

На территории нашей страны существует большое количество различных делинквентных группировок. В частности, они получили большое распространение в Поволжье и на Юге. Зачастую в регионах ведется борьба между несколькими

группировками в целях занятия лидирующей позиции.

Существует много классификаций криминальных подростковых групп. В зависимости от характера деятельности выделяют три уровня развития групп [2, с. 15–26]:

1. *Предкриминальные или асоциальные группы подростков с ориентацией на антиобщественную деятельность.* Это стихийные, самовозникающие неформальные группы по месту жительства. Для них характерно бесцельное времяпрепровождение, ситуативное социально неодобряемое поведение: игра в азартные игры, пьянство, незначительные правонарушения и др. Члены группы в полном составе правонарушения не совершают, так как для этого у них еще недостаточно организованности и сплоченности, хотя отдельные правонарушения уже могут быть совершены.

2. *Неустойчивые или криминальные группы* характеризуются преступной направленностью групповых ценностных ориентаций. От незначительных уголовно ненаказуемых правонарушений члены групп переходят к более общественно опасным деяниям. Заранее подготовленной и организованной преступной деятельности в этих группах пока нет, но уже наблюдается склонность к совершению преступлений отдельными ее членами.

3. *Устойчивые криминальные или преступные группы.* Это устойчивые объединения подростков, сформировавшиеся для совместного совершения каких-либо преступлений. Чаще всего это кражи, ограбления, разбойные нападения, хулиганство, насильственные преступления и др. В них наблюдается уже четкая организационная структура. В группах имеется система неписаных законов, норм и ценностей, которые тщательно скрываются от окружающих. Несоблюдение или нарушение этих «законов» ведет к распаду группы, поэтому нарушители «конвенции» преследуются и караются. Количественный состав таких групп более или менее постоянен. Они носят наиболее опасный общественный характер.

Участники делинквентных группировок обладают схожими признаками. В «зоне риска» оказываются подростки в возрасте от 12 до 18 лет. Именно в это время для них важно найти свою группу, которая формируется по самой примитивной схеме «мы» – «они». Также им присуща неустойчивая психика, легко подверженная внушению и манипулированию. В данном возрасте у лиц еще не сформирована система моральных устоев. Ограниченный опыт межличностного общения в зависимости от характера и темперамента имеет своим последствием стремление к лидерству либо,

наоборот, к конформизму, т.е. некритическому отношению к окружающим.

Важными факторами являются социально-экономическое положение субъектов и их психоэмоциональное состояние. На основании этого можно выделить несколько категорий участников преступных группировок [3, с. 5]:

- дети из неблагополучных, социально-дезорientированных семей, с низким социально-экономическим статусом, недостаточным интеллектуальным уровнем, имеющим склонность к трансляции девиаций (алкоголизм, наркомания, физическое и морально-нравственное насилие);
- «золотая молодежь», склонная к безнаказанности, вседозволенности, экстремальному досугу;
- дети, подростки, молодежь, имеющие склонность к агрессии, силовому методу решения проблем и споров, с неразвитыми навыками рефлексии и саморегуляции;
- носители молодежных субкультур, участники неформальных объединений и склонных к девиациям уличных компаний;
- члены экстремистских политических, религиозных организаций, движений, сект.

Основываясь на результатах интервью студентов с бывшим участником группировки, можно выделить несколько особенностей вовлечения подростков. Так, чаще всего школьники узнают о существовании группировок от старших школьных товарищей, которые рассказывают об этом либо же путем применения физического насилия. Подростки обладают повышенной виктимностью, т.е. повышенной способностью человека в силу ряда некоторых определенных субъективных (нравственно-психологических, физических, социально-ролевых и профессиональных) и объективных обстоятельств становиться объектом преступных посягательств, т.е. жертвой. Когда подросток становится членом преступной группировки, он неизбежно оказывается и в положении жертвы. В силу того, что для группировок присущи такие черты как иерархичность, наличие лидера и правил, очень часто младшие участники подвергаются физическому и психологическому насилию со стороны старших. Старшие могут эксплуатировать младших, поручать им опасные задания. Выход из группировки затруднен и возможен только при наличии влиятельных старших знакомых, которые имеют какое-либо значение для данной группировки. Также выйти из группировки можно, используя физический и материальный (денежный) способы. Затруднение выхода

объясняется наличием физического и психологического воздействия со стороны лидеров на остальных членов.

Значительный вклад в борьбу с превенцией делинквентного поведения отводится первичным общественным институтам: семье, школе, государству.

Необходимо начать со школы, так как это один из основных институтов социализации. В школе реализуются различные профилактические мероприятия для предупреждения вовлечения несовершеннолетних в деструктивные сообщества. Данные меры являются организационными и культурно-воспитательными, что, несомненно, соответствует основным целям образовательной организации.

Профилактические действия охватывают различные сферы жизнедеятельности общества:

- возникновение мотивации подростка к всестороннему развитию;
- формирование мотивации у детей группы риска и их семей на изменение своего социального статуса, а, как следствие, соблюдение ими социально одобряемых моделей поведения (социальных ролей), однако для этого необходимо создать эффективные социальные лифты;
- создание социальных проектов с вовлечением в них молодежи, что позволило бы «занять» и аккумулировать их активность в позитивное-созидательное русло;
- общекультурное воспитание личности на всех этапах первичной социализации.

В целом, можно сказать, что те или иные меры воздействия преследуют одну цель: формирование открытой, свободной от каких-либо предрасудков, развитой личности, ориентированной на общепризнанные человеческие ценности.

Преподавание таких учебных дисциплин, как «Литература», «История», «ОБЖ» и «Обществознание», должно использоваться для становления правового просвещения учащихся и способствовать формированию у них высокого уровня правовой культуры. Это подчеркивает необходимость восстановления воспитательной функции образования, так как с распадом СССР, государство частично, само того не ожидая, переложило это на плечи родителей, которые, к сожалению, не всегда могут оказать позитивное воздействие на формирование полноценного члена общества [4, с. 106–110].

Данные предметы должны заложить фундамент формирования:

- осознания ответственности за будущее страны, однако для реализации этого необходимо

наличие развитых институтов демократии, которые бы обеспечивали возможность гражданина действительно оказывать влияние на происходящие в государстве процессы;

- терпимости к различным социально-этническим общностям;
- склонности критически воспринимать информацию.

Для достижения поставленных целей в обществе необходимо:

- скоординировать взаимодействие комиссии по делам несовершеннолетних с прокуратурой и различными общественными организациями широкого профиля, для того чтобы обеспечить проведение педсоветов, классных часов, круглых столов;
- организовать элективные курсы о правовом просвещении для детей, которые находятся в зоне риска (дети из неблагополучных семей).

Следует помнить, что реализуя профилактическую работу с несовершеннолетними, необходимо брать во внимание тот факт, что данные субъекты общественных отношений часто становятся подвержены пассивному конформизму, что при наличии людей, подающих негативный пример, обычно приводит к вхождению различные деструктивные социальные группы. Подросткам свойственны стремление к подражанию, зависимость от лидера (чаще всего имеющего неформальный авторитет в его малой социальной группе), необходимость принадлежности к определенной общности индивидуумов, придерживающихся схожих целей и интересов. Все выше сказанное – особенно опасные факторы, так как любые подростковые сообщества являются одним из способов социализации индивида, поэтому государство должно уделять им пристальное внимание и, в случае необходимости, использовать различные способы по отношению ко всему обществу в целом и к отдельным социальным институтам в частности [3, с. 7].

Исходя из вышеизложенного, можно выделить два уровня мер предупреждения: общесоциальные и специально-криминологические.

Общесоциальные меры предупреждения используются для общего предупреждения девиантного поведения, которое и приводит к вхождению в деструктивные структурные социальные единицы. Это система мер по ликвидации процессов, приводящих к данному виду поведения, воздействующих на все население или его отдельные группы. Общесоциальные меры воздействуют на проблемы максимально широкого профиля: общее повышение жизненного уровня населения,

предоставление работы родителям и несовершеннолетним, обеспечение социальной защиты детям, находящимся в неблагоприятных семьях, развитие досуговых учреждений культурно-спортивной направленности.

Общесоциальные меры, как мы можем видеть, прямо не направлены на превенцию общественно не желаемого поведения, но мы можем видеть их эффективность на примере развитых стран, где уровень преступности, в том числе среди несовершеннолетних меньше.

Специально-криминологические меры воздействуют непосредственно на предупреждение девиаций.

Все перечисленные меры применяются через социальные институты.

Предлагаем выделить следующие институты превенции широкого профиля:

- институты общей превенции, которые существуют в различных сферах жизни общества (отделы по делам семьи и детей, комитеты по делам молодежи, службы занятости населения, негосударственные образовательные учреждения, государственные и муниципальные образовательные учреждения и др.), действия которых направлены на обеспечение релевантной социализации несовершеннолетних;
- институты первичной социальной превенции, которые соответствуют первичным социальным институтам (реабилитационные центры, центры социальной помощи семье и детям, коррекционные образовательные учреждения и классы, центры помощи детям, оставшимся в сложной ситуации в силу различных причин и др.), представляющие помощь подросткам, у которых социализация была искажена из-за различных обстоятельств;
- институты вторичного специального предупреждения, которые соответствуют вторичным социальным институтам (лечебно-воспитательные учреждения закрытого типа, учебные учреждения открытого типа и др.), которые осуществляют ресоциализацию подростков, совершивших общественно опасные деяния до достижения возраста наступления уголовной ответственности, что является крайней степенью девиантного поведения среди несовершеннолетних – делинквентным поведением;
- институты уголовно-правовой и исполнительной превенции (воспитательные колонии, изоляторы временного содержания,

попечительские советы при воспитательных колониях и др.), основной целью которых является предупреждение рецидивов среди несовершеннолетних [7, с. 17].

Данная система наиболее часто встречается в развитых странах, однако необходимо помнить, что она должна функционировать на основе руководящего начала, согласно которому каждая последующая группа институтов оказывает воздействие на подростка только после безрезультатного воздействия предыдущей. В состав данных институтов входят как государственные органы, так и общественные организации. Их взаимодействие – основа функционирования предлагаемой системы и фундамент борьбы вовлечения несовершеннолетних в различные деструктивные сообщества.

Подводя итог, можно сделать вывод, что делинквентная группировка – не до конца изученное понятие. Это подростково-молодежное объединение, занимающееся преступной деятельностью, в которой имеются лидер, иерархия, правила. У таких объединений нет какой-то определенной

цели, как это, например, есть в АУЕ. Подростково-молодежные группировки напоминают собрание ребят, у которых есть проблемы с алкоголем, наркотиками, контролем эмоций, ценностными ориентирами. Чаще всего у таких людей нет определенного досуга, им скучно, хочется экстрима, ярких ощущений, друзей. Российская реальность такова, что им легко найти компанию и острые ощущения на улице, в школе, в секте, в движениях и объединениях различного характера. В группировку легко вступить и ее внутренние правила о конфиденциальности помогут в ней остаться, так как ни родители, ни учителя не будут об этом знать.

Образование и существование группировок нельзя прекратить только правоохранительными мерами запретительного и карательного характера. Необходимо осуществлять превентивные меры, имеющие как обще-социальную направленность, так и специально-криминологическую. Только при взаимодействии трех основных институтов: семьи, школы, государства, мы сможем решить данную проблему.

Литература

1. *Кондрашенко В.Т.* Девиантное поведение у подростков: социал.-псих. и психиатр. аспекты. Минск: Беларусь, 1988. 256 с.
2. *Башкатов И.П.* Социально-психологические особенности развития криминогенных групп подростков // Психология и профилактика асоциального поведения несовершеннолетних / под ред. С.А. Беличевой. Тюмень: ТГУ, 2001. С. 15–26.
3. *Крылова Т.А., Воронина Е.А., Никандрова Н.Н., Струкова М.Л.* Профилактика экстремизма в подростково-молодежной среде // Профилактика экстремизма в подростково-молодежной среде: сб. методических материалов для педагогов образовательных учреждений, Вологда. С. 3–10.
4. *Газенкамф Э.В.* Меры по предупреждению делинквентного поведения подростков // Международный научный журнал «Вестник науки». 2020. Т. 1. № 11. С. 106–110.
5. *Лелеков В.А., Кошелева Е.В.* О предупреждении преступности несовершеннолетних // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 87–95.
6. *Янченко П.А.* Социологический анализ подростковой преступности как одной из форм проявления делинквентного поведения несовершеннолетних: региональный аспект // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2012. № 133. С. 307–316.
7. *Беженцев А.А.* Система профилактики правонарушений несовершеннолетних. М.: Изд-во «Флинта», 2012. 296 с.

References

1. *Kondrashenko V.T.* Deviantnoe povedenie u podroستkov: sotsial.-psikh. i psikhiatr. Aspekty [Deviant behavior in adolescents: social-psychological and psychiatric aspects]. Minsk, Belarus' Publ., 1988. 256 p. (In Russian)
2. *Bashkatov I.P.* Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti razvitiya kriminogennykh grupp podroستkov [Socio-psychological features of the development of criminogenic groups of adolescents]. In *Psikhologiya i profilaktika asotsial'nogo povedeniya nesovershennoletnikh* [Psychology and prevention of antisocial behavior of minors], ed. S.A. Belicheva. Tyumen', TGU Publ., 2001, pp. 15–26. (In Russian)
3. *Krylova T.A., Voronina E.A., Nikandrova N.N., Strukova M.L.* Profilaktika ekstremizma v podroستkovomolodezhnoi srede [Prevention of extremism in the adolescent-youth environment]. In *Profilaktika ekstremizma*

v podrostkovo-molodezhnoi srede: sb. metodicheskikh materialov dlya pedagogov obrazovatel'nykh uchrezhdenii [Prevention of extremism in the adolescent-youth environment: collection of methodological materials for teachers at educational establishments], Vologda, pp. 3–10. (In Russian)

4. *Gazenkamf E.V.* Mery po preduprezhdeniyu delinkventnogo povedeniya podrostkov [Measures to prevent delinquent behavior of adolescents]. *Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal "Vestnik Nauki" [International scientific journal "bulletin of science"]*, 2020, vol. 1, no.11, pp. 106–110. (In Russian)

5. *Lelekov V. A., Kosheleva E.V.* O preduprezhdenii prestupnosti nesovershennoletnikh [On the prevention of juvenile delinquency]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2007, no. 12, pp. 87–95. (In Russian)

6. *Yanchenko P.A.* Sotsiologicheskii analiz podrostkovoi prestupnosti kak odnoi iz form proyavleniya delinkventnogo povedeniya nesovershennoletnikh: regional'nyi aspekt [A Sociological Analysis of Teenage Delinquency: A Regional Aspect]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]*, 2012, no. 133, pp. 307–316. (In Russian, abstract in English)

7. *Bezhtentsev A.A.* Sistema profilaktiki pravonarushenii nesovershennoletnikh [Juvenile delinquency prevention system]. Flinta Publ., 2012. 296 p. (In Russian)

ИНТЕРВЬЮ

ИНТЕРВЬЮ ПРОФЕССОРА КАФЕДРЫ КРИМИНОЛОГИИ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА, ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА ГЕННАДИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ДАШКОВА

Саламова Себила Якубовна
Белова Валерия Александровна
Горбунов Станислав Валерьевич
Тихонов Роман Игоревич

Цель: передача накопленного опыта и знаний. Криминологическим кабинетом МГЮА имени О.Е. Кутафина был организован ряд встреч студентов с известными учеными, внесшими серьезный вклад в развитие науки юриспруденции. Одна из таких встреч состоялась с выдающимся ученым, специалистом в области криминологии Геннадием Владимировичем Дашковым.

Методология: интервью.

Выводы. Интервью, проведенное под началом руководителя Криминологического кабинета С.Я. Саламовой студентами Международно-правового института Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина с Г.В. Дашковым, позволило узнать интересные биографические факты его жизни, историю развития криминологии в советский период, особенности борьбы с коррупционными преступлениями. Были обсуждены и многие другие важные и интересные вопросы.

Студенты получили профессиональные советы, которые помогут им в учебе и в будущей практике.

Научная и практическая значимость. Результаты проведенного интервью могут быть использованы в учебном процессе при изучении курса криминологии и других наук уголовно-правового цикла в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: интервью, криминология, юридическое образование, Криминологический кабинет, наука, научные исследования, прокуратура.

Беседовали: Руководитель Московского криминологического кабинета Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Себила Якубовна Саламова, студенты первого курса Международно-правового института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Валерия Белова, Станислав Горбунов, Роман Тихонов.

Геннадий Владимирович Дашков — советский и российский ученый-криминолог, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник прокуратуры, почетный работник высшего образования

Г.В. Дашков родился 12 сентября 1939 г. в г. Пятигорске Ставропольского края. В 1963 г. окончил Саратовский юридический институт, с 1968 г. работал в НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, был заведующим отделом сравнительного правоведения и иностранной информации в области борьбы с преступностью. Одновременно Геннадий Владимирович преподавал криминологию в вузах Москвы, а в дальнейшем был назначен и проректором по научной работе Московской государственной юридической академии. Ныне является профессором кафедры криминологии и уголовно-испол-

нительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Геннадий Владимирович является членом Международного криминологического общества и Международной ассоциации уголовного права с 1983 г. Он принимал участие в работе над проектами Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РФ, закона о коррупции, Межгосударственной программы совместных мер борьбы с организованной преступностью на территории государств-участников СНГ на период до 2000 г.

Г.В. Дашков является автором более 300 научных публикаций, монографий, пособий, статей.

Встреча руководителя Московского криминологического кабинета С.Я. Саламовой и активных участников Кабинета состоялась в главном корпусе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина на Садовой-Кудринской улице, 9, на кафедре криминологии и уголовно-исполнительного права, на которой Геннадий Владимирович работает с 1997 года.

Во время общения Геннадий Владимирович в свойственной ему манере много шутил со студентами, чем сильно расположил их к себе.

Саламова С.Я.: Геннадий Владимирович, здравствуйте!

Сегодня здесь присутствуют студенты первого курса Института международного права, которые очень хотят пообщаться с Вами.

Дашков Г.В.: Да, я готов! Они уже представились, и я представился. Так что мы уже готовы к бою!

Белова В.: Многие из нас в детстве мечтали стать президентом, космонавтом, ветеринаром, ну и представителями других профессий. Кем Вы хотели стать в детстве и почему?

Дашков Г.В.: А можно все перевернуть? Все перевернуть... Я это сейчас только придумал. Можно вам задать вопрос? Вот, вам всем, своим будущим коллегам?

Белова В.: Хорошо.

Дашков Г.В.: Назовите мне наиболее важные для вас как для студентов креативные качества преподавателя? Я не имею в виду, что он умный, красивый или, например, урод, а вот именно креативные качества. Вот как вы считаете? Я почему вас спросил? Я ни одного вопроса просто так не задаю. Он (вопрос) все равно, как ружье Чеховское, выстрелит... Вот вы же сейчас первый курс, да?

Студенты: Да.

Дашков Г.В.: Это значит, сколько вы уже проучились?

Тихонов Р.: Чуть больше месяца.

Дашков Г.В.: Уже больше, чем достаточно, чтобы всех возненавидеть, да?

Студенты: Нет. (*Смеются.*)

Дашков Г.В.: Ну, короче говоря, как вы себе представляете преподавателя, без излишней скромности, хорошего вуза? МГЮА – хороший вуз, да?

Белова В.: Да.

Дашков Г.В.: Да... Как вы считаете, какие креативные качества, как со знаком «плюс», так и со знаком «минус» важны для преподавателя? А я потом, когда буду говорить о соответствии или несоответствии, все у нас тут и раскроется: и детство, и юность, и детский садик, и еще...

Белова В.: Ну, я считаю, что преподаватель должен уметь немного отходить от темы: приводить более жизненные примеры. Рассказывать интересные истории из сводок новостей, о которых допустим, студенты могут не знать. Рассказывать какие-то уникальные случаи. И также периодически (но в меру, конечно) шутить на лекциях. Именно на лекциях, а не на семинарах, потому что семинары – это что-то более серьезное, как по мне.

Дашков Г.В.: (*Перебивает.*) Мы будем друг друга перебивать, так будет намного интересней.

А Вы потом текст смонтируете. *(Обращается к Саламовой С.Я.)*

Саламова С.Я.: Геннадий Владимирович, в наших интервью почти нет «монтажа», имейте в виду! *(Смеется.)*

Дашков Г.В.: Нет, это не пойдет!

Помните, знаменитый фильм «Человек с бульвара Капуцинов»? («Человек с бульвара Капуцинов» — комедия-вестерн Аллы Суриковой по сценарию Эдуарда Аكوпова.)

Студенты: Да.

Дашков Г.В.: Помните, одна из героинь говорит: «Билли, я хочу мальчика». А он ей говорит: «Ну, ты понимаешь, это вон в кино так быстро, там монтаж». — «А можно монтаж?» Так и здесь.

Короче говоря, мне хочется, чтобы наша беседа была полезной и мне, и вам. Я «щеки надувать» не буду, и вы соответствующим образом должны расслабиться. И у нас все получится «fine»! *(fine (пер. с англ.) — отлично, прекрасно, здорово.)*

Очень хорошо! Значит, первое, вы считаете, что в вашем представлении преподаватель МГЮА... МГЮА, в который не так легко поступить, да? Правда же, да?

Белова В.: Да.

Дашков Г.В.: Ну, не так легко. Сколько там, 290 баллов? Сколько проходной был балл?

Белова В.: 260 был проходной.

Дашков Г.В.: 260 баллов? Ну, много, да... Это, считай, аж четверка средняя или пятерка?

Тихонов Р.: Пятерка.

Дашков Г.В.: Пять... Вот, видишь! Вот, значит...

Вы от преподавателя ждете знаний больше, чем написано в книжке?

Белова В.: Ну, так скажем, не только знаний... Когда лектор читает материал только из учебника, мы можем сами это прочесть. На лекциях интересно, когда что-то дополнительное рассказывают, не то, что написано в учебниках.

Дашков Г.В.: Да? *(Обращается к Тихонову Р.)*

Тихонов Р.: Я это вижу немного по-иному. В моей жизни уже был мой идеальный преподаватель. И его...

Дашков Г.В.: *(Перебивает.)* Есть с кого пример брать?

Тихонов Р.: Да. Это был преподаватель истории. Возможно, определенную роль сыграло еще то, что я очень люблю историю. В моих глазах преподаватель — это больше наставник, нежели просто человек, который как-то очень отдален и не погружается в жизнь, в жизнь студента. Так вот...

Дашков Г.В.: *(Перебивает.)* Не погружен или погружен?

Тихонов Р.: Идеальный — погружен.

Дашков Г.В.: Погружен?.. *(Обращается к Горбунову С.)*

Горбунов С.: По моему мнению, идеальный учитель — это тот, кто имеет такой навык интуитивно чувствовать своего ученика. Понимаете? Хорошее чувство юмора немаловажную роль играет. Конечно, мы не посмеяться суда пришли, но так материал лучше запоминается, когда он неформально преподносится.

Дашков Г.В.: Вот, ваше представление об учителе полностью соответствует образу моего, к сожалению, умершего товарища Кутафина Олега Емельяновича *(Кутафин Олег Емельянович (1937–2008) — советский и российский ученый-правовед, специалист в области конституционного права, академик РАН (2003), почетный член РАО, ректор, а затем президент Московской государственной юридической академии)*. Он просыпался с чувством юмора и спать ложился с ним. Всегда он что-нибудь придумывал, всегда смеялся. Будучи ректором университета, он даже подшутил над первым человеком государства. Он ему в ответ шепнул: «Олег, может быть, эти шуточки будут носить ограниченный характер?» И все! Он дома все это рассказал, ему жена говорит: «Олег, ну, может быть действительно..?» Олег Емельянович говорит: «Ну, я подумал, подумал. Нет, буду продолжать до конца дней своих шутить! А то так подумают, что я испугался, затаился».

Это очень хорошее качество!

Мы когда жили в общежитии на Воробьевых горах... *(Общежитие Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова на Воробьевых горах.)* Кто-нибудь из вас жил в общежитии?

Студенты: Нет.

Дашков Г.В.: Нет... Ну тут, значит, мы не родственные души. Я одиннадцать лет прожил в общежитии.

Белова В.: В аспирантуре в том числе?

Дашков Г.В.: Нет. Когда поступил в институт, учился в институте. Потом год в Московском университете жил (*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*). В общем, всего набралось одиннадцать лет.

Это была блестящая школа получения знаний по целому комплексу наук. В общежитии обычно поселяют как? Аспиранты, специалисты в области конституционного права, теории государства и права, истории, то есть разные специалисты. И мы вечером собираемся и обмениваемся: «А ты что прочитал?», «А ты что прочитал?»

Я и сейчас помню, как профессор Лазарев (*Лазарев Валерий Васильевич (1940) – советский и российский ученый-правовед, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Заслуженный деятель науки Российской Федерации (1996), действительный член РАЕН, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета (МГЮА)*), прожужжал нам все уши о пробелах в праве. Мы над ним даже подсмеивались: «Надоел ты со своими пробелами!» А что получилось на самом деле? Валерий Васильевич получил, первую среди юристов, премию Ленинского комсомола! Сейчас это звучит диковато: «Ленинского комсомола...» Тогда юристам не любили давать премии, а он получил первый! А мы все время подсмеивались... Вот, так чувство юмора заставляет тебя больше соображать. Это вступительная часть. Ну, давайте вопрос.

Белова В.: Многие из нас в детстве мечтали стать президентом, космонавтом, ветеринаром и так далее. А кем вы хотели стать в детстве?

Дашков Г.В.: В детстве? Никем не хотел стать. Честно я вам скажу – никем! Такого жесткого определения не было, все определилось само по себе. Была некоторая гиперболизация увлечений общественными дисциплинами. Это меня само подтолкнуло к поступлению в юридический институт. То есть не то, что я думал, как бы мне в юридический институт поступить... Во-первых, это было такое время... 1959 год был, когда я поступал. Тогда было мало юридических вузов. Например, было 18 факультетов в университетах и 3 юридических института (считались самые хорошие) – это Харьковский юридический институт, Саратовский юридический институт и Свердловский юридический институт. То есть особо не разнежишься. Так что, когда определял свой выбор, я решил пойти в юридический институт.

Но такого вот: «Прям, хочу бороться с преступниками!» – этого не было. На меня подействовало в основном существование хороших вузов.

У нас считался в то время хороший, самый лучший вуз из мне доступных – это Саратовский юридический институт. Туда ехали со всего Кавказа (потому что на Кавказе не было никаких юридических факультетов, ни в Ставрополе, нигде не было). И все ехали туда. И туда был особый набор, очень сложный набор, и двойная стипендия по сравнению с тем, что получали остальные студенты во всех вузах. Ну, например, если студент МГУ (юридического факультета) получал 22 рубля стипендию, то мне платили 46 рублей. Причем платили всем 100%: вот красивый ты, некрасивый. Лишь бы двойки не получал, а если двойку получил, надо зимою на каникулах отработать. Вместо того, чтобы домой ехать на каникулы, на стройке отработаешь, тебе зачтут и выплатят стипендию. Так что, вот такого жесткого, определенного выбора именно юридического не было. Скорее всего, в общественный профиль тянуло.

Мне очень нравилось даже не право, а история. Я историю готовил для поступления. Был такой пятитомник «История дипломатии». А что такое «дипломатия»? Она складывается из истории, правда же? И вот я готовился к поступлению по этому пятитомнику. Никакие придирки не были мне страшны. Я получил «пять» в чистом виде.

История меня интересовала больше, чем право. И первую курсовую работу я написал по истории Китайской буржуазной революции возглавляемой Сунь Ятсеном. Написал я слишком умно, как мне казалось. На первом курсе, в конце первого семестра, преподавательница объявляет: «Вот такие-то, подойдите. У меня к вам вопросы по поводу курсовых». Мне говорит: «Вам, вот, я нужна...» (*Показывает два пальца.*) Я говорю: «Два? А за что? Я вот это изучил, вот это изучил, вот это изучил...» Я сидел в библиотеке, и ни в какой-нибудь школьной, а в хорошей библиотеке. Первый курс... Она поняла, посмотрела на меня: «Ну ладно, потом, потом...» – и поставила мне четыре. Хотя не за что и четыре было ставить...

То есть вот с историей пошло проникновение в право. Не наоборот, а вот так вот...

Вот, я думаю, если вы по этому пути (юридическому) пойдете, тем более вы на нем уже стоите, будет очень и очень прекрасно. Поехали дальше!

Тихонов Р.: Какие годы или моменты в Вашей жизни Вы бы посчитали самыми счастливыми?

Дашков Г.В.: Самыми счастливыми? (*Задумался.*)

Наверное, когда я четыре года учился в Саратовском юридическом институте. Очень инсти-

тут хороший был, и ребята были такие, которые окружали, все трудяги! Ни одного, как сейчас бы выразились бы, «блатного», какого-нибудь крутого, там. Все были равные примерно: не нищие и не богатые.

Я ходил со всеми на Волгу, работал, разгружал арбузы (хотя у меня отец в шахте работал, он мне мог немножко денег выслать). И это было не в тягость. Я получал за ночь 10 рублей, а это четвертая часть стипендии практически! Очень хорошее время, не потому что весело, танцы, дискотеки. Не поэтому. Это был период наибольшего «всасывания». Вот такое слово! Я сейчас только придумал. *(Улыбается.)*

Студенты: *(Смеются.)*

Дашков Г.В.: Много откуда можно было «взять», и мне хотелось, и получалось!

Пример приведу. Вот, я сейчас проводил занятие по криминологии (буквально два часа назад), была тема: «Работы В.Н. Кудрявцева, И.С. Ноя и И.И. Карпеца в развитии криминологической науки». И я специально включил туда фамилию Ноя Иосифа Соломоновича, моего учителя. Этого человека не любил весь юридический мир. Все! А за что? Он в 1970-е годы выступил с идеей, которая сама по себе была не нова, но интересна. Ее называют «неоломброзианство», то есть это означает, что преступность объясняется посредством оценки личностных врожденных качеств человека, а не окружающей обстановкой. А во всех учебниках было написано, что все, что люди делают плохое, это зависит от обстановки, от окружения, от того, от сего... А Ной сказал: «Нет! Ничего подобного!» И его, естественно, все восприняли в штыки.

Когда я поступал в Москву во Всесоюзный Институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности (*Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности – был создан в 1963 году. В 1987 году был преобразован во Всесоюзный научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Прокуратуре Союза ССР. В 1991 г. Институт передан в ведение прокуратуры РСФСР, а в 1993 г. – Генеральной прокуратуры Российской Федерации. В 2007 году вошел в состав Академии Генеральной прокуратуры РФ*), профессор Карпец Игорь Иванович, бывший начальник уголовного розыска всего Советского Союза (*Карпец Игорь Иванович (1921–1993) – советский и российский ученый-правовед, криминолог, доктор юридических наук, профессор. Начальник Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел СССР, генерал-лейтенант милиции*), спросил: «Ты из Саратова?» Я говорю: «Да, Игорь Иванович»,

он: «А как ты к Ною относишься?» (на «вшивость» меня проверял). А я говорю: «Игорь Иванович, это мой учитель, и я его очень уважаю». Он говорит: «Правильно! Это мы свои споры разберем, а ученик должен всегда уважать своего учителя!»

У нас были очень своеобразные отношения во время учебы между преподавателями и студентами. Это очень важно! Есть сегодня такие преподаватели, которые «надувают щеки», светилками себя считают. А у нас преподаватели играли со студентами в футбол, в шахматы, в волейбол, в спортлагере отдыхали вместе. А вы скажете: «Да как же так? Это же распушенность какая-то! Я с тобой поиграл в футбол, а завтра какие-то там концепции буду у тебя спрашивать? Не надо никаких концепций, ничего не надо! Встал, вышел быстро! Пятерка!» Нет!

Я очень переживал, когда шел к профессору кафедры теории права Матузову (*Матузов Николай Игнатьевич (1928–2018) – советский и российский ученый-правовед, специалист в области теории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации*). Сдавал ему тему «Функции государства». В десять раз я больше учил, чем другой предмет. А чтобы стыдно не было! Это вроде с одной стороны фамильярность, да, а с другой стороны воспитание взаимного уважения друг к другу. Вот это очень здорово!

Я у преподавателей у своих во как научился! Во-первых, у студентов, которые все знали, что такое кусок хлеба (все работали), у них научился. С моего курса вышло несколько заместителей Генерального Прокурора, первый заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (не говоря уже о членах Верховного Суда). Все учились, и ни одного в тюрьму не посадили. Ни одного! Никаких взяток, никаких! Ничего этого не было и в голове, понимаете? Как не считать то, что это лучшее время?

Больше всего мне дал вуз. Вот, что не преподаватель, то личность! Это не значит, что они мне пятерки ставили. У меня диплом не с отличием (ну, нормально учился). Я стал отличником со второго курса...случайно.

Студенты: *(Смеются.)*

Дашков Г.В.: И вам это советую! Значит, как... У нас был староста. Постарше нас, да такой крупный, здоровый. У меня характер, ну такой... немножко веселый. А он мне говорит: «Эти шуточки боком тебе выйдут!» А я ему говорю: «У меня хоть боком выйдут, а у тебя выходит то нечему!»

Студенты: *(Смеются.)*

Дашков Г.В.: После такого заявления, естественно, надо обеспечить себе тыл. Я не старался

специально, ну так получилось, или Бог послал это: я в следующую сессию получаю одни пятерки, а он двойку. И я (нет бы промолчать, ну зачем радоваться чужому горю) говорю: «Ну че, вышло?»

Студенты: (Смеются.)

Дашков Г.В.: Вот, бывали такие ситуации...

В основном ребята были «мощные». Они не только во время учебы такими были, но и они очень должности большие заняли. В Саратовском юридическом институте было так называемое распределение: приезжали самые большие начальники из кадровых управлений МВД, Прокуратуры, Верховного суда и набирали кадры. Почему? Потому, что было много толковых ребят. Поехали дальше!

Горбунов С.: Геннадий Владимирович, много ли у вас было непредсказуемых поворотов судьбы, которые меняли вашу жизнь, или же у вас все было под контролем, по плану?

Дашков Г.В.: Значит, таких вот не было, не было переворотов больших.

У меня в трудовой книжке три записи всего. Вот так! А знаете почему? Не потому, что я такой «устойчивый». Тут лень определенная. Вот иногда предлагают хорошую работу: «Пойдешь туда на работу?». Я говорю: «Нет, не пойду!»

Я закончил аспирантуру юридического факультета Московского университета. Я учился в годичной аспирантуре, но, поскольку был во временной, стойкой нужде, написал диссертацию за 4 месяца. Кушать хочется — будешь работать! Не хочешь кушать — не будешь работать! Короче говоря, встал вопрос о моем трудоустройстве. А Московский университет — это серьезный университет! Он и сейчас серьезный, а тогда был очень серьезный. Нет места на работу. И мой заведующий кафедрой (очень серьезный человек: он был главный военный обвинитель на Токийском процессе военных преступников), профессор Васильев Александр Николаевич говорит: «Гена, ты знаешь, как я к тебе отношусь, но нет работы. Но, я позвоню в одно место — тебя примут!» (Васильев Александр Николаевич (1902–1985) — советский юрист, ученый, доктор юридических наук, профессор. Заслуженный деятель науки РСФСР. С 1960 г. руководил кафедрой криминалистики юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова). И позвонил в Институт прокуратуры (Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности). Меня туда приняли сразу. Через некоторое время Александр Николаевич (месяца через три) звонит. Говорит: «Я с профессором Петровским договорился. Под тебя, под конкретного человека дают ставку. Так что, ты приходи ко мне работать!» (Петровский

Иван Георгиевич (1901–1973) — советский математик и деятель отечественного образования. Ректор МГУ имени М. В. Ломоносова (1951–1973). Академик АН СССР). Я говорю: «Александр Николаевич, ну неудобно уже. Я же уже пришел на работу. Каждый день менять неудобно...» (это к вашему вопросу о переворотах судьбы). Он говорит: «Вот, между нами, запомни одну фразу: неудобно бывает первые минут 20–30, а потом все будет удобно!» Но я не пошел. Разные работы предлагали, но я не шел. Мешали мне не то опасливость, или стеснительность, или еще какие-то качества...

Давай следующий вопрос!

Белова В.: Скажите пожалуйста, подробно, кто для вас юрист и какими качествами он должен обладать?

Дашков Г.В.: Юрист... Я считаю, юрист — это обычный, нормальный грамотный, образованный человек. В истории XIX века, XX века много известных художников, писателей, композиторов, певцов было юристами. Они выбрали юридическую профессию, как наиболее позволяющую общаться с людьми. Вот, Лев Николаевич Толстой, где работал на общественных началах? (Обращается к студентам.) В суде Тульском, да? Вот! То есть юрист — это не сверх какой-то особый социум какой-то. Юристом может быть любой широкомасштабно мыслящий человек. Вот какой мой юрист!

Я читал лекции у студентов, получающих второе образование. Это те, кто раньше были экономистами, математиками, физиками, химиками, а сейчас учатся, хотят получить юридическую профессию. Я говорю: «Ребята, а мне, наоборот, хочется получить неюридические знания». Я много лет был председателем главной аттестационной комиссии в Губкинском университете (Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина). Хожу по кафедрам, и мне хочется поучиться: физика твердого тела, твердость по Бринеллю, еще че-то там... Юрист не может быть только юристом, это не юрист! Если он знает только уголовное право, да ничего он не знает! Он все должен знать: От Евы до Женевы, от Адама до Потсдама — все!

В течение двух лет я работал советником Генерального прокурора в Монгольской Народной Республике (тогда никто дальше Малаховки не ездил). Меня Генеральный прокурор вызвал на собеседование и сказал: «Ну разберешься! Все нормально у тебя будет!» Ну, и я поехал разбираться. Ну разобрался...

Однажды мне мои коллеги из Генеральной прокуратуры говорят: «Геннадий Владимирович, давайте съездим в один городок в двухстах кило-

метрах от Улан-Батора, посмотрим, как там работает пищевой комбинат». А у меня «пунктик» есть: лезть туда, куда вроде и не надо лезть. Всем обычно в суд надо, еще куда-то, а я на пищевой комбинат с удовольствием поехал. Приехали мы на этот комбинат. Мои сопровождающие думают: «Чего это он ходит все... Нам нужно скорее...» А там хорошую водку делают. Им выпить хотелось, а я непьющий человек. Я никогда в жизни не пил, не курил. Никогда. Это моя черта отрицательная или положительная, как хотите.

Я пошел ходить по территории этого пищевого комбината. Захожу в один цех и... Батюшки! Мои компрессора 4АУ15 стоят! Компрессора — это машины, которые делают холод. Когда я поступал в институт, у нас нельзя было поступить без стажа работы. Два года отработай! Ну три, если хочешь! Я три отработал. Я пошел на работу на молочный комбинат, на должность помощника машиниста холодильных установок. Меня даже направили на обучения там, я повысил разряд (официально в трудовой книжке у меня написано — седьмой разряд — это очень высокий разряд). Ну потом я поступил и забыл про это, вроде знания не нужные оказались. Когда я увидел эти компрессора, я с детской непосредственностью говорю: «А можно я включу компрессор?» Они все удивились: юрист, советник Генерального прокурора... Сказать «нет» нельзя, сказать «да» — мало ли что этот дурак наделает с этими машинами... А машина огромная! Я включил, отладил все, но самое интересное другое — я говорю: «Дайте, пожалуйста, журнал, в котором я должен записать все показатели машины». А у них журнала отродясь не было. Они (компрессора) работают — работают, не работают — не работают, взорвется — ну погибнут люди... Они потом забыли, что я их учил, советы давал по криминологии, по уголовному праву, по криминалистике и называли меня «советник, который журнал потребовал». Вот знания пригодились! Так что юристу все надо знать! Все абсолютно. Давай дальше!

Саламова С.Я.: Геннадий Владимирович, я хочу немного вернуться назад. Вы упомянули Олега Емельяновича Кутафина. Не могли бы рассказать, как с ним познакомились?

Дашков Г.В.: Познакомился просто. Значит, это был конец октября 1966 года. Я приехал в Москву. Сам юрфак Московского университета в то время находился в нынешнем здании консерватории на Большой Никитской, а аспиранты жили в главном корпусе МГУ, в зоне «В» на 17-м этаже. Я туда приехал. Мне дали ордер на вселение. Хожу по комнатам, ищу, где кастрюли взять, где чашки, ложки (надо же обжиться), и встречаю

Олега Кутафина. А он каким был человеком отзывчивым, таким и до конца своих дней оставался! «Давай я тебе помогу. Я знаю, где тут и что находится». Мне дали комнату 1708, а у него была комната 1701. Он жил в аспирантском блоке. Вы не были никогда в главном корпусе МГУ? *(Обращается к студентам.)*

Студенты: В главном корпусе нет.

Дашков Г.В.: Шикарное здание! Шикарное... Это не сегодняшние общежития. На каждого аспиранта большая такая комната, блок помыться, переодеться. Дубовые столы, кровать, окна — все шикарно! Всю Москву из окон видать! Все красиво! Он мне говорит: «Пойдем, я тебе все необходимое дам». Вот так я с ним и познакомился на бытовой почве.

Рыбак рыбака видит издалека: он любит немножко посмеяться, и я уважаю! Мы начали заниматься вечерними разработками: кого как разыграть. И розыгрыши были такие классные, что тех, кого разыгрывали, и до сегодняшнего дня не все знают.

Кутафин отличался тем, что у него ничего не было: никаких денег, никаких связей (как сейчас говорят, «блатных»), чтобы помочь. Ничего у него не было! У него был огромный такой, инициативный характер. Он, чтобы прокормить семью (у него дочка была и жена), возглавил на общественных началах правовую секцию «Общество знаний РСФСР». Всех своих друзей, кто умел писать (надо, правда, было еще уметь соображать), привлек к работе: «Слушай, есть возможность заработать деньги. Можешь за неделю написать брошюру?» Я говорю: «Могу». Мы постоянно друг другу помогали, постоянно обсуждали какие-то вопросы. Потом он чуть раньше меня защитил диссертацию, после стал работать на кафедре конституционного права МГУ.

Когда я ушел в другое ведомство, уже реже стали встречаться. А как-то он мне говорит: «Слушай, переходи ко мне на работу?» Он в то время уже был ректором МГЮА. Я говорю: «Олег, с удовольствием!»

Не было между нами никакого жульничества, никакой материальной составляющей не было. Была чистая дружба, основанная на человеческих качествах! Он мне подарил свою первую брошюру, которую выпустил. Она называлась «Первая среди равных» (о Конституции РСФСР). Дружеские, приятельские отношения были все время, до конца. Больше сорока лет дружили и ни одной тени не пробежало, хотя некоторые коллеги...

Это был сверхдобрый человек в общении, если он что-то пообещал кому-то, он сделает от и до.

У него не было такого, что вот это вот начальник – это надо к нему так относиться, а к товарищу по учебе или по общежитию иначе.

У нас на этаже жили: Кутафин, Зорькин (*Зорькин Валерий Дмитриевич, 1943*) – советский и российский судья, юрист, доктор юридических наук, профессор. Председатель Конституционного Суда Российской Федерации в 1991–1993 годах и с 21 марта 2003 года), Лазарев (*Лазарев Валерий Васильевич (1940)* – советский и российский ученый-правовед, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.), Калпин – он умер, к сожалению (*Калпин Александр Григорьевич (1931–2012)* – доктор юридических наук, профессор. С 1991 по 2000 г. – профессор, заведующий кафедрой гражданского права в Московской государственной юридической академии). Все были ребята хорошие, не одержимые пороками.

Могу сказать, что в работе Кутафин мне полностью доверял.

Саламова С.Я.: Геннадий Владимирович, хочу вернуть Вас в события еще чуть более ранние. Как получилось, что Вы решили поступать в аспирантуру?

Дашков Г.В.: Объясняю. Значит, я учился-то в аспирантуре такой... «недоделанной» – в годичной аспирантуре (то есть был прикреплен только на год), а учился там всего 4 месяца. И я за 4 месяца в Московском Университете написал диссертацию. У меня была такая немецкая печатная машинка «Эрика». Я по 18 страниц в день печатал на этой машинке (пауза). А тогда диссертация кандидатская была не 150 страниц (сейчас стандарт 150 страниц), тогда была 300 страниц.

А как решил... После окончания института мне надо было немножко ума поднабраться (потому что институт дает ума, но недостаточно). Мой заведующий кафедрой – Рассейкин Дмитрий Павлович (*Рассейкин Дмитрий Павлович (1909–1973)* – советский ученый, доктор юридических наук, профессор Саратовского юридического института, видный ученый-криминалист) мне говорит: «Слушай, в Саратове ты больше ничему не научишься, ты тут все знаешь. Я сейчас позвоню в Харьков моему другу, товарищу с кем я учился до войны в аспирантуре, Колмаков Виктор Павлович (великий криминалист). Он работает директором Харьковского научно-исследовательского института судебной экспертизы». А это был один из крупнейших криминалистических центров Совет-

ского Союза, который делал самые сложные экспертизы. Там работали крупнейшие специалисты. В Москве таких не было. И я поехал в Харьков.

Ну, что я, пацан! Сколько мне лет было? Ну, 26 лет... примерно так (я точно года не считаю, и сейчас их не считаю особо, а тогда тем более). Ко мне все очень хорошо отнеслись. Каждый старался мне объяснить, подсказать, помочь (а там крупные специалисты были, метры). Вот это Учителя! Я там месяца три поработал. А жил я в общежитии Харьковского юридического института (тоже очень серьезный институт). Сейчас он Университет Ярослава Мудрого называется (*Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого*). Когда я докладывал на кафедре, что я там сделал, мне сотрудники кафедры говорят: «Ууу, так это целая докторская диссертация!» (а я то слово «докторская» тогда не знал). Как то приезжает заведующий кафедрой криминалистики МГУ (о котором я вам говорил) Васильев Александр Николаевич в Саратов на какую-то конференцию. И слово, к слову, говорит: «А пусть к нам приезжает в аспирантуру». Вот я так случайно...

Саламова С.Я.: А в Харьков Вы поехали работать или учиться?

Дашков Г.В.: Стажером просто. Мне даже деньги не платили. Кормили, поили и все! В Харькове хорошее питание, да. Некоторые думают, что на Бессарабском рынке в Киеве только сало хорошее, а там все хорошее! И колбаса хорошая...

Вот так получилось, стечение обстоятельств... а все в жизни стечение обстоятельств. Хорошие люди и стечение обстоятельств. И все! И больше ничего не надо!

Давайте еще вопросы!

Тихонов Р.: Приходилось ли Вам, в профессиональной деятельности переступать через свои принципы?

Дашков Г.В.: Переступать? Ноги короткие – это раз! И ума на это не хватает, и нужды в этом нет. Понимаешь? Нужды в этом нет! Я ни с кем не соавторствовал, никогда. Если с кем-то и соавторствовал, то он пишет одну часть, я пишу другую. То есть там написано, что такой то параграф написан тем-то, такой то тем-то. Без этого не обойтись, так учебники пишутся. А переступает тот, кому надо торопиться, его, если догонят, то отлупят. А у меня в этом нужды не было. Я своей головой живу и всегда жил, и так мне спокойнее.

Поехали дальше!

Горбунов С.: Геннадий Владимирович, Вы работали на разных должностях. Какие из них были самыми интересными и какие самыми сложными?

Дашков Г.В.: Сейчас скажу. Тринадцать лет я проработал на должности руководителя отдела по изучению причин преступности в зарубежных странах (это при НИИ Генеральной прокуратуры). Эта должность чем была интересная? Она познавательная! Это было такое время, когда можно было поехать в любую страну, встретиться с любыми людьми, прочитать любые книжки.

Моя задача была (как руководителя отдела) снабдить Генерального прокурора и его заместителей информацией о преступности, ее причинах, мерах борьбы в разных странах. У меня в отделе человек 12 работали. Люди, владевшие разными языками, все работали в разных направлениях.

Позже я был избран в ряд руководящих органов международных организаций – это Международное криминологическое общество, Международная ассоциация уголовного права... Они международные были не по словам, а по делу. Они определяли всю политику борьбы с преступностью. Я регулярно ездил, общался с очень интересными людьми, очень знающими криминологами, например с Гансом-Юргеном Кернером, президентом Международного криминологического общества (*Ганс-Юрген Кернер (Hans-Jürgen Kerner) (1943) – выдающийся немецкий, международно-признанный криминолог, профессор Гейдельбергского университета*). В Париже раз в год в начале мая проводились встречи руководящего совета (девятнадцать человек). На этих встречах обсуждали, какие конгрессы, где проводить, какие семинары, какие сборники издавать, что ругать, что хвалить. Вот с такими значимыми людьми было интересно общаться, не просто знать их по книжкам, а иметь возможность обсудить с ними важные вопросы.

Я в 45 странах был в командировках, в служебных командировках. А это серьезно! Работал советником в нескольких странах, получал там награды. Ко мне хорошо относились, но я «щеки не надувал», это не в моем характере, но было приятно, что со мной считаются.

Вот эта работа в зарубежном отделе меня многому научила. Что мне еще надо? О чем мне еще мечтать, о чем? Весь мир объехал, все изучил, всех видел, все меня знают. Значит, один пример приведу. Поехал я с Генеральным прокурором на Конгресс в Рио-де-Жанейро. Приехали за день раньше. Ходим по пляжу (а наша гостиница прямо на берегу океана «Шератон Гранд Рио». Такая средняя гостиница, 4 звезды, но нам больше не положено, денег не дают), кричит кто-то: «Геннадий!» А Узбеков Вильдан Сулейманович (первый заместитель Генерального прокурора) говорит:

«Тебя, что ли?» Я говорю: «А кого же еще!» А я и не знал, что меня. *(Смеется.)*

То есть люди знают тебя. А когда тебя знают, ты решаешь любой вопрос.

Саламова С.Я.: Геннадий Владимирович, а кто Вас звал то на пляже? *(Смеется.)*

Дашков Г.В.: Звал? Президент международной ассоциации уголовного права. Представляете, как мои акции поднялись, да? Генеральный прокурор думает: «Вот это да! Вот недаром мы его взяли!» *(Смеется.)*

Давайте еще вопрос!

Белова В.: Какие надежды Вы возлагаете на новое поколение юристов?

Дашков Г.В.: На новое поколение я возлагаю надежды, чтобы не побили старое. *(Студенты смеются.)*

Дашков Г.В.: А если серьезно, то все нормально, только надо углубляться, проникать в проблему. Сейчас этого нет. Вот таблицу умножения не знают! Знаешь синус 2 альфа чему равен? *(Обращается к Беловой В.)*

Белова В.: Синус квадрат или синус 2 альфа?

Дашков Г.В.: Синус 2 альфа.

Белова В.: Синус квадрат альфа плюс косинус квадрат... а нет. *(Смеется.)*

Дашков Г.В.: Ну во всяком случае где-то близко! То есть, вот, нужно проникновение. Вот, что я хочу от будущего поколения. Говорить: «Я все прочитаю в Википедии...» Все, да не все! Идеи то туда никто же не запишет! Идеи надо самому... надо выполнять определенные нормы «попа часов» (то есть сидеть, заниматься). Многие говорят: «Мы умные, такие, сякие...» Да ничего подобного! Умные всегда были, и дураки были всегда и будут. Поэтому большего проникновения в проблему... Легкого хлеба не было никогда и не будет. Вот и все!

Давайте еще вопрос!

Тихонов Р.: Геннадий Владимирович, чего необходимо избегать при работе со студентами? И как сделать образовательный процесс интересным для аудитории?

Дашков Г.В.: На аудиторию я всегда говорю так: виноваты в плохих отметках преподаватели!

Вот ты в цирк ходишь? *(Обращается к Беловой В.)*

Белова В.: Да.

Дашков Г.В.: Так вот я хочу сказать, что нечего выдумывать, что там студенты сейчас ничего не понимают. Всегда было определенное количество, примерно 10% – высший класс. А выучить можно любого! В цирке видела медведи ездят *(Обращается к Беловой В.)*? А почему студента нельзя выучить?

Еще до того, как я пришел работать в этот вуз, я был председателем ГАК (*Главная аттестационная комиссия*). По одному из студентов на экзамене возник вопрос. Преподаватели решили поставить двойку. А я (я же председатель ГАК) говорю коллегам своим: «Нет, ребята, двойку нельзя ставить. Двойку надо ставить вам за то, что вы его плохо учили! Посмотрите в зачетке, какие отметки. Давайте поставим три и на этом разойдемся». Поставили ему три. Спустя много лет, я иду по коридору в Страсбурге в Совете Европы, кто-то кричит мне (как на пляже... мне всегда кричат): «Геннадий Владимирович!» Я оборачиваюсь. Мальчик симпатичный, небольшого роста. «Вы меня не узнаете?» — «Нет». — «А я, вот, студент, которому вы двойку хотели ставить». — «А, вот теперь узнал! Только я хотел, чтобы тебе другие двойку не поставили, и настоял, чтобы тебе три поставили, и властью председателя добился. Как твои дела?» А он говорит: «Да когда вы мне три поставили, в аспирантуру меня здесь не взяли, но папа мне помог в МГИМО в аспирантуру поступить» (*Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО)*). Я закончил там аспирантуру, защитился и сейчас постоянный представитель Азербайджана в Совете Европы. Вот так вот...

То есть во всем виноваты преподаватели. А студенты есть плохие? Есть. Их надо отчислять и все! Не жалеть. Но в основном, любого можно научить. Все-таки вы прошли какой конкурс прежде чем сюда поступить. Да что ж я тебя не заставлю, не заинтересую? Надо же заинтересовать, а заинтересовать надо чем? Тем, с чего мы начали разговор: не «букварь» долдонить, а вести серьезный разговор о серьезных проблемах, говорить на все темы, которые интересны студенту. Но для этого надо что? Заниматься. Я и сейчас (не скрою) занимаюсь, стараюсь чему-нибудь научиться, книжки читаю. Вон там у меня лежит книжка «Механика». (Указывает на шкаф в кабинете.) Казалось, зачем мне механика? Закон Ома для участков цепи кто помнит? (*Обращается к студентам.*) А я вам скажу для чего он: там сформулирована вся сущность действия человека! Она и в пословицах: умный в гору не пойдет, умный гору обойдет. А Георг Симон Ом написал в своей теореме, что ток идет по пути наименьшего сопротивления. Вот для чего все это нужно! А закон сохранения энергии Исаака Ньютона помните?

Белова В.: Энергия не уходит никуда и не возникает из неоткуда. То есть переходит из одного состояния в другое.

Дашков Г.В.: Недаром Виктор Антонович Садовничий, ректор Московского университета, выступая у нас здесь в Университете сказал: «Вам юристам надо учить математику». А я очень плохо учил, это был мой недостаток. Физику получше. Математику, физику для чего нужно учить? Чтобы свои мозги не забивать одной соломой! Преподаватель должен изучать все. Мой основной девиз: идешь в аудиторию, знай минимум в десять раз больше чем ты думаешь сказать. Минимум!

Саламова С.Я.: Геннадий Владимирович, я хотела Вам последний вопрос задать, он у нас стал традиционным. Это даже не вопрос, а просьба. Хотела бы попросить Вас дать совет ребятам для их будущей профессиональной деятельности.

Дашков Г.Е.: В будущей профессиональной деятельности, да? Работа вас найдет! Что сейчас надо работать, это и дураку ясно? Работа вас найдет. Не отказывайтесь никогда ни от какой работы, никогда! И всегда слушайте своих хороших учителей, а их вы сами почувствуете.

Приведу напоследок еще один пример. У нас был куратор — профессор Цыпкин Альтер Львович (*Цыпкин Альтер Львович (1891–1985) — советский ученый-юрист, доктор юридических наук, профессор, адвокат, основатель кафедры уголовно-процессуального права Саратовского юридического института*). А мы были на тот момент студентами третьего курса. Альтер Львович сказал все студентам принести тезисы на три страницы. Я, как умный, а мне тогда казалось, что я умный (сейчас я считаю так, как в Священном Писании написано: я знаю, что ничего не знаю), вместо трех страниц шесть написал. Он меня вызывает. Вот как вы своих подопечных (*Обращается к Саламовой С.Я.*). Мне очень нравится, как вы с ребятами работаете. Так, вот, вызывает и говорит: «Геннадий, я же тебе сказал три страницы!» А я ему говорю: «Альтер Львович, ну там так все важно!» А он говорит: «Запомни на всю жизнь: если очень важно, выкинь каждую четную страницу, а если сверхважно, каждую нечетную!» (*Студенты смеются.*)

С тех пор я занимал много должностей всяких. Вот мне приносят там маститые ученые, а я говорю: «Что ты принес? Что ты принес? Выкинь! Они начинали возмущаться. Вот вам учитель сказал, надо делать и все будет отлично! Все будет хорошо!

Саламова С.Я.: Геннадий Владимирович, спасибо Вам огромное!

Студенты: Спасибо Вам большое!

Дашков Г.В.: Вам спасибо! Вы очень хорошие. Мне было очень приятно с вами беседовать. Это не комплимент, действительно очень приятно!

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Айсанова Екатерина Султановна – кандидат экономических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Чеченского государственного университета, k-a-2011@mail.ru

Альханов Насрудин Магомедович – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Чеченского государственного университета, n.alkhanov@mail.ru

Асаенок Борис Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник цикла гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь, докторант кафедры криминалистики Белорусского государственного университета, boris.asayonok@gmail.com

Белова Валерия Александровна – студентка 1-го курса Международно-правового института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, bvaperm@icloud.com

Бидова Бэла Бертовна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Чеченского государственного университета, bela_007@bk.ru

Вегемунд Кора – студентка 6-го семестра юридического факультета Потсдамского университета, sweagemund@uni-potsdam.de

Ганаева Есита Эминовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Чеченского государственного университета, esita4me@mail.ru

Горбунов Станислав Валерьевич – студент 1-го курса Международно-правового института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, gorbunov.stas@list.ru

Горюнов Виталий Сергеевич – студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), vgs260601@gmail.com

Дегтерев Андрей Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Астраханского государственного университета, degtere vand@rambler.ru

Жилкин Максим Геннадьевич – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, zmax71@mail.ru

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, cgrim@izak.ru

Кадников Николай Григорьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, krim-pravo@yandex.ru

Клебанов Лев Романович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов (РУДН), solomon70@bk.ru

Кнайш Лоннеке – студентка 8-го семестра юридического факультета Потсдамского университета, knaisch@uni-potsdam.de

Корнблум Оливер – студент 8-го семестра юридического факультета Потсдамского университета, rx-revilo@live.de

Котова Ксения Александровна – студентка Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), kseniya.k2001@gmail.com

Кучин Олег Стасьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия (РГУП), академик РАЕ, заслуженный деятель науки и техники РАЕ, Doctor of Science Honoris Causa, kuchin-os@rambler.ru

Кучина Ярослава Олеговна – кандидат юридических наук, доцент, LL.M., докторант Университета Макао (Макао САР, КНР), yakuchina@gmail.com

Лебедев Максим Владимирович – аналитик кафедры национальной безопасности Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина, 3g4g@mail.ru

Лебедкина Алена Максимовна – студентка Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), lebedkina_2001@mail.ru

Минюшкина Анастасия Руслановна – студентка Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), anastasiaminy@mail.ru

Мусаев Сайд-Магомед Исламович – ассистент кафедры уголовного права и криминологии Чеченского государственного университета, www.saidmusaev999@mail.ru

Рюе Лука Софи – студентка 6-го семестра юридического факультета Потсдамского университета, lucaruehe@web.de

Саидов Заурбек Асланбекович – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Чеченского государственного университета, z.saidov@chesu.ru

Саламова Себила Якубовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), руководитель Московского криминологического кабинета МГЮА, sebila@mail.ru

Саргсян Аделина Арменовна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Российско-Армянского университета, adelina-sargsyan@mail.ru

Серебrenникова Анна Валерьевна – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, serebranna@hotmail.com

Тихонов Роман Игоревич – студент 1-го курса Международно-правового института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, igotmail2013@gmail.com

Торак Ирина – студентка 9-го семестра юридического факультета Потсдамского университета, torak@uni-potsdam.de

Циглер Хелене – студентка 6-го семестра юридического факультета Потсдамского университета, heleneziegler@web.de

Цимборски Зара – студентка 8-го семестра юридического факультета Потсдамского университета, sarah.zimborski@live.de

Ярычев Насруди Увайсович – доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Чеченского государственного университета, nasrudiny@mail.ru

Яхьяева Мархат Увайсовна – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Чеченского государственного университета, marhat-95@mail.ru

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN

Aiskhanova Ekaterina S. – Kandidatin der Wirtschaftswissenschaften, Dozentin am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Tschetschenischen Staatlichen Universität, k-a-2011@mail.ru

Al'hanov Nasrudin M. – Oberlehrer am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Tschetschenischen Staatlichen Universität, n.alkhanov@mail.ru

Asayonok Boris V. – Kandidat für Rechtswissenschaften, Dozent, Leiter des Zyklus der zivil- und strafrechtlichen Disziplinen am Lehrstuhl für Rechtsdisziplinen der Fakultät für interne Truppen der Militärakademie der Republik Belarus, Doktorand am Lehrstuhl für Kriminalistik der Belarussischen Staatlichen Universität, boris.asayonok@gmail.com

Belova Valeria A. – der 1. Jahr Studentin am Institut für Völkerrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL), bvaperm@icloud.com

Bidova Bela B. – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Associate Professorin, Lehrstuhlleiterin für Strafrecht und Kriminologie an der Tschetschenischen Staatlichen Universität, bela_007@bk.ru

Degterev Andrey A. – Kandidat für Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht der Staatlichen Universität Astrachan, degterevand@rambler.ru.

Ganaeva Esita E. – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Tschetschenischen Staatlichen Universität, esita4me@mail.ru

Gorbunov Stanislav V. – der 1. Jahr Studentin am Institut für Völkerrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL), gorbunov.stas@list.ru

Goryunov Vitaly S. – Student an der O.E. Kutafin Moskauer Staatlichen Juristischen Universität, vgs260601@gmail.com

Kadnikov Nikolay G. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation, krim-pravo@yandex.ru

Klebanov Lev R. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht, Strafprozessrecht und Kriminalistik an der Russische Universität für Völkerfreundschaft (RUDN), solomon70@bk.ru

Knaisch Lonnecke – Studentin im 8. Fachsemester an der Juristischen Fakultät der Universität Potsdam, knaisch@uni-potsdam.de

Kornblum Oliver – Student im 8. Fachsemester an der Juristischen Fakultät der Universität Potsdam, px-revilo@live.de

Kotova Kseniya A. – Studentin an der O.E. Kutafin Moskauer Staatlichen Juristischen Universität, kseniya.k2001@gmail.com

Kuchin Oleg S. – Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Professor am Lehrstuhl für Gerichtsgutachten der Russischen Staatlichen Universität der Justiz, Akademiker der Russischen Akademie für Naturgeschichte, Verdienter Wissenschaftler und Techniker der Russischen Akademie für Naturgeschichte, Doctor of Science Honoris Causa, kuchin-os@rambler.ru

Kuchina Yaroslava O. – Kandidatin für Rechtswissenschaften, Dozentin, LL.M., Doktorandin an der Universität von Macau (Macau, China), yakuchina@gmail.com

Lebedev Maksim V. – Analyst des Lehrstuhls für Nationale Sicherheit an der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas, 3g4g@mail.ru

Lebedkina Alena M. – Studentin an der O.E. Kutafin Moskauer Staatlichen Juristischen Universität, lebedkina_2001@mail.ru

Minyushkina Anastasia R. – Studentin der O.E. Kutafin Moskauer Staatlichen Juristischen Universität, anastasiaminy@mail.ru

Musaev Sajd-Magomed I. – Assistent am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie Tschetschenische Staatliche Universität, www.saidmusaev999@mail.ru

Ruehe Luca Sophie – Studentin im 6. Fachsemester an der Juristischen Fakultät der Universität Potsdam, lucaruehe@web.de

Saidov Saurbek A. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor am Lehrstuhl für Theorie und Geschichte des Staates und des Rechts an der Tschetschenischen Staatlichen Universität, z.saidov@chesu.ru

Salamova Sebila Ya. – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin des Lehrstuhls für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL), Leiter des MSAL Moskauer kriminologischen Raum, sebila@mail.ru

Sargsyan Adelina A. – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Lehrerin am Lehrstuhl für Strafrecht und Strafprozessrecht der Russisch-Armenische Universität, adelina-sargsyan@mail.ru

Serebrennikova Anna V. – Professorin des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie an der Moskauer Staatlichen Lomonossow Universität, serebranna@hotmail.com

Tikhonov Roman I. – der 1. Jahr Studentin am Institut für Völkerrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL), igotmail2013@gmail.com

Torak Iryna – Studentin im 9. Fachsemester an der Juristischen Fakultät der Universität Potsdam, torak@uni-potsdam.de

Wegemund Cora – Studentin im 6. Fachsemester an der Juristischen Fakultät der Universität Potsdam, cwegemund@uni-potsdam.de

Yakhyayeva Marhat U. – Oberlehrerin am Lehrstuhl für Strafrecht U. und Kriminologie der Tschetschenischen Staatlichen Universität, marhat-95@mail.ru

Yarychev Nasrudi U. – Doktor der Pädagogischen Wissenschaften, Doktor der philosophischen Wissenschaften, Professor am Lehrstuhl für Theorie und Geschichte des Staates und des Rechts an der Tschetschenischen Staatlichen Universität, nasrudiny@mail.ru

Zaytsev Oleg A. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Chefwissenschaftler am Zentrum für Kriminalität, Strafprozessrecht und Gerichtspraxis des Instituts für Gesetzgebung und Rechtsvergleichung bei der Regierung der Russischen Föderation, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Verdienter Mitarbeiter der höheren Berufsbildung der Russischen Föderation, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, crim@izak.ru

Ziegler Helene – 6th Semester Student at the Law Faculty of the University of Potsdam, heleneziegler@web.de

Zhilkin Maxim G. – Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Lehrstuhlleiter für Strafrecht und Kriminologie an der Moskauer Regionalabteilung der Moskauer V.Ya. Kikot-Universität des Innenministeriums Russlands, zmax71@mail.ru

Zimborski Sarah – Studentin im 8. Fachsemester an der Juristischen Fakultät der Universität Potsdam, sarah.zimborski@live.de

ABOUT THE AUTHORS

Aiskhanova Ekaterina S. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Chair of Criminal Law and Criminology of Chechen State University, k-a-2011@mail.ru

Al'hanov Nasrudin M. – Senior Lecturer at the Chair of Criminal Law and Criminology of Chechen State University, n.alkhanov@mail.ru

Asayonok Boris V. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Cycle of Civil Law and Criminal Law disciplines at the Chair of Legal Disciplines of the Faculty of Internal Troops of the Military Academy of the Republic of Belarus, Doctoral Student at the Chair of Criminalistics of the Belarusian State University, boris.asayonok@gmail.com

Belova Valeria A. – 1st year student of the International Law Institute of the O.E. Kutafin the Moscow State Law University, bvaperm@icloud.com

Bidova Bela B. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology at Chechen State University, bela_007@bk.ru

Degterev Andrey A. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Chair of Criminal Law at Astrakhan State University, degterevand@rambler.ru

Ganaeva Esita E. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Chair of Criminal Law and Criminology of Chechen State University, esita4me@mail.ru

Gorbunov Stanislav V. – 1st year student of the International Law Institute of the O.E. Kutafin the Moscow State Law University, gorbunov.stas@list.ru

Goryunov Vitaly S. – Student at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), vgs260601@gmail.com

Kadnikov Nikolay G. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at the Kikot Moscow University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, krim-pravo@yandex.ru

Klebanov Lev R. – Doctor of Legal Sciences, Professor of the Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics at the People's Friendship University of Russia (RUDN), solomon70@bk.ru

Knaisch Lonnecke – 8th Semester Student at the Law Faculty of the University of Potsdam, knaisch@uni-potsdam.de

Kornblum Oliver – 8th Semester Student at the Law Faculty of the University of Potsdam, px-revilo@live.de

Kotova Kseniya A. – Student at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), kseniya.k2001@gmail.com

Kuchin Oleg S. – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Chair of Forensic Examination of the All-Russian State University of Justice (RSUP), Academician of Russian Academy of Natural History, Honored Worker of Science and Technology of Russian Academy of Natural History, Doctor of Science Honoris Causa, kuchin-os@rambler.ru

Kuchina Yaroslava O. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, LL.M., Doctoral Student at the University of Macau (Macau SAR, China), yakuchina@gmail.com

Lebedev Maxim V. – Analyst of the Chair of National Security at the National University of Oil and Gas “Gubkin University”, 3g4g@mail.ru

Lebedkina Alena M. – Student at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), lebedkina_2001@mail.ru

Minyushkina Anastasia R. – Student at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), anastasiامينy@mail.ru

Musaev Sajd-Magomed I. – Assistant to the Chair of Criminal Law and Criminology at Chechen State University, www.saidmusaev999@mail.ru

Ruehe Luca Sophie – 6th Semester Student at the Law Faculty of the University of Potsdam, lucaruehe@web.de

Saidov Zaurbek A. – Doctor of Legal Sciences, Professor of the Chair of State and Law Theory and History at Chechen State University, z.saidov@chesu.ru

Salamova Sebila Ya. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Chair of Criminology and Executive Law Chair at the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of Moscow criminological room at MSAL, sebila@mail.ru

Sargsyan Adelina A. – Candidate of Legal Sciences, Lecturer at the Chair of Criminal Law and Criminal Procedure Law of the Russian-Armenian University, adelina-sargsyan@mail.ru

Serebrennikova Anna V. – Doctor of Legal Sciences, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University, serebranna@hotmail.com

Tikhonov Roman I. – 1st year student of the International Law Institute of the O.E. Kutafin the Moscow State Law University, igotmail2013@gmail.com

Torak Iryna – 9th Semester Student at the Law Faculty of the University of Potsdam, torak@uni-potsdam.de

Wegemund Cora – 6th Semester Student at the Law Faculty of the University of Potsdam, cwegemund@uni-potsdam.de

Yakhyayeva Marhat U. – Senior Lecturer at the Chair of Criminal Law and Criminology of Chechen State University, marhat-95@mail.ru

Yarychev Nasrudi U. – Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Chair of State and Law Theory and History at Chechen State University, nasrudiny@mail.ru

Zaitsev Oleg A. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher at the Center for Criminal Justice, Criminal Procedure Legislation and Judicial Practice of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, crim@izak.ru

Ziegler Helene – 6th Semester Student at the Law Faculty of the University of Potsdam, heleneziegler@web.de

Zhilkin Maxim G. – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Moscow Regional Branch of the Moscow V.Ya. Kikot-University of the Ministry of the Interior of Russia, zmax71@mail.ru

Zimborski Sarah – 8th Semester Student at the Law Faculty of the University of Potsdam, sarah.zimborski@live.de

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER

Technische Maßnahmen zur Verhütung des Verbrechens: ein Konzept, Arte und Subjekte der Verwendung

Klebanov L.R.

Ziel: eine wirksame Kriminalprävention ist nur durch einen integrierten Ansatz möglich. Nach einem Kriterium wie dem Inhalt der Verhütung krimineller Aktivitäten werden Präventionen in rechtliche, ideologische, wirtschaftliche, organisatorische usw. Maßnahmen eingeteilt. Die technische Kriminalprävention sollte besonders erwähnt werden, aber leider wird dieser Art der Prävention in der kriminologischen Literatur nur sehr wenig Aufmerksamkeit geschenkt. Technische Präventionsmaßnahmen sind sehr wirksame Mittel zur Verbrechensbekämpfung, die sich bereits mehrfach bewährt haben. Dieses Problem ist insbesondere im Hinblick auf die Prävention von Opferkriminalität von Bedeutung, da es sich bei den Gruppen des kriminellen Risikos in erster Linie um Erwachsene, ältere Menschen und Frauen handelt. Technische Sicherheitsmaßnahmen verhindern solche Verbrechen, deren Folgen irreparabel und tödlich sein werden. Der Aufsatz enthält die Klassifizierung der technischen Präventionsmaßnahmen durch den Autor. Der Artikel spiegelt auch die Notwendigkeit wider, technische Mittel zur Kriminalprävention einzusetzen, die auf einem interdisziplinären Ansatz beruhen, einschließlich technischer, rechtlicher, medizinischer und anderer Kenntnisse.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Ableitung, formell-rechtliche Methode, systemische Methode, Methode der sektorübergreifenden Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. In der heutigen Zeit, in der die Unterwelt alle tatsächlichen Errungenschaften der Menschheit übernimmt, ist die technische Bekämpfung der Kriminalität oft entscheidend. Alle an der Verbrechensbekämpfung im Allgemeinen und an einzelnen Verbrechengruppen beteiligten Fachkräfte sollten über die erforderlichen Kenntnisse über technische Maßnahmen zur Verbrechensbekämpfung, über Geräte, Mechanismen und Technologien zur Verhütung von Straftaten verfügen. Technische und naturwissenschaftliche Errungenschaften müssen im Bereich der Kriminalprävention genutzt werden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Ergebnisse der Studie können sowohl für Kriminologen, Studenten, Doktoranden und Lehrer an Rechtsuniversitäten und -fakultäten als auch für Praktiker von Strafverfolgungsbehörden, Sicherheitsdiensten und den Kontrolldiensten kommerzieller Organisationen sowie für Bürger aus den so genannt Opfergruppen nützlich sein. Die Ergebnisse dieser Studie können verwendet werden, um einen speziellen Kurs „Technische Maßnahmen zur Verhütung von Kriminalität“ zu erstellen und weitere interdisziplinäre (z. B. gemeinsame kriminologische und kriminalistische) Untersuchungen zu diesem Problem durchzuführen.

Stichwörter: Kriminalität, Kriminalprävention, technische Maßnahmen, Datenbank, Kriminalitätsbekämpfung, Opfergruppe, Bestrafung, Mittel zur Überwachung, Kontrollmittel, Themen der Prävention.

Kriminalisierung von Verbrechen gegen die verfassungsmäßigen Menschenrechte und Bürgerrechte und -freiheiten unter Berücksichtigung der Verbreitung des Gesetzes

Degterev A.A.

Ziel: der Artikel erörtert Fragen, die in direktem Zusammenhang mit der Grundlage der Kriminalisierung (Entkriminalisierung) stehen, in Bezug auf die Normen, die die Verantwortung für die Verletzung politischer, persönlicher und sozioökonomischer Rechte des Menschen und Bürgers vorsehen, die nach Ansicht der meisten Wissenschaftler ihre soziale Gefahr ist. Der Autor des Artikels argumentiert die Position, auf deren Grundlage die Verbreitung bestimmter Verbrechen gegen die verfassungsmäßigen Rechte und Freiheiten des Menschen und Bürgers kein eigenständiges Merkmal sein kann, das gleichermaßen mit der öffentlichen Gefahr bei der Kriminalisierung (Entkriminalisierung) von Handlungen berücksichtigt wird, ist aber nur ein optionales Merkmal der öffentlichen Gefahr von Straftaten. Jedes separat aufgenommene Verbrechen gegen die verfassungsmäßigen Rechte und Freiheiten des Menschen und Bürgers als Phänomen beinhaltet ein gewisses Maß an öffentlicher Gefahr, um nicht auf seine Verbreitung zurückzugreifen, die die gesellschaftliche Gefahr solcher Handlungen kennzeichnet. Dies wird insbesondere durch die Sanktionen der Artikel angezeigt, die die Haftung für diese Handlungen vorsehen, und sie spiegeln, wie Sie wissen, die typische Gefahr eines Verbrechens wider.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Ableitung, formale Rechtsmethode, systemische Methode, Methode der sektorübergreifenden Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Die Verbreitung einer Handlung in Bezug auf die Normen, die die Haftung für Verbrechen gegen die verfassungsmäßigen Menschenrechte und Bürgerrechte und -freiheiten vorsehen, kann nicht in die Grundlage der Kriminalisierung einbezogen werden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Verbreitung einer Handlung in Bezug auf die Normen, die eine Haftung für Verstöße gegen die Legitimitätsbedingungen oder die Legitimität der Behörden vorsehen, kann nicht in die Grundlage der Kriminalisierung einbezogen werden. Aus praktischer Sicht sollte die Beseitigung dieser Mängel dazu dienen, die ordnungsgemäße Anwendung der einschlägigen Normen für Wahlverbrechen im Strafrecht zu erleichtern.

Stichwörter: soziale Konditionierung, Kriminalisierung von Handlungen, politisches System, Legitimität der Macht, Grundlage der Kriminalisierung, Bedingungen der Legitimität, Verbreitung von Handlungen, soziale Gefahr, Terror der Macht.

Zur Frage der Initiative des Obersten Gerichtshofs der Russischen Föderation zur Einführung der Kategorie von strafrechtlichen Vergehen in das Strafgesetzbuch der Russischen Föderation

Kadnikov N.G.

Ziel: den Gesetzentwurf, der an die Staatsduma der Russischen Föderation durch das Oberste Gericht der Russischen Föderation über die Einführung der Kategorie von strafrechtlichen Vergehen in das Strafgesetzbuch der Russischen Föderation gerichtet wurde, zu analysieren, um die Bedeutung solcher Handlungen für die Umsetzung der modernen Strafpolitik zu bestimmen.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Abzug, formell-rechtliche Methode, Methode der branchenübergreifenden Rechtsforschung, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Die Vorschläge des Obersten Gerichtshofs der Russischen Föderation sind wichtig für die moderne Strafpolitik, da die Einführung der Kategorie von strafrechtlichen Vergehen es ermöglichen wird, über die Fortsetzung der Humanisierung des Strafrechts zu sprechen. Dieses Angebot macht das Oberste Gericht der Russischen Föderation nicht zum ersten Mal, aber es wird nicht von der Regierung gehalten. Dennoch gibt es positive Erfahrungen mit einer ähnlichen Änderung des Strafrechts, die mit der Verabschiedung des neuen Strafgesetzbuches im Jahr 2014 in der Republik Kasachstan verbunden ist, wo im Institut für die Kategorisierung von Verbrechen die Kategorie von strafrechtlichen Vergehen von großer Bedeutung ist. Die Einführung einer Kategorie von strafrechtlichen Vergehen ist wichtig, vor allem in einer Zeit, in der der Staat der Gesellschaft, den Bürgern neben harten Maßnahmen gegen Gruppenübertretungen und Unruhen, humanistischen Beginn der Strafpolitik gegen Personen, die für kleine bis mittelschwere Verbrechen verantwortlich sind, anbieten muss. Es sollte mit den Autoren des Gesetzentwurfs darin übereinstimmen, dass das strafrechtliche Vergehen einerseits alle Zeichen des Verbrechens, einschließlich sozial gefährlich, hat und andererseits dadurch gekennzeichnet ist, dass seine Gefahr für die Gesellschaft minimal ist, sowie die Gefahr der Person, die es begangen hat, die es erlaubt, andere Maßnahmen des strafrechtlichen Charakters, die keine strafrechtliche Strafe sind, anzuwenden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Aufsatzes besteht in der Notwendigkeit, die positive Rolle des Obersten Gerichtshofs der Russischen Föderation bei der Umsetzung einer präziseren Diffusion der strafrechtlichen Verantwortlichkeit auf der legislativen Ebene zu betonen.

Stichwörter: Kategorisierung von Verbrechen, strafrechtliches Vergehen, Gesetzentwurf, vom Obersten Gericht der Russischen Föderation vorbereitet, Humanisierung der strafrechtlichen Verantwortung.

Neue Strafprozessmechanismen im Bereich der unternehmerischen und anderen wirtschaftlichen Aktivitäten

Zaytsev O.A.

Ziel: a) die besondere Rolle der strafprozessrechtlichen Mechanismen bei der Sicherung der Rechte und legitimen Interessen der im Bereich der Strafverfahren beteiligten Unternehmer zu identifizieren; b) die Besonderheiten der Strafprozessordnung, die die einzelnen Regeln für die Untersuchung und das Verfahren der Fälle gegen die Vertreter der Wirtschaft angewendet zu bestimmen; c) die Position der Forscher über die neue Strafprozessordnung Politik im Bereich des Unternehmertums zu reflektieren; d) die Empfehlungen für die weitere Entwicklung der Strafprozessmechanismen für die Fälle der betreffenden Kategorie von Straftaten zu begründen.

Methodologie: *dialektische Methode der Erkenntnis, allgemeinwissenschaftliche Methoden der Abstraktion, Analyse und Synthese, sowie die speziell-juristische Methoden: historisch-rechtliche, rechtsvergleichende, logisch-juristische und andere.*

Schlussfolgerungen. *Ein einheitlicher Ansatz zur Entwicklung von strafrechtlichen Mitteln und strafprozessrechtlichen Mechanismen, die auf den Schutz der Rechte und Freiheiten der Unternehmer während der Voruntersuchung und des Gerichtsverfahrens von kriminellen Fällen von Wirtschaftsverbrechen abzielen, ist erforderlich. Die Gesetzgebung muss weiter verbessert werden, unter Berücksichtigung der Erfahrungen ausländischer Staaten, die mit der Sicherung der legitimen Interessen der Unternehmen verbunden sind.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Perspektiven der Entwicklung der Strafprozessgesetzgebung, die ein besonderes Verfahren für Gerichtsverfahren gegen Personen, die Geschäftstätigkeit ausüben, vorsieht, werden gezeigt. Aus praktischer Sicht sollte die Verbesserung der strafprozessrechtlichen Mechanismen der Gewährleistung der Rechte und legitimen Interessen der Vertreter der Wirtschaft, die Beseitigung der Möglichkeit der Lösung von Streitigkeiten zwischen den Wirtschaftssubjekten und Druck auf die unternehmerischen Strukturen dienen.*

Stichwörter: *Strafpolitik, wirtschaftliche Sicherheit, Strafprozessrecht, strafprozessuale Mechanismen, unternehmerische Aktivität, Strafverfolgung von Unternehmern.*

Moderne Tendenzen der Bildung des internationalen Terrorismus

Aphanov N.M.

Ziel: *der Prozess der Weltglobalisierung löscht die Grenzen zwischen der Außen- und Innenpolitik der Staaten, zwischen der welt- und nationalen Kultur, führt zu allgemeinen Herausforderungen, die eine von denen eine terroristische Bedrohung ist. Der Terrorismus ist heute zu einem gefährlichen, globalen Phänomen geworden, das die normale Entwicklung der internationalen Beziehungen behindert und die Sicherheit vieler Regionen und ganzer Länder destabilisiert. Der internationale Terrorismus ist eine asymmetrische Antwort auf die Herausforderungen der Globalisierung, die Reaktion der postmodernen „Netzwerk“ – Organisation der Welt auf den Druck der traditionellen „hierarchischen“ Strukturen zur Steuerung der globalen Prozesse.*

Methodologie: *angesichts der komplexen vielschichtigen Charakter Forschungsthemen, bedarf es eines integrierten Ansatzes mit den Erkenntnissen angesammelt, vor allem juristischen, historischen, politischen Wissenschaften. Deshalb spielen historische und historisch-rechtliche Analyse in der Arbeit eine wichtige Rolle. Aber die Hauptrolle spielen die Methoden der induktiven Verallgemeinerungen, rechtsvergleichende Analyse (vor allem in seiner funktionalen Variante), formell-rechtliche Analyse.*

Schlussfolgerungen. *Es wurde festgestellt, dass das Ausfüllen des Begriffs „Terrorismus“ mit bestimmten rechtlichen Inhalten die Einheitlichkeit bei der Bestimmung der wesentlichen Merkmale des Terrorismus, die Schaffung einer theoretischen Grundlage für die Entwicklung wirksamer Mechanismen zur Beseitigung der Ursachen und Bedingungen, die den Terrorismus erzeugen, zur Entwicklung eines optimalen universellen rechtlichen Modells zur Bekämpfung bekannter Erscheinungsformen des Terrorismus fördern wird. Es wird der Konsens über seine grundlegenden rechtlichen Merkmale trotz der bestehenden definitiven unterschiede begründet. Es werden die Zeichen des Terrorismus als ein rechtliches Phänomen.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Es wurde versucht, die völkerrechtliche Problematik der Bekämpfung des Terrorismus zu untersuchen und gewichtete und rechtlich fundierte Schlussfolgerungen über die Besonderheiten des völkerrechtlichen Kampfes gegen den Terrorismus und die Tendenzen seiner Entwicklung zu ziehen. Die theoretischen Merkmale des Komplexes der Völkerrechtsnormen, die den Bereich der Terrorismusbekämpfung (relative Stabilität und Robustheit der inneren Organisation, das Vorhandensein von eigenen Rechtsquellen, das Vorhandensein von gemeinsamen rechtlichen Strukturen, die Fähigkeit der systemischen vielseitigen Verwaltung der internationalen Beziehungen im Zusammenhang mit dem Kampf gegen den Terrorismus.*

Stichwörter: *Globalisierung, Terrorismus, moderner Terrorismus, wichtigsten Trends, terroristische Organisationen, Weltgemeinschaft, Kampf, transnationaler Terrorismus.*

Moderne Ansätze zur Definition des internationalen Terrorismus

Aiskhanova E.S.

Ziel: *angesichts der bestehenden Parameter des internationalen Terrorismus ist es heute ein langfristiger und nachhaltiger Charakter geworden. Die Prozesse der weiteren Entwicklung des internationalen Terrorismus und die ständige Zunahme seiner öffentlichen Gefahr für die ganze Menschheit werden weitgehend von der Möglichkeit der*

Erhaltung und Intensität der Auswirkungen seiner bestehenden Merkmale sowie von dem positiven Potenzial der Weltgemeinschaft abhängig sein, das darauf abzielt, Sie zu minimieren. Dieser Artikel besagt, dass die Wortverbindung „internationaler Terrorismus“ in seiner Allgemeinen Bedeutung als Phänomen im Allgemeinen verwendet wird und um so etwas wie einen separaten terroristischen Akt widerzuspiegeln. Die Autorin versuchte, die Definition dieses Konzepts zu formulieren, da das Phänomen, der Terrorismus, sehr unterschiedlich ist und sich auf unterschiedliche Weise manifestiert. Das Ziel dieser Arbeit ist die Definition des internationalen Terrorismus.

Methodologie: als zugrundeliegende Techniken verwendet wurden, die folgenden: die Methode der Systematisierung, die geholfen haben, betrachten den Terrorismus als Phänomen; vergleichende-historische Methode, um zu analysieren das Phänomen des Terrorismus, in Anbetracht der historische Kontext; компаративный Methode, die ist im Vergleich und die Gegenüberstellung verschiedener Perspektiven auf dem untersuchten Problem; Inhaltsanalyse von Veröffentlichungen zum Thema; eine Situationsanalyse. Es wurden auch allgemeinwissenschaftliche theoretische Methoden verwendet: die Methode der Auswahl, Verallgemeinerung, Synthese, Analyse und Bewertung des wissenschaftlichen Materials.

Schlussfolgerungen. Der internationale Terrorismus ist der Zwang von Einzelpersonen oder Kollektive, so zu handeln, um die Politik der terroristischen Gewalt zu gewährleisten. Der Zwang ist dadurch gekennzeichnet, dass er einen internationalen Faktor beinhaltet oder gegen Objekte gerichtet ist, die unter internationalem Schutz stehen; und dass der Zwang durchgeführt wird, um eine bestimmte Wirkung durch Gewalt zu erzielen. Ein solcher Algorithmus hat in seiner Struktur eine internationale Komponente, wenn der Terrorist oder sein Opfer Bürger verschiedener Länder sind oder die vollständige (teilweise) Ausführung von Terrorakten nicht in einem, sondern in mehr als einem Land stattfindet. Unserer Meinung nach spiegelt diese Definition nur eine begrenzte Anzahl von kriminellen terroristischen Handlungen wider. Zum Beispiel werden Objekte, die unter internationalem Schutz stehen, in einer ziemlich vagen und selektiven Form gezeigt. Diese Definition vermittelt nicht die Bedeutung des Terrorismus in dem Teil seiner Eigenschaften, der mit der Schaffung einer Atmosphäre der Angst verbunden ist, um ein kriminelles Ziel zu erreichen. Darüber hinaus verwendet die Definition das Wort „Terrorismuspolitik“, dessen Interpretation aufgrund der fehlenden Interpretation des Wortes „Terrorismus“ fehlt. Aber es muss immer noch gesagt werden, dass diese Definition auch ihre positiven Seiten hat. Darin in ziemlich komprimierter Form zeigen konnte solche schweren Bestandteile des internationalen Terrorismus, als das Wesen Straftaten (Zwang, auf eine bestimmte Weise zu handeln), das Objekt des Eingriffs (Objekte, die unter internationalen Schutz stehen), das Ziel des kriminellen Verhaltens (Transformation oder Stärkung des politischen, sozialen, wirtschaftlichen Charakters oder der Strategie des Landes (eines bestimmten Gebiets)).

Im Rahmen der theoretischen Voraussetzungen für den Kampf gegen den internationalen Terrorismus ist es wichtig, die Aufmerksamkeit auf die Bewertung zu richten, inwieweit die Politik und Strategie zur Bekämpfung des Terrorismus im System der internationalen Beziehungen in der Lage sind, die operativen und strategischen Fähigkeiten von Terroristen aufzudecken.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Ergebnisse der Studie können zur Lösung theoretischer und praktischer Probleme bei der Bekämpfung des internationalen Terrorismus als kriminelle Handlung und zur Schaffung einer rechtlichen Definition des internationalen Terrorismus und seiner Zusammensetzung als internationales Verbrechen verwendet werden, was angesichts der Ausarbeitung eines Umfassenden Übereinkommens über den internationalen Terrorismus besonders relevant ist.

Stichwörter: internationales Verbrechen, Terrorismus, Terrorakt, internationaler Terrorismus, politische Gewalt.

Die Rolle des Rechts bei der Bildung des Systems der Rechtssicherung der nationalen Interessen

Bidova B.B.

Ziel: Analyse des Wesens, der Spezifität sowie der praktischen und wissenschaftlichen Bedeutung der Wahrung nationaler Interessen. Die Erklärung wird begründet, dass eine der Hauptfunktionen des Staates die Umsetzung einer Reihe von Aufgaben im Zusammenhang mit der Entwicklung nationaler Interessen, der Auswahl von Programmen und Maßnahmen für ihre Umsetzung sowie ihrer rechtlichen Konsolidierung ist. Darüber hinaus sind diese Aspekte der Aktivitäten des Staates von großer Bedeutung für die Verhinderung sozialer Kataklysmen, die der ganzen Welt schaden können.

Methodologie: bei der Lösung der zugewiesenen Aufgaben stützte sich die Autorin auf moderne Erkenntnismethoden, die von der Philosophie identifiziert und entwickelt und von der Rechtspraxis geprüft wurden. Die Forschung basiert auf den Prinzipien der Erkenntnis sozialer Phänomene, die es ermöglichen, die Beziehung zwischen Theorie und Praxis, Form und Inhalt des Forschungsthemas, den Entwicklungsprozess und qualitative Veränderungen der betrachteten Phänomene widerzuspiegeln. Im Verlauf der Studie wurden spezielle rechtliche Erkenntnismethoden

bevorzugt, unter denen die Methoden der vergleichenden Rechtsanalyse, der theoretischen Rechtsmodellierung, der Rechtsdiagnostik, der Interpretation von rechtstexten und der Rechtsstatistik unterschieden werden sollten.

Schlussfolgerungen. Die Autorin schlägt ihr eigenes Paradigma nationaler Interessen vor, definiert die Hauptrichtungen ihrer Summierung und Bestimmung des Orts und der Rolle sowie die Hauptmerkmale.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Tatsache, dass eine konsistente Analyse der Probleme im Bereich der Gewährleistung nationaler Interessen die theoretischen und inhaltlichen sowie technischen und rechtlichen Aspekte von regulierungs- und Schutzmaßnahmen erheblich beeinflussen kann, stellt eine engere Verbindung zwischen den grundlegenden Elementen der Rechtssystem Russlands, einschließlich Elemente des Mechanismus zur Gewährleistung der nationalen Sicherheit. Dies wiederum wird die Stabilität des russischen Staates bewahren und Bedingungen für seine fortschreitende Entwicklung schaffen. Darüber hinaus bestimmt die Komplexität die Bedeutung der Forschungsergebnisse für die Rechtsphilosophie und -soziologie, das Verfassungs-, Verwaltungs-, Strafrecht sowie eine Reihe anderer Industrie- und angewandter Rechtswissenschaften.

Stichwörter: nationale Interessen, theoretischer und methodischer Ansatz, System der rechtlichen Unterstützung nationaler Interessen, Recht, rechtlicher Umsetzungsmechanismus.

Die wichtigsten Determinanten der extremistischen Verbrechen

Ganaeva E.E.

Ziel: die Analyse des Extremismus-Phänomens und die Entwicklung der Instrumente seiner Prävention im Hinblick auf die Errungenschaften der modernen strafrechtlichen, kriminologischen und Strafvollzugsdoktrin, um wirksame Gegenmaßnahmen zu bilden, die seiner öffentlichen Gefahr angemessen sind. Analyse der kriminologischen Eigenschaften von extremistischen Verbrechen, Bestimmung der wichtigsten Determinanten der analysierten Gruppe von Verbrechen.

Methodologie: die methodologische Grundlage der Studie bildet die allgemeine Methode der dialektischen Kognition, die es ermöglicht, die Probleme der rechtlichen Bewertung der Determinanten von extremistischen Verbrechen objektiv und umfassend zu betrachten. Als spezielle Methoden der Forschung werden verschiedene wissenschaftliche Instrumente verwendet, einschließlich Methoden der Analyse, Synthese, sowie logisch-rechtliche (dogmatische), rechtsvergleichende, historisch-rechtliche, konkret-soziologische Methoden.

Schlussfolgerungen. Wenn man die Ursachen des modernen Extremismus und seiner bestehenden Formen betrachtet, muss man bemerken, dass die Hervorhebung nur einer seiner Ursache objektiv unmöglich ist. Die wichtigsten Ursachen für das untersuchte Phänomen sind keine Widersprüche der Religionen, Nationen, Rassen oder politischen Anschauungen, die nur als Vorwand oder Instrument des Kampfes handeln. Und die wahre Ursache dafür sind soziale Spannungen innerhalb der Gesellschaft, die als Folge der politischen und sozialwirtschaftlichen Reformen und Krisen auftreten und durch die spezifische geopolitische Lage und die polyethnische Zusammensetzung der Bevölkerung Russlands verstärkt sind. Die Ursachen aller heute existierenden Arten von Extremismus sind miteinander verbunden und verstärken in einigen Fällen ihre Wirkung.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Ergebnisse des Aufsatzes stellen das Ergebnis der strafrechtlichen und kriminologischen Analyse von extremistischen Verbrechen dar. Sie sind auch auf die Schaffung eines wirksamen Mechanismus zur Bekämpfung des Extremismus im Rahmen der Systematisierung und Vereinheitlichung der modernen antiextremistischen Gesetzgebung ausgerichtet.

Stichwörter: Extremismus, extremistische Aktivitäten, Verbrechen, Determinante, Prävention, destruktive Folgen, extremistische Verbrechen.

Organisatorische und rechtliche Grundlagen der nationalen Sicherheit des modernen Russland

Musaev S.-M.I.

Ziel: im modernen Russland ist das Problem der nationalen Sicherheit und des Mechanismus ihrer Versorgung unter den Bedingungen der Reform aller Bereiche der Staatstätigkeit von großer Wichtigkeit. Die schwierige internationale Lage Russlands, die Verbreitung des internationalen Terrorismus, die Verschärfung der Bedrohungen für die Interessen der Bürger, der Gesellschaft und des Staates erfordern die Entwicklung wirksamer Maßnahmen, die auf die Gewährleistung der nationalen Sicherheit abzielen. Eine wichtige Rolle spielt dabei auch die Rechtswissenschaft, die nicht nur zur Erhöhung des fachlichen Wissens über dieses Problem beiträgt, sondern auch zur Ausarbeitung der notwendigen Maßnahmen zur Konsolidierung des Rechtsraums, zur Verbesserung der rechtlichen Mittel zum Schutz der Souveränität, zur Einhaltung nationaler Interessen und zur Verhinderung von Bedrohungen der nationalen Sicherheit unseres Staates. Fragen der Theorie und Praxis im Zusammenhang mit der nationalen Sicherheit erfordern

einen systematischen und integrierten Ansatz, der sowohl die theoretische Forschung als auch die Errungenschaften der sektoralen Wissenschaften sowie die Bedürfnisse der Praxis im Interesse der Sicherheit des Individuums, der Gesellschaft und des Staats umfasst. Sie gewinnen zusätzliche Relevanz im Zusammenhang mit der Zunahme und Veränderung der Arten von Sicherheit im allgemeinen, die Entstehung neuer Bedrohungen und Herausforderungen, dynamische Veränderungen im globalen geopolitischen Raum.

Methodologie: umfasst zwei Gruppen von Methoden: allgemeinwissenschaftliche und speziell-rechtliche. Allgemeinwissenschaftliche Methoden sind: methoden der empirischen Forschung (Beobachtung, Vergleich, Beschreibung, etc.); Methoden der theoretischen Studie (Formalisierung, axiomatische Methode, hypothetisch Methode, Deduktion etc.); allgemeinlogische Methoden (Analyse, Synthese, Analogie, Simulation, etc.). Speziell-rechtliche Methoden umfassen formell-rechtliche, rechtsvergleichende und eine Methode der Auslegung von Rechtsnormen.

Schlussfolgerungen. Nach den Ergebnissen der Untersuchung der wichtigsten doktrinären Ansätze zur Determination des Begriffes, der Essenz und des Inhaltes der nationalen Sicherheit sollten geschlossen werden, dass dieses Konzept das wichtigste im rechts System Russlands ist. Die Erreichung des Staats der nationalen Sicherheit, der das Hauptziel und das Wesen der Tätigkeit der angemessenen staatlichen Struktur ist, bestimmt die Schlüsselrichtungen der Lebenstätigkeit des Staats in der Innen- und Außenpolitik.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Aufgrund der Tatsache, dass es eine Studie der organisatorischen und rechtlichen Grundlagen des Wesens und Inhaltes der nationalen Sicherheit und des Mechanismus für ihre Sicherung im modernen Russland ist, können die Ergebnisse und Verallgemeinerungen in der Arbeit als methodische Grundlage für die weitere Untersuchung der Probleme der nationalen Sicherheit im allgemeinen, ihres Wesens, ihres Inhaltes, sowie des Mechanismus für ihre Sicherung und Verbesserung ihrer Wirksamkeit dienen. die praktische Bedeutung durch ihre Relevanz, der Möglichkeit der Nutzung der Erkenntnisse und Vorschläge zur Verbesserung der konzeptionellen Ansätze für die Gewährleistung der nationalen Sicherheit Russlands, sondern auch in Gesetzgebung und Rechtspraxis.

Stichwörter: Gesellschaft, Gefahr, Sicherheitsgrundlagen, nationale Interessen, Sicherheit, nationale Sicherheit, Sicherung der nationalen Sicherheit.

Die Fragen der nationalen Sicherheit Russlands in den Aspekten der Lösung der Migrationsprobleme

Yarychev N. U., Saidov S. A.

Ziel: in der heutigen Zeit wird die Bevölkerungsmigration zunehmend zum Schwerpunkt vieler Länder. Je nach Umfang und den Gründen, die einen Teil der Bevölkerung dazu veranlassen oder zwingen, ihre vertraute Umgebung zu verlassen, kann Migration eine ernsthafte Bedrohung für die nationale Sicherheit eines Landes darstellen. Der Aufsatz deckt die Probleme auf, die durch globale Bevölkerungsbewegungen verursacht werden. das Migrationsproblem, mit dem die Länder der Europäischen Union konfrontiert sind, wird untersucht. die Auswirkungen der unkontrollierten Migration auf das Gastland werden als das dringendste Problem in vielen Ländern, die Anziehungszentren für Migranten sind, dargestellt. Die aktuelle Migrationssituation in der Russischen Föderation spiegelt sich wider. Maßnahmen zur Verbesserung der Migrationspolitik des Landes werden angeboten. Anstieg der illegalen Migration in den letzten zehn Jahren schafft eine ernsthafte Bedrohung für die nationale Sicherheit, erfordert einen umfassenden Ansatz zur Lösung des Problems der Migrationsflüsse, Kohärenz der nationalen Volkswirtschaften unter Berücksichtigung ihrer Interessen, Suche nach neuen Möglichkeiten, Lösungen für auftretende Probleme im Zusammenhang mit der Umsiedelung von Migranten, sowohl auf nationaler als auch europäischer Ebene. Ziel dieser Studie ist es, die wichtigsten Bedrohungen aus dem Ausmaß der Migrationsprozesse zu analysieren und zu identifizieren, deren Auswirkungen auf das wirtschaftliche und politische Leben des Landes eine Verbesserung der Migrationspolitik des Landes unter Berücksichtigung der Herausforderungen der Zeit erfordert.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Abzug, formell-rechtliche Methode, systemische Methode, Methode der branchenübergreifenden Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Die Strategie der Umsetzung der nationalen Sicherheit Russlands auf dem Gebiet der Verwaltung der Migrationsprozesse sollte auf die Regulierung des Zustromes der Menschen in sie, ausgehend von ihrer Qualifikation, finanziellen und anderen Möglichkeiten der Beschäftigung mit dem Unternehmertum und von den spezifischen Bedürfnissen der Gebiete des Landes, in die sie ankommen, ausgerichtet sein.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Angesichts der zunehmenden äußeren Bedrohungen stellt unkontrollierte Migration eine ernsthafte Gefahr für das gegenwärtige Russland dar. Heute werden die zuvor festgelegten Regeln für die Verlagerung von Arbeitskräften in die Weltwirtschaft ernsthaft verletzt. Andererseits ist der Migrationszustrom angesichts der ungünstigen demografischen Lage und des systematischen Rückganges der erwerbsfähigen Bevölkerung ein bedeutender Faktor für die Kompensation des natürlichen Bevölkerungsrückgangs.

Daher ist eine durchdachte Strategie der Migrationspolitik der Russischen Föderation unter Berücksichtigung der gegebenen Realitäten notwendig. Die Schlussfolgerungen und Vorschläge sollten aus praktischer Sicht dazu dienen, Bedrohungen durch die Migration der nationalen Sicherheit und der nationalen Interessen des Staates zu beseitigen.

Stichwörter: Migration, Ursachen der Migration, illegale Migration, Migrationsprozesse, Bedrohungen, nationale Sicherheit, nationale Interessen.

Die wichtigsten Faktoren, die die Legalisierung (Geldwäsche) von Geldmitteln oder anderen Vermögenswerten determinieren

Yakhyayeva M.U.

Ziel: die Legalisierung (Geldwäsche) hat sich in den letzten Jahren zu einem der vorrangigen Probleme sowohl auf innerstaatlicher als auch auf internationaler Ebene entwickelt. Dies wird durch die Tatsache erklärt, dass das Verfahren der Legalisierung von Geldmitteln (Geldwäsche) ist typisch für die meisten Formen der organisierten Kriminalität, die den Prozess der wirtschaftlichen Entscheidungen bricht, untergräbt die Tätigkeit der Finanzinstitute, verschärft soziale Probleme und fördert auch Korruption Manifestationen. Die theoretischen und angewandten Grundlagen der Verwendung von strafrechtlichen und Kriminologischen Maßnahmen zur Bekämpfung der Legalisierung (Geldwäsche) von Geldmitteln oder anderen Vermögenswerten werden erforscht, sowie einige Empfehlungen für die Verbesserung der Strafgesetzgebung, die Praxis ihrer Anwendung und das System der Maßnahmen zur Verhinderung der betreffenden Art von Verbrechen werden gemacht.

Methodologie beinhaltet die Anwendung von allgemeinwissenschaftlichen Methoden der Erkenntnis – logisch und historisch. In der Studie wurden auch spezielle Methoden der Erkenntnis der sozial-rechtlichen Realität verwendet: formal-logische, rechtsvergleichende Methoden, Synthese, Analyse und andere.

Schlussfolgerungen. In der Arbeit werden auf neue Weise kriminellen und kriminologischen Eigenschaften von Verbrechen im Bereich der Legalisierung (Geldwäsche) von Geldmitteln oder anderen Vermögenswerten, die durch ein kriminelles Mittel erworben wurden, aufgedeckt; die Autorin charakterisiert den kausalen Komplex dieses Verbrechens und identifiziert Determinanten der Legalisierung (Geldwäsche) von Geldmitteln oder anderen Vermögenswerten: sozioökonomische; organisatorisch-management; gesetzgebende Unsicherheit des legalen Unternehmertums; Inkonsistenz der Normen der verschiedenen Rechtszweige im Bereich der Bekämpfung der Legalisierung (Geldwäsche) von Geldmitteln oder anderen Vermögenswerten.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Ergebnisse füllen die Lücken im System der theoretischen Grundlagen der Bekämpfung von Verbrechen im Bereich Legalisierung (Geldwäsche) von Geldmitteln oder anderen Vermögenswerten mit strafrechtlichen und kriminologischen Mitteln unter den neuen Bedingungen der russischen Gesellschaft. So leisten sie einen bestimmten Beitrag zur Entwicklung der Wissenschaft des Strafrechts und der Kriminologie.

Stichwörter: Kriminalität, Korruption, Legalisierung (Geldwäsche), Gegenwirkung, Determinanten, Identität des Täters.

Wissenschaftliche und theoretische Grundlagen der forensischen Ausbildung, um den Verwaltungsprozess in der Republik Belarus zu sichern

Asayonok B.V.

Ziel ist die Bildung der wissenschaftlichen und theoretischen Grundlagen des Systems der forensischen Ausbildung in Bezug auf die Themen des Verwaltungsprozesses.

Methodologie: dialektischer Materialismus, Systemaktivitätsansatz, forensische Analyse, forensische Klassifikation.

Schlussfolgerungen. Traditionelle Ansätze zur forensischen Ausbildung und die Bildung von forensischem Denken im Mainstream des untersuchten Fachs sind nur in der ersten Phase der Hochschulbildung und in der Umschulung angemessen. Eine besondere Rolle bei der Erlangung forensischer Kompetenzen für die Themen des Verwaltungsprozesses liegt in der beruflichen Entwicklung, der beruflichen Ausbildung und der Festlegung von Abteilungsregeln.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Autor analysierte die bestehenden Ansichten zur forensischen Ausbildung unter dem Gesichtspunkt ihrer Anwendbarkeit auf die Themen des Verwaltungsprozesses, entwickelte Empfehlungen zur Bildung eines forensischen Ausbildungssystems in diesem Bereich und schlug verschiedene Ebenen der forensischen Ausbildung in Bezug auf das Professiogramm dieser Themen vor.

Stichwörter: Verwaltungsprozess, Verwaltungstätigkeit, forensische Unterstützung; forensische Ausbildung, forensische Didaktik, Bildungsniveau, Fortbildung, offizielle Ausbildung, lokale Regelsetzung, Professiogrammausbildung.

Retrospektiv-perspektivische Analyse über die Definition „digitale Forensik“

Kuchin O.S., Kuchina Ya.O.

Ziel: den Entstehungstrend in der Wissenschaft der Forensik zu vergleichen und zu analysieren und zu beweisen, dass dieser Trend inkorrekt ist.

Methodologie: Induktion, Abzug, Synthese, Analyse, formell-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode, logische Methode.

Schlussfolgernder. Die Entwicklung von Methoden zur Begehung von Verbrechen und Tatwaffen erfordert nicht immer die Entwicklung der forensischen Wissenschaft und die Entstehung ihrer Varianten. Man muss einfach die Perspektiven der Extrapolation der Methoden und Techniken zur Beweismittel der Umstände der Begehung von Verbrechen im Zeitalter der Digitalisierung der öffentlichen Beziehungen aus der Sicht der Bestimmungen der modernen Forensik und des gesamten kriminellen wissenschaftlichen Blocks bewerten. Es sollte nur über die forensische oder Expertenforschung von digitalen (elektronischen oder Computer-) Medien gesprochen werden. In der Forensik ist es logisch, eine neue Richtung zu entwickeln – forensische Forschung von elektronischen Medien digitaler Informationen und die Nutzung der Möglichkeiten von Computer-Untersuchungen bei der Feststellung aller Umstände des begangenen Verbrechens. Die traditionelle forensische Methodik sollte hier angewendet werden, um den elektronischen Datenträger digitaler Informationen und die digitalen Informationen selbst an ein bestimmtes Verbrechen oder an eine bestimmte Person zu „binden“.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Studie zielt darauf ab, die forensische Theorie und Praxis in Richtung der Untersuchung bestimmter Objekte zu orientieren und trägt dazu bei, dass alle diese Studien später für die Praxis der Untersuchung von Verbrechen und nicht nur für theoretische Zwecke anwendbar sind.

Stichwörter: Forensik, digitale Medien für digitale Informationen, Informatik, Elektronik, Neuronetzwerk, Ermittler, Ermittlung.

Einige Probleme der gesetzlichen Regelung des betrunkenen Zustandes im System der Normen der Allgemeinen und Speziellen Teile des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation und der Republik Armenien

Sargsyan A.A.

Ziel: Analyse der legislativen Vorschriften über die strafrechtliche Verantwortlichkeit der Täter einer Straftat im Zustand der Trunkenheit, und entwickeln eine Reihe von Vorschlägen und Empfehlungen zur Verbesserung der Regeln der Allgemeiner und Besonderer Teil in diesem Bereich.

Methodologie: Abzug, formell-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Selbst ein Verbrechen im Zustand der Trunkenheit sollte nicht automatisch als erschwerend anerkannt werden, da die Trunkenheit eine zufällige Episode im Leben der Person, untypischer Zustand für die Person, sein kann. Daher ist es notwendig, detaillierte Regelung und Manifestation eines differenzierten Ansatzes zu verschiedenen Fällen der Begehung eines Verbrechens im Zustand der Trunkenheit. Gemäß Art. 23 Das Strafgesetzbuch der Russischen Föderation „eine Person, die ein Verbrechen im Rauschzustand begeht, der durch den Konsum von Alkohol, Drogen oder anderen Betäubungsmitteln verursacht wird, unterliegt der strafrechtlichen Verantwortung“, und nach Art. 27 des Strafgesetzbuches der Republik Armenien „eine Person, die ein Verbrechen im Rauschzustand begeht, der durch den Konsum von Alkohol, Drogen oder anderen Betäubungsmitteln verursacht wird, ist nicht von der strafrechtlichen Verantwortung befreit“. Es sollte angemerkt werden, dass weder das Strafgesetzbuch der Republik Armenien noch das Strafgesetzbuch der Russischen Föderation eine rechtliche Bestimmung des Zustandes der Trunkenheit vorsehen, was wiederum Schwierigkeiten in der Rechtsanwendungspraxis schafft. Zahlreiche Fragen entstehen bei der Regulierung der strafrechtlichen Verantwortlichkeit von Personen, die Verkehrsverbrechen im Zustand der Trunkenheit begangen haben. Der Aufsatz führt eine rechtsvergleichende Analyse der Strafgesetzbücher der Russischen Föderation, der Republik Armenien und einiger anderer Länder durch und enthält fundierte Empfehlungen zur Verbesserung der Gesetzgebung in dem betreffenden Bereich. Der Aufsatz enthält wissenschaftlich fundierte Empfehlungen zur Verbesserung der aktuellen Gesetzgebung und der Praxis von ihrer Anwendung in Bezug auf die Frage der strafrechtlichen Verantwortlichkeit der Täter eines Verbrechens im Zustand der Trunkenheit.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Ergebnisse der Studie können dazu beitragen, Lücken zu schließen, Mängel in der gesetzlichen Regelung von Fragen der strafrechtlichen Verantwortlichkeit von Personen im Zustand der Trunkenheit zu beheben, sowie ihre Rechtsanwendungspraxis zu verbessern.

Stichwörter: *Alkoholvergiftung, Schuldunfähigkeit, Fahrzeug, freiwillige und unfreiwillige Betrunkenheit, administratives Präjudiz; strafrechtliche Haftung, erschwerender Umstand, psychische Störung, mildernde Umstände, doppelte Prävention.*

Zur Frage der strafrechtlichen Verantwortlichkeit fürs unvollendete illegale Unternehmertum

Zhilkin M.G.

Ziel: *der Zweck des Aufsatzes ist es, das Problem der strafrechtlichen Verantwortlichkeit von nicht unvollendetem ungesetzlichen Unternehmertum auf der Grundlage der Erzielung von hohem (besonders hohem) Einkommen zu lösen.*

Methodologie: *die Forschung umfasst dialektische, logische, vergleichende Methoden, die Methode der interdisziplinären Rechtsforschung und die Methode der Systemanalyse.*

Schlussfolgerungen. *Wenn bei der Untersuchung des Falls nicht festgestellt wird, dass die Person beabsichtigt, von ihren illegalen Aktivitäten einen Gewinn zu erzielen, um Arbeiten auszuführen, Eigentum zu nutzen, Waren zu verkaufen, Dienstleistungen zu erbringen oder einen Gewinn aus einer einmaligen Transaktion zu erzielen, dann gibt es keine Gründe für eine administrative oder strafrechtliche Verantwortlichkeit. Wenn eine Person beabsichtigt, illegal einen Gewinn zu erzielen, deren geschätzte Größe jedoch nicht angegeben werden kann, oder wenn die Person tatsächlich einen Gewinn in Höhe von weniger als 2,25 Millionen Rubel erzielt hat und keine Daten über den Erhalt eines angemessenen Einkommens in der Zukunft vorliegen, dann Haftung für eine Ordnungswidrigkeit nach Artikel 14.1 des Verwaltungsgesetzbuches der Russischen Föderation gilt. Wenn eine direkte konkrete Absicht einer Person begründet ist, Einkünfte aus illegaler unternehmerischer Tätigkeit in Höhe von mehr als 2,25 Millionen Rubel zu erhalten, gibt es dokumentierte Informationen über den ordnungsgemäßen Erhalt dieser Einkünfte, die jedoch aufgrund von Umständen, die außerhalb der Kontrolle von liegen, nicht eingehen die Person, dann gibt es Gründe für die strafrechtliche Verantwortlichkeit fürs versuchten illegalen Unternehmertum nach Artikel 171 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation. Das Zeichen, Bürgern, Organisationen oder dem Staat durch illegales Unternehmertum großen und besonders großen Schaden zuzufügen, sollte aus Artikel 171 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation ausgeschlossen werden.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Der Aufsatz versucht, eine wissenschaftliche Diskussion über die Möglichkeit zu lösen, das Stadium eines unvollendeten Verbrechens in illegalen Geschäften zu identifizieren, das darauf abzielt, ein hohes (besonders hohes) Einkommen zu erzielen. Es werden praktische Empfehlungen zur Qualifizierung des illegalen Unternehmertums gegeben, die nicht zur Erzielung eines hohen (besonders hohen) Einkommens geführt haben. Ein Vorschlag über den Ausschluss der Zeichen der Verursachung von schweren Schäden aus der Zahl der kriminellen Zeichen als Teil des Verbrechens in Artikel 171 des Strafgesetzbuches werden vorgesehen.*

Stichwörter: *Ordnungswidrigkeit, Einkommen, illegales Unternehmertum, unvollendetes Verbrechen, versuchter Verbrechen, Vorbereitung auf ein Verbrechen, Arbitrage-Praxis, strafrechtliche Verantwortlichkeit, Beschädigung.*

Künstliche Intelligenz: Regulierungsprobleme im Strafrecht der Russischen Föderation

Lebedev M.V., Serebrennikova A.V.

Ziel dieses Aufsatzes ist es, die Frage der Anwendung der strafrechtlichen Normen im Bereich der Regulierung künstlicher Intelligenz zu untersuchen. Insbesondere stellen die Autoren einige Tendenzen fest, die von Forschern auf diesem Gebiet skizziert und umgesetzt wurden. Das Material konzentriert sich auf die Komplexität jener Momente, die der Gesetzgeber bei der Bestimmung der Rechtspersönlichkeit im Bereich des Strafrechts berücksichtigt.

Methodologie: *für die Zwecke dieses Aufsatzes verwendeten die Autoren die allgemeinen wissenschaftlichen Methoden der Analyse, Synthese, Induktion, Deduktion, sowie die privatwissenschaftlichen, formell-rechtliche und dialektische, Methoden.*

Schlussfolgerungen. *Als Ergebnis der Studie kommen die Autoren zu dem Schluss, dass der Gesetzgeber zum gegenwärtigen Zeitpunkt der Entwicklung von Wissenschaft und Technologie aufgrund seiner schlechten Studie nicht bereit ist, das Problem des rechtlichen Status der KI im Strafrecht zu lösen. Gleichzeitig können wir trotz der Komplexität und Spezifität des Problems mit Sicherheit sagen, dass die Lösung dieses Problems nur eine Frage der Zeit ist und dass KI bald als Informationsträger, als Zeuge in Strafverfahren oder sogar als Spezialist eingesetzt werden kann (Experte). Das Fehlen von Eigenschaften wie Neigung zu Wahnvorstellungen, Parteilichkeit, Interesse am Ausgang des Falles, Interessenkonflikt geben der KI nicht nur die Rolle einer gesetzestreu, sondern auch einer gesetzeskonformen Instanz (Richter). Die Lösung dieses Problems erfordert einen erheblichen Teil der wissenschaftlichen Forschung, und zuallererst sollte die Grundlage dieser Forschung zwingende Vorstellungen über die Funktionsweise der KI unter verschiedenen Bedingungen ihrer Anwendung sein.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Sicht des Autors auf das eigentliche Problem der Strafrechtswissenschaft wird vorgestellt. Die Forschungsergebnisse und die in diesem Artikel formulierten Schlussfolgerungen können im Bildungsprozess beim Studium der Wissenschaften des Strafrechtszyklus an Hochschulen verwendet werden.

Stichwörter: Kriminalität, künstliche Intelligenz, Rechte und Pflichten, Strafrecht, Technologie.

Ärztliche Sterbehilfe

Knaisch L.

Ziel des Aufsatzes ist es, einen Überblick über die ärztliche Sterbehilfe in Deutschland zu schaffen. Hierfür soll zunächst aufgezeigt werden, welche Verhaltensweisen strafbar und welche straflos sind. Es folgt eine kurze Ausführung zur Ermittlung des Patientenwillens, dessen Bedeutung wesentlich für die Behandlung des Themas ist. Anschließend wird auf die ärztliche Suizidbegleitung eingegangen. Die Arbeit schließt mit einem Fazit.

Methodologie: formell-rechtliche Methode.

Schlussfolgerungen. Die indirekte Sterbehilfe, welche die Verabreichung schmerzlindernder Medikamente mit einem lebensverkürzenden Nebeneffekt erfasst, ist straflos. Bei der Sterbehilfe durch technischen Behandlungsabbruch kann nicht auf die Abgrenzung von Tun oder Unterlassen abgestellt werden. Die vom Bundesgerichtshof entwickelte Figur des Behandlungsabbruchs ist hier heranzuziehen. Das Urteil des Bundesverfassungsgerichts zur geschäftsmäßigen Förderung der Selbsttötung ist ein wichtiger Schritt zur Stärkung des Rechts auf selbstbestimmtes Sterben.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Untersuchung soll den Leser für die Probleme innerhalb der ärztlichen Sterbehilfe sensibilisieren und gegebenenfalls eigenes Interesse zur weiteren vertieften Recherche wecken. Sie ist insbesondere an Studierende oder ausländische Wissenschaftler und Praktiker gerichtet, die sich einen Überblick verschaffen wollen.

Stichwörter: ärztliche Sterbehilfe, aktive Sterbehilfe, indirekte Sterbehilfe, passive Sterbehilfe, Behandlungsabbruch, Patientenwille, Patientenverfügung, § 217 StGB.

Verletzung der ärztlichen Schweigepflicht

Kornblum O.

Ziel: in dieser Arbeit geht es um die Frage, ob der § 203 I Nr. 1 StGB den Patienten in der Praxis Schutz bietet oder praxisuntauglich ist. Im Fokus wird der Tatbestand im Einzelnen beleuchtet und es werden Probleme der Thematik aufgezeigt.

Methodologie: formell-rechtliche Methode.

Schlussfolgerungen. Der § 203 I Nr. 1 StGB führt zu deutlichen Beweisschwierigkeiten für das Opfer und zeigt Probleme im Hinblick auf die Auslegung des Patientenwillens. Eine Bestätigung dessen findet sich in der geringen Anzahl an jährlichen Urteilen zu der Problematik. Daher wird geschlossen, dass der § 203 I Nr. 1 StGB hauptsächlich einen präventiven Charakter besitzt, welcher durch weitere außerjuristische präventive Maßnahmen verstärkt werden sollte.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die durchgeführte Untersuchung soll seinerseits Medizinern, dem Gesetzgeber und der Judikative aufzeigen, an welchen Stellen Nachbesserungsbedarf herrscht und Verbesserungen des Patientenschutzes in der Realität möglich sind.

Stichwörter: Arzt, Schweigepflicht, Patient, § 203 StGB, Geheimnis, Vertrauensbruch, Offenbarung.

Korruptionen im Gesundheitswesen – kann der Korruption im Gesundheitswesen effektiv mit den Mitteln des Strafgesetzbuches entgegengewirkt werden?

Rühe L.S.

Ziel: unzulässige Kooperationsformen und korruptes Handeln einzelner Akteure im Gesundheitswesen können Verzerrungen im Wettbewerb bewirken, medizinische Leistungen unverhältnismäßig verteuern und das Vertrauen der Patienten in die Integrität heilberuflicher Entscheidungen schwächen. Durch die erhebliche soziale und wirtschaftliche Bedeutung für den Gesundheitssektor soll korrupten Praktiken mit den Mitteln des Strafgesetzbuches (StGBs) entgegengewirkt werden.

Methodologie: Analyse der historischen Entwicklung, formell-rechtliche Methode, systematische Methode, Deduktion.

Schlussfolgerungen. In Zukunft könnte ein Dokumentationsprinzip aller aktuell bestehenden Kooperationsformen verpflichtend eingeführt werden. Empfehlenswert ist weiterhin das Heranziehen von eindeutigen Kriterien zur Abwägung von legitimen und strafrechtlich relevanten Verhalten beispielsweise anhand von Fallkonstellationen. Hinzu kommt, dass der faktischen Begrenzung des Täterkreises des § 299a StGB auf akademische Heilberufe durch eine Gesetzestextänderung entgegengewirkt werden sollte. Der Täterkreis müsste auf Angehörige nichtakademischer Heilberufsgruppen erweitert werden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Durch die Aufnahme der §§ 299a, 299b, 300 StGB hat der Gesetzgeber eine Strafbarkeitslücke geschlossen. Der Gesetzgeber ist dabei präventiv tätig geworden, um einen Wettbewerb ohne Verzerrungen zu ermöglichen. Auf Grund der mangelnden strafrechtlichen Sanktionierung galten bis zur Einführung der Tatbestände lediglich die berufs- und sozialrechtlichen Vorgaben. Diese wurden von vielen Akteuren nicht umgesetzt. Die Mittel des StGBs zur Verfolgung von unzulässigen Kooperationsformen waren notwendig. Innerhalb jeder Kooperationsform muss ein Äquivalenzverhältnis zwischen Leistung und Gegenleistung vorliegen. Jede Leistung verdient eine angemessene und verhältnismäßige Vergütung. Heilberufliche Entscheidungen müssen dabei stets frei von ökonomischen Erwägungen sein.

Stichwörter: Korruption im Gesundheitswesen, Bestechung, Bestechlichkeit, Strafbarkeitslücke, Abgrenzung zwischen legitimen und strafrechtlich relevanten Verhalten.

Verweigerung der Behandlung: Echtes Unterlassungsdelikt und unechtes Unterlassungsdelikt

Torak I.

Ziel ist es, näher zu beschreiben, ob sich die Verweigerung der Behandlung durch einen Arzt auf seine Unterlassungsstrafbarkeit auswirkt. Den rechtsdogmatischen Ansatzpunkt bilden echte (§ 323c StGB) und unechte Unterlassungsdelikte (§ 13 StGB). Im Fokus dieser Untersuchung stehen die ärztlichen Pflichten gegenüber den Hilfsbedürftigen und den Patienten. Unter anderem wird erörtert, unter welchen Umständen ein Arzt die Behandlung eines Patienten ablehnen darf.

Methodologie: formell-rechtliche Methode, teleologische Auslegung.

Schlussfolgerungen. 1. Ärzte sind nicht nur berufsbedingt ethisch zur Hilfeleistung verpflichtet. Die Handlungspflicht des Arztes ist besonders in Notsituationen zu begründen. 2. Die bestehende Behandlungs- oder Hilfeleistungspflicht ist begrenzt. Art und Maß der Hilfeleistung richten sich nach den Gegebenheiten des Einzelfalles, wie den Fähigkeiten des Arztes oder der Verfügbarkeit technischer Möglichkeiten bzw. Gerätschaften. 3. In allen Fällen, in denen keine Notsituation besteht und keine Übernahme der Behandlungspflicht erfolgt, darf der Arzt die Behandlung ablehnen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Untersuchung zeigt, wie sich die besondere Stellung des Arztes auf seine Strafbarkeit auswirkt. Insbesondere angesichts der COVID-19-Pandemie ist es wichtig, zu untersuchen, wann das Strafbarkeitsrisiko für den Arzt besonders hoch ist.

Stichwörter: Behandlungsverweigerung, Unterlassen, § 323c StGB, §13 StGB, Garantenstellung, Arzt, Handlungspflicht, Bereitschaftsarzt.

Strafrechtliche Probleme im Zusammenhang mit der Organtransplantation

Wegemund C.

Ziel: Der folgende Aufsatz untersucht die strafrechtlichen Probleme im Zusammenhang mit der Organtransplantation und dient zugleich der Veranschaulichung der gegenwärtigen Gesetzeslage zu dieser Thematik. Es wird skizziert, welchen rechtlichen Rahmenbedingungen die moderne Transplantationsmedizin unterworfen ist und wie sich diese im Laufe der jüngeren Vergangenheit verändert haben. Ferner soll den Ursachen für die rechtlichen Neuerungen nachgegangen werden: Ereignisse wie der im Sommer 2012 publik gewordene Skandal um die Bevorzugung von Wartelistenpatienten aufgrund manipulierter Akten („Organspendeskandal“) haben den öffentlichen Diskurs nachhaltig geprägt und die allgemeine Debatte um das Entnahmeverfahren zum einen sowie das Verteilungsverfahren zum anderen neu aufleben lassen. Auch die diesjährig vom Bundestag getroffene Entscheidung zum Fortbestand der Entscheidungslösung wird in der Untersuchung berücksichtigt.

Methodologie: rechtsvergleichende Aspekte und Analyse der historisch-politischen Entwicklung.

Schlussfolgerungen. Gesteigertes gesellschaftliches Interesse und bundesweite Kampagnen der Bundeszentrale für gesundheitliche Aufklärung (BZgA) haben die Thematik im öffentlichen Diskurs präsenter werden lassen; gleichzeitig haben Ereignisse wie der o.g. „Organhandelskandal“ die Skepsis der Öffentlichkeit befördert. Die in den letzten Jahren erfolgte Nachjustierung strafrechtlicher Regelungen soll missbräuchlichen Verfahrensabläufen vorbeugen.

Die teilweise umstrittene Entscheidungslösung, bei der einer Organspende aktiv zugestimmt worden sein muss, hat in Deutschland als Gegenmodell zur Widerspruchslösung, wie sie etwa in Spanien gilt, weiterhin Bestand.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Medizin unterliegt aufgrund zukunftsorientierter Forschung und neuer praktischer Erkenntnisse noch stärker als andere Wissenschaftsbereiche einem fortwährenden Wandel. Zudem verändern sich auf gesellschaftlicher Ebene kontinuierlich moralische, religiöse und ethische Aspekte, so dass bei der Gesetzgebung zur Klärung medizinrechtlicher Fragen der dynamische Charakter der Thematik zu berücksichtigen und eine Bewertung aus verschiedenen Perspektiven unabkömmlich ist. Die Arbeit dient insofern als überblicksartige „Bestandsaufnahme“ der zurzeit vorherrschenden ethisch-moralischen Vorstellungen im geltenden rechtlichen Rahmen unter Anerkennung des aktuellen wissenschaftlichen Stands.

Stichwörter: Organspendeskandal, Organentnahme, Zustimmungslösung, Entscheidungslösung, Widerspruchslösung, Transplantationsgesetz.

Der ärztliche (Heil-)Eingriff als Körperverletzung

Ziegler H.

Ziel: Ärzte genießen in jeder Gesellschaft einen besonderen Stellenwert, es wird stets davon ausgegangen, dass ihr Handeln im Sinne des Patienten ist, dessen Wohlbefinden fördert und der Patient mit der Behandlung einverstanden ist. Der Konflikt zwischen dem Schutz des Patienten und der Strafwürdigkeit der Handlungen des Arztes, welcher objektiv im Rahmen seiner Berufung handelte, soll aufgezeigt und erneut diskutiert werden. Welche besondere Stellung der Arzt auch im Strafrecht einnimmt und, dass das deutsche Strafrecht dieser Problematik noch nicht entgegengekommen ist, soll anhand des weit gestreuten Meinungsbildes in der Wissenschaft und dem Umgang der Rechtsprechung mit dieser Problematik aufgezeigt werden.

Methodologie: Analyse der historischen Entwicklung; systematische Methode; formell-rechtliche Methode.

Schlussfolgerungen. Die seit mehr als 130 Jahren geführte Debatte um die strafrechtliche Einordnung des Heileingriffs als Körperverletzung betrifft noch heute die Ärzteschaft und könnte mit einem Tätigwerden des Gesetzgebers endgültig beendet werden. Wissenschaft und Rechtsprechung sind sich einig, dass ein Straftatbestand, welcher das eigenmächtige ärztliche Handeln adressiert eine Anwendung der §§ 223 ff. StGB zum Schutze der Patientenautonomie überholen würde. Jedoch lässt sich nicht abstreiten, dass die Problematik des ärztlichen Heileingriffs ein weites Meinungsbild hat entstehen lassen, welches unter der Schaffung vieler neuer Theorien die Auslegungsgrenzen der Strafnormen ausgereizt hat und so das Verständnis der Körperverletzungsdelikte nachhaltig prägt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Arbeit gibt einen Überblick über den Meinungsstand der Wissenschaft und Rechtsprechung und ermöglicht so eine erneute Wertung der Problematik. Auch soll aufgezeigt werden, dass noch immer die Forderung nach einem Straftatbestand groß ist, welcher den ärztlichen Heileingriff in angemessener Weise strafrechtlich bewertet. Erneut wird klargestellt, dass eine Anwendung der Körperverletzungsdelikte, durch einen mittelbaren Schutz der Patientenautonomie nicht befriedigt, jedoch die vorzugswürdigere Lösung ist.

Stichwörter: ärztlicher Heileingriff, Körperverletzung, Patientenautonomie, eigenmächtiger Heileingriff, §§ 223 ff. StGB.

Abrechnungsbetrug im Gesundheitswesen

Zimborski S.

Ziel dieser Forschung ist es, den Abrechnungsbetrug näher zu beleuchten. Der Fokus des Beitrags liegt hierbei auf der Erörterung der objektiven und subjektiven Tatbestandsmerkmale des § 263 StGB. Desweiteren stellt der Beitrag einen kurzen Bezug zur Praxis dar. Allgemein sollen die in diesem Beitrag dargestellten Untersuchungen einen kurzen Überblick über die Problematik des Abrechnungsbetruges im Gesundheitswesen geben.

Methodologie: formell-juristische Methode.

Schlussfolgerungen. Der Begriff des Abrechnungsbetruges wird für spezielle Fallgestaltungen des Betruges im deutschen Gesundheitswesen verwendet. Grundlegend richtet sich seine Behandlung nach dem allgemeinen Betrugstatbestand des § 263 StGB. Grundsätzlich kommt eine Strafbarkeit wegen Abrechnungsbetruges daher nur in Betracht, wenn der objektive und subjektive Tatbestand des § 263 StGB verwirklicht ist. Jedoch treten gerade in Bezug zu dem Abrechnungsbetrug im Gesundheitswesen spezielle Probleme auf, die sich bereits aus der Komplexität und Unübersichtlichkeit der deutschen Abrechnungssysteme ergeben.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Beitrag zeigt auf, dass der Abrechnungsbetrug nicht allein ein Problem des Strafrechts ist, sondern ebenfalls das Medizinrecht sowie das Sozialversicherungsrecht für eine Bestrafung

hinzugezogen werden müssen. Weiterhin soll durch den Beitrag deutlich werden, dass der Abrechnungsbetrug nicht nur eine einzelne Fallgestaltung umfasst, sondern viele verschiedene Fälle des Gesundheitswesens unter den Begriff des Abrechnungsbetruges zu subsumieren sind. Gerade für die Praxis spielt die Erörterung des Abrechnungsbetruges eine wichtige Rolle, um die Beteiligten des deutschen Gesundheitssystems über die Abrechnungsproblematiken aufzuklären und somit die Anzahl der erfassten Fälle in der Praxis zu verringern.

Stichwörter: § 263 StGB, natürliche Personen, rechtswidrige Bereicherungsabsicht, komplexe Abrechnungssysteme.

Gruppierungen als eine Art von jugendlichen destruktiven Gemeinschaften

Goryunov V.S., Kotova K.A., Lebedkina A.M., Minyushkina A.R.

Ziel: Gruppierungen als eine Art von jugendlichen destruktiven Gemeinschaften zu untersuchen und Methoden zu formulieren, um ihre Entstehung zu verhindern.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, statistische Methode, systematische Methode, Interviewmethode, Methode der Klassifizierung.

Schlussfolgerungen. Es gibt drei Stufen der Gruppenentwicklung: präkriminell, instabil und stabil. Letztere stellen die größte Gefahr für die Gesellschaft dar. Die Gründe für das massenhafte Auftreten destruktiver Jugendgemeinschaften in Russland sind vielschichtig. Diese Tatsache sollte die Spezifik der Präventionsmaßnahmen bestimmen. Es ist notwendig, präventive Maßnahmen sowohl allgemeiner sozialer Natur als auch spezieller kriminologischer Art zu kombinieren. Nur ein komplexes Zusammenwirken von staatlichen und öffentlichen Institutionen kann dieses gesellschaftliche Phänomen bekämpfen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Artikel spricht ein dringendes Problem in der russischen Gesellschaft an – das Vorhandensein einer großen Anzahl von kriminellen jugendlichen Gruppierungen. Die Autoren beschrieben das Porträt einer Person, die sich einer destruktiven Gemeinschaft anschließt, die Gründe für den Beitritt zu diesen Gruppen und beschrieben auch die interne Organisation und die Regeln dieser Gemeinschaften durch eine Studie der wissenschaftlichen Literatur und die Analyse eines Interviews, das von einem ehemaligen Gruppenteilnehmer geführt wurde. Die Autoren stellten eine Reihe von Methoden vor, die das Zusammenspiel von Familie, Schule und Staat betreffen und darauf abzielen, die Entstehung von Gruppierungen zu verhindern.

Stichwörter: destruktive Gemeinschaften, Devianz, Delinquenz, delinquente Gruppierungen, jugendliche Gruppierungen, Jugendkriminalität, Risikozone, Konformismus, soziale Institution, Vollpersönlichkeit, Präventionsmaßnahmen, allgemeine soziale Maßnahmen, spezielle kriminologische Maßnahmen.

Interview mit Gennadiy Vladimirovich Dashkov, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität

Salamova S.Ya., Belova V.A., Gorbunov S.V., Tikhonov R.I.

Ziel: die Übertragung von gesammelten Erfahrungen und Wissen. Das Kriminologische Büro der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (MSAL) organisierte zahlreiche Treffen der Studenten mit renommierten Wissenschaftlern, die einen wichtigen Beitrag zur Entwicklung der Wissenschaft der Jurisprudenz leisteten. Eine von diesen Treffen fand mit Gennadiy Vladimirovich Dashkov statt. Er ist ein außergewöhnlicher Wissenschaftler und Spezialist auf dem Gebiet der Kriminologie.

Methodologie: Interview.

Schlussfolgerungen. Die Studenten am Institut für Völkerrecht der MSAL interviewten G.V. Dashkov. Die Veranstaltung wurde unter der Leitung S.Ya. Salamovas, Leiterin des Kriminologischen Büros, durchgeführt. Die Studenten erfuhren über interessante biographische Fakten seines Lebens, die Geschichte der Entwicklung der Kriminologie in der sowjetischen Periode und die Besonderheiten der Bekämpfung der Korruptionsdelikte. Viele weitere wichtige und interessante Fragen wurden besprochen.

Die Studenten erhielten professionelle Tipps, die ihnen im Studium und in der künftigen Praxis behilflich sein können.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Ergebnisse des Interviews können im Bildungsprozess verwendet werden, wenn man den Kurs der Kriminologie und anderen Wissenschaften des strafrechtlichen Zyklus an höheren Bildungseinrichtungen studiert.

Stichwörter: Interview, Kriminologie, juristische Ausbildung, Das Kriminologische Büro, Wissenschaft, Forschung, Staatsanwaltschaft.

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

Technical measures of preventing the crime: concept, types and agents of using

Klebanov L.R.

Mission: effective crime prevention is possible only through an integrated approach. According to such a criterion as the content of the prevention of criminal activity, preventions are classified into legal, ideological, economic, organizational and etc. measures. Technical crime prevention should be mentioned in particular, but unfortunately, very little attention is paid to this type of prevention in the criminological literature. Technical preventive measures are very effective means of combating crime, which has already been proven many times. This problem is especially relevant in the light of victimological crime prevention, given that the groups of criminal risk are, first of all, adults, the elderly and women. Technical security measures prevent those crimes, the consequences of which will be irreparable and fatal. The article gives the author's classification of technical preventive measures. The article also reflects the need to use technical means of crime prevention based on interdisciplinary approach including technical, legal, medicine and other knowledge.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, systemic method, method of intersectoral legal research.

Conclusions. At the present time, when the underworld is adopting all the actual achievements of mankind, technical counteraction to crime is often decisive. All specialists involved in the process of combating crime in general and individual groups of crimes should have the necessary knowledge about technical measures to combat crime, devices, mechanisms and technologies that are used to prevent crime. Achievements of technical and natural sciences must be used in the field of crime prevention.

Scientific and practical significance. The results of the study can be useful both to criminologists, students, graduate students and teachers at of law universities and faculties, as well as to practitioners of law enforcement agencies, security services and control of commercial organizations, as well as citizens from the so-called victim groups. The results of this study can be used to create a special course "Technical measures for the prevention of crime", as well as to conduct further interdisciplinary (for example, joint criminological and criminalistics) research on this problem.

Keywords: crime, crime prevention, technical measures, database, crime suppression, victim group, punishment, means of supervision, means of control, subjects of prevention.

Criminalization of offences against constitutional human and civil rights and freedoms, taking into account the prevalence of the act

Degterev A.A.

Mission: the article discusses issues directly related to the basis of criminalization (decriminalization) with regard to the norms providing for responsibility for violation of political, personal and socio-economic rights of man and citizen, which, in the opinion of most scientists, is their social danger. The author of the article argues the position on the basis of which the prevalence of certain crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen cannot be an independent feature, which is taken into account equally with the public danger in the criminalization (decriminalization) of acts, but is only an optional feature of the public danger of criminal deeds. Each separately taken crime against the constitutional rights and freedoms of man and citizen, as its phenomenon, includes a certain degree of social danger, so as not to resort to taking into account its prevalence, which characterizes the cumulative danger of such acts. This, in particular, is indicated by the sanctions of articles providing for liability for these acts, and they, as is known, reflect the typical danger of a crime.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, systemic method, method of intersectoral legal research.

Conclusions. The prevalence of an act, in relation to the norms providing for liability for crimes against constitutional human and civil rights and freedoms, cannot be included in the basis of criminalization.

Scientific and practical significance. The prevalence of an act, in relation to the norms providing for liability for violation of the conditions of legitimacy or the legitimacy of the authorities, cannot be included in the basis of criminalization. From a practical point of view, the elimination of these shortcomings should serve to facilitate the proper application of the relevant norms of electoral crimes in criminal law.

Keywords: social conditioning, criminalization of acts, political system, legitimacy of power, basis of criminalization, conditions of legitimacy, prevalence of actions, social danger, terror of power.

On the initiative of the Supreme Court of the Russian Federation to introduce the category of criminal misdemeanors to the Criminal Code of the Russian Federation

Kadnikov N.G.

Mission: to analyse the draft law on the introduction of the category of criminal misdemeanours in the Criminal Code of the Russian Federation sent to the State Duma of the Russian Federation by the Supreme Court of the Russian Federation, to determine the significance of such acts for the implementation of modern criminal policy.

Methodology: dialectics, analysis, deduction, formal legal method, method of intersectoral legal research, comparative legal method.

Conclusions. The proposals of the Supreme Court of the Russian Federation are important for modern criminal policy since the introduction of the category of criminal misdemeanours will allow us to talk about the continuation of the humanization of criminal legislation. This is not the first time that the Supreme Court of the Russian Federation has made this proposal but it is not supported by the Government. Nevertheless, there is a positive experience of such a change in criminal legislation, which is associated with the adoption of a new Criminal Code in the Republic of Kazakhstan in 2014, where the category of criminal misdemeanours is of great importance in the institute of categorization of crimes. The introduction of the category of criminal misdemeanours is important, especially at a time when the state must offer society, citizens, along with severe measures against group violations and mass riots, humanistic principles of criminal policy against persons guilty of crimes of small and medium gravity. It is necessary to agree with the authors of the draft law that a criminal offense, on the one hand, contains all the signs of a crime, including being socially dangerous, and on the other hand, it is distinguished by the fact that its danger to society is minimal, as well as the danger of the person who committed it, which makes it possible to apply other measures of a criminal nature that are not criminal penalties.

Scientific and practical significance. The significance of the scientific article lies in the need to emphasize the positive role of the Supreme Court of the Russian Federation in the implementation of a more accurate differentiation of criminal liability at the legislative level.

Keywords: categorization of crimes, criminal misdemeanour, draft law prepared by the Supreme Court of the Russian Federation, humanization of criminal responsibility.

New criminal procedure mechanisms in the field of entrepreneurial and other economic activities

Zaitsev O.A.

Mission: a) to identify the special role of criminal procedure mechanisms in ensuring the rights and legitimate interests of entrepreneurs involved in criminal proceedings; b) to identify the features of criminal procedure legislation regulating certain rules applied in the investigation and trial of cases against business representatives; c) to reflect the positions of researchers on the new criminal procedure policy in the field of entrepreneurship; d) substantiate recommendations for the further development of criminal procedure mechanisms applied in cases of the category of crimes under consideration.

Methodology: dialectical method of cognition, general scientific methods of abstraction, analysis and synthesis, as well as special legal methods: historical-legal, comparative-legal, logical-legal, etc.

Conclusions. There is a need for a unified approach to the development of criminal legal means and criminal procedural mechanisms aimed at protecting the rights and freedoms of entrepreneurs during the preliminary investigation and trial of criminal cases of economic crimes. The legislation needs further improvement, taking into account the experience of foreign countries related to ensuring the legitimate interests of business entities.

Scientific and practical significance. The article shows the prospects for the development of criminal procedure legislation, which provides for a special procedure for legal proceedings against persons engaged in entrepreneurial activities. From a practical point of view, the improvement of criminal procedure mechanisms should serve to ensure the rights and legitimate interests of representatives of the business community, exclude the possibility of resolving disputes between economic entities and pressure on business structures.

Keywords: criminal policy, economic security, criminal procedure legislation, criminal procedure mechanisms, business activity, criminal prosecution of entrepreneurs.

Modern trends in the formation of international terrorism

Aphanov N.M.

Mission: the process of global globalization blurs the boundaries between foreign and domestic policies of States, between world and national culture, and leads to common challenges, one of which is the terrorist threat. Terrorism has become a dangerous, global phenomenon that hinders the normal development of international relations and destabilizes the security of many regions and entire countries. One of the key factors contributing to the development of effective mechanisms to counter international terrorism is the clarification of modern trends in its formation in the modern world, which is largely determined by global phenomena and features of the development of modern civilization. International terrorism is an asymmetric response to the challenges of globalization, the reaction of the emerging postmodern “network” organization of the world to pressure from traditional “hierarchical” structures of management of world processes.

Methodology: given the complex multi-faceted nature of the research topic, it requires a comprehensive approach using knowledge accumulated primarily in legal, historical, and political science, so an important role in the work is given to historical and historical-legal analysis. However, the main role is played by methods of inductive generalization, comparative legal analysis (mainly in its functional version), and formal legal analysis.

Conclusions. It is concluded that filling the term “terrorism” with a specific legal content will contribute to uniformity in defining the essential features of terrorism, creating a theoretical basis for developing effective mechanisms for eliminating the causes and conditions that give rise to terrorism, developing an optimal universal legal model for combating known manifestations of terrorism. The existence of consensus on its main legal features is justified, despite the existing definitional differences. The features of terrorism as a special political and legal phenomenon are defined.

Scientific and practical significance. An attempt has been made to study the international legal problems of countering terrorism and to draw balanced and legally justified conclusions about the features of the international legal fight against terrorism and its development trends. The theoretical features of the complex of international legal norms governing the sphere of counter-terrorism are shown (relative stability and stability of the internal organization, the presence of its own sources of law, the presence of common legal structures, the ability to systemically manage international relations related to the fight against terrorism).

Keywords: globalization, terrorism, modern terrorism, main trends, terrorist organizations, world community, struggle, transnational terrorism.

Modern approaches to the definition of international terrorism

Aiskhanova E.S.

Mission: in our time, taking into account the existing parameters of international terrorism, it has become characterized by a long-term and sustainable nature. The processes of further development of international terrorism and the constant increase in the degree of its social danger to all mankind are expected to depend largely on the possibility of preserving and intensity of the impact of its existing features, as well as on the positive potential of the world community aimed at minimizing them. This article states that the collocation “international terrorism” will be used in its general meaning, as a phenomenon in general, and to reflect such a concept as a separate terrorist act. The author tried to formulate a definition of this concept, since the phenomenon of terrorism is very diverse and manifests itself in different ways. The purpose of this work is to define international terrorism.

Methodology: the following methods were used as basic methods: systematization method, which helped to consider terrorism as a phenomenon; comparative-historical method, which allows to analyze the phenomenon of terrorism, taking into account the historical context; comparative method, which consists in comparing and contrasting different points of view on the problem under study; content analysis of publications on the topic; situational analysis. General scientific theoretical methods were also used: the method of selection, generalization, synthesis, analysis and evaluation of scientific material.

Conclusions. International terrorism is the coercion of individuals or collectives to act in such a way as to ensure the policy of terrorist violence. Coercion is characterized by the fact that it involves an international factor or is directed against objects that are under international protection; and that the coercion is carried out in order to achieve a certain effect through violence. Such an algorithm of actions has an international component in its structure if: the terrorist or his victim are citizens of different countries, or the full (partial) execution of terrorist acts occurs in more than one country. In our view, this definition reflects only a limited range of criminal terrorist acts. For example, objects that are under international protection are shown in a rather vague and selective way. This definition does not convey the meaning of terrorism in the part of its characteristic that is associated with creating an atmosphere of fear in order to achieve a criminal goal. In addition, the definition uses the collocation “policy of terrorism”, which

has no interpretation due to the lack of interpretation of the word “terrorism” itself. However, it must be said that this definition has its positive aspects. In a fairly concise form, it was possible to show such serious components of international terrorism as the essence of criminal acts (compulsion to act in a certain way), the object of the attack (objects that fall under international protection), the purpose of criminal behavior (transformation or strengthening of systems of a political, social, economic nature or strategy of a country (a certain territory)).

As part of the formation of theoretical prerequisites for the fight against international terrorism, it is important to focus on the assessment of the extent to which the policy and strategy of combating terrorism in the system of international relations are able to identify the operational and strategic capabilities of terrorists.

Scientific and practical significance. The results of the research can be used to solve theoretical and practical problems in the field of combating international terrorism as a criminal act, as well as to form a legal definition of international terrorism and its composition as an international crime, which is particularly relevant in the light of the development of a Comprehensive Convention on international terrorism.

Keywords: international crime, terrorism, terrorist act, international terrorism, political violence.

The role of law in the formation of a system of legal support of national interests

Bidova B.B.

Mission: analysis of the essence, specifics and practical and scientific importance of ensuring national interests. The statement is substantiated that one of the main functions of the state has become the implementation of a set of tasks related to the development of national interests, the choice of programs and actions for their implementation, as well as their legal consolidation. Moreover, these aspects of the state’s activities are of great importance for the prevention of the emergence of social cataclysms that can harm the whole world.

Methodology: in solving the assigned tasks, the author relied on modern methods of cognition, identified and developed by philosophical science and tested by legal practice. The research is based on the principles of cognition of social phenomena, which make it possible to reflect the relationship between theory and practice, the form and content of the research subject, the process of development and qualitative changes in the phenomena under consideration. In the course of the study, priority was given to special legal methods of cognition, among which the methods of comparative legal analysis, theoretical legal modeling, legal diagnostics, interpretation of legal texts, and legal statistics should be distinguished.

Conclusions. The author proposes her own paradigm of national interests, defines the key directions of their summation and determination of the place and role, as well as the main features.

Scientific and practical significance. Lies in the fact that a consistent analysis of problems in the field of ensuring national interests can significantly affect the theoretical and substantive and technical and legal aspects of regulatory and protective activities, provide a closer connection between the fundamental elements of the legal system of Russia, including elements of the mechanism for ensuring national security. This, in turn, will preserve the stability of the Russian state and create conditions for its progressive development. In addition, the complex nature determines the significance of the research results for the philosophy and sociology of law, constitutional, administrative, criminal law, as well as a number of other industry and applied legal sciences.

Keywords: national interests, theoretical and methodological approach, the system of legal support of national interests, law, legal implementation mechanism.

The main determinants of extremist crimes

Ganaeva E.E.

Mission: to analyze the phenomenon of “extremism” and develop tools for its prevention from the point of view of the achievements of modern criminal law, criminology and penal enforcement doctrine in order to form effective counteraction measures that are adequate to its public danger. Analysis of criminological characteristics of extremist crimes, identifying the main determinants of the analyzed group of crimes.

Methodology: the methodological basis of the research is the general method of dialectical cognition, which makes it possible to objectively and comprehensively consider the problems of legal assessment of the determinants of extremist crimes. As special research methods, a variety of scientific tools are used, including methods of analysis, synthesis, logical-legal (dogmatic), comparative-legal, historical-legal, concrete-sociological.

Conclusions. Having considered the causes of modern extremism and its existing forms, it should be noted that it is objectively impossible to single out its sole cause. The main reasons for this phenomenon are not contradictions

of religions, nations, races or political views, which act only as a pretext or tool for fighting, but social tension in society. Social tension arises as a result of ongoing political and socio-economic reforms and crises. It is reinforced by the specific geopolitical situation and multi-ethnic composition of the Russian population. The causes of all types of extremism that exist today are interrelated and in some cases amplify their effects.

Scientific and practical significance. The conclusions formulated in the article are the result of criminal law and criminological analysis of extremist crimes. They are aimed at creating an effective mechanism for countering extremism within the framework of systematization and unification of modern anti-extremist legislation.

Keywords: extremism, extremist activity, crimes, determinants, prevention, destructive consequences, extremist crimes.

Organizational and legal bases of national security in modern Russia

Musaev S.-M.I.

Mission: in modern Russia, under the conditions of reforming all spheres of its life, the problem of national security and the mechanism for ensuring it is one of the key issues. The difficult international situation of Russia, the spread of international terrorism, and the growing threats to the interests of citizens, society, and the state require the development of effective measures aimed at ensuring national security. An important role is also assigned to legal science, which contributes not only to the increment of scientific knowledge on this issue, but also to the development of necessary measures to consolidate the legal space, improve legal means to protect sovereignty, respect national interests and prevent threats to the national security of our state. Issues of theory and practice related to ensuring national security require a systematic and comprehensive approach that includes both general theoretical research and achievements of branch sciences, as well as the needs of practice in the interests of individual, society, and state security. They become more relevant in connection with the increase and change of security types in general, the emergence of new threats and challenges, and dynamic changes in the global geopolitical space

Methodology: includes two groups of methods: general scientific and special legal. General scientific methods are presented by the methods of empirical research (observation, comparison, description, etc.); methods of theoretical study (formalization, axiomatic method, hypothetical deductive method, etc.); general logical methods (analysis, generalization, analogy, modeling, etc.). Special legal methods include formal legal, comparative legal and method of interpretation of law.

Conclusions. According to the results of the study of key doctrinal approaches to determining the concept, essence and content of national security, it should be concluded that this concept is the main one in the Russian legal system. Achieving the state of national security, which is the main goal and essence of the activities of a consistent state structure, determines the key directions of the state's life in domestic and foreign policy.

Scientific and practical significance. Due to the fact that it is a study of the organizational and legal foundations the nature and content of national security and the mechanism of its ensuring in the modern Russia, the conclusions and generalizations outlined in this paper can serve as a methodological basis for further study of the problems of national security in general, its nature, content and mechanism of its protection and increase its effectiveness. Its practical significance is determined by its timeliness and relevance, the possibility of using conclusions and proposals to improve conceptual approaches to ensuring Russia's national security, as well as in law-making and law enforcement practice.

Keywords: society, danger, security basics, national interests, security, national security, ensuring national security.

Issues of national security of Russia in the aspects of solving migration problems

Yarychev N.U., Saidov Z.A.

Mission: in modern conditions, population migration is increasingly becoming the focus of attention of the leaders of many countries. Depending on its scale, as well as the reasons that encourage or force a part of the population to leave their usual environment, migration can pose a serious threat to the national security of a country. The article reveals the problems caused by global population movements. The migration problem faced by the countries of the European Union is considered. The consequences of uncontrolled migration for the host country are reflected as the most acute problem facing many countries that are centers of attraction for migrants. The current migration situation in the Russian Federation is reflected. Measures aimed at improving the country's migration policy are proposed. The growth of illegal migration in the last decade poses a serious threat to national security, requires an integrated approach to solving the problem of its regulation, the coherence of national economies taking into

account their interests, finding new ways to solve problems related to the movement of migrants, at both national and European levels. The purpose of this study is to analyze and identify the main threats arising from the scale of migration processes, the impact of which on the economic and political life of the country requires improving the country's migration policy, taking into account the challenges of the time.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, system method, method of intersectoral legal research.

Conclusions. The strategy for implementing Russia's national security in the field of migration management should be focused on regulating the influx of people to it, based on their level of qualifications, financial and other opportunities to engage in business and the specific needs of the regions of the country where they arrive.

Scientific and practical significance. In the context of increasing external threats, uncontrolled migration is a serious threat to modern Russia. Today, the previously established rules for the movement of labor resources in the world economy are seriously violated. On the other hand, in an unfavorable demographic situation and a systematic decline in the number of able-bodied population, migration inflow is a significant factor in compensating for the natural loss of the population. Therefore, we need a well-thought-out strategy for the migration policy of the Russian Federation, taking into account the current realities. Conclusions and proposals should serve to eliminate threats to national security and national interests of the state from the practical point of view.

Keywords: migration, causes of migration, illegal migration, migration processes, threats, national security, national interests.

The main factors that determine money or other property legalization (laundering)

Yakhyayeva M. U.

Mission: money laundering has become a priority issue at both the national and international levels in recent years. This is explained by the fact that the very procedure of money laundering is characteristic of most forms of organized crime, which refracts the process of economic decisions, undermines the activities of financial institutions, exacerbates social problems, and contributes to corruption. Theoretical and applied basics of using criminal law measures to counteract the legalization (laundering) of money or other property are analyzed and some recommendations for improving the criminal legislation, its implementation and the system of measures to prevent this type of crime are made.

Methodology includes the use of general scientific methods of knowledge – logical and historical ones. The study also used special methods of cognition of socio-legal reality: formal-logical, comparative-legal methods, synthesis, analysis, etc.

Conclusions. In this paper, the criminal-legal and criminological characteristics of crimes in the field of legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means are revealed in a new way; the author's characteristic of the causal complex of this crime is presented. The determinants of legalization (laundering) of money or other property are identified: socio-economic; organizational and managerial; legislative insecurity of legal entrepreneurship; inconsistency of the norms of various branches of law in the field of countering the legalization (laundering) of money or other property.

Scientific and practical significance. The research results fill in the gaps in the system of theoretical foundations for combating crimes in the field of legalization (laundering) of money or other property by criminal legal and criminological means in the new conditions of Russian society functioning. These results make a certain contribution to the development of the science of criminal law and criminology.

Keywords: crime, corruption, money laundering, counteraction, determinants, criminal identity.

Scientific and theoretical bases of criminalistic education to ensure the administrative process in the Republic of Belarus

Asayonok B. V.

Mission is the formation of the scientific and theoretical foundations of the system of forensic education in relation to the subjects involved in the administrative process.

Methodology: dialectical materialism, system-activity approach, forensic analysis, forensic classification.

Conclusions. Traditional approaches to forensic education and the formation of forensic thinking in line with the topics studied are relevant only at the first level of higher education and at retraining. A special role in obtaining the forensic competencies of the subjects involved in the administrative process lies in professional development, professional training and departmental rulemaking.

Scientific and practical significance. The author analyzed the existing views on forensic education from the point of view of their applicability to the subjects involved in the administrative process, developed recommendations on the formation of a system of forensic education in this area, proposed various levels of forensic education in relation to the profession of such subjects.

Keywords: administrative process, administrative activities, forensic support; forensic education, forensic didactics, educational levels, advanced training, service training, local norm-setting, vocational training.

Retrospective and prospective analysis of the definition of “digital forensics”

Kuchin O.S., Kuchina Ya.O.

Mission: to compare and analyze the trend of appearance of the pseudo-term “digital criminology” in the science of criminology and prove that this is an incorrect trend.

Methodology: induction, deduction, synthesis, analysis, formal legal method, comparative legal method, logical method.

Conclusions. The evolution of methods of committing crimes and instruments of crime does not always require the evolution of the science of criminology and the appearance of its varieties. We just need to assess the prospects for extrapolation of methods and techniques for proving the circumstances of crimes in the era of digitalization of public relations from the point of view of the provisions of modern criminology and the entire criminal scientific block. We should only talk about forensic or expert research of digital (electronic or computer) information carriers. In criminology, it is logical to develop a new direction – the forensic study of electronic media of digital information and the use of computer expertise in establishing all the circumstances of the crime. Traditional forensic methodology should be applied here, which will be aimed at “linking” the electronic carrier of digital information and the digital information itself to a specific crime or to a specific person.

Scientific and practical significance. The research is aimed at orienting forensic theory and practice towards the study of specific objects and contributes to the fact that all these studies are further applicable to the practice of crime investigation, and not only for theoretical purposes.

Keywords: criminalistics, digital media of digital information, computer science, electronics, neural networks, investigator, investigation.

Some problems of legislative regulation of the state of intoxication in the system of norms of the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation and the Republic of Armenia

Sargsyan A.A.

Mission: to analyze the legislative regulation of criminal liability of persons who have committed a crime while intoxicated, as well as to develop a number of proposals and recommendations aimed at improving the rules of General and Special parts in this area.

Methodology: deduction, formal legal method, comparative legal method.

Conclusions. A crime in a state of intoxication itself should not automatically entail the recognition of it as aggravating circumstances because intoxication can be a random episode in a person’s life, not an inherent trait. That is why it seems necessary to implement a detailed regulation and a differentiated approach to the various crimes committed in a state of intoxication. According to Art. 23 of the Criminal Code of the Russian Federation “a person who committed the crime in a state of intoxication caused by the consumption of alcohol, narcotic or other intoxicating substances, shall be subject to criminal liability”, and under Art. 27 of the Criminal Code of the Republic of Armenia “a person who commits a crime in a state of intoxication caused by the consumption of alcohol, narcotic or other intoxicating substances, shall not be exempt from criminal liability.” It should be noted that neither the Armenian Criminal Code nor Russian Criminal Code provide a legal definition of an intoxicated state, which in turn, creates difficulties in law enforcement practice. Numerous questions arise when regulating the criminal liability of persons who have committed transport crimes while intoxicated. The scientific article provides a comparative legal analysis of the Criminal Codes of the Russian Federation, the Republic of Armenia and some other countries, provides reasonable recommendations for improving legislation in this area. The scientific article provides scientifically based recommendations aimed at improving the current legislation and the practice of applying it in relation to the issue of criminal liability of persons who have committed a crime while intoxicated.

Scientific and practical significance. The conclusions obtained as a result of the research can contribute to filling gaps and elimination of shortcomings in the legislative regulation of criminal liability of persons who are intoxicated, as well as improving the practice of their application.

Keywords: alcohol intoxication, insanity, vehicle, voluntary and involuntary intoxication, administrative prejudice, criminal liability, aggravating circumstance, mental disorder, mitigating circumstance, double prevention.

On the question of criminal liability for unfinished illegal entrepreneurship

Zhilkin M.G.

Mission: the purpose of the article is to solve the problem of criminal prosecution for unfinished illegal entrepreneurship on the basis of generating high (particularly high) income.

Methodology: the research involves dialectical, logical, comparative methods, the method of intersectoral legal research and the method of systems analysis.

Conclusions. If during the investigation of the case it is not established that the person intended to make a profit from his illegal activities to perform work, use property, sell goods, provide services, or make a profit from a one-time transaction, then there are no grounds for administrative or criminal liability; if a person intended to illegally make a profit, but its estimated size cannot be specified, or the person actually made a profit in the amount of less than 2.25 million rubles and there is no data on the receipt of proper income in the future, then liability arises for an administrative offense under Article 14.1 of the Administrative Code of the Russian Federation; if a direct concrete intention of a person is established to receive income from illegal entrepreneurial activity in an amount exceeding 2.25 million rubles, there is documented information about the proper receipt of such income, but the income was not received due to circumstances beyond the control of the person, then there are grounds for criminal liability for attempted illegal business under Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation; the sign of causing large and especially large damage to citizens, organizations or the state as a result of illegal entrepreneurship should be excluded from Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Scientific and practical significance. The article attempts to resolve a scientific discussion about the possibility of identifying the stage of an unfinished crime in illegal business, which is aimed at generating large (especially large) income. Practical recommendations on qualification of illegal entrepreneurship, which did not result in the extraction of high (particularly high) income, are offered. A proposal has been made to exclude the sign of causing major damage from the number of criminal signs as part of a crime under Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: administrative offense; income; illegal business; unfinished crime; attempted crime; preparation for a crime; arbitrage practice; criminal liability; damage.

Artificial Intelligence: regulation problems in the criminal legislation of the Russian Federation

Lebedev M.V., Serebrennikova A.V.

Mission. The purpose of this article is to study the issue of applying the criminal legislation norms in the field of artificial intelligence regulation. In particular, the authors note some tendencies outlined and implemented by researchers in this area, as well as the material focuses on the complexity of those moments that are taken into account by the legislator when determining legal personality in the field of criminal law.

Methodology: for the purposes of this article, the authors used the general scientific methods of analysis, synthesis, induction, deduction and private scientific formal legal and dialectical methods.

Conclusions. As a result of the study, the authors come to the conclusion that at the present stage of development of science and technology, the legislator is not ready to solve the AI legal status problem in criminal law due to its poor study. At the same time, despite all the complexity and specificity of the problem, it can be safely argued that the solution of this problem is only a matter of time, and, soon, AI can be widely used as an information carrier, acting as a witness in criminal proceedings, or even a specialist (expert). The absence of such properties as a tendency to delusion, partiality, interest in the outcome of the case, conflict of interest, provide AI to the role of not only a law-abiding instance, but also a law-setting one (judge). The solution of this problem requires a significant amount of scientific research, and, first of all, the basis of such research should be imperative ideas about the functioning of AI in various conditions of its application.

Scientific and practical significance. The author's view of the actual problem in criminal law science is presented. The results of the research and the conclusions formulated in this article can be used in the educational process when studying the sciences of the criminal law cycle in higher educational institutions.

Keywords: crime, artificial intelligence, rights and obligations, criminal legislation, technology.

Medical euthanasia

Knaisch L.

Mission: the aim of the article is to provide an overview concerning medical euthanasia in Germany. For this purpose, it is to be shown which actions are punishable. Furthermore, the will of the patient is dealt with. In recognition of current events, the business-like promotion of suicide, which has been declared unconstitutional, will be discussed.

Methodology: formal-legal method.

Conclusions. Indirect euthanasia, which covers the administration of pain-relieving drugs with a life-shortening side effect, is unpunished. The distinction between action and omission is not suitable in cases of euthanasia by technical interruption of treatment. The formulation “interruption of treatment” developed by the Federal Court of Justice is to be used here. The ruling of the Federal Constitutional Court on the business-like promotion of suicide is an important step towards enhancing the right to self-determined dying.

Scientific and practical significance. The study is intended to sensitize the reader to the problems within medical euthanasia. It is especially addressed to students or foreign scientists and practitioners who want to get an overview concerning this area of law.

Keywords: medical euthanasia, active euthanasia, indirect euthanasia, passive euthanasia, interruption of treatment, patient will, patient decree, § 217 StGB.

Breach of patient confidentiality

Kornblum O.

Mission: this study is concerned with the question if § 203 I No. 1 StGB offers protection to patients in practice or if it is unsuitable for practice. The offence codified in § 203 I No. 1 StGB will be explained; legal problems that occur in connection with the offence will be pointed out.

Methodology: legal method.

Conclusions. § 203 I No. 1 StGB leads to difficulties of proof for the victim. Also, the determination of the patient’s will is problematic. This is confirmed by the small number of annual judgements on the issue. It is concluded that § 203 I No. 1 StGB is mainly of preventive nature. This preventive nature makes further non-judicial measures necessary.

Scientific and practical significance. The study is intended to show physicians, legislators and the judiciary where there is a need for improvement and where improvements in patient protection are possible in reality.

Keywords: physician, medical secrecy, patient, § 203 StGB, breach of trust, divulgation.

Corruption in the healthcare system – is the Criminal Code an effective measure to combat corruption in the healthcare system?

Ruehe L.S.

Mission: illegal forms of cooperation and corrupt actions of individual actors in the health care system can distort competition, make medical services disproportionately more expensive and weaken patient’s confidence in the integrity of professional decisions. Due to its considerable social and economic significance for the health sector, corrupt practices are to be countered by means of the German Penal Code (StGB).

Methodology: analysis of the historical development; formal legal method; systematic method; deduction.

Conclusions. In the future, a documentation principle could be introduced on a mandatory basis for all currently existing forms of cooperation. It is also recommended that clear criteria should be employed to differentiate between legitimate and criminally relevant conduct, for example on the basis of case constellations. In addition, the limitation of the group of offenders in § 299a StGB to academic health care professions should be counteracted by an amendment to the law. The group of offenders would have to be extended to include members of non-academic health care professions.

Scientific and practical significance. By including §§ 299a, 299b, 300 StGB, the legislator has closed a gap in punishability. The legislator has taken preventive action to enable competition without distortion. Due to the lack of criminal sanctions, only the professional and social law provisions applied until the introduction of the offences. These were not implemented by many actors. The means of the StGB to prosecute inadmissible forms of cooperation were necessary. Within each form of cooperation there must be an equivalence relationship between performance and consideration. Every service deserves appropriate and proportionate remuneration. Health professional decisions must always be free of economic considerations.

Keywords: corruption in the health sector, giving a bribe, receiving a bribe, offence gap, distinction between legitimate and criminal behaviour.

Refusal of treatment: genuine omission and false omission?

Torak I.

Mission: the paper's aim is to describe whether the refusal of treatment by a physician has an effect on his or her criminal liability. The legal starting point is formed by genuine (§ 323c StGB) and non-genuine offences of omission (§ 13 StGB). The focus of this study is on the medical obligations towards those in need of assistance and the patients. The circumstances under which a doctor may refuse to treat a patient are discussed.

Methodology: formal legal method, teleological interpretation of legal norms.

Conclusions. 1. Doctors are ethically obliged to provide assistance not only for professional reasons. The doctor's duty to act must be justified especially in emergency situations. 2. The existing obligation to treat or assist can be limited. The type and extent of assistance depends on the circumstances of each individual case, such as the skills of the doctor or the availability of equipment. 3. If there is no emergency situation, the doctor may refuse to treat the patient.

Scientific and practical significance. The study demonstrates the doctor's special legal position and its impact on his criminal liability. Especially in the context of the COVID-19 pandemic, it is important to investigate the risk of criminal liability for physicians.

Keywords: refusal of medical treatment, omission, § 323c StGB, §13 StG, guarantor status, obligation to act, on-call doctor.

Criminal liability and organ transplantation

Wegemund C.

Mission: the following article examines legal problems associated with organ transplantation and at the same time serves to illustrate the current legal situation on this subject. It is outlined which legal conditions modern transplantation medicine is subject to and how these have changed in the past years. Furthermore, the causes for the legal innovations are to be investigated: Events such as the scandal about the preferential treatment of patients on waiting lists due to manipulated files ("Organ Donation Scandal"), which became public in the summer of 2012, have had a lasting impact on the public discourse and have revived the general debate about the removal procedure and the distribution procedure. This year's parliamentary decision on the continuation of the decision solution is also taken into consideration in the paper.

Methodology: Comparative law; analysis of the historic development.

Conclusions. Increased public interest and nationwide campaigns by the Federal Centre for Health Education have made the topic more visible in public discourse; at the same time, events such as the above-mentioned "Organ Donation Scandal" have fuelled public concern. The readjustment of criminal law regulations in recent years is intended to prevent abusive procedures. The decision solution, in which an organ donation requires consent, is still valid in Germany as a counter-model to the contradiction solution.

Scientific and practical significance. Due to future-oriented research and new practical findings, medicine is subject to continuous change more than other scientific fields. In addition, moral, religious and ethical aspects are constantly changing with the result that the dynamic nature of the subject must be taken into account in legislation to clarify questions of medical law, and an assessment from various perspectives is indispensable. In this respect, the work serves as an overview of the currently prevailing ethical-moral conceptions within the current legal framework, acknowledging the current state of scientific knowledge.

Keywords: Organ Donation Scandal, removal of organs, decision solution, contradiction solution, transplantation act.

Medical treatment as physical injury

Ziegler H.

Mission: the medical profession enjoys a special status in every society. It is always assumed that actions taken by doctors are in the interest of the patient, promote his or her well-being and that the patient has given his or her consent to the treatment. The conflict between the protection of the patient and the criminal liability of the doctor is to

be pointed out and discussed again. The special position of the physician in criminal law will be demonstrated on the basis of the widely dispersed opinion in the academic world and the way in which the courts deal with this problem.

Methodology: analysis of the historical development; formal legal method.

Conclusions. The debate about the criminal classification of curative intervention as bodily injury, which has been going on for more than 130 years, still affects the medical profession today and could be brought to an end by the legislature. Research and jurisprudence agree that a criminal offence which addresses arbitrary medical action constitutes an application of §§ 223 ff. of the German Criminal Code to protect patient autonomy. However, it cannot be denied that the problem of medical treatment has given rise to a wide range of opinions which, with the creation of many new theories, have exhausted the limits of interpretation of the penal provisions and thus have a lasting impact on the understanding of bodily injury offences.

Scientific and practical significance. The work provides an overview of the opinions in the academic field and jurisprudence and enables a re-evaluation of the legal problem. Also, there still is a great demand for a criminal offence which adequately evaluates medical treatment under criminal law. It is made clear that the application of bodily injury offences is the satisfactory solution.

Keywords: medical intervention, patient autonomy, arbitrary healing intervention, §§ 223 ff. of the German Criminal Code.

Accounting fraud in the health care system

Zimborski S.

Mission: the aim of this work is to examine the offence of accounting fraud. The focus of the paper is on the discussion of the objective and subjective elements of fraud (§ 263 StGB). Furthermore, the article presents a brief reference to practice. In general, the investigations presented in this article are intended to provide a brief overview of the problem of accounting fraud in the health care system.

Methodology: formal legal method.

Conclusions. The term accounting fraud is used for special cases of fraud in the German health care system. The basis of criminal liability is provided by § 263 of the German Criminal Code. In principle, a criminal liability for accounting fraud can only be considered if the objective and subjective elements of the offence of § 263 of the German Criminal Code are fulfilled. However, special problems arise in relation to accounting fraud in the health care system, which result from the complexity and lack of clarity of the German accounting systems.

Scientific and practical significance. The article shows that accounting fraud is not only a problem of criminal law, but that medical law and social security law must also be applied for punishment. Furthermore, the article aims to make clear that accounting fraud does not only comprise a single case, but that many different cases have to be subsumed under the term accounting fraud. Especially in practice, the discussion of accounting fraud plays an important role in order to inform the participants of the German health care system about the accounting problems and thereby to reduce the number of recorded cases in practice.

Keywords: § 263 of the German Criminal Code, natural person, unlawful intent to enrich, complex accounting systems.

Gangs as a type of teenage and youth destructive communities

Goryunov V.S., Kotova K.A., Lebedkina A.M., Minyushkina A.R.

Mission: studying gangs as a type of teenage and youth destructive communities and formulating methods to prevent their emergence.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, statistical method, systematic method, interview method, method of classification.

Conclusions. There are three levels of gang development: pre-criminal, unstable, and stable. The latter pose the greatest danger to society. The reasons for the mass prevalence of destructive youth communities in Russia are multifaceted in nature. This fact should determine the specifics of prevention measures. It is necessary to combine preventive measures of both general social nature and special criminological measures. Only through the integrated impact of state and public institutions it is possible to combat this social phenomenon.

Scientific and practical significance. The article raises an urgent problem in Russian society: the presence of a large number of teenage criminal gangs. The authors described the portrait of a person who enters a destructive community, the reasons for joining these groups, and also described the internal organization and rules of these

communities through research of scientific literature and analysis of an interview given by a former gang participant. The authors presented a number of methods that involve the interaction of family, school, and state and are aimed at preventing the emergence of gangs.

Keywords: *destructive communities, deviancy, delinquency, delinquent gangs, adolescent gangs, juvenile delinquency, risk zone, conformism, social institution, full personality, prevention measures, general social measures, special criminological measures.*

Interview with Gennadiy Vladimirovich Dashkov, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminology and Executive Law at Kutafin Moscow State Law University

Salamova S. Ya., Belova V.A., Gorbunov S.V., Tikhonov R.I.

Mission: *transfer of accumulated experience and knowledge. The Criminological Office of MSAL has organized a number of meetings of students with well-known scientists who have made a serious contribution to the development of the science of jurisprudence. One of these meetings was held with Gennadiy Dashkov, an outstanding scientist, specialist in criminology.*

Methodology: *interview.*

Conclusions. *The interview conducted by the students at the International Law Institute of Kutafin Moscow State Law University with G.V. Dashkov under the supervision of the Head of the Criminological Office S.Ya. Salamova allowed them to learn interesting biographical facts of his life, the history of criminology in the Soviet period and the specifics of the fight against corruption crimes. Many other important and challenging issues were also discussed.*

The students received professional advice that will help them in their studies and future practice.

Scientific and practical significance. *The results of the interview can be used in the educational process during studying the course of criminology and other sciences of the criminal law cycle at higher educational institutions.*

Keywords: *interview, criminology, legal education, Criminology Office, science, research, Prosecutor's Office.*

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

I. Аннотация

Текст аннотации – от 1 500 до 3 000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания – не более двух слов).

Автор переводит аннотацию на английский и немецкий языки самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

Перевод названий разделов аннотации

Английский язык	Немецкий язык
Abstract	Abstrakt
Mission	Ziel
Methodology	Methodologie
Conclusions	Schlussfolgerungen
Scientific and practical significance	Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung
Keywords	Stichwörter

Перевод на дополнительный язык также возможен по желанию автора и его силами и средствами.

II. Статья

Сведения об авторе, которые необходимо указывать:

ФИО автора, должность, место работы, ученую степень и звание, электронную почту (обязательно).

Объем статьи не менее 10 страниц: шрифт – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов; межстрочный интервал – полуторный; абзацный отступ – 1,25 см; поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1 см. Объем не менее 27 000 знаков с аннотацией. Максимальный объем статьи – не ограничен. **Важно:** в случае, если статья превышает 20 страниц, она должна быть разбита на разделы (название и количество разделов – на усмотрение автора).

III. Ссылки

Ссылки и список литературы – даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Название раздела: «Ссылки и библиография» (Referencies).

Ссылки и список литературы размещаются в конце в хронологическом порядке. На все источники из списка литературы должны быть ссылки в тексте. При этом в тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы и страница источника.

Пример: [5, с. 425–426].

В списке литературы указываются только монографии и научные статьи (в том числе и опубликованные в электронных источниках). В списке литературы не указывать учебники и газетные публикации. Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации можно указывать только в постраничных сносках (нумерация сквозная по документу). Оформление ссылок на русском языке осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

При переводе на английский язык указывается как ее перевод, так и транслитерация, проведенная с помощью одной из принятых международных систем транслитерации (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**). В переведенной ссылке лучше указывать английское название журнала (если оно есть) или его транслитерацию. Проверить наличие английского названия у журнала можно на ресурсе www.elibrary.ru

Пример оформления ссылки на русском и английском языках:

Качалов В.В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // LexRussica. 2016. № 12. С. 32–38.

Kachalov V. V. (2016) The criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against [Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits: kriticheskii analiz argumentov protiv], LexRussica, No 12, pp. 32–38. (in Russian, abstract in English)